

Юлия Фирсанова

Все зло в шоколаде!

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Кто она, Ивка? Княжна Валадара Ивэйда или менеджер Ирина Ивкина? Кто-то сочтет, что знает наверняка. Но стоит пошутить сумасброду Канатоходцу, и все летит вверх тормашками. Просыпается древнее наследие, и зло обретает вкус шоколада. И это – плюс! Потому что какао-бобы в новом мире не растут, а жизнь без шоколада не жизнь! Во всяком случае, сладстена Ивка в этом уверена. А значит, идите сюда, вкусняшки, темный искус ждет вас!

- [Юлия Фирсанова](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Эпилог](#)
-

Юлия Фирсанова
Все зло в шоколаде!

Пролог

– Убирайся и сдохни поскорей, толстуха! – появляясь в окне замка, хохотнул Дайжен и издевательски отсалютовал сестрице кубком с дымящейся кровью.

Сегодня утром ему преподнесли бычью. Ей не предложили и куриной. Хотя что первая, что вторая были для Ивэиды одинаково противны на вкус. А человеческая, которую как-то нацедили из провинившейся служанки, показалась девушке еще более мерзкой. Тухлая вода, да и только. Она выпила, давась от отвращения. Зря! Все равно пришлось выслушивать надменные насмешки мачехи – лорры Триавды. Та окончательно оставила мысль о пробуждении материнского наследия Темного Искуса у падчерицы-неудачницы. Объявила, что Ивка годна лишь на то, чтобы увядший венчик из легендарного плюща-ядоцвета в волосах таскать. Девушка тогда молча выслушала злые слова и, как обычно, побрела на кухню заедать страдания.

Пирожки у старшей кухарки Лайжи выходили вкусными. Жаль только, ни пирожки, ни мясо, ни иное блюдо не могли притушить надолго вечно грызущее чувство голода. Она ела, полнела, плакала от жалости к себе, глядясь в зеркало, и снова ела. Таскала пищу тайком с кухни или клянчила у сердобольных кухарок кусочек-другой. И опять ела...

А теперь не будет ни невкусной звериной крови, ни вкусных пирожков, ни ласковых рук Лайжи, небрежно похлопывающих ее по спине, ни жестоких насмешек брата. Ее выгоняют, выбрасывают за ворота родового отцовского замка. Бесполезная, никчемная, тупая толстуха! Никогда не была она нужна ни оставившей семью матери, ни погибшему на рискованной охоте за монстрами отцу, а уж другим и подавно!

Всхлипывая от бесконечной жалости к себе, Ивка плелась, волоча ноги, к воротам замка. Створки по этому случаю молча, отводя глаза, размыкали рослые стражники. Бокового малого прохода было недостаточно, чтобы начало ритуального пути свершилось по всем правилам.

Мачеха даже не показалась на глаза. Правда, в окне бокового крыла замка мелькнул строгий профиль отцовского советника Шетсара. Равнодушия в его взгляде не было, скорее можно было заметить проблеск задумчивого ожидания. Только чего ждать? И так понятно, что ее просто-напросто выгоняют прочь.

Звучно хлюпнув наглухо заложенным и распухшим от ночных рыданий носом, Ивка часто заморгала, пытаясь смахнуть слезы с набрякших век, и споткнулась на ровном месте. Неловко растянулась плашмя прямо посреди двора.

От души, запрокидывая голову, захохотал брат. Взметнулись черные кудри, засверкали ярко-изумрудные, как у отца, глаза. Дайжен махнул рукой не глядя и задел распахнутую створку окна кубком. Металл окантовки рамы пришелся на стеклянный бок посуды. Стекло осыпалось крошечками вместе с недопитой кровью, щедро орошая все вокруг – самого брата, его покои, стену замка, площадь под окнами.

Захрюкали, подавляя смешки, стражники, принялся громко браниться брат, проклиная почему-то не собственную оплошность, а дурынду Ивку. Из псарни метнулись подлизывать кровь на плитах охотничьи собаки, за ними, смачно ругаясь, понесся псарь, пока звери не нализились ненароком толченого стекла. Заахала выносящая ведро помоев служанка, предчувствуя неизбежную уборку. Завертелась колесом обычная замковая жизнь, в которой уже не осталось места старшей дочери покойного хозяина. Хорошо еще на нее саму и капли крови из кубка не попало. Только это и было хорошо.

Провожать Ивку добрыми словами не вышел никто. Грохнули за спиной ворота в день малого совершеннолетия, навсегда отрезая от всего, что было раньше. Отсекая от самого права на жизнь.

Ритуальный путь, он же путь посвящения – звучит торжественно. А на деле все так, как сказал Дайжен: убирайся и сдохни. Ивэйда поправила тощий мешочек с ритуальными пожитками за спиной и двинулась по пыльной летней дороге в никуда. Цели, смысла, даже желания жить не было. Оказаться бы там, где она будет хоть кому-то нужна, да только все пустые мечты. Беспольных неудачников нигде не жалуют.

Что она может? Против монстра, подобно отцу или стражам-воинам, в лесу не выстоит, охотой себя не прокормит. Даже в городе

себя обеспечить не сможет. Что толку, что она плетет, вяжет, шьет, вышивает, рисует. Кому это все нужно? Никому! Таких умельцев везде больше, чем надо. В готовке же она полная бездарь, да что готовка, ее даже посуду на кухню в трактир мыть не возьмут. На одну чистую плоску три разбитых приходится. Неловкая она в домашних трудах – жуть!

Так, лелея скорбные думы и жалость к себе, время от времени отирая рукавом с лица безостановочно катящиеся слезы, шла по дороге Ивка, Ивэйда, княжна Валадара. Брела несколько часов, глотая пыль и размазывая по лицу слезы и пыль, до тех пор пока сквозь отчаяние, давящее на сердце, не пробилась явственная усталость и боль в натертых, непривычных к долгой ходьбе ногах.

Плюхнуться в траву на обочине Ивке не позволили жалкие ошметки гордости. Да, она изгнанница, может, даже смертница, но она дочь князя Валадара! Именно силой ее отца до сих пор держатся рунные камни рубежей на дорогах и близ жилья, не пускающие монстров из лесных чащ резвиться.

Как ни старалась мачеха, а ритуальный зал властителя для нее даже двери не открыл. Не той она силы и крови. Все-таки Ночные Певуны не ровня Властителям Тварей. Как Дайжену малое совершеннолетие справят, его черед будет двери отпирать. Но он-то точно сможет. На отца похож, как в зеркало глядись. Пока же, папиной силой заклятые, стоят рубежи надежно. Почти спокойно в княжестве, редко когда монстр из чащобы выйти осмелится, и все в одиночку, никогда стаей, как у соседей-эльфов. Там, сказывают, сгинул у дивных лорр-оль Дома, чье название Ивка вечно забывала, и всякому покою разом конец пришел, монстры в разгул пустились.

Ивэйда сошла с почти пустой по утреннему часу дороги и двинулась на приглянувшуюся полянку у светлой рощицы, к родничку и скамеечке. Пусть еды у нее с собой немного, зато вкусной воды вдоволь найдется, чтобы трапезу запить. Сначала поесть, а после завтрака она, может быть, соберется с духом и прикажет какому-нибудь крестьянину из тех, чьи телеги скрипели мимо, подвезти до городских ворот. А там... А там как-нибудь.

Понятное дело, путь ее лежит в храм Звездной Четверки. Но вправе ли она сразу его порог переступить? Разве она виновата, что сгинувшая мать почему-то посвятила ее Лайшеалле

Жизнедарительнице, а не Деварду Мертвителю? Как ей пройти посвящение, как заслужить благосклонность Лайшеаллы? Невозможно, безнадежно... Где набрать милых сердцу богини деяний? Она эльфам покровительствует, не вампирам, даже таким нелепым, как Ивка. Такая распустеха и рохля даже Деварду, благосклонному ко всем темным народам, без надобности. Селадару Книжнику, Мастеру-творцу и Покровителю Торга, да и развеселому Вейхо Канатоходцу ничемушная темная девка тоже не надобна. Но вдруг Селадар, если она очень-очень попросит, захочет открыть ей путь посвящения?

Да, амулет посвящения с заранее выбитым именем на шею чаду с рождения вешается. Но ритуальный путь окончательно определяет бога для того, кто предстанет перед Звездной Четверкой в храме. И нового адепта для самого божества. Все может враз измениться, такое случается. Пусть и очень редко. Не всегда же отвергнутые богами помирают, не сходя с места, в храме Звездной Четверки. Скорее нечасто помирают. Может, и она кому глянется, а даже если не глянется, все равно выживет? Боги видят выше и шире смертных, вдруг да разглядят в ней какой-то талант, который никому, даже самой Ивке, не виден.

С этими уже не настолько горькими, как поутру, нарочито разумными мыслями Ивка добралась до замшелой каменной скамейки у родничка. Присела, вытянув натруженные с непривычки и натертые новыми полусапожками ноги, распустила завязки на мешке с пожитками и сама не заметила, как умяла все съестное, что ей дали в дорогу: хлеб, колбасу, поджаристые пирожки.

Очнулась она, лишь бросив в рот последний кусок мягкого сыра и запив его водой из чаши родничка. Вернули девушку в печальный реальный мир вовсе не мрачные мысли о конечности запаса продовольствия, а непонятные звуки, раздавшиеся слева из кустов.

Это был то ли кашель, то ли хрип, слитый со щелчком. Ивка машинально затянула завязку на мешке и повернула голову. Тонкий раздвоенный язык мелькал в алой пасти некрупного чудовища. На нее с очень знакомым выражением – именно так она сама разглядывала фирменный ягодный пирог Лайжи – смотрели круглые золотые зенки.

Характерный щелчок повторился, а вслед за ним щелкнуло и в голове. Всплыла толика информации из бестиария в домашней

библиотеке. Любила его полистать, обмирая от страха, домашняя девочка.

«Жало свое хвосток хранит в костяном чехле, который раскрывает перед ударом по жертве», – так было написано под гравюрой в роскошной тяжелой книге.

«Я – эта жертва», – четко осознала растяпа и неловко вскочила со скамьи. Вроде и не она совсем недавно рассуждала о собственной ничемушности и почти пришла к мысли свести счеты с жизнью. Может, что-то такое и было, мало ли чего она в растрепанных чувствах навывдумывала. Сгинуть вот так, в двух часах ходьбы от родового замка, став завтраком для зверя, почему-то переступившего защитный контур у дороги, Ивка не желала совершенно.

Ужас накрыл княжну с головой. Девушка понеслась вперед, не разбирая дороги, путаясь в юбке, царапаясь о ветки, хлещущие беглянку по лицу и рукам. На правом запястье затянулась петля дорожного мешка, цеплявшегося за кусты. Почему-то ринулась невезучая девица вовсе не на проезжий тракт, где ей могли бы помочь отогнать монстра, а вглубь леса.

Зверь, наверное, сам опешил от странного поведения добычи. Может, даже призадумался над ее пригодностью в пищу. Но спустя несколько мгновений задачка была решена не в пользу Ивки. Хвосток начал преследование. Был он не самым крупным, быстрым и далеко не самым опасным из тварей в лесных владениях князя. Но упрямством хищник отличался неимоверным. Если решил загнать добычу, будет преследовать до конца. Разумеется, чаще всего до конца добычи.

Всхлипывая от страха и жалости к себе, чувствуя, как усиливается с каждым шагом колотье в боку и горят легкие, Ивэйда бежала, спотыкалась, падала, снова вставала и снова бежала, чувствуя, как все ближе раздается прищелкивание преследователя и как нарастает боль и усталость.

Выбилась из сил она быстро. Никогда в числе воинов, способных махать мечом и мчаться с утра до вечера быстрее ветра, не числилась и подражать им не пыталась. Ужас придавал беглянке прыти, но даже он не мог гнать ее вперед бесконечно долго. Слабое тело сдалось. Когда в очередной раз Ивка рухнула, запнувшись об узловатый корень

огромного бальсана, то встать не смогла. Развернулась и поползла, пятась, зачем-то пытаюсь рассмотреть свою приближающуюся смерть.

Спиной уперлась девица в обширный ствол лесного великана, голова по инерции откинулась назад и глухо бумкнула о дерево. Пронеслась заполошенная, безнадежная мысль: «Помогите! Помогите! Не хочу умирать! Спасите, Звездные! Заберите меня отсюда! Не хочу! Не так!»

Перестук входящего и выходящего из костяного чехла жала приближался, а с ним нарастало и ощущение неизбежного конца. Губы же продолжали шептать безнадежный призыв о помощи. Ивка настолько погрузилась в ощущение ужаса, что не поняла, в какой миг реальность изменилась: вот она сидит, опираясь о ствол бальсана, а вот летит, нет – уже падает на земляной пол, устланный сухой травой.

Девушка лежала так минуту, другую, третью, пока наконец не поняла, что она жива и где-то здесь, а смерть ее – хвостокол – остался где-то там. Неужели кто-то из Звездной Четверки услышал ее молитву и снизошел?

Мало-помалу сердце перестало колотиться так, будто собиралось выпрыгнуть из груди, чуть утихла боль в боку. Ивка поднялась на подрагивающих ногах, осмотрелась в свете вечных ламп-грибов под низким потолком. Ни кровати, ни стула, ни лавки. Лишь коричневатосерые светлые стены не пойми из чего. То ли утроба гигантского дерева, то ли слежавшаяся глина. Под ногами шелестела сухая трава, терпкий запах которой не щекотал, а драл горло при дыхании. Следом Ивка заметила невысокий столб с миской на вершине, на две трети полной воды. В пересохшем горле давно уже скребли кошки, потому девушка недолго думая пришкандыбала к столбику и одним махом осушила всю миску.

Где-то на периферии послышался не то смешок, не то задумчивое хмыканье, а потом все вспыхнуло, будто разом над ней, под ней, вокруг и в самой Ивке очутилось ночное звездное небо. И луч одной крохотной звездочки вдруг удлинился, протянулся куда-то в невообразимую даль к другой звездочке, что горела схожим светом, и превратился в канат над бездной. Снова послышался смешок, и свет звезд смешался. Дальше, возможно, случилось что-то еще, но любительница выпить из чужой посуды в незнакомом месте уже ничего не видела.

Глава 1

Попала так попала...

Иринка Ивкина пришла в себя на сене. Не в стогу на лугу и не на сеновале в деревне у тетки. Сена было немного и покрывало оно земляной твердый пол небольшого помещения, формой являвшегося издевательством над четкой геометрией. Прямыми линиями тут и не пахло. Какие-то кривули безумного шляпника, забившего косячок с гусеницей. Только стола с чашками в комнате не хватает. Одна высокая тумбочка без ножек с миской посередине.

Чистый, ну или почти чистый – сено вроде бы свежее – минимализм. Зато в голове творился форменный сумбур, точно в офисе под конец года, когда все носятся перед клиентами как ошпаренные и пакуют эксклюзивные подарки. Тогда везде натыкаешься на папки, корзинки, банки, календари, оберточную бумагу, мишуру и прочую ерундистику и никак не можешь понять, что для чего предназначено и какого черта делает на твоём рабочем столе. И вообще, откуда на нём груда чужих документов?

В данном случае роль стола играла голова Иринки, и порядка в ней не было. Кое-как поднявшись на ноги, девушка покачнулась и сообразила, что порядка нет не только в голове. Потому что тело было совсем не Иришкино – с вполне приятными округлостями и небольшим пузиком, а какая-то рыхлая, болезненная, расцарапанная квашня. Или все-таки все дело в голове, а все прочее лишь следствие? Но тогда почему она знает это тело, как свое? И память, те самые «папки на столе», они тоже кажутся подозрительно знакомыми!

Иринка сделала пару шагов, оперлась о тумбочку с полной пиалой, где плескалась прозрачная жидкость, вода, наверное. Не кислоту же туда налили в самом-то деле! И будто по чьей-то указке девушка взяла посудину и пригубила, а пригубив, вспомнила много слов на родном и любимом языке, красочно отражающих суть реальности. Впрочем, зачем разбрасываться эпитетами. По большому счету хватило бы и одного слова, того самого, в грубой форме именуемого ягодичные мышцы на восьмую букву алфавита.

Ирина Валерьевна Ивкина, двадцати пяти лет от роду, старший менеджер регионального медиа-холдинга провинциального филиала испила водицу из ритуальной чаши четвертого бога Звездной Четверки – Вейхо Бродяги, Вечного Канатоходца. Испила и обрела злополучное озарение о причинах и следствиях происходящего.

Дело, оказывается, было так: жила-была в княжестве Валадар недалекая девчонка-вампиричка, матери не помнила, отца лишь мельком видала, образования, считай, никакого не получала, ни сил могучих, ни амбиций не имела. Думала всю жизнь как-нибудь за стенами замка отцовского отсидеться, да не вышло. Из дома ее мачехиными стараниями, как помер вечно лезущий куда-то на рожон папаня, поперли. Очевидно, чтоб дорогу младшему братцу расчистить. Отправили якобы в божественно одобряемое странствие, именуемое ритуальным путем, завершаемым принятием и посвящением бога-покровителя.

Обычное, в общем-то, дело, если по уму покровитель отцом-матерью выбран и сам кандидат чего-нибудь да стоит. Доберись из отчего дома до первого же храма Звездной Четверки, стань перед алтарем потенциального покровителя, хоть малое деяние в его славу совершив, попроси о принятии. Если медальон на груди, что с рождения у каждого висит, цвет поменяет, значит, принял тебя бог и толику силы своей даровал. Не принял, и после этого ты случайно не помер от огорчения или божественного гнева, – марш странствовать дальше, вершить новые подвиги во славу божества. Легко? В принципе как-то да. Только у глупышки, талантами в вампирских сферах не блещущей, и матерью с какого-то перепуга богине-жизнедарительнице посвященной, все кувырком пошло. Не успела она даже до города и храма дойти, чтоб получить почти гарантированный отлуп и божественные тумачи, к нему прилагающиеся.

Дурочка-обжора у дороги местного мелкого динозавра встретила. От ужаса последний разум потеряла, понеслась сломя голову в чащу и в старое святилище Вейхо угодила. Прямо под нужным деревом из четырех, как близнецы похожих, на землю упав и о помощи взмолившись. Как испила из ритуальной чаши, так исполнил ее желание Бродяга Канатоходец – на свой, ясное дело, манер. Когда это боги так, как люди просят, делали? Никогда! Вейхо взял да отправил рохлю туда, где ей за жизнь насмерть биться не придется и родовой

дар будить. А на место ее – пустоте-то не должно быть – ту душу дернул по канату звездному, которой тело более соответствует.

Вот тут Иринка по-настоящему разобиделась. Это она, что ли, такой квашней страшной с серыми лохмами и неснимаемым ядовитым плющом-венком должна быть? А кто ее спрашивал, согласна ли она на такой неприглядный обмен? Сказками и ужастиками, конечно, никого уже, кроме самых замшелых, не удивишь и не напугаешь. Самой Иринке про каких только невезучих и очень фартовых попаданок читать не доводилось, но одно дело читать, другое – реальность с квашней вместо тела, колючей травой в волосах и никакущими перспективами. Да уж лучше бы она в братца этой лахудры попала! Он хоть красавчик и сила какая-никакая есть! А из этого... Разве из г... конфетку слепишь? Так только в рекламе можно, не в жизни.

Вейхо ничего не ответил. Вернее, ответом стал раскрывшийся в сене люк прямо под ногами гостыи. Та рухнула вниз, но почему-то не глубже под землю, а на бережок небольшого озерца. Сверху на маковку, будто прицельно кидали – нет, точно прицельно! – шлепнулся тощий дорожный мешок вампирочки. Не зашиб, конечно, даже на этом вечно живом венке дурачком из шипов и зелено-красных листьев ни одного листа не сломал. Но обидно же до соплей!

О том, чтобы домой вернуться, мечтать Ивкина себе запретила сразу. На этот счет в памяти недвусмысленная божественная фига красовалась. Дескать, попала ты, девка, с концами и обратной дороги нет. Место занято! Она – там, ты – тут, и баста, карапузики. Дарованное божественным прохиндеем возврату и обмену не подлежит.

Иринка девицей была пробивной, неунывающей, но совсем не дурой, поэтому только потеряла макушку и шепотом, чтоб очередного местного монстрозавра не накликать, выругалась. А затем, забросив мешок на плечо, отправилась исследовать местность. Попереживать о своей горькой судьбинушке потом можно будет. Для начала надо выжить.

Что лежит в мешке – чуток одежонки, тупой нож, тощий кошель с четырьмя ритуальными монетами, – Иринка знала. Никаких перспектив он не сулил, в отличие от еще не изученной местности.

Вдруг именно здесь, за соседним кустом, ее ждет принц на белом коне? Ладно, не принц и не конь, главное, чтоб не козел, а просто кто-

нибудь из местных, способный на дорогу вывести и указать, в какой стороне город Торжэл.

Опять же даже успешное выполнение первой части плана – прибытие в город на княжеских землях – вопроса не решало. Если княжне этой отправкой по ритуальному пути приговор вынесли, а она выживет, то лучше не отсвечивать. Куда подальше затесаться, чтоб целее быть. Мачеха баба упрямая. У эльфов, с землями которых граничил вампирский удел, все равно Ивке не место. Мало того что мрак из-за чудищ и не только на границах, вообще не сможет она, как и любой клыкастик, долго жить на землях, благословленных Лайшеаллой для дивнорожденных. Впрочем, и они в краях Деварда Мертвителя надолго задерживаться не захотят. В Найгссошс, к нагам, что в бесплодных пустошах и предгорьях селятся и в пещерах живут, она и сама не горит желанием соваться. Змеехвостые не любят чужаков почище эльфов. Каждому свой край предназначен.

Боги так заповедали, чтобы споров военных меж расами меньше было. Зато людские края открыты для любого. Люди – они везде люди, любого к себе могут принять и любого прочь турнуть, а выходцев из многих рас отовсюду к ним достаточно стекается. «Суп» выходит наваристый.

У любых других рас, скажем, у эльфа с вампиром, пусть хоть бессмертная любовь случится, о чем в принципе Ивка никогда не слыхала, общего ребенка не будет. У людей чуток попроще. Им любиться, если вдруг охота найдет (что тоже редкость!) все равно с кем, лишь бы размеры позволяли. Вот только рождаются от них лишь люди. Потому желающие хранить свою кровь с людьми не связываются и десять раз подумают, стоит ли на земле людские являться. Плодятся люди как кролики, причем, и мрут так же быстро от старости и болезней, если магией не подлечатся.

Но вообще с этими межрасовыми отношениями странно выходит. Вроде как тяги к созданиям иной расы никто особенной не испытывает. Торгуй, ругайся, соседствуй – это пожалуйста, а любви не получается. Нет притяжения и интереса.

Иришка тряхнула головой, отгоняя не ко времени всплывшую интригующую информацию. О таких тонкостях подумать можно после, а пока стоит сообразить, как целой, а не по кускам из леса выбраться. В животе предательски заурчало. Он снова был пуст и

жаждал пищи. Но кормить его было нечем. Не траву же жрать или водоросли!

На природе что Иришка, что ее почти тезка-квашня Ивка ориентировались скверно. На уровне – это дерево, это куст, это трава, та синяя ягода вроде как съедобная (я ее в супермаркете видела), а все грибы точно поганки, потому что в природном виде мы их никогда не собирали. Для успешного самостоятельного выживания в краях, где монстрозавры вокруг бродят и булки на деревьях не растут, этого точно будет недостаточно.

Не без труда Иринка вскарабкалась на камень у воды и постаралась хорошенько оглядеться. Орать «люди, ау!» интуиция настойчиво не советовала. Но, кажется, слева от озера, за раскидистыми кустами местного ивняка, курился дымок.

Отряхнув путающуюся в ногах длинную юбку, под которой еще и штаны были поддеты для приличия, Иринка сползла с камня и осторожно направилась туда, где был виден дымок. Может же ей повезти, и там окажется какой-нибудь абориген, который за пару монет – про доброту душевную болтать не стоит – накормит ее и выведет на дорогу! Вроде как твари лесные костров еще жечь не научились и огнем не плюются, только ядом. Встречались в валадарских лесах разные монстры.

Девушка осторожно, насколько хватало координации хлипкого, отвратительно сбалансированного тела, в котором сейчас ныло все, включая мозг, пытавшийся приспособиться к новой владелице, тронулась в путь.

Неповоротливая туша воспринималась подневольной попаданкой как медвежья шуба, в которой Иринка, обмирая от жаркого солнышка поздней весны, шагала по траве вдоль пологого берега озера. Песчаными бело-искристыми косами и пальмами тут и не пахло, но вода выглядела чистой, а кое-где даже просматривалось песчаное дно.

Иришка купаться любила и бассейн посещала регулярно, но в плавучести рыхлой туши Ивки не была уверена. Та вроде как дальше чем по пояс в воду вообще никогда не заходила. Потому спешно кидаться в озеро явно не стоило. Кстати, неизвестно еще, какие там твари могут на глубине обитать.

Прежде чем начинать самоубиваться, надо все-таки постараться самовыжить и самоустроиться. А убиться – это самое простое и

глупое. Хотя смыть пот и грязь Иришка бы не отказалась. И вообще, она стремилась сейчас двигаться и делать хоть что-нибудь, чтобы не рехнуться от осознания реальности и невозможности происходящего. Где-то там в ее теле, заботливо корректируемом на фитнесе, сейчас хлопает глазами недоделанная молоденькая туповатая вампирша, а она, Ирка, отдувается вместо нее. И это «сейчас» окончательно и обжалованию не подлежит. Чтоб благодетелю Звездному Канатоходцу Вейхо благодарно икалось столетие кряду! Нашел забаву! Ему фокусы с шутками, ей – чужой мир и тело.

Конечно, вечно занятые своей карьерой родители вряд ли вообще заметят разницу в поведении младшей дочери. Если у Ивэйды память Иринкина есть, то и на работе никто разницы особой не увидит. Своих детей и мужа у нее нет, любимый временно отсутствует. Но разница есть для Иришки Ивкиной! Вместо комфортного маленького городка, теплого офиса в трех остановках от дома (хочешь на маршрутке езжай, хочешь ножками прогуляйся) – опасный лес и неясные перспективы выживания. Именно их Иринка и собиралась сейчас прояснить, приступая к выполнению, как сказали бы любители компьютерных игр, первой части квеста.

К высоким кустам, почти заслоняющим светлый дымок, девушка подходила осторожно не потому, что кого-то боялась, сколько потому, что тело-квашня не слишком охотно слушалось новую хозяйку. Правда, закралась у попаданки мысль, что оно и старую-то вообще никак не слушалось и был меж ними полный разлад. А иначе разве запустила бы Ивэйда это тело до такого кошмарного состояния?

– Эй, ты, чего в кустах шарисься? – Мужской голос, вполне спокойный, даже чуть ленивый, раздался прежде, чем Иринка выбралась на малый пятачок у костерка. – Давай сюда поживей, пока стрелу на шум не послал.

– Я не шарюсь, я иду, – пропыхтела девушка, – дымок увидела и пошла. Ясных дней, звездных ночей, лорр.

Обогнув кусты, Иришка подошла к костру, на котором побулькивал котелок, испуская соблазнительный мясной запах. Рядом сидел мужчина в серо-зеленых одеждах из тех, какие носят в лесу охотники. На поясе у темноволосого собеседника человеческой расы висел здоровенный широкий нож, подле правой руки лежал арбалет с взведенной стрелой.

– О, девка! – окинув ее скептическим взглядом (уж больно неказистая девка-то попалась) констатировал охотник, игнорируя ответное традиционное приветствие. – И как ты сюда забрела? Одна, что ли?

– Ясных дней, звездных ночей! Я на ритуальном пути, лорр, потому одна, – честно (какой смысл врать, если тут на километры вообще никого и охотнику это, должно быть, отлично видно-слышно) ответила, еще раз поздоровавшись, Иришка. Вежливость еще никому не вредила. – Только я заблудилась, когда убегала от хвостокола. Подскажите мне, во имя Звездной Четверки, как выйти на тракт.

– Хвостокол... – разом подобрался охотник.

– Я далеко убежала, – торопливо заверила собеседника девушка, давая понять, что прямо сейчас нападения монстра ждать не следует и прислушиваться, чтобы услышать характерные щелчки, тоже нет смысла. А можно наконец посочувствовать бедной беглянке и даже, к примеру, покормить тем, что так соблазнительно побулькивает в котелке.

– Повезло тебе, лорра, – между делом заметил охотник, продолжая отслеживать окружающие звуки. Язык говорил, а тело действовало. Мужчина встал, мягко ступая, двинулся вокруг полянки, продолжая держать нож в руке. Может, опасался, что девка, пока от одной твари убегала, привела за собой на хвосте еще половину здешней зубастой фауны, с которой ему не совладать?

– Наверное, – неуверенно согласилась Иринка. Она-то считала все происходящее в последнюю пару-тройку часов, начиная от момента попадания, весьма сомнительным везением. Или уж удачей с приставкой «не».

– Я о том, что не девкой помрешь, – неожиданно хищно ухмыльнулся до этого почти равнодушно поблескивающий карими глазами мужчина. – Раздевайся и на плащик ложись.

«Он чего, меня изнасиловать хочет, а потом убить?» – до ступора удивилась Ивкина.

В столь опасной ситуации девушке еще бывать не доводилось. Отшутиться и хлопнуть по руке хлебнувшего лишку знакомого – это одно, а мужик с ножом в лесу – это совсем другой расклад. Драться по-настоящему Иринка не умела, Ивка тем паче. Тело, конечно, заемное и никакущее. Удивительно, что на столь неприглядный объект вообще

нашелся любитель, но все ж таки обидно, да. Вот так попасть и попасться. Сама ведь сюда на огонек пришла, идиотка доверчивая!

– Чего встала? Шевелись! Или порезать тебя для скорости? Хотя... – Охотник шагнул к жертве, уже не пряча лихорадочного блеска в глазах и учатившегося дыхания. – Я могу сначала прирезать, а потом все остальное. Мне особой разницы нет.

Рука метнулась к девушке, сверкнуло лезвие ножа. Что было дальше, Иринка не смогла бы объяснить или разложить на действия поэтапно ни за какие коврижки. Она лишь помнила шелест листьев в волосах, ставший громким, как барабанный бой, приятную ломоту в зубах и шоколадный вкус любимых трюфелей с ромовой пропиткой во рту.

Глава 2

Новое «платье»

День клонился к закату, хотя вроде как совсем недавно было обеденное время. Костер под котелком потух. От мелких углей, запорошенных пеплом, едва заметно тянуло теплом. Несостоявшегося насильника и убийцы нигде видно не было. Иришка сыто икнула и села, закурила головой. Куда он делся? Передумал и ушел, оставив ей свои пожитки как компенсацию за испуг? Котелок, заплечный мешок, взведенный арбалет тоже? Болван, кто же оружие в таком виде оставляет! И что это за груда шмотья рядом валяется? Очень раскаявшийся охотник перед тем, как уйти, разделся и оставил ей не только свой скарб, но и всю одежонку, включая сапоги?..

Иринка легко вскочила на ноги и ойкнула: одежда, обувь, нож в кучке вещей рядом, как и угольки костерка, были припорошены чем-то мелким и серым, но вряд ли пеплом. Девушка почесала лоб и снова ойкнула – рука ее ничуть не походила на пухлую Ивкину лапку. Тонкое изящное запястье с нежной кожей, под которой бегут голубые жилки.

«Меня что, в другое тело перезасунули? Тогда почему одежда та же, фасона безразмерный балахон?» – окончательно запуталась попаданка.

В голове шумело, будто она чуток выпила, все казалось легким и не очень существенным. Кроме – девушка она или не девушка! – внешности. Решительно подхватив юбку, Иринка поспешила к воде. Иного зеркала в округе не имелось.

Стоянку ее исчезнувший убийца выбрал удачную. Если не кустами пробираться, а напрямую двигаться, то одно удовольствие бежать. Или все дело в легком, звенящем от переполняющих его сил теле?

Пологий травянистый склон привел Иришку к озерцу. Попаданка склонилась над водной гладью. Оттуда на нее смотрела изящная худенькая вампирочка в несоразмерно больших одежках Ивэйд. Все, от блузки до штанов под юбкой, было знакомо. Вот только тело в бесформенных тряпках изменилось до неузнаваемости. А спутанные грязные волосы серого цвета украшал не красно-зеленый моток чего-

то похожего на помесь колючей проволоки с сорняками, а веселый зелененький веночек, обильно усыпанный беленькими цветочками, похожими по форме на миниатюрные ромашки. Плющ-ядоцвет в пору цветения.

Личико-сердечко, темные дуги, может, лишь малость густоватых бровей, высокие скулы, длинные реснички, розовые пухлые губки – молоденькая девушка была очень миленькой. Ее не портил даже несколько хищный вырез ноздрей аккуратного носика и острые кончики маленьких ушек. Только незнакомка была слишком грязной, чуть ли не сальной на ощупь под широкими одеждами. Иринка ощутила, как невыносимо чешется все тело, и решила. Снова сбегала к костру за необходимыми вещами и, быстро скинув все тряпки, зашла по пояс в воду.

Если внутри головы туман, самый первый и верный способ его прогнать – вымыть голову снаружи. Так что, добросовестно следуя собственной гигиенической заповеди, Иришка присела в теплую как парное молоко воду и принялась полоскаться, используя прихваченную из мешка жесткую, как наждак, мочалку и мягкое травяное мыло из горшочка.

Пропылившееся, пропотевшее, претерпевшее странные метаморфозы тело благодарно млело и очищалось стараниями новой владелицы. Насколько помнила Иринка, Ивка всегда мылась, не снимая венка, потому и сама не стала выдирать его из прически. Теперь он не мешался и не кололся совершенно, воспринимаясь частью тела, как кожа или волосы.

Купание заняло не меньше часа. Иринка не успокоилась, пока не отмыла до скрипа тело и волосы, заодно с несъемным венком. Декоративный элемент, между прочим, в процессе банных процедур не потерял ни единого листика или цветочка. Будто и впрямь был не настоящим растительным, а неубиваемым пластмассовым. Странное растение странной формы, произрастающее на голове с тех давних пор, как листок из венка матери упал на головку младенца при рождении, формируя венки. Функций его ни Ивэйда, ни тем более новая хозяйка тела не ведала. Вроде как такую же фиговину в волосах каждый в роду матери – вампиров Темного Искусства – таскал, а зачем-почему, никто в окружении юной княжны не ведал или рассказывать не желал. Больше никто из вампиров живыми цветами-украшениями не

щеголял. Эльфы, дриады, лесные феи – те да, частенько плели веночки и носили как невянущие украшения. Но уже в пору более взрослую, а никак не с младенчества.

Пока мылась, Иришка снова ощутила легкий голод. Бегом вернулась к стоянке. Котелок с горячей кашей, приправленной изрядными кусками мяса, оказался очень кстати, как и деревянная ложка, которая была в нем почти утоплена.

Вместо одежды пока сошли запасные штаны Ивки из мешка, сейчас висящие на владелице, как брюки клеш, согревшие с турецкими шароварами, и нижняя рубашка, после похудания больше тянущая на укороченную ночнушку. Впрочем, на подиум прямо сейчас девушка выходить не собиралась, а местной живности ее внешний вид был совершенно безразличен, в отличие от вкуса.

Подсохшие у вновь разожженного костерка волосы при ближайшем рассмотрении тоже претерпели изменения. Вместо тускло-серой мочалки, с трудом поддающейся попыткам разобрать космы, они превратились в гриву оттенка светлого перламутра, поблескивающую в лучах закатного солнышка. Экзотично, но красиво. Да еще волосы буквально сами распадались на пряди от малейшего касания гребня и на венки не наматывались и ничуть не путались.

Ограничив прическу банальной косой, Иринка не спеша лопала превосходное варево из котелка, слушала птичий щебет, кваканье лягушек и попутно задавалась чисто теоретическими вопросами.

Первое: как у сволочи-охотника вышла такая вкуснятина, если у самой Иринки даже на плите ничего подобного приготовить не получалось? Второе: куда он все-таки делся? Третье: почему жуткий, неустанно гложущий голод, мучивший тело еще утром и днем, сам собой прошел за время не то сна, не то обморока? И четвертое, но, наверное, самое главное для каждой девушки: с какого перепугу несуразная толстуха вдруг одномоментно стала миленькой стройняшкой без всяких диет, китайских таблеток и спортзалов? Какая-то магия божественного уровня в этом поучаствовала? А если поучаствовала, то какого лешего ее не применили сразу, заставив попаданку хорошенько помучиться?

И тут девушку постигло новое откровение, прямо связанное с ответами на последние вопросы.

Очередная ложка не то густого супа, не то жидкой каши до рта не добралась. Выпала из разжавшихся пальцев назад в котелок. А все потому, что Иринка вспомнила. Вернулась сбежавшая память о последнем дне, и сразу стало ясно, куда пропал маньяк-охотник. Она, Иринка, точнее, вампирка Ивка, его банально съела, то есть выпила!

Вместо того чтобы ощутить тошноту, подкатывающий к горлу кислый комок, дикие угрызения совести и отвращение к себе – как же, она убийца! – девушка снова почувствовала во рту вкус любимого шоколада и невольно облизнулась. Кажется, попадание в тело особы другой расы не прошло бесследно для ее психики. Разбить голову о ближайшее дерево или утопиться в озере с камнем моральных мук на шее не хотелось. Вот ничутьки! И, окажись девушка снова в такой ситуации, когда надо выбирать: жизнь отморозка-убийцы или ее собственная, выбор бы сделала тот же в свою пользу уже сознательно.

Выловив ложку из котелка, Иринка Ивкина принялась вспоминать, так сказать, процесс питания более детально. Все началось, когда маньяк-охотник подошел ближе, угрожая ей ножом. Страх, смешанный с недоумением, который чувствовала в тот момент Иринка, мгновенно сменился иным чувством. Или правильнее будет сказать – инстинктом? Инстинктом, который никогда прежде почему-то не срабатывал у рохли Ивэйды. Почему? Возможно, ей не попадался подходящий по вкусу «продукт». Или сама Ивка-вампирка родилась дефектной, чего-то в ее голове не хватало, чтобы запустить наследственный механизм выживания и питания, корректирующий все прочие процессы в организме?

А у попаданки Иринки это вышло! Хотя, может, все дело было в том, что безвольная девочка из замка никогда не оказывалась на грани жизни и смерти. Самым большим ее горем были небрежные оскорбления родных и презрение челяди.

Как бы то ни было, но угроза и манящий запах охотника сделали свое дело: Иринка-Ивка, ведомая инстинктами, метнулась к жертве и впилась в шею прорезавшимися клыками. И тут снова случилось кое-что интересное.

Мало того что вместо противного вкуса крови во рту у начинающей вампириши возник вкус трюфелей. (Вот не мыслила себя Иринка Ивкина без шоколада во всех его видах и формах!) Так еще и живодер не заорал матерно, не попытался пырнуть нападавшую ножом

и отбросить ее от себя, а застонал, закатывая глаза и подставляя шею лишь сильнее. Он вообще не сопротивлялся, когда девушка насыщалась. И блаженная дурацкая улыбка с его физиономии не сходила, и стоны раздавались совсем не болезненные.

Она, впрочем, пила недолго, буквально минуту-другую, а потом счастливая жертва рухнула там, где стояла, и плоть рассыпалась пылью. Или, как оно называется, прахом. Словно не осталось в нем больше ничего иного, после того как убийца стал пищей для несостоявшейся жертвы. Похоже, вместе с кровью она забрала всю жизненную силу.

Иринка готова была биться об заклад: именно «съеденный» охотник стал причиной метаморфоз, которым подверглось рыхлое тело вечно голодной недотепы Ивэйды. Если ей какая-то специальная кровь требовалась, то ничего удивительного, что бедная девка никак не могла насытиться и лопала как не в себя, отчего толстела, впадала в депрессию, снова лопала, заедая печаль, и толстела еще больше. Замкнутый круг. Вернее, лента Мебиуса. Ведь чтобы насытиться, Ивке пришлось вывернуться наизнанку и стать Иринкой.

Это-то подходящее питание и запустило наконец крепко спящий наследственный механизм корректировки внешности, веса и прочего, включая цветоизменение волос и венка из плюща-ядоцвета в них. Сейчас, если вспомнить портрет матери в дальней галерее, куда его засунули после ухода княгини, становилось понятно, чья Ивэйда дочка. Она стала почти полной копией матери, с той лишь разницей, что у лорры Ивиалиды перламутровые волосы еще и вились мелким бесом, а Ивке достались плавные волны отцовской полночно-черной гривы. И уход матери, кстати, тоже становился понятен с кулинарной точки зрения. Если в замке Валадара нечего кушать, то надо идти туда, где пища имеется.

Ну что сказать... Неожиданно, конечно, все приключилось, но претензий к такому роялю Иринка не имела. Пусть стоит в кустах, а можно и прямо на дороге, и вообще, даешь попаданке поневоле побольше всяких разных полезных для жизни роялей! Будем жить под лозунгом: «Слава массивным музыкальным инструментам!»

Девушка улыбнулась и вернулась к размышлениям. Иринка точно сказать не могла, какие еще приключились изменения, кроме телесно-похудательных метаморфоз и перекраски волос вместе с венком.

Спящих возможностей вампиров рода Темного Искуса до конца могли не знать не только сама Ивка, но и все обитатели княжеского замка. То, что прощупывалось и отражалось на водной глади, новая обладательница тела изучила. Касательно всего остального узнавать не очень-то и спешила. Сначала еда, а потом размышления о проблемах.

Каши в котелке осталась ровно четверть, как раз на поздний ужин. Хотя у охотника в пожитках имелись окорок, сыр и хлеб, не говоря уж о тощем кошеле с монетками. Бóльшая часть сбережений, правда, была припрятана в схроне на берегу речки.

Иринка резко оборвала рассуждения, в процессе которых успела снять стрелу с арбалета, убрать ее в чехол и ослабить тетиву.

Откуда она все это знает? Ответ пришел так же быстро, как память о трюфельной трапезе: ей досталась толика памяти и навыков извращенца-охотника, промышлявшего, по правде сказать, не только и не столько ловлей зверья, сколько садистскими убийствами одиноких путников обоего пола.

Вслед за первым откровением прилетело и следующее: мечта идиотки, волею божественного Канатоходца Вейхо, сбылась. Она находилась не в родных монструозных лесах родного княжества Валадара, а в людском королевстве Дилмар, чьи границы были столь же богаты экзотическими тварями-стражами. Просто чтоб не шастал народ где ни попадя! Королевство своей провинцией Мелад вклинилось меж западной оконечностью родного края и эльфийскими кущами Лильдэнола.

Что еще надо для счастья попаданке? Затеряться на просторах людских земель – чудесная идея! Она так и собиралась поступить изначально. Собиралась, ага, до тех пор, пока снова не глянула в воду, спустившись помыть ложку. Перламутрового отлива волосы, цветущая трава в патлах, жемчужно-белые клычки во рту – прямо скажем, потеряться с такими данными можно, лишь надев чадру. Увы и ах, среди людей и соседствующих с ними нелюдей носителей столь оригинальных головных уборов, способствующих маскировке, не имелось. Нет, очень светлые волосы нужного оттенка и живые веночки встречались у эльфов из древних родов, но такие личности в изобилии по Дилмару в одиночку точно не бродили.

Оставалось надеяться на некоторые обстоятельства. «А» – ее появление в людских землях никем не предусмотрено. «Б» – те, кто

Ивку-рохлю знает в лицо, ее с ходу точно не признают, даже если в городе окажутся. И «В» как вишенка на торте – смутная надежда: а может, коль она пропала, ее и искать не станут? Иринке лично унылый замок покойного папеньки Ивэйды и все гектары владений, к нему прилегающие, на фиг не сдались. Не видела она себя в роли местного губернатора области. На фиг, на фиг, ничего нет хуже административной работы!

Конкретно сейчас Иринка хотела добраться до окраины леса, не попав ни к кому на обед, и распотрошить заначку бандита. Экспроприировать экспроприированное и с этими капиталами заявиться в город.

Как говорится, не в деньгах счастье, но лучше плакать в «мерседесе». «Мерседесов» в здешних краях еще не сконструировали, зато, если будут деньги, появится шанс обзавестись недвижимостью в городе. Какой-нибудь скромный домишко Иринку бы вполне устроил. Можно с кошкой в придачу.

Правда, цен на недвижимость в людских городах ни Ивка, ни тем более сама Иришка не ведали. Юная вампирочка только знала, что у людей свои монеты чеканят, но и все прочие у них хождение имеют, чтоб разница торговлишке не мешала.

«Кстати, водятся здесь кошки? – задала себе очередной мысленный вопрос Иринка, вороша одежонку Ивки и вещи бандита в попытках подобрать какие-нибудь пристойные походные шмотки, и огорченно констатировала: – Не водятся! Значит, заведем какого-нибудь другого пушистика, чтоб его тискать и получать релакс от глажки и мурчания».

С одеждой, как и с кошками, ситуация оказалась безрадостной. Вещи и обувь охотника были ей безнадежно велики. Шмотье Ивки, мало того что грязное и местами после бега по пересеченной местности драное (не пострадал только неубиваемый плащ эльфийского шелка), тоже не годилось. Пришлось довольствоваться тем, что есть, и швейным набором вампирочки. Вышивать бывшая владелица тела умела, шить тоже, пусть последнее не особо жаловала. Сама Иринка с иголкой не очень-то дружила. Ее максимум – вернуть на место оторванную пуговицу блузки и подрубить штанины брюк. Но куда деваться с подводной лодки? Спустя почти час издевательств над тканями, иглой и своими собственными бедными пальцами – в этом

мире до сих пор не придумали наперстка – Иринка закончила портновские труды.

В результате у швеи-нелюбительницы из вещичек Ивэиды получились майка, трусы-пantalоны на веревочках, обычные штаны, юбка из трети платья повышенной парусности. А жилет вкупе с желтоватой, но чистой рубашкой достались от щедрот покойного охотника. Над вещами убийцы, кстати, пришлось издеваться поменьше, чем над широченными девичьими.

Будь ее воля, Иришка вообще юбки не надела бы, обошлась штанами. Но милый сердцу элемент одежды особами женского пола не рассматривался как самостоятельная часть гардероба. Его поддевали под юбку, и тогда – и только тогда – в юбке разрешались разрезы для облегчения посадки на ездовое животное или для путешествий. В штанах щеголяли исключительно женщины облегченного поведения и гномки. На первую разновидность Иринка походить не хотела, за вторую при всем желании сойти бы не смогла. Квадратурой фигуры не вышла.

Тяжкие швейные труды завершились уже в сумерках. Пришлось даже разжечь костер, чтобы осветить фронт работы. Умения покойника снова пригодились. Никогда прежде Иришка не разжигала огонь с такой ловкостью, причем используя незнакомый набор из двух камней вроде кремня с кресалом, но дающий куда более крупные искры с первого же удара.

Магии в этом примитивном орудии не было. В здешних краях волшебство, как поняла Иринка, спешно перевероротившая память Ивки и маньяка-охотника, применения не имело. Вся магия сводилась к нанесению знаков, даруемых Звездной Четверкой своим адептам и действующих весьма специфически и избирательно. То есть целитель, которому покровительствовала Лайшеалла, мог начертать на больном знаки, изгоняющие болезнь, и прогнать недуг, но попытайся те же знаки применить тот, на груди у кого не имелось знака богини, – и рисунок остался бы просто рисунком. Даже если какому-нибудь смертнику, готовому навлечь на себя божественный гнев из-за неправомерного использования, каким-то образом удалось накорять нужные знаки. Последними можно было сделать многое, но моментального и разрушительного действия они не имели. Поэтому, возможно, оставались неизменно востребованной, но довольно узкой

отраслью для избранных на стыке искусства и ремесла, освоение которой требовало изрядной кропотливости и усердия. Потому Иринке без благословения богов сейчас магия вообще не светила никакая, хоть обчертись. Но она в книги с божественными знаками никогда носа не совала, поэтому ничего, кроме «палка-палка-огуречик» изобразить бы не смогла.

Иронично размышляя о том, что не быть ей крутой попаданкой-магичкой в какой-нибудь академии с принцами инкогнито, девушка закончила возиться с одеждой. Вовремя! Стемнело окончательно. Хорошо, что с постелью возиться не пришлось. На счастье попаданки, охотник собирался ночевать тут и не поленился нарубить лапника на подстилку. Нет, как сделать такую кроватку, Иринка и сама теперь знала не хуже покойничка, только чего трепыхаться, если уже все сделано за нас? Словом, попаданка воспользовалась уже имеющейся заготовкой. Поверх навалила собственные тряпки и листья местного лопуха-гиганта – кошша, оборвав здоровенный куст рядом. Неплохая получилась постель.

Лежала Иринка-Ивка на лапнике, вдыхала смолистый аромат, пялилась на яркие крупные звезды – по местной религии место обитания Звездной Четверки божеств. Мысли текли ленивые и сонные. О случившемся и непоправимом Иришка никогда не жалела, что сделано или сделалось, уже есть, так что ж теперь космы рвать. Только прическе и нервам урон, а смысла никакого.

Перспективы, правда, теперь появились чуть более светлые, чем те, которые маячили перед предыдущей владелицей тела. И, чего уж греха таить, теперь ее новая внешность Иринку совершенно устраивала. Девушка-вампиричка с серыми, с перламутровым отливом глазищами, роскошной шевелюрой и отличной фигуркой без намека на пухленький животик вышла миленькая. Куда симпатичнее Иринки Ивкиной. Нет, она бы и сейчас в любой момент с радостью вернулась в себя и к себе, но коль нельзя, так будем пользоваться тем, что получили. И устраиваться! Тупая лягушка в кувшине и та масло из молока сбила, а неужто она, Иришка, не адаптируется назло всяким Вейхо, чтоб им там на звездах икалось без устали.

Правда, пока вопрос вампирского (или вампирического?) питания виделся девушке туманно. Но прямо сейчас чувство глубинного голода, толкавшее Ивэиду жрать все подряд, а Иришку закусить

маньяком-охотником, не проявлялось даже смутно, и девушка решила не переживать.

В конце концов, она в город идет. И в нем точно водятся не только приличные люди, но и те, которые захотят обидеть симпатичную одинокую девушку, оказавшуюся в неподходящем месте в неурочный час. А там, глядишь, у юной вампириши снова сработает пищевой рефлекс, встающий на защиту хозяйки, питающий ее и снабжающий всякими полезными ништяками.

Нет, круто все-таки здешние вампиры устроились! Метаморфам, тем, от которых папа Ивкин пошел, с кровью звериные дары перепадали: сила, ловкость, способность к изменению тела в бою. Ночные Певуньи (мачехин род) своим голосом любого могли зачаровать и тем врагов одолеть. А Ивэйде от матери из загадочной линии Темного Искуса, оказывается, не только ветка плюща-ядоцвета при рождении на голову упала, но и способ питания. При такой манере кушать жертва не только не трепыхалась, давая голодному вампиру спокойно трапезничать, но и оставляла после себя имущество с багажом полезных знаний в придачу. Причем именно полезных!

Биографии или даже ФИО охотника-маньяка Иринка в наследство с его кровью не получила. А вот кой-какую память об имуществе обрела вместе с навыками жизни в лесу, включая умение ориентироваться на местности. Насчет имущества, впрочем, в первый день клыкастая девица до конца пока не разобралась. Про содержимое походного мешка знала досконально, будто сама укладывала, о монетках в лесном тайнике тоже, а что дальше там у покойника было за пределами леса – оставалось неизвестным. Или у него больше ничего не было? Убивал, грабил, тратил и снова на дело шел? Или слишком тесно была завязана недополученная информация на личность маньяка?

Так, рассуждая о перспективах, преимуществах, недостатках и планируя завтрашнее путешествие, Ивка уплыла в сон. Нападения хищников она больше не боялась совершенно. Почему-то теперь в душе поселилась спокойная уверенность – она в здешних краях самая страшная и вовсе не из-за наличия невзведенного арбалета и большущего ножика. Пусть теперь ее боятся, а не она всяких хвостокотов, микриков, шиполапов и верзехрюков. Нет, верзехрюки,

кажется, были из совсем другой истории. Впрочем, не важно, пусть все равно боятся! Будет нелишним.

Ночью Иришке приснилось, будто она снова в деревне у тетки, спит на диване, а на ней вытягивается, придавливая тяжелым пушистым тельцем, Маруська – вечно беременная толстая кошатина повышенной длины и мягкости. Сквозь сон Иринка погладила кошку по мягкой длинной шерстке, почесала под подбородком и под довольное мурлыканье любимицы заснула еще крепче.

Глава 3

О Марусе и сокровищах

Утро ввинтилось в уши попаданки звонким птичьим щебетом. Пернатые громогласно извещали всех в лесу, что солнышко высоко, а до заката далеко и первый червяк засоне не светит. Иришка, в жизни не кушавшая червей, на птичьи доводы плевать хотела. Она сладко потянулась, невольно отметив, что пушистая длинная тяжесть, казавшаяся ночью частью сна, никуда не делась. Пальцы машинально почесали ткнувшуюся в руку мордочку под подбородком, а потом глаза распахнулись пошире. И еще шире, и еще, оставив далеко позади классических представителей анимэ. Сердце же просто замерло в груди, потому что на животе у девушки разлеглась пушистая, жемчужно-белая, под цвет волос Ивки, змеюка.

Дремлющая паразитка приоткрыла один жемчужно-серый глаз и довольно зевнула, являя пасть не в два, а скорее в двадцать два острых клыка.

Маскарадница – самая ядовитая змееподобная тварюшка в здешних лесах, способная менять цвет шкуры, как хамелеон, грелась на Иришке и кусаться не спешила. В бестиарии, в разделе легенд, Ивка читала сказки о том, что порой маскарадница выбирает себе в качестве постоянного спутника разумное создание, чаще всего эльфа. И тогда цвет ее глаз меняется, уподобляясь цвету радужки спутника, шерсть соответствует цвету волос избранной жер... короче, счастливчика.

Возможно, мелькнула в голове саркастичная мысль, пресмыкающиеся пытались выбрать себе в спутники создания и иных рас, а не только эльфов. Но стоило кандидату поутру проснуться со змейкой на груди, как либо одним кандидатом, либо одной маскарадницей становилось в мире меньше. А эльфы – они странные, потому и шансы на личную выживаемость при утреннем свидании с ядовитой тварью имели повыше прочих.

– Ага, значит, теперь у меня есть кто-то вроде фамильяра, – рассудила вслух Иришка и на пробу погладила ядовитую зверушку еще раз. Змея замурлыкала совершенно по-кошачьи, чем окончательно растопила сердце девушки, и она постановила: – А что? Раз кошек тут

не водится, будешь вместо них, Маруся! Только, чур, меня не кусать, не то помру невзначай.

Вместо ответа пасть змеюки метнулась, клычки прихватили Иришку, куснули, но ничего – ни боли, ни жжения от разливающегося яда та не ощутила.

– Это ты хочешь сказать, что мне теперь твой яд не страшен? – догадалась девушка через десяток секунд, так и не дождавшись личных предсмертных корчей. – Ну и отлично! Тогда и позавтракать можно.

Хлеб, сыр, окорок (им пришлось делиться с Марусей), вода из озера – вот и весь завтрак попаданки, занявший не более четверти часа. Перекусив, Иринка занялась сбором вещей. Бросать что-либо из имущества охотника не позволила жадность, самолюбиво именуемая практичностью. Все вещи у злодея были добротными и качественными. Единственное, что сделала наследница, так это распустила завязки своего убогого мешка и засунула туда чужую сумку-рюкзак. Все равно внутри пустого места было более чем достаточно. Еду съела еще прежняя Ивка, одежда, в которой она по лесу носилась от хвостостола. теперь только на тряпки годилась, а больше у недотепы, кроме тощего кошелька и пары безделиц, ничего и не было.

Топорик и арбалет как раз идеально замаскировались, будучи завернутыми в остатки юбки и притороченными к мешку. Иринка думала, что тяжеловато получится, но нет, когда за плечи забросила, особого веса не ощутила. Может, рукоять топора и ложе арбалета из какой-нибудь легкой, особой древесины делали? Или она сильнее себя прежней и прежней Ивки стала?

Уложив вещи и попрыгав с ними, чтобы проверить, ничего ли не ерзает в сумке, не бренчит и не съезжает так, чтобы тыкать в спину острым углом при ходьбе, Иришка собралась в путь. Огляделась, не забыла ли чего, и уперлась взглядом в терпеливо ожидающую ее на подстилке Марусю. Красивую змею с перламутровой шерсткой, длинную и, прямо скажем, увесистую. Пусть пяток кило, но пяток кило на своем горбу в дополнение к общему весу поклажи это не пятьдесят граммов газового шарфика. Маскарадница совершенно очевидно собиралась отправиться в путь вместе с Иришкой и, как

подозревала девушка, на Иришке. Куда положить змею – вот вопрос, дополненный другим – куда эта самая змея захочет уложиться?

Чтобы не гадать зря, Иринка спросила:

– Идешь со мной, Марусь?

Та вместо ответа сжалась в пружину, взвилась и практически в один миг оказалась на груди, обвилась вокруг шеи Иришки, и впрямь повиснув на ней симпатичным шарфом под цвет волос. Что еще более удивительно, змея не ощущалась неприятной и чуждой тяжестью. Она словно слилась с девушкой, став частью ее личного веса.

Проверять и ставить эксперименты снять-надеть-попрыгать с Марусей и без Маруси попаданка не стала. «Работает – не трогай!» – постулат, действенный не только в среде программистов. Так и двинулись они, девушка и змея, через чащу леса к ухоронке охотника. Обильной росы не выпало, потому движение по тропинке к озерцу, проложенной травоядными вильями, породой местных безобидных олешек, было почти удовольствием. Почти, потому что даже вампиры, как оказалось, не застрахованы от атак комаров. Почему-то на стоянке у озера их не было. Может, дым костра или какие травы, сорванные еще охотником, отпугивали? А тут комары явились и стали доставать противным писком, норовя зайти на посадку в районе лица. Пару конкурентов в пищевой нише Иринка прихлопнула прямо на подлете и ускорила шаг.

– Р-р-р? – неуверенно спросили кусты с северо-западного края большой поляны, которую пересекала девушка.

Дремлющая на груди Маруся лениво приоткрыла один глаз и издала шипение:

– Чш-ш-ш...

«Р-р-р» мгновенно, со звуком схлопнувшихся челюстей смолкло и послышался удаляющийся треск какого-то крупного тела. Маруся и Иринка довольно переглянулись.

– Если вы в лесу никого не боитесь, значит, вы – самый страшный, – умиротворенно констатировала девушка, уже привычно почесала пушистую змеюку под подбородком и возобновила движение к цели.

Больше на безобидных дам (кто обидит – десяти секунд не проживет) никто пасти не разевал и клыков не скалил. То ли везло, то ли звери в чаще имели свой внутренний телеграф и отстукали общее

оповещение о несъедобности путешественницы, шагающей с маскарадницей наперевес. Или о маскараднице, едущей на путешественнице. Не суть важно, главное – суть.

Как бы то ни было, но часа через три Иринка уже приблизилась к цели. Удивительное дело, мышцы тела не ныли, а лишь отзывались приятным звоном, давая понять, что им нравится такая нагрузка. В памяти-сборнике навыков и умений охотника, ставших частью Иришки, ничего на этот счет не значилось. Ивка, как помнила Иринка, всегда утомлялась быстро, даже быстрее многих иных, более тренированных женщин не только вампирской, но и человеческой крови. Не то чтобы избалованная, просто тепличная девочка, ни к какой длительной нагрузке, будь то ходьба, бег или переноска груза, привычна не была. А тут и мышцы враз в тонус пришли, и сила откуда-то появилась. Неужто все метаморфозы от одной шоколадной закуски на привале? И если так, то как бы узнать, бонус этот постоянный или временный, пока у мышки не кончился завод? Если так, придется спешно искать какого-нибудь «шоколадного» злодея на закуску не только для того, чтобы не вернулось дикое чувство неустанного голода, а еще чтобы ловкость и сила, так радующие попаданку, не пропали. Обидно, досадно, но ладно, по ходу дела разберемся!

Мурлыкая под нос что-то из далекого детства – «раз дощечка, два дощечка», Иринка добралась до берега лесной реки. Песчаный откос густо порос хвойником, но узловатые корни, держащие склон, только облегчили девушке спуск. Цепляясь за них руками, она, не снимая заплечного мешка, ловко, как обезьянка, заскользила вниз. Сапоги охотника, надетые на две портянки, ступали мягко и именно на тот корень, куда целилась Ивка. Пальцы хватались за нужные места. Правда, Маруся не до конца верила в безупречные способности своей двуногой напарницы, поэтому головка ее чуть приподнялась, а язычок беспокойно ощупывал воздух. Возможно, маскарадница готовилась подстраховать Ивку и сыграть роль веревки, если у девушки что-то пойдет не так, как надо. Представив, как ее страхуют обхватом за шею, Иринка утратила внимательность при спуске и благополучно достигла цели. Таковой была вовсе не водная гладь, а скрытый среди корней, травы и кустарника лаз.

Девушка юркнула в него, как змейка в нору. Несколько шагов она проползла на коленях по песчаному, с примесью хвои и мелких веток полу. Дальше, как подсказывала память безымянного охотника-убийцы, уже можно было распрямиться и двигаться в полный рост. Света внутрь от заросшего лаза почти не попадало. Двигалась Иринка, ориентируясь больше на чужие воспоминания. Впрочем, секунд через двадцать она сообразила, что пусть очень смутно, но все-таки видит контуры коридора. Во всяком случае, лбом стенку не протаранит. Кажется, снова включились вампирские бонусы.

Спустя еще несколько шагов Иринка вошла в пещерку слишком идеально геометрической формы, чтобы быть творением матушки-природы. Во всяком случае, на квадратах та точно не специализировалась. На первый взгляд в пещерке не было ничего, кроме вездесущих хвоинок. Хотя, пожалуй, их было маловато. Ни единого камня, ветки, скелетика зверушки, пришедшей помереть своей смертью или ставшей трапезой для более сильного врага, тут тоже не имелось.

Зато свет, проникающий через незримые глазу отверстия, наличествовал ровно в такой степени, чтобы обеспечить пляску зловещих теней по всем поверхностям – полу, стенам, потолку. И еще здесь, в пещере, было значительно свежее, чем снаружи. Нет, не до образования льда. Но опять-таки ровно настолько, чтобы хотелось поежиться от неприятного холодка, бегущего по спине, и мурашек на руках.

Если б Иринка верила в привидения, она бы решила, что охотник вернулся к месту хранения своих сокровищ, чтобы стать их стражем и сомкнуть призрачные пальцы на горле каждого, осмелившегося покуситься на его добро. Но мнительностью и суеверием девушка отродясь не страдала, поэтому запахнула поплотнее жилетку и двинулась к дальнему левому углу пещеры.

Не добравшись до него, Ирина остановилась в паре метров, сбросила мешок и расчехлила топорик. Унаследованное орудие труда имело совершенно замечательную конфигурацию. Оно обладало чем-то вроде металлического широкого штыка на топорнице. Именно его девушка и использовала, чтобы взрыхлить пол.

Копать плотный влажный песок было непросто. Но Иринка знала, что и где ищет. Свою добычу ее несостоявшийся убийца прятал

именно здесь, наведываясь в пещеру время от времени, чтобы пополнить ухоронку.

Пухлый мешочек эльфийского шелка, материала, не подверженного гниению и не пропускающего влагу, появился на поверхности. Песок соскользнул с зеленой ткани, как вода с промасленного листа.

Иринка распустила завязки, хитро сплетенные из тех же шелковых нитей, и заглянула внутрь. В мешочке был не только ожидаемый тяжелый кожаный кошель, полный полновесного серебра и золота, но и второй изрядно набитый мешочек из того же эльфийского шелка, только цвета ночного неба. Девушка заглянула и туда.

Украшения – кольца, перстни, серьги, браслеты... Чего только внутри не было. Дорогое, красивое и... измаранное. Все драгоценности были, будто нарочно – нет, не будто, совершенно точно нарочно покрыты засохшей кровью бывших владельцев. Зашипела Маруська. Иринка, спокойно скушавшая вчера человека и не испытывавшая по этому поводу ни малейшей вины, сглотнула комок в горле. Ее затошнило. И еще девушка поняла отчетливо: деньги она взять сможет, но эти украшения – никогда. Она никогда не сможет продать их кому-то, подарить или носить сама, как бы тщательно ни отмывала. Ей претила сама идея вынести эти кровавые вещи из пещеры. А вот закопать поглубже...

Почему-то самым правильным ей казалось оставить эти украшения здесь. Но не в той яме, которую выбрал убийца. Иринка снова взялась за топор, пройдя к центру квадратной пещерки, и вонзила штык в песок.

«Банг!» – глухо и угрожающе отозвались недра не каменным стуком, а сшибкой металла о металл.

Маруська заинтересованно вытянула мордочку, а девушка нахмурилась, но продолжала усердно копать. Сведений о других тайниках убийцы ее память не хранила, но она почему-то стала рыть именно здесь, очень надеясь, что не разоряет ничьего места последнего упокоения. Находка оказалась неожиданной.

На свет, вернее, в игре теней пещерки появилась квадратная по форме чаша из тяжелого, темно-красного с чернью золота. На ней не было узоров, загадочных знаков или рун. Ничего, кроме печати на дне, одной буквы, стилизованной под оскаленную черную пасть – символа

Деварда Мертвителя. Так вот какое место выбрал убийца для хранения своей добычи! Вряд ли он знал, что прежде было в пещере и почему малый храм одного из Звездной Четверки оказался покинут. А может быть, это храм, как и укромное святилище Вейхо, был именно там, потому что так судили боги по неведомым для живых созданий причинам.

Но вполне возможно, наличествовал и самый банальный повод для запустения – изменилось русло реки, и дорога к храму перестала быть доступной для путников. Случалось, храмы вынужденно оставлялись служителями, тогда из них убирали все, свидетельствующее об изначальном предназначении, кроме алтарной чаши. А ритуальный сосуд убирали так, чтобы он не бросался в глаза. Пока есть чаша, храм жив, даже если всеми покинут, в нем всегда остается божественная частица покровителя, сколько бы веков ни минуло, сколько бы воды ни утекло.

Сейчас Иришка держала в руках холодную настольку, что стыли пальцы, прикасающиеся к металлу, чашу бога, которого хотела бы видеть своим покровителем глупая Ивка. Сжимала и думала о том, насколько же равнодушная темнота Мертвителя чужда ей нынешней, хотя она теперь и принадлежит к вампирам и сама лишила жизни человека.

В его храме устроил схрон убийца, а что Девард? Смотрел на проделки своего адепта со звезд и смаковал кровавые подробности расправы с очередной жертвой? И это тот, кто помимо власти над смертью носит звание Последний Судия? Где и в чем его справедливый суд-то был? В том, что убийца отправлял к праотцам каждую подвернувшуюся жертву вне зависимости от ее расы?

Ну а раз так... Ива прикусила губу и пошла вразнос. Она, решительно перевернув мешок с измазанными побрякушками, вывалила их все горой в ритуальную чашу. Кушай, боже, не обляпайся!

Маруська, наверное чувствуя волнение спутницы, участливо потерлась мордочкой о ее щеку. А Иринка, учащенно дыша, вскочила на ноги. Тени, танцующие по стенам пещеры, сгустились. Стало на несколько мгновений невозможно сделать вдох, сжало стальным обручем голову, незримая тяжесть придавила к земле с такой силой, что девушку бросило на колени, вжало в пол. В ту же секунду темным золотым огнем с кровавыми искрами вспыхнуло подношение в чаше.

Вспыхнуло и исчезло, ветер пронесся по помещению и словно небрежно дал подзатыльник, а потом потрепал по щеке. И кто-то там, в невообразимой дали и совсем рядом, задумчиво хмыкнул.

– Принимаю! Даже жаль сестре будет отдавать...

Ивка совершенно не врубилась в степень ценности окровавленного сокровища, которое забрал бог, но, едва давление на нее ослабело, вскочила на ноги и, подхватив свои пожитки, бросилась прочь из ужасного храма. Лишь какой-то частью сознания отметила странный факт: ритуальная чаша, выкопанная ею из песка, не только опустела, она исчезла, как не бывало. И пол в пещере снова выглядит нетронутым. Песок, иголки и нет ничьих следов.

Ни единого следа...

Глава 4

Путь в город

Как Иринка птичкой взлетела из лаза наверх по корням и сколько мчалась по лесу, потрясенная ментальным контактом с Мертвителем Девардом, она точно не знала. Равнодушной его тьма тогда враз перестала быть, скорее обернулась настолько всеобъемлющей, что страх потеряться в ней и безвозвратно потерять себя трансформировался в иррациональный ужас. Очнулась девушка от Маруськиного громкого шипения в самое ухо.

Остановилась беглянка резко и поняла, что никто за ней не гонится. Даже не думал гнаться. И, вопреки всем физкультурным рекомендациям, рухнула Иринка там, где стояла. На мох под деревом. Бальсан был здоровенным, словно племяш баобаба. Природная подстилка под лесным исполином оказалась уютнее иной кровати адепта минимализма.

Первые минуты девушка просто лежала, раскинув конечности, дышала и глазела на зеленые живые листья. Она ловила щекой касание солнечного луча, край голубого неба, вдыхала запах леса, терпкий, сочный, живой. По-настоящему живой... А потом долго сидела, привалившись к стволу, и гладила Маруську. Маскарадница мурлыкала под ее руками, как настоящая кошка, и жизнь, несмотря на неизвестность впереди, казалась не такой уж скверной штукой. Особенно здесь и сейчас. При свете солнца, а не в мрачной пещере у чаши Мертвителя.

Пожалуй, впервые Иринка испытала нечто вроде благодарности к незнакомой не только ей, попаданке, но и самой Ивэйде женщине, оставившей младенца на попечение мужа и растворившейся на просторах мира в поисках своего собственного пути. Благодарности за то, что, вопреки обычаям темных народов, надела ей на шею медальон со знаком Лайшеаллы, а не Деварда.

Логика логикой, обычаи обычаями, но теперь Иринка кардинально сменила свою точку зрения и ничего общего с традиционным покровителем расы вампиров иметь не хотела. Те эпизодические посещения в праздники храма Звездной Четверки в

Торжэне не давали ни малейшего представления о том, какова она, милость Деварда Мертвителя. Его давящая холодная сила сливалась с силой трех других богов и не казалась такой уж зловещей вампирочке Ивке. Наивная глупышка!

Теперь, с точки зрения Иринки, стать адептом Деварда значило уподобиться куску рафинада, растворяющемуся в кипятке. Может, любой другой покровитель, даже если Лайшеалла откажется от нее, станет более терпимым к личности адепта?

Вейхо, к примеру, при мимолетном контакте не подавлял, только распоряжался ею по своему усмотрению, что, конечно, тоже было унижительно. Но вряд ли любой из Звездной Четверки станет прислушиваться к мнению ничтожного, по их меркам, создания и принимать его во внимание. Обидно, да. Ну и на фиг! Надо перестать думать об этом и портить себе настроение. В конце концов, полным-полно людей и нелюдей живет с пустыми медальонами, полученными от родителей при рождении. Знак бога на них не более чем просто гравировка. Пока в храме ритуал посвящения не пройден, ничего побрякушка не значит. Можешь с бижутерией дальше жить не тужить. Болтается на шее подвеска, и пусть. Значит лишь одно, что бога для владельца ее выбрали, а вот тот в ответ – пока нет или совсем нет. (Если ритуал посвящения не удался.)

Преимущества в милости любого из Звездной Четверки имелись несомненные, помимо возможности пользования магическими знаками. Сила молитвы здесь действительно была силой, способной активно влиять на мир. Но и без божественных предпочтений народ устраивался. Устроится и она.

Отлежавшись, попив водички из фляги и сжевав кусок хлеба, девушка стала собираться в дорогу. Знание местности, благополучно унаследованное от убийцы вместе с иной полезной информацией, подсказывало – город уже недалеко.

Всего два с половиной часа ходьбы до Мелада – одноименного центра провинции людского королевства Дилмар. Путешественнице оставалось преодолеть несколько километров лесистой местности, а затем двигаться напрямик по тракту. Никаких строгих таможенных постов, где требовалось предъявить паспорт, визу или заплатить пошлину, на границах королевств не имелось. Так, дорожные заставы больше для учета, куда и сколько, чем для бдительного фейсконтроля

путников. Всеми денежными расчетами занимались уже непосредственно в городах, где велась торговля.

Куда надежнее людских стражей, армий и мытарей границы между государствами стерегли чудовища лесов, полей и рек, с комфортом проживающие в условной приграничной полосе. Если правитель являлся полноправным и прошел какие-то ритуалы (насчет остальных Иринка не знала, а в Валадаре следовало сходить в ритуальный зал к большому камню), то монстры не вредили своим жителям, зато пришедших в чужие земли с недобрыми помыслами охотно употребляли в пищу. Вроде как эту систему благословили и отрегулировали сами боги. А разлад выходил только в тех случаях, когда правитель не мог взять полной власти. Тут уж, как говорится, нечего на зеркало пенять, коль рожа негожа. Вроде что-то подобное у соседей-эльфов и приключилось. Что конкретно, Иринка не ведала, да и никто из вампиров тоже. Во-первых, дела иной расы не особо их волновали, во-вторых, эльфы о своих проблемах молчали как рыба. Вынос сора из избы и все такое. А в Валадаре и собственных проблем после смерти отца хватало. А иначе разве стал бы за княжной хвосток гоняться?

Итак, сейчас Иринке надо было в Мелад. Насколько помнила Ивка, с пеших путников, входящих в город, денег не брали. Вот если бы она ехала на лошади, тропыгае или тем паче в карете, тогда да. Кстати, дорожный сбор везде был примерно одинаковым. Ну а что, справедливо. Дороги-то мостить и ремонтировать надо вне зависимости от их геополитического расположения. Копыта, лапы с когтями и колеса разрушают все неустанно, а работа дорожников – магов, рунными трудами которых крепятся пути, нигде в графе «благотворительность» не проходит.

Монеты родного княжества из собственного тощего кошелька – четыре бога – четыре монетки, чтобы не светить в людском городе, на воротах Иришка доставать не планировала. Так же, как не хотела и вытаскивать целиком второй свой кошелек с боевой добычей. Поэтому, пока сидела, залезла в мешок и, распустив завязки, сунула в него руку на ощупь для тренировки. Прохладных монет под пальцами пересыпалось достаточно, чтобы выбрать одну-две помельче наугад. Пусть на воротах с нее ничего не возьмут, но задать пару вопросов

местной страже будет нелишним. А в уплату за услугу лучше чуток приплатить.

Среди скользящих монеток под пальцами попало нечто странной формы и не холодное, а встретившее теплой покалывающей волной. А потом безымянный палец сжало у основания.

Сердце трепыхнулось, Иринка ойкнула, мысленно костеря себя за эксперименты, и торопливо выдернула руку. Без пальца она не осталась. Зато теперь на нем, сжимая совсем легонько, а не так, будто собиралось отрезать кусочек, красовалось колечко из перламутрового, как волосы вампирки, металла. По ободку шел едва заметный прихотливый узор. Длинные, вытянутые лодочкой листочки, похожие на иву. Каким-то чудом неведомый мастер умудрился сделать узор более темным, чем остальной металл колечка, поэтому листочки казались выпуклыми и живыми, почти колышущимися на незримом ветерке.

«Красиво!» – оценила Иринка, поворачивая нежданную обновку на пальце. Но тут ей пришла в голову мысль о кровавом происхождении безделицы, и девушка попыталась стянуть колечко с руки. Не получилось! Серебристо-перламутровый тонкий ободок невесть как угодившего в денежный мешочек колечка легко поворачивался, запросто скользил вверх-вниз по пальцу, но сниматься до конца отказался категорически.

Маруська, лежащая рядом на мху, с интересом понаблюдала за потугами спутницы, потянулась головкой к пальцу и потерлась о колечко, совершенно явно одобряя приобретение. Иринка же продолжала пыhtеть и пытаться снять навязанное украшение. На Кольцо Всевластия безделушка, конечно, не тянула, но все же нормальные побрякушки так себя вести не должны! Девушка начала нервничать.

Маруська совершенно по-человечески вздохнула, соскользнула с моховой подушки и бесшумно исчезла в траве. Вернулась почти мгновенно и положила у бедра Иринки мышь. Мышки, правда, тут носили гордое звание шимми. Но пищали и выглядели как натуральные хвостато-серые земные грызуны. Поэтому замещение образов у Иринки произошло мгновенно. Придушенная Марусей тушка была совершенно мышиной. Кажется, змейка предлагала поправить напарнице нервы, хорошенько подкрепившись. Хорошо еще

Ивкина мусофобией не страдала. Поэтому не завизжала, а растрогалась и устыдилась.

– Марусь, кушай мышку сама, я уже успокоилась. В самом деле, чего распсиховалась? – принялась рассуждать вслух и вроде как беседовать со змейкой Иринка, поглаживая ее пушистую шерстку. – Всего-то наделось симпатичное колечко и отказывается сниматься. Вдруг оно только на полную луну снимается или только через сутки после того, как примерил? Хочется ему пока на моем пальце побыть, пускай сидит. А может, колечко просто соскучилось от долгого лежания и решило со мной погулять?

Услышав эти слова, колечко потеплело, чуть-чуть сжало палец Ивки, и по нему проскользнули изумрудно-зеленые огоньки. Кажется, последнее предположение оказалось верным.

Ни фига себе! О разумных змеях-маскарадницах, выбирающих спутников, Ивэйда читала в бестиарии отцовского замка. Про разумные побрякушки с той же установкой не слыхала даже легенд. Но в мире, где боги выкидывают разные фокусы, кровь имеет вкус шоколада и жива магия, наверное, может быть все. И если она, Иринка-Ивка, чего-то не знает, это вовсе не означает, что этого не может быть.

На этой психоспасительной ноте попаданка сеанс оглашения мыслей завершила. Пара монет поменьше достоинством – первая дилмарская (золотой лучик), вторая эльфийской чеканки, что-то с цветочками-листочками – перекочевала из кошелька в потайной карман длинного жилета. Иришка встала, чувствуя себя удивительно отдохнувшей и полной сил. Пора в путь-дорогу, если она не собирается еще разок ночевать в лесу или на обочине, как профессиональная бродяжка.

Одна змея-маскарадница, конечно, заменяет охранную сигнализацию и два, а то и три мохеровых шарфа. (Теплокровные они, что ли, а иначе с чего такие теплые, будто живой калорифер?) Но при всем желании матрас и одеяло Маруська заменить не в состоянии. Пропорции не позволяют. И вообще, спать Иришка предпочитала на кровати в четырех стенах. Никогда не страдала приступами кочевой романтики.

Это только в детском мультике принцесса мчится, теряя тапки, за убогим фургончиком трубадура, чтобы радостно танцевать и плести

веночки на лугу. А как она в этом самом фургоне будет дальше жить с мужем, петухом и тремя зверями, никого не волнует. Птички-то, между прочим, воняют сильнее псины и кошки вместе взятых. Иринка бы точно первым делом сварила куриный суп, а там по обстоятельствам.

Городские ворота и сам город, к ним прилегающий, показались спустя верно рассчитанные два с половиной часа. Чтобы не светиться, путешественница старалась идти по лесной кромке, а не по дороге. Движение было довольно интенсивным, но народ именно что шел, ехал, волочился по предназначенному для этой цели тракту и шарить по кустам не спешил. Если только по нужде отлучиться. Но для этих целей годились и придорожные заросли, углубляться далее трех-четырёх метров от дороги никто не рвался. Наверное, всех страдающих избытком стеснительности уже уничтожили местные лесные обитатели, не страдающие отсутствием аппетита.

То, что Иришка вполне комфортно и почти беспечно двигалась по лесным тропкам, она сама, как жираф из анекдота, заметила, уже подходя к городу, и списала на наследство охотника, помноженное на установившуюся связь с Маруськой. Змеи ведь в лесу двигаются неслышно, а не натыкаются на деревья и не запинаются с матом об корни.

Меж городских ворот тек небольшой людской, точнее, разнорасовый ручеек. Пешие, конные или ящерные (если ехали на тропыгях) разномастные повозки, от простецких возов до вычурных карет. Уже перед самыми воротами общее движение распадалось на два русла. В двустворчатые ворота въезжали с грузом, в одностворчатые двигались пехом или въезжали всадники.

Безлошадная Иринка заблаговременно вытащила из пожитков Ивки безразмерный легкий плащ, между прочим, эльфийского шелка. Вроде как неприметный с виду, но очень качественный.

Про плащи работы эльфов – тонкие, прохладные в жару, теплые в холод – когда-то Ивкина читала еще дома и порадовалась, что хоть в этом писатели не соврали. Поэтому мода на них, кстати, утвердилась не только в эльфийских землях. Покупали всюду и все, кому они были по карману. Вон даже Ивке родные купили, расщедрились. В принципе верно, лучше один широкий немаркий плащ пусть девка носит до конца дней, чем те, что подешевле, то и дело покупать.

Припомнилось Иринке про плащи и другое: серый цвет, вроде как не очень-то способствующий маскировке, тоже был выбран типовым не зря. Природные свойства неокрашенной нити, из которой ткались эльфийские шелковые плащи, обеспечивали маскировку носителя в любых условиях, будь то лес, горы или болота, мимикрируя и сливаясь с окружающей средой.

В город Иринка незаметно проникать не собиралась, хватит и того, чтобы стать малозаметной. Девушка накинула капюшон на голову и двинулась к малым воротам. Маруся, благоразумно укрывшаяся на груди компаньонки, прикинулась шарфом и затихла, дабы без нужды не эпатировать публику.

Мимо двух весьма плотнофигуристых дядек-стражей Ивка шла почти спокойно. Ну город и город... Ну город, где отродясь не бывала, ну первый город в другом мире. Что ж теперь, в истерике биться? И тут, как назло, порыв ветра сдул с головы капюшон плаща. Иришка притормозила, возвращая его на место.

– Проходи, эльфа, не задерживай народ, – поторопил замешкавшуюся девицу стражник, пристукнув пяткой копыя по булыжникам мостовой.

– Я не эльфа, – машинально огрызнулась Иринка.

– Ну да, ну да, а я дриада в дубе. Шевелись, дивнорожденная, не задерживай народ, – хохотнул страж и снова пристукнул копьем, совершенно очевидно намекая на то, что еще секунда-другая промедления – и эльфа, которая не эльфа, получит этим самым предметом по ленивой попе.

– Ага, а уши острые ты себе в соседнем лесу ножичком подрезала, – гоготнул и второй страж ворот, развлекаясь за счет миленькой одинокой девчонки. Это не краля на дорогушем скакуне при фамильных регалиях, а одинокая фитюлька. То ли изгнанница, то ли на ритуальном пути. Так чего бы не почесать языком? Маруся попыталась было высунуть любопытную головку, чтобы тоже поучаствовать в дискуссии, но Иринка придержала подружку. Не фиг маскировку нарушать!

Только эффектного шоу в воротах ей не хватало, чтобы весть о белобрысой девице в венке и при змее отправилась гулять по городу, обрастая слухами один краше другого. Нет уж, лучше потихоньку, без эпатажа.

Что ее, вампиршу, за эльфийку приняли, так на ней бирки с названием расы нет, зато веночек на голове, украшение, какое эльфийки для красоты частенько цепляют, имеется. Ушки с острыми кончиками тоже есть, они обеим расам присущи. И клычки ее, как поняла девушка при разглядывании отражения себя любимой в озере, выглядят как острые зубки. Истинную форму они обретают только непосредственно в момент питания или по желанию владелицы. Перламутровый оттенок волос и светлая радужка глаз тоже гораздо чаще встречаются у дивнорожденных. Вампиры большей частью темноволосы, и глаза у них либо темные, либо очень яркие. Отец Ивки обладал жгучими очами оттенка изумруда, а мачеха злобно сверкала сапфировыми зенками.

Так что нечего на стражу пенять, коль четкими внешними признаками расы на досуге не обзавелась. Не вешать же себе на грудь бирку «вампир женского пола, одна штука». Не вешать! Зачем вредить собственной случайной маскировке? Так даже лучше! Хотела пройти, вообще не светясь физиономией, а сейчас народ если и вспомнит, то дурную на голову элфу вроде как инкогнито, а вовсе не вампирочку.

Отбросив как нерабочую изначальную мысль расспросить о чем-либо мужиков на воротах, Иринка оставила пререкания и прошла в город. Вроде бы обычный средневековый, как их принято представлять: мощные мостовые, каменные и деревянные дома в два, максимум три этажа с узкими оконцами. Только улицы в меру широкие, а не узкие лабиринты из разряда «не пытайся найти выход, а то застрянешь», и вони, которой пугали авторы исторических романов – сторонники реализма, не было в принципе.

За все эти приятные различия, как понимала Иринка, руководствуясь памятью Ивки, следовало благодарить знаки, дарованные богами своим посвященным. У Селадара, склонного даровать последователям знаки приземленные, несущие практическую прибыль, имелись подходящие для помощи строителям не только дорог, но и зданий. В общем, канализация вкупе с иными удобствами в городе была, и это не могло не радовать. Осталось только отыскать местечко, где этими радостями лучше всего пользоваться.

Глава 5

Особенности рациона

Раздумывая о преимуществах нового, как оказалось эльфоподобного, образа и поисках удобного жилья, Иринка пересекла широкую площадь, где толпились прибывающие в город и покидающие его создания. Они кучковались, спорили, прощались, здоровались и выбирали направление движения. Здесь же по периметру имелись постоянные дворы и трактиры, где путник мог перекусить и снять комнату. Но девушка не собиралась останавливаться в первой попавшейся и слишком людной забегаловке. Пожалуй, стоило углубиться в городские улицы подальше. Жаль, карты или схемы на воротах туристам не предлагали. Может, нанять какого-нибудь мальчонку пошустрее в качестве проводника? Вроде как герои в книжках так делали...

– Лорра, светлого пути! – Мелодичный голос прозвучал над самым ухом.

Иринка вздрогнула от неожиданности и едва не дернулась, чтобы въехать нежданному собеседнику в глаз. На счастье светловолосого и зеленоглазого типа, рефлексивный порыв девушка сдержала и даже не передала по незримой связи своей очаровательной пушистой подружке.

Лишь обернулась и вопросительно уставилась на чел... на эльфа с молчаливым вопросом: «И чего тебе от меня надобно, дивный?»

– Ясных дней, звездных ночей! Даже на пути к храму Звездной Четверки есть тихие заводы, близ которых можно обрести благословенный покой. На улице Камышей располагается пансион «Цветущая ветвь», открывающий двери девам из куш Лильдэнола. Я с радостью в сердце укажу тебе дорогу.

«Вот привязался», – принахмурилась Иринка, предполагая, что дяденька-эльф принял ее за малявку в странствии к храму, решил взять под опеку и не отвяжется, если ему не нагрубить. А хамство мелкой эльфийки – это вроде как нетипичная реакция и продемонстрировать ее нельзя. С другой стороны, топтать в пансион, чтобы выдавать там себя

за эльфийку, или литься оттуда под покровом темноты, теряя тапки и аванс за комнату, тоже неохота.

Положение спасла бесценная подружка. Она решительно высунула головку из-под плаща и повела язычком, пробуя воздух. Заготовленные правильные и разумные речи заботливого эльфа застряли у того в глотке. Он танцующей походкой отступил на полтора шага и уважительно склонил голову, тактично, пожалуй, лишь самую малость поспешно, уточнив:

– Лорра не нуждается в спутнике и проводнике?

– Ясных дней, звездных ночей, лорр, благодарю за великодушное предложение, но по ряду причин принять его не могу. У меня своя дорога, – максимально вежливо, стараясь не расхохотаться в голос от созерцания перетрусившего эльфа, отказалась Иришка.

Спаситель мгновенно растворился в толпе. Кажется, еще раньше, чем отзвучали его последние изящные слова. Только спаситель ли? Запоздалый скепсис нахлынул на Иринку. Уж больно шустро остроухий слинял от змейки. Эльфы в общении со зверушками всех мастей такие, хм, эльфы, что для проявления столь явного страха должны были иметься веские причины. И кстати, не помнила Ивка особого трепетного отношения у эльфов к отправляющейся в странствие молодежи. Дети, да – это святое, но поросль должна пробиваться сама. Станет деревом – честь и хвала, завянет – таков промысел Звездной Четверки и покровительницы расы Лайшеаллы. Уж не в бордель ли ее дивнорожденный ухарь сманить пытался? А как змейку узрел, так в бега кинулся, пока наказание не огреб?! При мысли о наказании этого конкретного типа рот наполнился вкусом молочного шоколада.

«Интересный эффект! Может, так все эльфы пахнут?» – подумала Иришка. А следом в голове щелкнуло вторично: «А на каком, собственно, языке я с этим ушастиком разговаривала?»

Насколько знала Ивэйда, а теперь и Иринка Ивкина, у каждого народа мира был свой язык, но одновременно существовал и всеобщий, который использовали для бесед между собой, торговли, дипломатических переговоров, книгопечатания. Люди так вообще именно на всеобщем говорили, самодовольно трындя в кулуарах, что это все остальные расы их язык шпионили. Остальные же сплетничали о том, что они в сем мире изначально жили, а люди

пришли откуда-то и остались, нагло прихватизировав самый простой из языков.

У вампиров, конечно, язык был свой, родной для Ивки. Но и всеобщий она знала отлично, потому что знание это вбивалось с младых ногтей даже самым ленивым отрокам и отроковицам. А вот эльфийским, тем самым, на котором она только что вела беседу с дядей-эльфом, Ивэйда владела скверно. Несколько общих слов и расхожих фраз были ее потолком. Словом, уровень владения английским у младшего школьника.

Так знала Ивка раньше, а теперь, кажется, этот язык прописался в ее голове на равных правах с двумя другими. Это что же получается? На Маруську здесь не сошлешься, неужели колечко на пальчике постаралось? Узор-то на нем типично эльфийский и работа тонкая. Вот так чудеса в решетке! Что ж, ладно. Порадоваться собственным рояльным талантам полиглота можно будет и потом, а сейчас следует решить, куда пойти, куда податься. День-то уже за середину перевалил.

Двигаться на поиски храма Звездной Четверки, к которому мимо нее, шумно обсуждая желание поклониться Вейхо, протолкалась компания каких-то бродячих комедиантов, сейчас было совершенно незачем. Во-первых, не хотелось попадать второй раз за день близко к алтарю Деварда, во-вторых, к просьбе о покровительстве Лайшеаллы ей еще совершенно нечего было присовокупить. Она ни единого дерева не посадила и ничего иного благостно-животворящего не свершила. Пугательные и убивательные деяния для преклонения перед алтарем богини не годились категорически.

В очередной раз легонько вздохнув о своих печальных перспективах в поиске великих божественных милостей, Иринка миновала «Лавку путника». Нет, не скамью, а магазин, где торговали всяким надобным для путешествий барахлом, и повернула за угол здания. Чтобы с разгону буквально налететь на уже знакомый зеленоглазый указатель пансионеров.

– Опять ты? – удивилась девушка.

– Лло-р-ра? – неуверенно спросил эльф, кажется сам не понимающий, что он тут до сих пор делает.

– Была с утра, – задумчиво согласилась Иринка, имея в виду проделки некоего божественного сумасброда Вейхо. Если одну девушку этот звездный тип с легкостью перебрасывает в другую, то

что ему стоит в следующий раз перебросить ее в мальчика или зверушку? Да как два пальца об... об асфальт, короче. – А ты, лорр, кем хочешь быть? Моим обедом?

Мелодичный голос Иринки-Ивки вдруг стал вибрирующим бархатом. И эльфа словно бросило навстречу вампирше, заставило отклонить набок и запрокинуть голову, подставляя шею.

Запах шоколада томной, соблазнительно-манящей пеленой повис в воздухе. Дальше Иринка уже наблюдала за собственными действиями как бы со стороны. Тело действовало на инстинктах и рефлексах рода Темного Искусства. Прорезавшиеся клыки впились в кожу эльфа, прокусывая ее. Рот наполнился вкусом ванильного молочного шоколада. Тонко, протяжно застонала жертва, совершенно очевидно испытывая не смертный ужас, а ощущения, противоположные по полярности.

Широкий Ивкин капюшон скрыл от всех случайных прохожих подробности происходящего. Эльф в блаженстве постанывал, опираясь на стену, Иринка-Ивка ела. И это было вкусно!

«Все-таки сутенер, я была права, – сыто и цинично констатировала вампирочка после пятого глотка и лизнула вкусняшку, не только закрывая две ранки на шее, а еще и заставляя их в секунду-другую исчезнуть бесследно. – Но не конченный подонок. Каждый крутится в этом мире, как может. Если у очередной одинокой остроухой девочки не достанет мозгов игнорировать добренького дядю, провожающего в уютный пансион, кто ей доктор? Вот в чем секрет: мозг либо есть, либо попросту нет».

– Ладно, пока, вкусняшка, – потрепала Иринка по плечу свой нечаянный обед. И услышала за спиной печальный голос.

– Лорра, – томно позвал откушавшую вампирочку эльф, привалившись к каменной стене дома. Ноги его подрагивали, плащ стыдливо прикрывал штаны в районе бедер. – Могу ли я рассчитывать на...

– Девиц принуждал к торговле телом? – перебила предложение о свидании (или о перекусе) Ивка хлестким вопросом.

– Как можно? – чуть вяловато после работы в роли вампирской закуски слабо возмутился остроухий. – Вкусно кушать и красиво одеваться хотят многие девочки, но не у всех хватает средств для

утоления своих желаний. Я лишь предлагаю одиноким малышам простой путь решения. Выбирают они сами.

– Мгм, я так и поняла, – кинула Иринка, закончив мысленно фразу: «Похоже, будь иначе, я не смогла бы остановиться. И тут сейчас валялся бы труп, вернее, лежала горстка праха. А так только очень довольный сутенер и сытая вампирочка!»

– Прошу же, ответствуй, прекрасная лорра! – с нежной мольбой повторил эльф, кажется готовый даже платить любую цену за удовольствие и право подставить шею.

– Если мне захочется, найду. Пансион ты назвал, – напомнила Иришка. И притормозила дернувшегoся было вслед за ней мужчину. – Не ходи за мной, не надо, вкусняшка. Но девочкам, прежде чем в дело пускать, все же сразу рассказывай, зачем привел, а то рассержусь.

– Как будет угодно лорре, – покорно и печально согласился сутенер, пряча искорки надежды на новую встречу в травянистых глазах.

Иринка же поспешила свернуть на соседнюю улицу, потом еще на одну и еще. Подальше от мужчины, чья кровь для нее на вкус оказалась сродни молочному ванильному шоколаду. Вкусно, но не настолько, чтобы давиться от нетерпения и лопать до тех пор, пока жертва не упадет на камни, рассыпавшись серым прахом.

Кстати, как будет дальше, неясно, но свой живой обед девушка ощущала, будто между ними была протянута незримая тонкая нить. Она действительно сейчас легко смогла бы отыскать остроухого сутенера, даже не спрашивая дороги в пансион. Возможно, только сейчас, и эта нить пропадет не сегодня завтра. И, наверное, так было бы лучше. Если она каждую свою закуску в городе чують будет, это же рехнуться можно. Пока Ивка думала о такой нечаянной неприятности, тонкая нить, связывающая ее с обедом на ножках, окончательно истаяла. Возможно, сыграло роль расстояние, а может, хватило желания свежеепеченной вампирочки. Она же не паук, чтобы сетями связи с жертвами весь город оплетать.

Иринка быстро шла, привычно рассуждая про себя на ходу. И так, ее вторая жертва выжила. Почему? Потому что она еще не успела проголодаться хорошенько или потому, что эльф оказался не столь законченной тварью, как маньяк-охотник? И опять, кстати, она почувствовала запах и вкус шоколада, когда пила кровь. Один случай –

случай, два – совпадение. Чтобы сделать более четкие выводы, ей следовало отыскать кого-нибудь третьего. Для выведения закономерности в пищевых пристрастиях, так сказать. Тогда-то уже, на основании минимальных статистических данных, и можно делать первые выводы о рационе и его субъективном восприятии одной конкретной вампирочкой рода Темного Искуса.

Пока же попаданка попыталась сообразить, передалась ли ей с кровью какая-нибудь информация, кроме минимального знания о сути эльфа. Может, какой навык? Охотник-то одарил ее весьма щедро, компенсируя дикий испуг от своих угроз и страшных намерений. Или опять-таки умения передавались только от высушенной до смерти жертвы?

Никаких мук совести или тошноты физической от смены рациона Иринка снова не испытала. Возможно, их и не будет в дальнейшем. В конце концов, лишь ничтожный процент людей становится убежденными вегетарианцами и начинает объедать животных вместо того, чтобы есть их. Так, наверное, и с теми вампирами, в рационе которых кровь разумной жертвы не может быть заменена на кровь зверя. Клыкастики спокойно кушают, не испытывая моральных терзаний. То есть делают то, что заложено в них природой на генетическом уровне. Она ведь сознательно не рассчитывала, не вымеряла, как именно выдвигать и под каким углом вонзать клыки в шею, в какое именно место целить. Ела, и все.

Для проверки подумав о том, чтобы подойти и ни с того ни с сего ударить ребенка или пнуть зверушку, Иришка умиротворенно вздохнула. Нет, мерзавкой она со сменой расы не стала. Обижать ни в чем не повинных слабых людей и животных для нее по-прежнему было неприемлемо. А еда... что ж, у каждого она своя.

Рассуждая таким образом, девушка углубилась в тихий район между той частью города, где уже начинались дорогие особняки, и той, где предпочитала селиться вполне обеспеченная прослойка: торговцы, мастера, искусники.

Запнувшись на полушаге, Иринка просияла: нет, все-таки она заполучила от сутенера отличный подарок – знание городской застройки. Самую, пожалуй, сейчас нужную ей информацию!

Снова задумалась, выпало ли так случайным образом на колесе Фортуны или сработал какой-то неведомый вампирский талант.

И снова мысленно пожала плечами: информации отчаянно не хватало. Но бегать по улицам Мелада и кусать подряд всех, чей запах покажется вкусным, чтобы собрать статистику, не стала. Чего суетиться? Время есть, разберемся. И вообще, она сыта, а есть надо лишь тогда, когда пробудилось чувство голода, а не тогда, когда в рот деликатесы суют. Вот так глупцы и толстеют, тело Ивки тому пример. Нет уж, пока с вкусняшками надо завязывать и сосредоточиться на поиске места под солнцем. То есть под крышей. Пансион для девушек с пониженным уровнем социальной ответственности ей не подходит, надо бы отыскать какую-нибудь приличную гостиницу. Квартал подходящий. Кажется, тут неподалеку «Тихий приют» имеется, где без проблем можно получить комнату и стол.

Иринка сориентировалась и решительно двинулась в нужном направлении мимо основательного, явно гномьего, судя по приземистым стенам, особняка, пованивающего табачищем, мимо огороженного пустыря с россыпью камней, некогда бывших стенами, и чахлыми кустами. Мимо... Ан нет, не тут-то было!

Ее привычный веночек вдруг из цветочного превратился в терновый и пребольно сдавил голову, буквально разворачивая хозяйку к развалинам. Чередой электрических искорок прострелило колечко на пальце. Очнувшись от дремы и выставила из-под плаща головку Маруська, продрыхшая безмятежно весь обед напарницы и ее хождение по городу.

Точно пушистая кошка – хоть и безлапая, зато сколько хвоста! Значит, будем считать Марусю кошкой экзотической породы. Это им двадцать часов сна из двадцати четырех подавай для счастья.

В общем, Иринку-Ивку буквально подтащило к развалинам, совсем непрозрачно намекая, что кому как, а им – венку из плюща-ядоцвета, прикинувшемуся милыми ромашками, кольцу и змейке-маскараднице – это место так по нраву, что уходить они категорически не желают.

– Эй, дивнорожденная, ты наследница, что ль, этой рухляди будешь? – пророкотал глубокий бас, в котором перекачивались булыжники и булькала расплавленная магма земных недр.

Иринка обернулась. Калитка в ограде, окружавшей гномий особняк, крепко провонявший табаком, была приоткрыта. Там стоял квадратный – вернее, кубический, но это был чрезвычайно крупный

куб – мужчина, густо заросший медными волосами. На голове они были уложены шапкой в пять толстых коротких кос, из бороды получилось три. Брови в косы не заплетали, но и они отличались дивной густотой. Яркие желтые глазки посверкивали чистым янтарем.

– Нет, не наследница, но мне здесь нравится. Не знаете, лорр, участок продается? – обреченно, даже не пытаясь имитировать увлеченность или ликование, осведомилась девушка. Иришка яснее ясного осознала: она сможет уйти отсюда только остриженной налысо и без пальца, да и то не факт.

– Вроде как да, но ты лучше в городской ратуше справишься. Там архив имеется, – пророкотал гном, машинально извлекая из кисета изрядных размеров трубку и начиная постукивать ею по ладони-лопате. – Знаешь где иль мальчонку с тобой послать?

– Знаю, – слабо улыбнулась Иринка, не испытывая особой радости от того, что ею слаженно принялись крутить симбионты (плющ), фамильяры (змейка) и неидентифицированное колечко. Осталось надеяться только на то, что аксессуар не накличет на ее голову какого-нибудь темного властелина из местных легенд. Хотя, насколько помнилось Ивэйде, таковых в местном историческом багаже не имелось в принципе. Звездная Четверка не позволила бы твориться в своих владениях такому вопиющему безобразию.

– Тогда ступай. Не знаю уж, чем тебе эти развалины прóклятые глянулись, но то твое дело. Мне и домашним такая соседка по нраву будет. Я Даприн Крупнозад.

– Ивка, – представилась в ответ девушка, даже не хихикнув, услышав прозвище гнома, чем заработала в его глазах немало очков.

Поощрительно хмыкнув, мужчина пояснил:

– Предок мой дыру известным местом заткнул, не дал пробоине шахту затопить. За что и был удостоен королевской милости – собственного родового имени.

«Почти голландский мальчик, который, по легенде, сунул в стену дамбы палец. Только ракурс изменен и масштаб подвига увеличен в разы», – мысленно отметила Иринка и двинула к ратуше. Хорошо хоть не обратно и не на другой конец города. Административный центр Мелада располагался действительно в центре. Ратуша – трехэтажное здание из серого, белого и красного камня с двумя большими пристройками – издали напоминала пестрокрылую курицу, готовую

сесть на яйца, растопырив крылья. Фонтана, статуи или какой иной ерунды, затрудняющей занятым горожанам движение, тут не имелось и в помине. Чисто, практично и экономично.

Глава 6

Цена места под солнцем

Народ толпился, сновал, гудел, спорил, что-то обсуждал. Ситуация внутри ратуши, куда прошла Иринка, почти ничем от площадной не отличалась. Все та же суета, толкотня и гул чужих голосов. У всех свои дела, заботы и проблемы. А табличек на дверях, каковые облегчили бы жизнь всем и к наличию которых привыкла в общественных местах попаданка, не имелось. И что делать? Кажется, настала пора потратить монетку-другую на экспресс-консультацию у специалиста. Только для начала его тоже следовало найти.

Иринка присмотрелась и выхватила из круговорота толпы парня с запачканными чернилами пальцами и ворохом бумаг под мышкой. Явно тутошний, а иначе ему бы присесть и запачкаться негде было.

– Лорр, секунду внимания, – попросила она, вкладывая в его пальцы первую монетку.

– Лорра? – Взятка заставила клерка приостановить движение к неизвестной Ивке цели.

– Я хочу купить развалины на Мерной улице. К кому обратиться?

– Хм, это рухнувший дом Шипоцвета, кажется? Так у него вроде как владельца и наследников нет. В земельный архив при казначействе ступай, лорра. Это левое крыло ратуши, подвал. Там все точнее объяснят, – на миг наморщил лоб и тут же выдал справку сметливый юноша.

– Благодарю! – Вторая монетка за интеллектуально-справочные труды перекочевала в испачканные пальцы.

– Рад помочь, лорра. Если понадобится прошение составить или еще что, я у матушки Тиры в трактире на соседней улице каждый обед бываю, – уже на бегу бросил клерк и поспешил с бумагами дальше.

«Левое крыло так левое крыло. Может, там народу поменьше будет? – понадеялась Иринка, выскальзывая из душной пыточной ратуши. – И как здесь народ ориентируется? Привыкли или все посредников нанимают, а сами по домам сидят, ждут результатов?»

Проводить срочный статистический опрос для выяснения этого обстоятельства девушка не стала. А то, чего доброго, Маруся

проснется, и экспресс-опрос в массовые экспресс-похороны превратится. Нет, сразу змейка вряд ли кусаться станет. Но вдруг у кого сердце слабое и нервы, потрепанные в борьбе с бюрократией, нарывають?

Иринка обогнула ратушу и зашла в еще одни двери, чуть поуже центральных. Там, в отличие от главного входа, имелись скамьи у стен, где чинно сидели люди, нелюди – короче, посетители и, наверное, ждали приема.

– Это земельный архив? Кто последний, лорры? – вежливо осведомилась Иришка.

Любопытная Маруся все-таки проснулась и высунула головку из-под плаща, словно вместе с подружкой интересовалась порядком очереди.

Тихий гул разговоров смолк как по мановению волшебной палочки, в данном случае волшебной змеюшки.

– У меня же сделка назначена! – вскочил на ноги тучный человек и бочком-бочком просочился к дверям на выход.

– Ох ты, у меня с компаньоном встреча оговорена! – припомнил гоблин, прищелкнув когтями.

Третий, гном, что-то пробормотал про непотушенный в кузне горн, четвертый вообще предпочел смыться молча. И вот уже Иришка осталась одна в пустом помещении.

Закрытая дверь, единственная ближайшая, отворилась, пропуская некоего эльфа в компании человека. Их провожал лысый как коленка гном с короткой, только до середины груди, бородой. Брови последнего удивленно приподнялись, обозревая пустой коридор. Маруся, как мавр, сделавший свое дело, вернулась под плащ.

– И где же все, гм? – удивленно пророкотал чиновник.

– вспомнили про срочные дела, – честно поведала Иринка, благоразумно пряча змейку еще глубже, чтобы не только посетители, но и местные клерки не сбежали с рабочих мест.

– Гм-гм, а у тебя, лорра, какое дело?

Иринка коротко повторила про свои планы и развалины.

– Дом Шипоцвета... Гм-гм, он точно на продажу никем не выставлен, в городском фонде висит. Это тебе не ко мне надо сделку удостоверить меж владельцами и не к выкупщикам на этаже, а в подвал к Древаллу. У него по таким участкам все вершится. – Гном

махнул рукой налево, где, приглядевшись, Иринка увидела узкую лесенку, ведущую вниз.

– Спасибо, – поблагодарила девушка и двинулась в нужном направлении.

– Не за что. А то подумай, лорра, если приличный дом хочешь прикупить, а не руины, я тебе пяток вариантов на любой кошель подберу, – доброжелательно предложил лысый.

– Я бы с удовольствием, но сейчас нужен этот, – искренне пожалела Иринка, вообще не представляющая, как она будет обустраиваться на развалинах. Скорее всего, купить придется что-то поблизости, если после этой траты по карману окажется, или, если нет, снять для жилья комнату рядом. И чего все ее венки-кольца-змеи в этот пустырь вцепились, как в месторождение нефти?

Узкая лесенка привела девушку в помещение, заваленное, заставленное, забитое разного рода папками в деревянных, металлических, кожаных футлярах. Каким-то чудом среди этих нагромождений, занимавших не только полки вдоль стен по периметру, но и большую часть самого подвала, поместился небольшой стол, пара табуретов и собственно Древалл – покрытый морщинистой бурой корой орт. Он пил что-то из кружки.

– Ясных дней, звездных ночей и шумящих кущей, лорр, – вежливо поздоровалась Иришка, добавив в традиционное приветствие милое сердцу ортов присловье.

– Ясных дней, звездных ночей, лорра, светлого пути, – в свою очередь присовокупив традиционное эльфийское приветствие, проскрипел старый древесный человек, отставляя кружку на край стола. Орты были не из тех, что как дриады жили в симбиозе с растениями, они в буквальном смысле этого слова являлись разумными, способными к перемещению деревьями, волею Творца облекшимися в гуманоидную форму. – Какая нужда привела тебя на порог?

Смирившись с тем, что, как и многие до него, Древалл принял ее за эльфийку, Иринка ответила:

– Дом Шипоцвета. Скажите, этот участок продается?

– Все, дитя, продается, что цену имеет. Даже развалины, где из земли самой безумец всю силу выкачал для неведомого ритуала, и оттого никому не надобные, – скрипнул орт, потянулся и сделал

глоток из деревянной кружки. – Садись. Изопьешь родниковой воды за беседой? Ни вина, ни сока не держу, уж прости.

– Спасибо, а у меня тоже родниковая. В лесу утром набирала.

Для поддержания разговора Иринка сняла с плеча мешок и достала флягу. Она и свою на всякий случай оставила в мешке, но пользоваться решила этой, охотничьей. Легкой, сделанной из чего-то похожего на сухую овальную тыкву.

Древалл оживился. В один глоток допил свою кружку и подставил ее под струйку из фляжки девушки. Пригубил и аж причмокнул от удовольствия, смакуя новый вкус, как иной гурман редкое вино.

– Благодарствую за щедрость!

Кружку для Иринки он наполнил из своего снятого с полки кувшина с плотной пробковой крышкой. Девушка из вежливости отпила глоток-другой. Вода как вода, чистая, прохладная, хлоркой, как из-под крана в прежде родном городе, не пахивает. Но катать ее во рту, растягивая удовольствие, не тянет ни капельки. Кровь шоколадная куда как вкуснее. Ну так она не орт, а вампир, потому все правильно. Было бы наоборот, тогда стоило бы беспокоиться.

– Сыскать тебе иной пустующий дом в Меладе? – благостно предложил орт, подобревший от взятки водой так же, как лысый гном от отсутствия толпы посетителей.

– Мне этот участок нужен. Меня именно его просили – купить, – печально призналась Иринка, не вдаваясь в подробности о личностях просителей, папахивающие психбольницей.

«Причем, – мысленно присовокупила девушка, – просили еще мягко сказано, я бы употребила формулировку «категорически потребовали». Не знаю уж, чего им так приспичило именно эти развалины с душком недоброй славы заполучить, но уверена: житья мне всякие мистические аксессуары не дадут, пока этого не исполню. Начинаю горячо сочувствовать бедняге Фродо, который таскал Кольцо Всевластия. Только оно у него одно было, а у меня всякого добра уже ворох. Не дай бог, вернее, боги, еще чего-нибудь найти...»

– Что ж, раз нужен и просили... – задумчиво скрипнул Древалл. Он протянул каким-то образом удлинившуюся или просто распрямившуюся руку к дальней полке в левом углу подвального архива и снял с нее том в деревянном переплете, оказавшийся на поверку шкатулкой. Та от прикосновения корявого пальца орта

открылась, выпуская из недр тощую кипу пожелтевших от времени бумаг, длинный ключ и перстень из почти почерневшего металла с красным камешком, ограненным в виде распустившегося цветка шиповника, и шипом в оправе. – Вот все, что уцелело на развалинах. Особняка нет, а ключ остался. Лорра-оль Дома Шипоцвета – прежнего владельца особняка, тоже нет, как нет у него и наследников, а перстень-ключ уцелел. Предметы порой более живучи, чем живые, лорра. У них есть шанс дожидаться нового владельца, на этот вот до тебя никто прав не предъявлял. Не передумала? Наместник Келдирет за руины умеренную цену назначил. Как участок под застройку идет, но все же центр Мелада, потому не горсть меди – в серебре оплата будет. И еще предупрежу: творить знаки божественные на том месте не выйдет. Уж покупателей с пяток за восемь десятков лет было, хотели-собирались, да сделку обратно развернули, как о таком услышали. Ничего там не построишь толком. И со временем не слабеет запрет. То ли проклятие, то ли последствия безобразия, сотворенного лорром.

– Не передумая, лорр Древалл. Только не знаю, хватит ли у меня сбережений, – вздохнула Иринка и полезла за кошелем. Уж чего-чего, а наживаться за ее счет и цену повышать этот древесный человек точно не будет, это совершенно ясно было. И на кой бы ему ее обманывать? Участок все равно неликвидный, да и чувствуется – даже если процент от сделки старику-орту капает, это его не волнует совершенно. Ну, наверное, если тебе больше всего в жизни интересен вкус родниковой воды, это сильно влияет на уровень запросов.

– Участок тот, – узловатый, как старая ветка, палец орта ткнул в чертеж на небольшой карте, приложенной к прочим документам в папке, – десять с восьмой частью квадратов. По пяти коршунов серебра за квадрат. Стало быть, пятьдесят четыре монеты с тебя за землю и десятая доля от сделки в казну наместника. Итого пятьдесят девять коршунов серебром и сорок золотых солнышек. Наберется столько?

– У меня монеты разные, я не очень сведуща в пересчете. Поможете, лорр, или надо в другом месте платить? – попросила девушка, и орт благосклонно скрипнул, довольный доверием собеседницы.

– Помогу, лорра, – скрипнул Древалл. – Мне верят. К чему орту металл? Все, что надобно, у меня есть, лишнего и чужого не возьму.

Потому и сажу тут. Слово служения наместнику на пятьдесят лет от нашего рода дадено. К концу подойдет, снова в лес уйду, среди деревьев встану и еще лет пятьдесят ни говорить, ни ходить не буду, наговорился.

Иринка распустила завязки кисета и высыпала на столешницу между кружек, из которых они пили родниковую воду, монеты разных земель и разного достоинства. Были тут и коршуны – средняя по величине серебряная монета людского королевства Дилмар, и орлы, цена которым в десять коршунов шла, и ястребы, в пятерке составляющие одного коршуна. Золотые же монеты с гербом на реверсе градации серебра не достаивались, так их и звали: солнцем самую крупную золотую монету, солнышком – среднюю и лучиком самую мелкую. Медь и вовсе собственных прозваний не имела и звалась, как когда-то на Руси, чешуя. В здешних краях много водилось рыб с чешуей ржавого, оранжевого и даже натурально медного цвета.

Покрытые корой пальцы Древалла с несвойственной человеку ловкостью поворошили монеты. Первым делом четко выбрали пять орлов, затем в ту же кучку перегнали коршунов и солнышек по счету. У Иринки с математикой всегда без калькулятора туговато было, поэтому на орта она уставилась в чистом благоговении, да так и просидела, пока шли расчеты.

– Все монеты отсчитывал местные, – благодушно скрипнул Древалл. – У нас в Меладе у тебя почти всюду любые примут, но если обменять захочешь, чтобы с курсом не путаться, то тебе к Шуваллу, двоюродному моему братцу, сходить надобно будет.

Зеленые как листья глаза орта уставились в лицо девушке.

– Спасибо, обязательно схожу, если подскажите куда, – заулыбалась Иришка.

– Подскажу, – степенно скрипнул собеседник. – Как участок Шипоцвета на тебя оформим, коль не передумала, так подскажу.

– Не передумала, – с очередным вздохом отказалась от соблазнительного предложения попаданка.

Орт скрипнул понимающе и взялся за оформление уже почти век как никому не нужной собственности. Педантично ссыпал монеты в деревянный ящик с хитрой широкой прорезью. Туда орлы и коршуны проникали звонким ручейком, обратно же – орт привычно проверил – не выпало ни единой монетки. Затем промолвил:

– Имя владельца надобно вписать. Коль истинным сиять не желаешь, можешь иным, что носишь средь людей, назваться и длань приложить на лист особый. Подороже то будет, но надежно. Никто право владения не оспорит. Только по доброй воле передать его сможешь.

– Хорошо, – обрадовалась Иришка возможности сохранить инкогнито и право на место. – Напишите – Ивка. И положенную плату возьмите.

Орт понимающе смежил на миг веки. В ящик полетело еще пять ястребов. Остальные монеты Древалл придвинул к собеседнице, кивком показывая, что деньги можно собирать, больше с нее ничего не возьмут. Затем архивариус принялся писать пальцем, как пером с яркими зелеными чернилами, высохавшими почти мгновенно и не размазывающимися под руками. Из-под пальца орта выходили ровные строки, фиксирующие право Ивки на владение кучи никому, кроме венка, кольца и змеи, не нужных развалин с кустами и куртинами сорной травы в придачу.

Спустя пяток минут орт закончил писанину и велел девушке:

– Пальчик приложи внизу.

Ивка недолго думая ткнула указательным пальцем правой руки в пергамент.

– Не тем, лорра. Тем, где кольцо родовое носишь, – с мягкой насмешкой поправил ее Древалл, своим узловатым пальцем указав на безымянный палец левой руки.

Пожав плечами и очень удивившись, что колечко с листиками обозвали родовым, Иришка сменила руку и палец. Когда ткнула, почувствовала, что опять по коже побежали электрические мурашки, а там, где коснулся палец, образовалась причудливая виньетка, где вытянутые листочки перемежались иголками или шипами, очень напоминающими ее клычки, виденные вчера в озерном отражении.

Орт довольно скрипнул и разделил плотный лист на два тонких, совершенно одинаковых. А ведь кофирки-то между ними вставлено не было! Один лист Древалл положил в деревянный футляр, из которого доставал все документы, второй передал Ивке вместе с перстнем и ключом.

– Владей, лорра Ивка, участок с руинами дома Шипоцвета теперь твой.

– Благодарю, – смиренно произнесла Иринка.

А орт вырастил на ладони или из ладони самый обычный на вид зеленый плотный листик размером и толщиной с лист денежного дерева, отломил черенок, вручая девушке, и велел:

– Отдашь его Шуваллу. Его обменная лавка на другом конце площади стоит. Названия не носит. Монета на деревянном щите у входа.

– И снова благодарю, лорр, – кивнула попаданка, подозревая, что ей только что за красивые глазки и кружку водицы всучили блатной пропуск для льготного обмена.

Иринка скатала пергамент и убрала его в сумку, туда же последовал ключ. Хотела положить и перстень с цветком и шипом, да орт не позволил.

– Перстень на палец надеть надобно, лорра, – укоризненно скрипнул Древалл, дивясь неосведомленности девушки или ее рассеянности. – Как иначе ты право на владения подтвердить сможешь? Потом-то захочешь, снимешь, но поначалу без него никак. В ворота не войдешь.

Девушка покорно взяла черную от времени ювелирку и собралась нацепить ее на средний палец. Не тут-то было. Сработал какой-то магический магнит, и перстень наделся точно на безымянный палец поверх колечка с листиками. Послышалось Ивке или нет, но ей показалось, что там кто-то довольно то ли чмокнул, то ли чавкнул. И из двух украшений стало одно: перстень с шипом, камнем-цветком и листиками по ободу. Цвет металла тоже изменился. Он больше не был ни светлым, как колечко из кисета, ни черненым, как архивный перстень – открывашка ворот. Благородное темное серебро с красным камешком! Древалл же довольно хрустнул, будто так оно и надо было, или, вернее, только так и правильно.

Выдав орту все положенные благодарности, не столько формальной вежливости ради, сколько от чистого сердца, Иришка покинула пристанище архивиста и выползла из полутемного подвала на свет дневной.

Древалл проводил ее взглядом и умиротворенно скрипнул-вздыхнул:

– Нашелся, стало быть, наследник Дому Шипоцвета. Надо бы эрр-олю Диалю в леса отписать, чтоб тревогу его унять.

Но Иринка этого уже не слыхала, поэтому взволноваться не могла. Несмотря на то что она немало провела времени в городе, есть по-прежнему не очень-то и хотелось. Видать, очень питательный эльф-сутенер попался. А значит, постановила вампирочка, не стоит пренебрегать вкусными запахами со стороны жителей города. Пока ей только аромат и вкус шоколада на зубок попадались, и шоколадную маньячку это полностью устраивало. Если бы кровь пахла как кровь и на вкус ею являлась, еще неизвестно, смогла бы Иринка нормально есть, а не давиться от отвращения к себе и вкусу пищи. Словом, все замечательно устраивалось: жертва или довольна, или уже никому протест не заявит по причине пребывания в состоянии «пеплораспада», а Ивка сыта!

К слову, орт, рядом с которым она провела почти час, занимаясь оформлением собственности, тоже пах очень своеобразно, но совершенно несъедобно. Молодыми листьями и почками по весне. То есть нюхать приятно, но лопать не станешь, как не будешь опилки жевать. А значит, это были не вкусовые заморочки вампира, а личный и настоящий запах древесного разумного создания.

Глава 7

Деньги, трупы и дома

Лавку – двухэтажный дом с прибитым к входной двери деревянным щитом, стилизованным под монету, Иринка заметила сразу. Зрение ей досталось преотличное – и ночное, и дневное. Девушка сориентировалась и направилась через площадь к цели. Толпа по-прежнему была густой. Один тип в зачуханной шляпе, куда-то чрезмерно спешивший, даже толкнул ее в бок, но тут же рухнул на брусчатку, забившись в корчах и пуская фиолетовую пену изо рта. В сведенных судорогой пальцах у него так и осталось зажато острое лезвие.

Кажется, Иринку только что собирались или ограбить, или убить. Но Маруся оказалась быстрее.

– Ба! – грохнул рядом бас здоровяка с крупной бляхой на груди. Кажется, знаком корра стражей, то есть начальника сотни. – Вот и Прыткий Хрис! Отпрыгался, вражина! Не будет больше по чужим кошелькам шарить! Услужила ты городу, дивнорожденная, со своею грозной защитницей!

– Я не эльфийка, но Маруся, соглашусь, умница, – почесав змейку под подбородком, поддержала разговор Иринка, удивляясь, что никто на нее с обвинениями не бросается и в тюрьму или на допрос не тащит.

Наверное, этот самый труп, который Прыткий Хрис, был превосходно знаком служивому, причем отнюдь не с лучшей стороны, да и лезвие в пальцах мирные горожане в толпе не таскают просто так, шутки ради.

– А кто ж ты, лорра? – удивился стражник с давно переломанным и кривовато сросшимся в горбинке носом. Окинул площадь быстрым взглядом и свистнул своих ребят, чтоб те в качестве пары добровольно-принудительных помощников оттащили труп в мертвячью – подвал при стражницкой, находящейся в западном конце площади.

Вместо ответа Иринка скромно улыбнулась, продемонстрировав аккуратные клычки. Это все вопросы о ее происхождении тут же сняло и никого не напрягло. Мелад – город многорасовый, кого в нем только

не встретишь! Если законы соблюдаешь или хотя бы не попадаешься – добро пожаловать, нарушаешь – тогда не взыщи. Рано или поздно отволокут тебя холодного в мертвячью или крепко битого – в городскую тюрьму.

О том, что она именно вампир, начальника стражей Иринка решила оповестить на всякий случай, чтобы потом, случись чего, претензий о дезинформации не выплыло.

– Провожу тебя, – решил здоровяк-стражник ради собственного и городского спокойствия. – А то ж подвал для покойников у нас небольшой.

– Мне в лавку Шевалла надо, – сориентировала нежданного спутника девушка. – И Маруся без вины никого не тронет. Она воспитанная!

– А то ж, конечно, – миролюбиво согласился здоровяк, но гладить чужую пушистую питомицу с отличным воспитанием почему-то не полез. Может, у него аллергия на шерсть или просто животных не слишком любит?

– Ты к нам погостить или как, лорра? – корректно осведомился корр стражей, прикидывая перспективы пополнения мертвячьей.

– Пока не знаю, лорр. Сюда меня привел ритуальный путь. Но какое-то время точно пожить собираюсь, с городом познакомиться.

– Город у нас красивый и храм Звездной Четверки славный! – гордо согласился страж, шагая хоть и широко, но стараясь придерживать темп движения, чтобы Иринка за ним поспевала.

Шоколадом и другими вкусняшками от человека не пахло, только промасленной кожей, сталью и укропом. Так что шла рядом с ним девушка спокойно. Мало того, здоровяк не только проводил гостью города до лавки, но и, стукнув в дверь, громыхнул:

– Шувалл, старый пройдоха, я тебе клиентку привел!

– Чего вел-то, Райхо? – проскрипели из-за двери. – Иль она в Меладе заблудилась?

– Что я, по-твоему, красотку уж и проводить не могу? – показательно возмутился корр стражей.

– Ты-то? Только проводить, поди, и можешь, – не остался в долгу орт.

Райхо не обиделся, гоготнул, открывая дверь и пропуская Иришку в лавку, где обосновался Шувалл. Он как раз завершал обмен монет

для предыдущего клиента, судя по кривым клыкам, массивной фигуре и похабной ухмылке, с которой мужчина прислушивался к беседе, натуральному орку.

Заполучив свои деньги, меднокожий здоровяк снова ухмыльнулся, подмигнул симпатичной девушке, сгреб свои деньги в кошель и вышел неслышным шагом бывалого воина или охотника.

Райхо же, сопроводив вампирочку с опасной подружкой, шутливо попросил ее сегодня не пополнять мертвецкую и вернулся на площадь.

Орт, не поднимаясь с большого стула, похожего на вывороченный из земли пень, а может, и на самом деле являвшийся таковым, принялся разглядывать клиентку.

– Это Древалл просил передать, лорр Шувалл. – Иринка выложила на стол, состоящий из множества ящичков, мясистый листик-телеграмму.

– Вот старый пенек, решил, я девицу, ритуальным путем идущую, обсчитаю? – крутнув в заскорузлых темно-коричневых пальцах-сучках лист, скрипнул орт, окинув Иринку-Ивку всего одним, но очень внимательным взглядом глаз цвета спелых желудей. – Как думаешь, лорра?

– Думаю, он просто немного хотел помочь, – пожала плечами Иринка. – А если бы про вас плохое думал, то направил бы меня в другое место.

– Что ж, давай глянем, с чем пришла... – Узловатая ладонь орта указала на стол. – Клади монеты.

Иринка во второй раз за день высыпала монеты из эльфийского мешочка на стол. После оплаты куска земли с развалинами, гордо именуемыми владениями Шипоцвета, орлов, коршунов и даже солнышек среди монет почти не осталось. Зато ассортимент прочего удивлял: тут были монеты всех ближних земель и даже некоторых дальних.

Орт крикнул и с легким сочувствием покосился на девушку.

– Поди, всем родом во имя величия предков и открытия пути к милости богов тебя снаряжали, девонька, – пояснил свои мысли Шувалл, проводя пальцами над монетами разного вида и достоинства.

Девушка тоже глянула на стол и признала: денежки оказались столь различны, что, не зная она истинную печальную историю их

попадания в сборную солянку, могла принять за правду выводы орта из раздела «с миру по нитке – голому потомку рубашка».

– Нет, не так, мой путь – это только мой путь, – покачала головой Иринка.

– Вот как... Последняя в роду, стало быть, – истолковал все на свой лад слишком умный обменщик, выстроивший горную цепь выводов там, где была плоская равнина. – Ну что ж, давай посчитаем, лорра, что у тебя есть. Как и что менять станем, обговорим. Только совет прими: по несколько монет, что в краях ближних ходят, оставь. Ритуальный путь порой извилист бывает. Вдруг да пригодится.

– Хорошо, – согласилась Иринка с советом опытного чел... то есть орта, имевшего дело с местными деньгами значительно чаще ее самой и недотепы Ивэйды.

Запас карман не тянет, а откуда и когда придется делать ноги – вообще неизвестно. Да и форс-мажор в четыре хар... э-э, харизматичных лика, конечно, Звездной Четверки никто не отменял. Если даже Вейхо, вроде как не самый могучий из них, в шутку перемещение меж мирами и телами сотворить смог, то что любой другой из оставшихся троих выкинуть сможет по прихоти мизинца на левой ноге, обычной девушке, а теперь уже вампирочке, не угадать.

Решено – сделано. По несколько монет разного достоинства орт отодвинул к кيسету сразу, и Иринка денежки прибрала. Еще три монетки, причем все три гоблинские, обменщик признал фальшивыми и, согласно приказу наместника, изъял для переплавки с копеечной компенсацией. А за остальные рассчитался с юной клиенткой честь по чести. Так что орлов, коршунов и ястребов в кисете у Иринки прибавилось. Еще один дом, даже такую же грудку камней в хорошем районе, она купить бы, конечно, не смогла. Но то, что голодать и ночевать на улице ей не придется, стало очевидно.

Закончив расчеты с использованием многочисленных ящичков стола, открывавшихся по отдельности и содержащих монеты разных стран и разного достоинства, орт скрипнул сочувственно и пожелал:

– Пусть твой ритуальный путь, лорра, будет гладким! Пусть один из Звездной Четверки одарит тебя милостивым касанием и вселит искру благословения в знак посвящения!

И хотя внутренне Иринка скривилась, как от большого зуба, но орту ответила вежливо. Ей ведь от чистого сердца желали, а что не

того, чего бы ей самой хотелось, – так это обычное дело. Потому и придумали люди великое множество типовых поздравлений. Вроде как положено – вот и пользуйся, а сам голову не ломай, все равно не угадаешь, чего лучше желать.

Став владелицей недвижимости в черте города и повысив свою платежеспособность в местной валюте, Иринка покинула площадь у ратуши. Знание Мелада, доставшееся от вкусняшки-эльфа, снова пришло на выручку. Нет, географическим кретинизмом Ивкина не страдала, но, впервые оказавшись в незнакомом обеим своим частям памяти городе, быстро, не приставая к прохожим с вопросами, сориентироваться бы не смогла. А так, даже ничего не выясняя, спокойно свернула на нужную улочку и двинулась к развалинам своей собственности.

Развалины на участке Шипоцвета за истекшие два с лишним часа более благоустроенными и радующими глаз не стали. Все те же груды каменных обломков, даже толком не поросших быльем в виде скудной растительности. Разве что теперь эти обломки гордо могли именоваться личной собственностью Иринки.

Выданный Древаллом ключ подошел к невысокой двери, сохранившейся вместе с вполне высокой (почти в человеческий рост) оградой участка вопреки той силе, что разметала дом по камушку. К большим воротам для пропуска повозок ключа не полагалось. Они открывались лишь изнутри.

Ключ подошел к замку идеально, но стал поворачиваться лишь тогда, когда после трех-четырёх пустых попыток девушка ухитрилась вспомнить слова Древалла о кольце-пропуске. Не снимая модернизированного колечка с пальца, Иринка приложила его к створке. Дело сразу пошло на лад. Что-то не то хрустнуло, не то чавкнуло, и ключ повернулся в скважине. Раз, другой, третий... Иринка поневоле удивилась, как легко, без напряжения открылась дверь, словно и не была заперта десятилетиями. Наверное, замок смазывали хорошо или гномы делали, а может, все в совокупности.

Вместе с открытием двери пришел в действие какой-то скрытый механизм, и в нижней части крепкого деревянного полотна проступили контуры малой дверцы, пригодной, чтобы пропустить зверька или пропихнуть некрупный предмет вроде корзинки.

Девушка вошла, заперла дверь изнутри и, внимательно глядя не столько по сторонам, сколько под ноги, медленно двинулась вперед. Сломать конечность, оступившись среди разнокалиберных камней, легче легкого. И почему ее колечку-веночку-змейке не приглянулся какой-нибудь опрятный, благоустроенный домишко в районе поскромнее и подешевле?

Вздыхнув, Иришка сделала еще несколько аккуратных шагов и умудрилась зацепиться головой, точнее, сразу венком и волосами, за один из уцелевших колючих кустов своих владений. Выпутываться, чтоб не выдирать пряди с корнем, пришлось долго, даже с венка какая-то веточка с мини-ромашкой отломилась и упала под ноги.

Кольцо в этот миг чуть заметно сжалось. Похоже, того, что Иринка купила руины и явилась сюда, недостаточно. Надо еще прибыть в какую-то конкретную точку икс или игрек.

– Эй, мне иголки в пальцы не нравятся; раз уж вы все спелись, Марусь, проводи, укажи, куда надо, – наобум попросила Иринка, машинально потирая пострадавший пальчик.

Маруся мурлыкнула и ручейком соскользнула с теплого места на груди девушки. Среди камней и чахлой поросли она потекла юркой белой струйкой вперед, а потом и направо свернула. Замерла, привстав на хвосте перед ямкой. Ой нет – перед настоящим глубоким провалом, только узким и темным.

– Да что ж это такое? Это дыра, а дыра – это нора. Я что, кролик с часами или Алиса? – проворчала Иринка, наклоняясь над дырой.

Вниз, в эту темноту, ее потянуло всеми аксессуарами с такой силой, что вампирочка едва не загремела туда без всякой страховки.

– Фонарик бы! Пойти, что ль, у соседей попросить? – попробовала потянуть время дыровладельца, но невинный веночек ядоцвета запульсировал у нее на голове жемчужным светом в такт с болезненно сжимающим палец колечком.

– Иду, – вздохнула девушка, при добавочном освещении разглядев на склоне «дыры» остатки ступеней, занесенных землей, искрошившихся и поросших мхом.

Спускалась она медленно и аккуратно, совершенно не желая свернуть себе шею и окончить путь попаданки на дне в прямом смысле этого слова.

Глава 8

Ревизия собственности

И вот на дне глубокой ямы – метра четыре, не меньше – Иринка встала перед дверью. Ручки и скважины на этом цельном куске материала, ориентировочно дерева неизвестной породы, не имелось. Только вырезанный в нижней трети рисунок. Цветок и шип – выполненный как контррельеф, то есть изображение углубленное, врезанное в плоскость.

Девушка толкнула дверь. Заперто. Никого нет дома, все ушли на фронт. Нужен плотник с топором? Потом взгляд скользнул к краю двери, где между ней и камнем виднелись едва заметные зарубки. На самой двери никаких попыток взлома не прослеживалось. То ли доски были прочнее камня, то ли умели заращивать повреждения.

– Кажется, тут кто-то из специалистов по прихватизации чужого добра уже отметился и ушел несолоно хлебавши, – констатировала Иринка.

Маруся, скользнувшая в яму вслед за спутницей, ткнулась кончиком мордочки в ее руку в районе кольца, затем многозначительно развернулась и указала на контррельеф двери.

– Намекаешь, это вроде как замок и пользоваться им надо, как запором на воротах? – вслух огласила версию попаданка и недолго думая ткнула кольцом в дверь, в контур рисунка. Что-то едва слышно щелкнуло. Но провала в очередную порцию темноты не открылось.

– И что? Не выходит каменный цветок, Данила-мастер? – пожала плечами девушка, цитируя Бажова.

Она пристукнула по двери и ойкнула, когда та от ее касания открылась вовнутрь, являя очередной провал. Однако он не был темен. Дерево, которым были до половины обшиты стены коридора, светилось неярким, ровным желтым светом. Приятный оттенок. И трогать это дерево оказалось очень приятно. Скользя по нему кончиками пальцев, новая хозяйка двинулась вперед, изучая доставшуюся ей во владение сокрытую от чужих глаз собственность.

Ни следа сырости, затхлости, тлена. Воздух в коридоре был сухим, и приятно пахло древесиной. Да-да, приятно! Что же, если

клыки во рту, то надо тащиться от запаха крови и потрохов? Ну, может, кому-то и надо, а Иришка любила запахи свежести после дождя, дерева, тонкий аромат лесных цветов и балдела от богатого парфюма, распространяемого садовыми ирисами. Всегда! И даже сменив тело, своим вкусам изменять не собиралась, как и любви к шоколаду. Жаль только, он, предатель, ей изменил. Деревьев какао и их аналогов в здешних краях не произрастало. Поэтому, пожалуй, Иринка Ивкина очень радовалась своеобразному искажению восприятия, позволившему ей даже здесь чувствовать любимый вкус на языке и лакомиться. А что вампирша, так и хрен с ним. Расы всякие нужны, расы всякие важны.

Толкнув наугад первую дверь в левой стене, Иринка обнаружила небольшую комнату с широким овальным диваном с мягкой спинкой, высоким шкафом в углу, креслом и столиком. Все явно эльфийской работы и превосходно сохранившееся. Светлое дерево, искусная резьба с растительными мотивами, мягкие обводы и изгибы. Эльфы всегда мебель на века делали, халтурить, как краткоживущим, им резона не было. А то ведь не успеешь к любимому стулу привыкнуть за полвека, как он сломается, и заново мучайся, привыкай.

Кажется, здесь в уюте и неге отдыхал бывший владелец. Хотя почему эльф, по определению изначальный любитель света, солнца и жизни оборудовал подобную комнату в подzemелье, девушка не понимала.

Притворив первую дверь и сделав мысленную зарубку, что на трактир можно не тратиться и ночевать в целях экономии прямо тут, на диване, только что-то надо с отхожим местом порешать, чтоб под кустиками на развалинах не моститься, Иринка пошла дальше.

Следом был обнаружен кабинет. Огромный рабочий стол, высокое рабочее кресло, письменные принадлежности, книги, судя по экслибрисам и знакам на обложках, для посвященных Деварда Мертвителя. Парадокс, но у покойного владельца дома покровителем оказалась не Лайшеалла. Оставив подробное изучение кабинета и вывертов психики покойного на потом, Иринка подергала следующую дверь и оказалась в большом пустом зале. Совсем свободном от мебели и богатом только неярким светом древесных пластин на стенах и потолке. Кстати, по форме квадраты до жути походили на лампы дневного света земных офисов. Впрочем, когда-то тут для повышения

инсоляции был и обычный свет свечей. Неподалеку от входа валялись и стояли высокие канделябры с оплывшими и потухшими свечами и что-то еще. Или кое-кто?

Иринка подошла поближе и уставилась в мертвое лицо отлично сохранившегося по причине мумификации эльфа с точно такими же, как у нее, пепельно-жемчужными длинными волосами. Хотя нет, у эльфа они были длиннее и заплетены во французскую косу. На груди покойника имелся медальон с точно таким же узором, какой красовался на перстне – открывашке двери. То есть Древалл не соврал и не напутал, покойничек был не просто владельцем недвижимости с симпатичным и грозным названием Дом Шипоцвета, а целым главой, по-эльфийски лорр-олем, настоящего Дома Шипоцвета. По-вампирами сказали бы княжества, по-человечески – провинции.

– Ну, здравствуй, хм, м-да... Чего уж там, здравствовать поздно, да и ясных дней, звездных ночей вкупе со светлыми дорогами желать тоже поздновато. Короче, привет тебе, лорр-оль Дома Шипоцвета! Не знаю уж, что ты тут наворотил, что здание по камешку раскатало, и чего хотел, но теперь я владелица этого места.

Иринка зачем-то показала мумии перстень на руке и присела на корточках рядом, пытаясь сообразить, что ей делать с телом. Пока на ум приходило только три варианта:

– вернуться к уже знакомому корру Райхо и попросить у сотника ребят, чтобы транспортировать тело в мертвячью;

– заплатить какой-нибудь эльфийской похоронной конторе за работу;

– прикрыть дверь снаружи и просто оставить бывшего хозяина там, где он тихо лежал до сих пор, никому не мешая.

Соседство с мумифицированным телом почти век как покойного эльфа девушку совершенно не напрягало, как и любые другие смерти, особенно кончина тех, кто желал ей недоброго или будет желать впредь. Вампирская психика, доставшаяся от Ивэйды, оказалась в этом плане чудо как адаптивна. А брезгливость у организма, похоже, либо не была встроена изначально, либо атрофировалась в раннем детстве.

Иринка внимательно изучила мумию в эльфийском домашнем одеянии (свободные темно-зеленые брюки, белая рубашка-туника навывпуск, мягкие туфли-мокасины) и решила ничего с нее для себя не брать. Не потому, что не хотелось или с трупа брать нехорошо, а

потому, что бедолага и так уже мертв и его собственность целиком ей досталась фактически за копейки, так пусть хоть одежонку сохранит.

Потом девушку заинтересовали странные рунические кривули, выписанные разноцветными мелками среди поваленных канделябров. Кажется, гном-сосед в своих предположениях не ошибся – лорр-оль Дома Шипоцвета в самом деле доэкспериментировался в прямом смысле этого слова до смерти.

Почему-то Ирине на миг стало его жаль: одинокий, никому не нужный мертвый ученый. Даже цветной мел на запачканных пальцах так и остался. Лежит, никого не трогает. Девушка погладила мумию по голове. Волосы были мягки и приятны на ощупь, как шерсть Маруськи, и гладки, как шелк.

Рука новой владелицы развалин соскользнула с шевелюры и невольно чуть стукнула об пол, размазывая знаки. По залу пронесся легкий ветерок с цветочным ароматом, взъерошил волосы Ивки и мертвеца, на миг переплел часть столь схожих прядей обоих. Послышался, или Иринке только показалось, умиротворенный вздох:

– Получилось!

Ветерок усилился. Ивкина с изумлением сквозь прищуренные, чтоб не запорошило глаза, веки увидела, как рассыпается мельчайшими серебристыми частицами мумия. Ей даже показалось, что лорр-оль Дома Шипоцвета улыбается облегченно и светло. Потом ветерок усилился настолько, что Иришка вынужденно прикрыла глаза совсем. Следом ее что-то сильно толкнуло в грудь, и ветер стих, как не бывало.

Когда девушка проморгалась, то обнаружила у себя на груди медальон с гравировкой в виде цветка и шипа стилизованного шиповника. Вещица перекочевала к ней со сдутой ветром мумии. Больше от лорра в зале не осталось ничего, кроме одежды и обуви.

– Марусь, это что, я теперь не только домик прикупила, но и сам титул лорры-оль Дома Шипоцвета ненароком прихватизировала? – поднеся медальон к глазам, растерянно ляпнула Иринка, разглядывая орнамент на родовом знаке. Змейка согласно замурлыкала. – И как? Я ж ни разу не эльфийка. Мы ж, вампиры, с ними генетически несовместимы. Род эльфийский унаследовать и дать ему продолжение физиологически не могу, да и проживать на территории кущей Лильдэнола тоже. Меня туда магия места надолго не впустит.

Змеи пожимать плечами не умеют в силу строения организма, но маскарадница, кажется, пожалала. Дескать, так-то оно так, но тем не менее вышло эдак. Что ты от меня, простой разумной ядовитой змеи, хочешь? Медальон тебе повесили, наследство передали, а почему так – не нашего ума это дело, подруга. Мертвым эльфам, наверное, виднее. Или не виднее, но его уже не спросишь. Ушел к звездам, а оттуда смотрит, ждет или, может, хохочет как безумный над тем, как все обернулось.

– Зачем же ты это сделал? – с душераздирающим вздохом риторически спросила Иринка у покойничка, побарабанив по медальону.

Тот потеплел, посылая то ли догадку, то ли ответ, то ли привет от шизофрении. Лорр-оль Дома Шипоцвета, последний в роду, был бесплоден. Небывалая редкость среди эльфов, тесно связанных с природой и способных вылечить любой недуг. Но случается всякое. Оттого и покинул лорр родные леса и пришел в город, где погрузился в ритуалы Деварда Мертвителя. Проводил все их здесь, чтобы не тревожить чутких сородичей своего Дома, чтоб не встретить помех с их стороны. Последний ритуал, завершившийся его смертью, был ритуалом шанса: он отдавал свою жизнь в обмен на возможность продолжения некогда славного рода и самого выживания Дома Шипоцвета в кущах. Без достойного главы (а такового среди входящих в Дом Шипоцвета не нашлось) светлый лес слишком быстро превратился, да и сейчас превращался, в жуткие чащи с монстрами. Сюда, на развалины, должен был прийти тот, кто даст Дому шанс на возрождение. А пришла вампирка-попаданка – Иринка Ивкина. И если это был единственный шанс, то с прочими вероятностями, видать, все выходило еще более скверно.

Иринка растерянно почесала голову под венком и резюмировала:

– Ладно, будем работать с тем, что есть. Колечко сюда меня привело. Видно, его покойный владелец был каким-то дальним родичем здешнего лорр-оля и мог помочь с проблемой. Но ему не свезло катастрофически, осталась только я с комплексным набором ювелирки. Подобьем кассу? Побрякушки снимать не буду, если они подадут знак, тут же передам все более подходящему для возрождения династии кандидату. А пока сидим на попе ровно. Другого варианта

все равно не вижу. Не в кущи же с самоубийственной экскурсией двигать! И вообще, пора бы мне обустройством быта заняться.

Спрятав медальон под одежду, Иринка продолжала осмотр уцелевшей подземной части владений.

Следующая по коридору дверь вела не в комнату, а в натуральное подземелье с рядами наклонных полок с бутылками и с бочками на козлах всевозможных габаритов. По всей видимости, проблема продолжения рода на трезвую голову у лорр-оля Дома Шипоцвета отказывалась решаться категорически.

– Да я ж сопьюсь, – откровенно призналась себе Иринка и не стала даже заходить и спускаться в глубины подвала во избежание искушения. Лучше бы за этой дверью сортир оказался!

К счастью, вожденная комнатка оказалась за последней дверью в коридоре. Рукомойник-цветок, что-то вроде второго низкого цветка на толстой ножке – предположительно унитаз-мутант, и – троекратное ура – за отдельной дверкой настоящая ванная комната тоже с цветком – глубокой ванной в полу.

Так! Сантехника есть. Что с водой? При попытке открыть кран-цветок Иринка услышала только далекий свист, следом еле слышный шум, потом упала пара капель, а в итоге за первыми вестниками налаживающейся жизни из крана потекла вода. Сначала с каким-то странным запахом, нет, не химическим, скорее стоялым, как в забытом без рыбок аквариуме, но спустя пяток минут вода стала чистой и вполне приятной. Только холодной настолько, что сунутые под струйку пальцы моментально заломило. Охнув, Иринка отдернула руку и уставилась на значки, красиво выписанные на плитке прямо над краном.

– Ой, ду-у-ура! – протянула самокритично девушка и стукнула по плитке так же, как делала Ивка дома.

Вода потеплела, хвала Селадару! Его особенные знаки, нанесенные определенным образом последователями-специалистами, продолжали работать и в руках адептов иных богов, то есть простых обывателей. Нет, обновлять их тоже время от времени требовалось и за профилактику адептам платить, но сотня лет устойчивости пределом для таких чар не являлась.

Голова, будто ее и не мыли вчера в озере, зачесалась немилосердно. Полотенец в ванной, понятное дело, не имелось.

Скорее всего, покойный лорр-оль никогда и не использовал этот санузел по назначению. Просто велел, чтобы имелся, и все. Но как бы то ни было, Иринка была очень благодарна покойнику за его предусмотрительность. И решила купаться прямо здесь и сейчас, наплевав на всех и вся. Вот только полотенце...

Снова вытираться собственными обносками категорически не хотелось, а прикупить нужное в городе девушка не догадалась. Хотя в первой комнате имелся диван с замечательным покрывалом. Чем не полотенце?

Иринка вихрем понеслась обратно и уже собралась решительным движением сдернуть покрывало, когда ее взгляд остановился на еще не осмотренном угловом шкафу.

Внутри оказалась мужская одежда эльфийского качества и даже один большой, широкий, мягкий халат. Как полотенце он годился больше, чем покрывало.

Из собственной брошенной у ножки дивана сумки девушка извлекла мыло, годное вопреки всем правилам земного мира и для того, чтобы промыть не только все тело, но и волосы.

Купание удалось! Наплескавшись, до блеска отмыв все и вытершись халатом (волосы под венком высохли подозрительно быстро, будто веночек сработал в качестве фена), Иринка ощутила зверский голод. В сумке еще оставались жалкие кусочки, но глотать сухую корочку, когда есть деньги на очень поздний обед или ранний ужин в каком-нибудь городском заведении общепита Мелада (в том же «Тихом уголке» поблизости) новая владелица руин дома Шипоцвета и целая лорра-оль, то бишь глава Дома Шипоцвета, не собиралась.

Горсть чешуи, несколько лучиков, пяток солнышек и даже пара коршунов перекочевали в отдельный кошель. Иринка оделась.

Оставив сумку под надежным замком на подвальной двери, девушка вышла в люди-нелюди. Вернее, поднялась по полуразрушенной лестнице наверх, к солнцу и поросшим редким быльем развалинам. Выброс энергии из активированного лорр-олем Шипоцветом рунного круга был таков, что особняк фактически раскатало по камушку. Над землей ни одна постройка не уцелела.

Задумчивым взглядом хозяйки Иринка оглядела свои владения и признала: тем лучше. Даже самому досужему вору вряд ли придет в голову шарить в развалинах спустя десятки лет разрухи. Что требуется

от нее? Особенно не светить подземное место жительства, чтобы не вызывать сплетен. Хотя бы первое время. Может, палатку поставить? Дескать, дурная эльфа на руинах кукует! А там уж она еще что-нибудь придумает. Возможно, охрану какую наймет, чтобы никого внепланово кушать не пришлось в целях самозащиты и сбережения капиталов...

Раздумывая над перспективами собственной безопасности, Иринка закрыла калитку и двинулась по улице в поисках места, где ее вкусно накормят, и не кровью из горла очередного шоколадного мерзавца. Маруся привычным шарфиком подремывала на груди.

Глава 9

Вопросы питания и благоустройства территории

В дверях гномьего особняка стоял все тот же медноволосый кубообразный гном, славный исторической фамилией, и курил вонючую трубку. Судя по ранее не замеченной девушкой урне, стоящей рядом, за ворота он выходил именно с целью потравить организм дымом.

Почему выходил – то ли из желания поглазеть на город, то ли его домочадцы банально выставляли вон, чтобы не вонял на территории и без того пропахшего табачищем дома, – Иринка пока не знала, но догадывалась, что их интересы совпадали. Гному-домоседу – возможность поглазеть вокруг и почесать языком с соседями, домочадцам – шанс на относительно свежий воздух.

Заприметив знакомую, гном оживился, выколотил докуренную трубочку в урну и гулко крикнул:

– Лорра! Как, сыскала ратушу?

– Да. – Иринка вынужденно остановилась. – Мы теперь соседи. Не подскажите, лорр, в «Тихом уголке» кормят прилично?

– И комнаты сдают, – степенно кивнул гном, даже не думая приглашать едва знакомую эльфу на постой, но показывая внимание к ее проблеме. – А что до прочего... Коль из руин Дом Шипоцвета поднимать вздумаешь, подходи, подскажу тебе, лорра, где нанять можно артель строителей, что без знаков работать согласятся и строят на совесть.

Иринка поблагодарила курильщика и побыстрее, пока ее не стошнило от сбивающего с ног запаха, почти бегом устремилась к нужному трактиру. Может, гном-сосед и был со всех сторон хорош да порядочен, но беседовать с ним долее пяти минут можно было только в противогазе. Респиратор и маска против табака не тянули. Но куда ничего подобного в мире не создали, а значит, на общение существовал четкий лимит времени, после которого обморочную жертву можно было выносить вперед ногами.

«Тихий уголок» – дом в два этажа с жилой пристройкой, и впрямь был тихим. Заведение больше походило на семейное кафе, а не на трактир или постоялый двор. Иринка заказала местный аналог позднего комплексного обеда и, пристроившись в уголке, подальше от шумного семейства орков с пятью гомонящими клыкастыми пострелятами, занялась едой.

Кровь с кондитерским вкусом – это здорово, но прочей еды она полностью заменить не могла. Сейчас попаданка с равным аппетитом уминала наваристую похлебку с травами, мясо с тушеными овощами и ореховый рулет, запивая его киселем. Спиртного брать не стала намеренно. Во-первых, своих запасов в подвале навалом, во-вторых, реакция вампирского организма на алкоголь неизвестна. А ну как она с пары глотков рассвирепеет и пойдет направо и налево глотки посетителям рвать на закуску, так сказать?

В родовом Валадарском замке Ивке ничего, кроме пары глотков кислющего столового вина за обедом, отродясь не предлагалось. Так что привычке пить взяться было неоткуда.

Поев, Иринка расплатилась за обед, совмещенный с ужином, и, подойдя к стойке, осторожно осведомилась у скучающего человека-трактирщика, судя по объемистому пузу, явного любителя кухни собственного заведения:

– Ясных дней, звездных ночей! Лорр, я по соседству живу, но кухарки нет. И теперь сомневаюсь, стоит ли нанимать, уж больно у вас вкусно готовят. Можно договориться, чтоб от вас мне еду регулярно доставляли?

– Отчего бы не договориться? Маржа! – крикнул в сторону кухни собеседник, вызывая супругу, на удивление худощавую женщину с приятным простоватым лицом в россыпи крупных рыжих веснушек.

Через несколько минут все было улажено. Аванс на трехразовое питание уплачен за пятидневку вперед. (В здешних краях часто считали пятерками, ориентируясь на самый подходящий материал для счета – собственные пальцы.) Меню тоже согласовали. Иринка и Ивка одинаково не любили острой пищи. Маржа пообещала, что ее сынишка будет доставлять на тележке корзинку с заказом к калитке дома Шипоцвета. Вот и пришлось кстати дверка внизу – ее как раз должно было хватить, чтобы корзинку протолкнуть. Для подачи сигнала о доставке Иринка обещала повесить у ворот колокольчик.

Чувствовалось, Марже жуть как хотелось узнать, под каким кустом собирается ночевать новая владелица развалин и почему не желает остановиться на приличном постоялом дворе, где сдаются комнаты, но все-таки женщина от расспросов удержалась. Наверное, три солнышка, из которых как минимум половина золотой монетки была чаевыми, помогли. Сработало негласное правило, действующее и в Меладе: если клиент щедро платит – пусть творит, чего пожелает! Может, пришлой эльфийке под своими кустами привычнее и приятнее спать, чем под крышей. Или, что более вероятно, Маржа собиралась после первой доставки расспросить сынишку.

Кстати, Иринка и сама не смогла бы сейчас ответить на вопрос, какого черта она собирается спать на диване в подвале, вместо того чтобы снять комнату тут – из экономии, читай жмотства, или ее что-то снова тянуло в руины.

А может быть, все было банально и просто: в кои-то веки в двух мирах у нее, Иринки Ивкиной, и Ивэйды, княжны Валадарской, появился свой дом. Уголок, полностью принадлежащий ей самой: не родителям, не в ипотеку, не в аренду – целиком ее собственный, купленный за звонкую монету. Пусть подвал, зато жилплощадь и удобства в нем такие – не каждый таунхаус сравнится!

Второй раз в свой подвал Иринка спускалась уже почти привычно, избегая коварных провалов на лестнице. Отперла кольцом-ключом дверь, притворила ее за собой. Кстати, интересно, чтобы войти, ключ требовался, хоть никаких видимых замков не имелось, а для выхода было достаточно лишь взяться за ручку двери и потянуть.

На диван Иринка уже почти упала, прикрывшись успевшим чудесным образом просохнуть халатом покойного лорра Шипоцвета. Ровный свет деревянных панелей затух сам собой.

Спала новая хозяйка подземелья без сновидений. Ни кошмаров, ни откровений не явилось ей в грезах, ни один бог или призрак на огонек не заглянул. Что в принципе не могло не радовать. Умиротворяющее мурлыканье и мягкая шерстка Маруськи сыграли роль превосходного снотворного. Девушка выспалась, как мало где и когда.

Утро в окна не заглянуло по причине отсутствия таковых, но вставать Иринка все-таки решила. Раз выспалась, чего разлеживаться? Реагируя на движение, снова засветились деревянные

«фотоэлементы». И кажется, их свет был чуток поярче, чем вчера. То ли подземный дом понемногу начал восстанавливать свои рунные функции, избавившись от стопора магии – ритуального круга с мумифицированной жертвой, то ли сама попаданка была вчера такой усталой, что даже свет панелей казался ей тусклым.

Иринка застелила диван, умылась и отправилась наружу, в свои развалины. Время завтрака еще не наступило, но подышать воздухом и полазить стоило. А ну как еще один подвал найдется? На груды золота и серебра она не претендует, но хранилище посуды ее бы здорово выручило!

Иринка шутливо мечтала о всякой ерунде и особенно не гладела по сторонам. Поэтому, когда реальность таки достучалась до органов зрения, шок был полным и всеобъемлющим. Милашка-вампиричка встала столбом и банально раззявила рот.

Пустыря как нагромождения камней с редкими куртинами травы и корявыми несуразными кустами больше не было. То, что возникло в одну ночь на месте развалин, было зеленым ковром плюща с белыми нарядными цветочками, прежде имевшимися лишь в ее венке. Груды хаотично нагроможденных камней пропали, как не бывало, остались лишь несколько самых высоких остатков стен и скоплений обломков рядом с ними. Все остальное ушло в живой ковер, как в воду. И вот тут Иринка не была уверена – то ли растворилось в ней, как сахар, то ли было утянуто в земные недра, чтобы не мешало при ходьбе и не нарушало эстетичности вида.

На живом же, мягко пружинящем под ногами травяном газоне выросло нечто, свитое из гибких стволов цвета свежей соломы, но с шипами и зелеными листьями, сплетающимися в крышу. Дом, шале, бунгало?

Иринка отодвинула завесу, напоминающую усовершенствованную бамбуковую ширму-штору повышенной плотности, и вошла внутрь. Сквозь заплетенные еще одной разновидностью плюща овальные окна спокойно лился утренний свет. Внутри все было сделано из того же плюща: кровать, глубокое кресло, маленький столик рядом с ложем. Если не знать о безусловной ядовитости вампирского растения-симбионта, со стороны все выглядело светло, изящно и очень мило. Практически по-эльфийски! Словно плющ оказался наглым

подражателем и передрал понравившийся Иринке стиль меблировки убежища лорра Шипоцвета.

Не доверяя визуальному впечатлению, Иринка разулась и по чуть теплomu полу – подогрев мейд ин ядоцвет, – также составленному из переплетенных меж собой лоз плюща, прошла к кровати. На ней даже подушка и матрас были свиты из листьев и побегов ядоцвета. Девушка присела осторожно, потом поерзала и под конец даже с чувством попрыгала по умеренно мягкой, пружинистой поверхности.

Похоже, симбионт в своей растительной архитектуре учел все вкусы девушки. Именно такой матрас она бы выбрала себе сама. На таком желала бы валяться, отдыхая, и спать. Удобная кровать, так же как и ночная тишина, – это священный залог сладкого сна.

Пусть домик, выросший за ночь, был невелик, но очень уютен. Даже если в нем окажется прохладно спать, с ролью официального места, где проживает законная хозяйка развалин владений Шипоцвета, он справится безукоризненно. И вопросов никаких не будет. Дом вырос за ночь? Ну так эльфийка вырастила. Бывает!

Публика получила очередное внешнее подтверждение принадлежности новой владелицы развалин Шипоцвета к роду эльфов. Живые дома всегда были фишкой дивнорожденных. Каким уж образом маскирующийся под невинный веночек ядоцвет ухитрился слямзить талант у остроухих адептов Лайшеаллы и применить на практике, Иринка не знала, но претензий предъявлять не собиралась. Напротив, девушка подняла руку и ласково погладила головное украшение, постаравшись передать ему свою благодарность и радость. Довольная волна – подтверждение своеобразной разумности симбионта – стала ей ответом.

Так что жильё у Иринки теперь имелось и с собственной точки зрения, и по мнению обывателей. Осталось придумать, на что жить. Денежки в любом из миров, как бы много их ни имелось, обладают неприятным свойством заканчиваться в самый неподходящий момент, если отсутствует постоянный источник их пополнения. Не шляться же Иринке по лесам, вылавливая маньяков! Во-первых, маньяки – штучные экземпляры, часто не попадаются, во-вторых, еще не факт, что именно она очередным маньяком закусит и финансовое свое состояние поправит. А если наоборот? Спонсировать убийц Иришка не нанималась!

Философские рассуждения о вечном – и скажите, что деньги это не вечная тема! – пресек сдавленный детский вскрик. Иринка выскочила из новостройки, пробежалась до ворот, туда, куда ее вел, как компас, венок на голове.

У ворот, подвешенный вверх ногами, болтался в цепких лианах сторожевого ядоцвета пацан, крайне похожий веснушками на трактирщицу. Рядом с ним стояла, вернее, лежала, опрокинувшись набок, корзинка с едой. Первым делом голодная вампирочка подняла корзинку, спасая свой завтрак, потом переключилась на качественно связанного, даже кляп в виде листика имелся, мальчишку. Тот бешено пучил глаза, но не задыхался. И вообще, насколько Иринка помнила себя, ребенка, повисеть чуток вверх ногами в детстве ей всегда было за удовольствие. Это чем старше, тем неприятнее переносить то, что в детстве было в кайф. В том числе и такую вот акробатику.

– Я что-то неправильно объяснила лорре Марже? Вроде бы договорились, что корзину будут оставлять у ворот, пока я колокольчик не повешу. Задаток уплачен, – отогнув листик-кляп у рта маленького вторженца, сообщила девушка.

– Простите, лорра, я думал поднести, передать, – пискнул мальчишка, а плети, сжимавшие его, сжались чуть сильнее.

Иринка, уже уяснившая, что у нее на голове находится нечто вроде живого пульта управления от всего растительного великолепия на участке, откуда приходит и куда поступает вся информация от уникального симбионта, цокнула языком.

– Врешь!

– Звездной Четверкой клянусь, лорра, не умышлял худого, но уж больно любопытно стало. – Красный от прилива крови к голове мальчишка стал еще более насыщенно-алым, запольхали даже уши. – Никогда мы чужого не брали!

– Если бы злоумышлял, худо тебе было бы, – задумчиво согласилась Иринка и постучала по лиане, отдавая мысленный приказ веночку отпустить малолетнего балбеса, всей виной которого было неумное любопытство. Осталось только пожать плечами, как бандиты в мультике про капитана Врунгеля, и констатировать: «Ва бене!»

Плети разжались, возвращаясь в изначальное состояние невинных побегов живописного плюща, и паренек шлепнулся на мягкий цветочный ковер, заменивший корявую несуразность развалин.

– Без меня и моего разрешения сюда входить нельзя, – добавила девушка, напрямую получавшая сейчас данные от венка.

– Задушили бы? – предположил мальчишка, округлив глаза и замирая от сладкого ужаса.

– Эти милые цветочки, малыш, зовутся плющ-ядоцвет. Они прекрасны и невинны с виду, но безопасны лишь для меня. Как ядоцвет погубит незваного гостя, он сам решит: задушит, отравит, погрузит в вечный сон и выпьет все соки или просто свяжет и оставит медленно умирать.

– Ух ты! – В очередной раз поставив Иринку в тупик детской логикой вместо того, чтобы испугаться, пацан буквально засветился восторгом. Кажется, засияла каждая веснушка на его круглой мордахе, ядоцвету же достался воистину восхищенный взгляд.

– А говорили, здесь теперь никакая магия знаков не действует! – выпалил мальчишка.

– Так то магия знаков, а ядоцвет – древнее растение, он сам растет и сам создает себе столько магии, сколько нужно, – рассеянно отозвалась Иринка, транслируя то, что стало достоянием ее разума, контактирующего с «чудо-веночком». – Так что ты лучше за ворота не лезь. Оставляй еду. Я уже обещала, колокольчик куплю, повешу рядом. Позвонишь, знак подашь, и довольноно.

– За пустой-то посудой можно входить? – жалобно попытался выторговать право на кусочек приобщения к чуду мальчишка, лупая на прекрасную лорру светлыми глазками, опущенными белесыми ресницами.

– За посудой можно, но от ворот не отходи. Я не всегда дома бываю. Повиснешь ненароком снова и не пять минут, а пять часов тут проторчишь.

– Понял, лорра, дальше двух шагов от ворот не полезу! – истово пообещал пацаненок, нарисовав на груди размашистый знак божественной четырехлучевой звезды в качестве подтверждения клятвы. И не утерпел, поделился впечатлениями: – Красиво у вас тут стало! Сад вместо развалин, дом-беседка. Красивей, чем в парке наместника Келдирета!

– Будто ты там бывал, – усмехнулась наивной лести Иринка.

– А то! На спор с краснобрешинскими пацанами лазали, – похвастался герой. – Там, конечно, сторожа и псы для охраны, но они

ж не могут каждую щель в решетке сторожить, особенно если наместник в отъезде, а у них пиво. Если к особняку не лезть близко, все рассмотреть можно!

– Да уж, пиво для мужчин – это святое, – хихикнула девушка. – Спасибо за завтрак, корзинку с посудой я у ворот оставлю, заберешь, когда обед принесешь.

– Хорошо, лорра. У вас тут небось так, как в эльфийских куцах, все такое... такое... – Паренек не нашел слов для описания, только руками в воздухе потрепыхал.

– Понятия не имею, никогда там не бывала, – честно ответила Иринка, выпроваживая гостя за ворота легким тычком в место пониже спины.

Корзинку с завтраком девушка в подвал не потащила, решила перекусить в наземной части владений. Ну и пусть на кровати (кресло оказалось слишком низким и глубоким для трапезы). Кому не нравится, пусть не смотрит! Да и не смотрит никто, если только боги. Да и те вряд ли. У них других развлечений и забот хватает, чтобы тратить время на созерцание завтрака вампирши, которую почему-то упорно считают эльфийкой. Вот и сынишка трактирщиков принял ее за дивнорожденную. Слишком часто такое случалось в последнее время, чтобы твердить о случайности. У Иринки закралось подозрение, что нераспознаваемость расы является характерной особенностью вампиров рода Темного Искусства. А что, универсальная маскировка! Окружающие видят лишь то, что хотят видеть. Но не ходить же ей, бедняжке, с раскрытым ртом и выпущенными клыками, демонстрируя народу внешние вампирские признаки для развеивания заблуждений? В конце концов, считается неэтичным только намеренно выдавать себя за создание другой расы. Насчет добровольных заблуждений в традициях ничего не прописано. А она девушка хрупкая, почти безобидная (не считая ядовитого венка и змейки), обидеть каждый может. Так пусть ее обидчиков ждет парочка-тройка смертельных сюрпризов!

Открыв первый горшочек, Иринка принялась и уныло спросила пространство:

– Это чего, и тут овсянка? Ни за что!

Полезно-питательная каша была в полном объеме решительно слита под корни ядоцвета за порогом бунгало. Плющу, кажется,

понравилось. Во всяком случае, растительный покров впитал кашку молниеносно. Все остальное девушка съела и выпила сама: оладушки, горячий травяной настой, булочки, сыр и даже пару яблок. В отдельное глубокое блюдечко Иринка налила заранее оговоренную с трактирщицей порцию молока для резвящейся где-то на территории владений Шипоцвета Маруси. Поползает, вернется и покушает. Конечно, в охоте маскарадница специалистка, взять хоть утешительную мышку для Иринки. Но, насколько помнила попаданка из детских книжек («Маугли», к примеру), молочком змейки тоже никогда не брезговали. Пусть хвостатая подружка и защитница угостится!

Ощущая приятную сытость, новая владелица недвижимости в элитной части города Мелада задумчиво процитировала пошловатый стишок:

– Куда б пойти, куда б податься...

Обустройством владений ядоцвет всерьез занялся без участия девушки, вон какое бунгало за ночь отгрохал! Так что все, что осталось на долю двуногого и свободного в передвижениях симбионта – приобретение мелочей для пущего комфорта. Постельное белье из ткани плющ сотворить не мог. Зато Иринка могла. Нет, не сотворить. Понятное дело, ткать ни Иринка-попаданка, ни Ивка-вампирика не умели, зато купить нужное – почему бы и нет?

Где находится ближайшая точка – рынок не рынок, базар не базар, – словом, местечко, торгующее всем, в том числе полезными в хозяйстве вещичками, посудой и одеждой, она знала. А все благодаря вкусненькому вчерашнему сутенеру! На секунду насторожившись, девушка прислушалась к себе и облегченно перевела дух: дикого голода и жажды, призывающих устроить в Меладе кровавый беспредел, по-прежнему не ощущалось. Она сейчас даже перекусить не хотела каким-нибудь шоколадно-трюфельным злодеем мелкого или крупного пошиба.

Может, ее голод вообще будет просыпаться лишь изредка или только тогда, когда рядом подходящий кандидат на закуску объявится? А что, удобно! Иринка в очередной раз удивилась и порадовалась адаптивности психики доставшегося ей тела. Признаться честно, как сама землянка Ивкина отреагировала бы на свалившийся на нее дурдом со сменой диеты, Ирина адекватно оценить не могла. Вполне

вероятно, рехнулась бы, а Ивэйда ничего, приспособилась и получает удовольствие от процесса.

Пока девушка рассуждала, вернулась Маруська, приползла к блюдечку и занялась молоком с благодарным мурлыканьем. Уровень жидкости в таре быстро уменьшался.

Глава 10

Аптечно-торговая

Набросив на себя уже порядком опостылевший, крайне качественный и условно чистый плащ эльфийской работы (плюс один к маскировке расы), Иринка собралась на торговый променад по Меладу. Но за ворота в одиночку выйти не успела. Маруська, покончив с молоком, быстренько скользнула за пазуху девушки, совершенно бесстыжим образом вытерев испачканную молоком мордочку об одежду. Что в очередной раз стало тонким намеком на толстые обстоятельства: пополнению гардероба быть! Не может же она таскать перешитые шмотки всяких мертвяков. И пусть вещички у покойного лорр-оль Шипоцвета вполне приличные, но юбки-то он не носил, исключительно брюки, лосины и штаны. Потому единственная уцелевшая после лесного забега деталь туалета модели «юбка» уже никакой критики не выдерживала. Не спасал даже нейтральный темно-серый цвет, искусно маскирующий грязь. Ведь Иринка-то знала, где ее одежонке пришлось побывать! Нет, если бы брюки признавались здешним обществом допустимой женской одеждой не только для особ вольного нрава, Ивкина бы еще могла потянуть время, но на нет и суда нет.

Иринка вышла из дома и, потянув носом невыносимое амбре, доносящееся от соседской курительной урны, решительно пошла в прямо противоположном направлении. К цели можно идти разными дорогами, избежав зверского надругательства над обонянием. Гном, конечно, мужик хороший, но его табак хуже слезоточивого газа.

Прогулочным шагом следовала девушка к цели, никуда не спеша, с интересом оглядываясь. Память-ориентир – это здорово, но своими глазами все увидеть – еще лучше.

В основном квартал был застроен особняками и домами, на это звание пытающимися претендовать. Но попадались и здания, не укрытые за оградами, а мало того что смотрящие окнами на улицу, но и впусившие на первые этажи заведения, приносящие прибыль. Иринка навскидку идентифицировала приличный ресторан, пару кафе,

небольшую ювелирную лавочку, шляпную, булочную-пекарню, кондитерскую. И даже аптеку!

Ивкина едва не пустила слезу от ностальгического умиления. Почему-то в ее родном городе, как не раз отмечали приезжие, концентрация аптек на один квадратный метр улицы просто зашкаливала. Кроме шуток, аптеки встречались едва ли не через каждые десять метров. И что самое удивительное, не прогорали. То ли торговали какой-то неведомой иногородним панацеей из-под полы, то ли местный люд очень любил и умел лечиться. Или, как вариант, настолько не доверял официальной медицине, что стремился скупить весь ассортимент лекарств, но в поликлинику на прием не ходил. Сама Иринка предпочитала вовсе не болеть, а если уж прилетала какая-нибудь бяка, то лечилась ударными темпами и через три дня вставала на ноги.

Как бы то ни было, но сейчас нежданно разыграла ностальгия, и Иринку потянуло в аптеку. Отказывать себе в невинном желании поглазеть девушка причины не видела. Толкнула тяжелую дверь со звякнувшим колокольчиком (такой же срочно надо приобрести!) и вошла.

Изнутри аптека оказалась неожиданно больше, чем выглядела снаружи. Кажется, она занимала не один этаж, а два, и потолка-перегородки между ними не было. Лишь прилавок с мерными весами-чашами и высоченные шкафы с лесенками в простенках. Полки ломились от колбочек, коробов, коробочек, баночек всевозможных форм, расцветок и, наверное, запахов. В самом помещении пахло едва уловимо и приятно – сухим разнотравьем. Незажженные по светлому времени суток лампы-шары, сделанные как витражи из цветного стекла, располагались по периметру помещения на красивых цепях.

Но самым прикольным оказался аптекарь. Не седобородый дед, не мудрая златокося эльфийка с глазами-омутами вечности и не таинственный красавчик-вампир, а зеленокожий морщинистый гремлин с развесистыми ушами-лопухами. На кончиках их и из недр торчали редкие метелки седых волос. Ничего общего с великим и мудрым Йодой в потертом сером халатике этот тип тоже не имел.

Выглядел аптекарь неординарно: кожаный рабочий фартук у него сочетался с кипенно-белой щегольской рубашкой с закатанными до локтей рукавами. Лысую голову аборигена венчал потрясающий

головной убор – один в один пиратская треуголка с блестящей брошью. Так блеснуть может либо очень крупная истинная драгоценность, либо фальшивка. Но что-то подсказывало Иринке, что здесь имеет место быть первый вариант. А еще у гремлины имелось большое и круглое пенсне в золотой оправе на цепочке. Словом, аптекарь покорила Иринку с первого взгляда. Она замерла у порога, уставившись на колоритное создание в немом восхищении.

– Что, какую гадость сожрала и так расслабило, что стоишь и кашлянуть боишься? – «вежливо» поприветствовал гремлин единственную посетительницу.

Иринка проглотила первую же цитату, пришедшую на ум: «Чувак, ты ох...но прекрасен», – и выразилась более вежливо:

– В первый раз вижу такого потрясающего аптекаря! Замерла от восторга!

– Да ладно, еще скажи, что я вкусный, клыкастенькая, – цинично хмыкнул аптекарь, глянув через пенсне и безошибочно идентифицировав расу гостьи, затем привстал на высокой трехногий табуретке.

Иринка принялась и с радостью констатировала:

– Не скажу!

Какой бы ехидной ни был ее собеседник, шоколадом и сладостями от него не пахло.

– Хм, подь сюда, – чем-то заинтересовался польщенный аптекарь, поглубже вставляя пенсне в глазницу.

Иринка охотно подошла, продолжая жадно глазеть по сторонам и на гремлину. Глаза разбегались, хотелось повертеть в руках и понюхать все и сразу.

Бутылочно-зеленые сверкающие из-под кожистых век глазки аптекаря впились не в миленькое личико посетительницы, а куда-то выше переносицы. Жадный интерес полыхал с фанатичной одержимостью. «Полезет за зеленкой, чтоб помазать лоб, буду орать», – мысленно ухмыльнулась девушка, подходя к гремлину.

Тот еще раз покрутил стопроцентно артефактно-рунное пенсне, взобрался на прилавок с ногами и едва не облизал Иринку, изучая, как только теперь до попаданки дошло, не ее физиономию и не причудливо-перламутровый отлив волос, а венчик.

– Ядоцвет? Он твой симбионт? – таинственным шепотом спросил гремлин.

– Да, – чуть удивленно подтвердила девушка, не понимая собеседника.

– Предлагаю сделку! – объявил гремлин и представился: – Я Грапос, лучший аптекарь если не города, то десятка кварталов окрест.

– Ивка, – назвалась в свою очередь Иринка тем прозвищем, какое кочевало с ней по двум мирам, и, почуяв запах прибыли, уточнила: – Какую сделку?

Грапос выставил вперед когтистую пятерню и пояснил:

– Цветки ядоцвета – один из главных компонентов нескольких редких лекарств. Но растет твоя прелесть в таких дебрях, кишаших монстрами, что сборщики вдесятеро против веса свежего цветка серебра требуют. Смекаешь? Сможешь цветочков раздобыть?

– Хм, Грапос, если ты не только в аптекарских делах, но и в деньгах смыслишь... – начала Иринка.

– Я же гремлин, – снисходительно напомнил тот.

– То давай считай, чтобы нам с тобой демпинг не устроить, сколько цветков можно на лекарства пустить.

– Ты хочешь сказать, у тебя их с избытком? – недоверчиво прищурился аптекарь, еще раз оглядев миленький веночек на голове собеседницы.

– Договор? – азартно спросила Ивка.

– Договор, лорра. Я партнеров не обманываю, Селадаром клянусь! – Когтистая лапка гремлина торжественно пожала тонкое запястье вампирочки.

– У меня этим плющом за ночь, как ковром, все развалины дома Шипоцвета покрылись, – выдала тайну, которая уже нынче днем всяко перестанет быть тайной, ибо ограда хоть и была высока, но не настолько, чтобы особенно любопытные не смогли заглянуть поверх. Правда, понять, что именно за милые цветики выросли у эльфы на руинах, еще надо было суметь.

– Хо-хо, так у тебя он не простой симбионт, а полное слияние! – Гремлин расхохотался и довольно прищелкнул когтистыми пальцами. Отсмеявшись, деловито справился: – Рвать цветки правильно умеешь?

– Откуда бы, я ж не эльфа. Я даже, что такое «полное слияние» значит, не ведаю.

– А то и значит, что мыслям твоим ядоцвет послушен и желаниям высказанным и неявным повинуется, – рассеянно отмахнулся от вопроса аптекарь-бизнесмен, принимаясь просчитывать варианты сбора редкого растения. – Хм, эльфу в дело брать и на процент сажать? Есть у меня одна знакомица-лекарка. Не жадна, не болтлива, с ней столкнуться можно. Ты как, лорра, к эльфам относишься?

– Бывают вкусные, – честно выпалила первое, что пришло в голову, Иринка и поправилась: – А если ты насчет нетерпимости или предрассудков, то нет, мне на расу плевать.

– Любым закусить можешь, ежели вкусный попадетсся? – цинично хохотнул Грапос и, стерев с морды кровожадную ухмылку, попросил: – Лады, только этой горло не рви.

– Пока не понюхаю, категорически обещать не стану, но бросаться, понятно, воздержусь. Бизнес – прежде всего. Кстати о бизнесе, какой мой процент? – деловито поинтересовалась вампирочка.

– Пятьдесят отдам. С эльфой, так и быть, из своих расчет поведу, – оторвал от сердца «выгодное» предложение острозубый аптекарь.

– Веселый ты дядька, неплохо позубоскалили, хороший розыгрыш, Селадара опять же уважаешь, – покивала Иринка, скроив задумчиво-разочарованную мордашу. – Ну, бывай, может, когда зайду, а может, и нет.

Девушка развернулась и направилась к двери. До гремлины смысл слов дошел с легким запозданием. Он пряданул ушами. Колокольчик на двери уже звякнул прощальное «бл юм», когда Грапос очухался и завопил:

– Лорра, куда?

– Туда, где бизнес с партнерами ведут честно, – повела плечом Иринка.

– Шестьдесят, шестьдесят пять, семьдесят... Но я еще сушить и готовить буду и эльфе отстегивать! – Монокль выпал и повис на цепочке отчаянно жестикулирующего гремлины.

– А без меня эти дефицитные цветики вообще не растут, – намекнула вампирша, обернувшись-таки к прохиндею.

– Твое слово? – встопорщил уши Грапос.

– Восемьдесят пять, но за тобой эксклюзивное право на торговлю и определение объемов сбыта. Плюс мне за обиду компенсацию, – улыбнулась Иринка.

– Жадная ты, как греmlin с гоблином, гномом прибавленные! И без обид давай! Как я сам-то, без торговлишки хоть малой, партнеру назначить бы процент мог? Селадар не велит! – то ли укорил, то ли похвалил аптекарь. И нехотя уточнил вопрос компенсации: – Сколько?

– Я не жадная, а домовитая. Считаю, что денег должно быть столько, чтобы о них не думать. У каждого пороговая сумма своя. До моей мне зарабатывать и зарабатывать, но с тебя я сейчас, до первого товара, ничего брать не буду. Мы ж еще ни монеты прибыли не получили, – объяснила свою позицию девушка.

– Пойдет. Что хочешь? – принял разумные условия аптекарь.

Возможно, не последнюю роль в его поразительной уступчивости сыграла головка пушистой змейки, заинтересованно выглянувшей из-под плаща. Нет, змей, даже очень ядовитых, Грапос не боялся. Гремлины были поразительно живучими созданиями, способными оклематься даже после укуса такой красавицы. Зато аптекарь превосходно знал с полсотни ценнейших древних рецептов, в которые входил добровольно отданный яд маскарадницы. Пусть приставать с просьбами о сборе дефицитного продукта с ходу не стал, но на корочку записал.

– Право безнаказанно глазеть в твоей аптеке, трогать и нюхать все, что захочу! Чтоб только опасное не разрешал! – торжественно объявила странное условие любопытная Иринка.

– Чего? – удивился несуразному требованию Грапос.

– Я никогда раньше в таких офигенных аптеках не была, страсть до чего хочется по полкам полазить, – откровенно объяснила вампирка.

– Из какой же чащи ты вылезла? – покачал ушами греmlin. – Что, и впрямь не была?

– Ни разочка, – преувеличенно жалобно поклялась попаданка, никаких местных богов в свидетели своих слов не призывая. И, состроив щенячьи глазки, протянула: – Ну пожа-а-алуйста!

– Смотри, Селадар с тобой, – сдался польщенный Грапос, махнув когтистой лапкой. – Только не разбей и не пролей ничего.

– Я аккуратненько, – восхищенно выдохнула Иринка, в порыве чувств чмокнула аптекаря куда-то в район левого уха, бережно поправила его треуголку и вскарабкалась на лесенку. Глаза возбужденно горели, попаданка утопала в удовольствии.

Гремлин удивленно покосился на осторожно перебирающую товары девушку и покачал головой. Он себе постоянного помощника сыскать не мог уж больше двух десятков лет. Кандидаты не от одного, так от другого лекарства из его запасов начинали чихать, чесаться, блевать иль еще чего похуже. А эта вон уже пятую полку потрошит и ничего – ни слез на глазах, ни чиха, ни пятен на мордахе. Может, не там он себе подручного искал? Не гоблина, гремлины или орчонка, а вампирчика сметливого надобно было пробовать?

– Уй, какой классный запах! Я бы себе духи такие хотела! – блаженно протянула Иринка, сунув нос в очередную банку с содержимым, больше всего напоминавшим какой-то чайный фруктовый сбор. Запах был изумительным: нотки арбуза, мяты, земляники.

Грапос хохотнул:

– Ты всерьез? Это же от запора заваривают!

– Вот досада, – огорчилась девушка. – Очень уж здорово пахнет! Так бы и нюхала! Интересно, а можно хоть пару основных нот отсюда сохранить и чем-то другим третью заменить, чтоб народ, учуяв, про болезни не думал?

– С Мелиссой Бейлис познакомишься и спросишь. Она вроде как иногда этим балуется, составит тебе аромат, – предложил аптекарь.

– Это так нашу потенциальную сборщицу ядоцвета зовут? – со смешком уточнила Иринка, припоминая особенности эльфийских имен, неизменно связанных с растениями. Это касалось в большей степени имени родового, чем личного.

Гремлин, занятый какими-то расчетами в большой толстой тетради с кожаным переплетом, угукнул и со скрипом почесал палочкой-карандашом в ухе.

– Она в городе не слишком давно, практику медленно расширяет. Деньги никогда лишними не считает.

– Наша девушка! – одобрила Иринка.

Она сама никогда патологической жадностью не страдала, но, съехав от родителей, приучила себя к расчетам даже в мелочах. Идти

на поклон к родакам и клянчить пару тыщенок до зарплаты или жрать одну лапшу, залитую кипятком, – считала равно унижительным. Потому расчеты, подработки и еще раз расчеты. И это все притом, что невыносимо хотелось иной раз вкусняшку слопать и шмотку стильную прикупить. Потому поневоле научилась рассчитывать, но не получать от процесса удовольствие. Так и продолжала по накатанной, даже отхватив новую должность и повышение зарплаты.

Часика через полтора Иринка закончила вдумчивое исследование недр еще одного шкафа. Причем шебаршилась молча, довольно быстро обнаружив ярлычки, сделанные гремлином к каждой единице товара на полках.

Шифром Грапос не пользовался, даже писал на общем, просто расписывал все для себя, потому его бисерные буквы еще надо было сопоставить с содержимым и истолковать. Скажем, на той дивно пахнущей банке было наклеено «о-з-ра». А что это не набор рун во славу Селадара, а надпись «от запора», еще поди догадайся. Иринка с удовольствием поиграла в шарады. «От кашля, болей в животе, головы и для заживления ран» вообще сразу разгадала. Кое-что, к примеру, «для стояка» – разгадалось не сразу, а что-то, вроде таинственного «джс», пока не разгадалось вовсе. Но девушка с вопросами к аптекарю не приставала, сочтя игру в разгадки дополнительным удовольствием, совмещенным с правом полного доступа.

Доктором ей никогда быть не хотелось, фармацевтом или поваром тоже, а вот неторопливые развлечения вроде кроссворда в пику бешеному темпу жизни и работы Иринка любила. Так она и восприняла аптеку Грапоса, как громадный 4D кроссворд с иллюстрациями.

– Насмотрелась? – добродушно, насколько это возможно при острых зубах и условно-пиратском виде, поинтересовался греmlin, видя, как ставит вампирочка лестницу в уголок. Туда, откуда взяла.

– Нет, оставлю на потом, хорошего понемножку, чтоб передоза позитива не было, – заулыбалась довольная Иринка.

– Так, может, в ученицы ко мне пойдешь? – ехидно оскалился Грапос.

– Не-э-э... Если удовольствие становится работой, то удовольствием быть перестает в девяноста случаях из ста, не будем

рисковать, – отказалась исследовательница и, по-дружески простившись с аптекарем, отправилась за покупками дальше.

Глава 11

За покупками!

Базарное утро было уже в самом разгаре. Иринка вовсю крутила головой и балдела от многоголосой, многорасовой, шумной пестроты. Ей все было в диковинку и все интересно. Лавки с вывесками всевозможных стилей, расцветок, материалов, развалы с тентами и без, шумные зубоскалы-лоточники, предлагающие всякую галантерейную мелочовку и пирожки, напитки, сласти для проголодавшихся покупателей. Все было классно! А за кошелек и жизнь благодаря Маруське, шарфиком чутко дремавшей на груди, попаданка совершенно не опасалась.

Раскатистый бас Райхо отвлек девушку от развлечения.

– Лорра, нынче пришла здесь поголовье жуликов изводить? – окликнул знакомую здоровяк.

– Чего это сразу изводить? – шутливо возмутилась Иринка. – Может, мы с Марусей выведением новой породы занимаемся – воров с обостренной интуицией и повышенной осторожностью. Все для блага города Мелада!

Великан с перебитым носом расхохотался.

– Так-то оно хорошо, да опаска берет – в мертвячьей мест не хватит для отходов, гм, выведения. Ищешь-то чего снова, лорра?

– Из одежды прикупить кое-что надо и для постели, – честно призналась здоровяку девушка.

– Это тебе в крайние ряды надо. – Громадная лапа корра стражей ткнула, указывая направление. – Портновские лавки там и тканями на отрез тоже торгуют!

– Спасибо, лорр! – Сориентированная Иринка скорректировала направление движения и двинулась к полосатым тентам, удивительно похожим расцветкой на базарные палатки ее мира. Только эти больше напоминали невысокие шатры, чем палатки.

И торговали там и впрямь бельем для сна, то есть всякими безразмерными ночнушками, колпаками и прочими аксессуарами, но не наволочками, пододеяльниками и простынями.

Иринка запоздало сверилась с памятью Ивэйды и приуныла. Единых стандартов мебели, в том числе и спальни, в природе многорасового мира не существовало в принципе, как не существовало и стандарта постельного белья для нее. Все подушки, матрасы и одеяла попросту заворачивали в отрезы ткани, отмеряемые исключительно по заявке клиента. Потому Райхо и говорил про торговлю «на отрез».

Обидно! Мечта о белом или нежной расцветки, пахнущем свежестью комплекте для двуспальной кровати, свитой замечательным симбионтом, приказала долго жить.

Покупательница в легкой тоске обзревала рулоны весьма неплохой ткани, схожей на вид и ощупь с хлопком и льном. На шелк Ивка не претендовала. Нет, вовсе не из скромности или экономии – скользить по кровати не любила, предпочитала кататься.

Судя по услышанным краем уха ценам, стоил материал недорого. Наверное, в изготовлении тоже использовались рунные инструменты, ускоряющие и облегчающие процесс ткачества.

Тут Иринка не могла не одобрить Звездную Четверку богов и ее политику касательно дарования магических финтифлюшек. Файерболами с двух рук швыряться – дурное дело нехитрое, а знаки выучить и их применение освоить – это как с иностранным языком, хоть какие-то мозги вкупе с усердием да нужны.

– Какую ткань купить хочешь, деточка? – обратилась к Иринке полная женщина, почти вплотную приблизившаяся к тому порогу, где вручают почетный титул «бабушка». Собеседница опиралась на мерный шест, с помощью которого только что оделила зеленым полотном гоблинку.

– Светлую, эту, – решила попаданка, ткнув в бледно-желтый рулон хлопка и, на глазок прикинув, сообщила запрошенные размеры. – Две на две мерки – один кусок, одну на половину мерки – два куска и последний три на три мерки. И буду благодарна, если подскажете где неподалеку мастериц, быстро орудующих иглой, найти можно.

– Полотенчиков, что ли, набор пошить надумала? – добродушно поинтересовалась торговка, не спеша братья за мерную жердь и громадные острые ножницы. – Так это тебе через три прилавка к Надейше надо, у нее готовые сыщешь.

– Нет, мне нужна именно ткань и именно такого размера, и место, где из нее что-то вроде мешков сшить смогут, – постаралась объяснить

максимально примитивно Иринка, понимая, что до концепции комплекта постельного белья этот дивный мир еще не дорос.

В прогрессора попаданка играть не желала категорически, совершенно разумно полагая, что основная масса таковых деятелей спускает все средства на продвижение идеи и в девяноста девяти случаях из ста остается у разбитого корыта. Либо, если идея удачно стартует, оканчивает жизнь в чужих подвалах в качестве дойных коров идей или в мертвячьей, если речь идет о не особо сговорчивых жертвах и перестаравшихся палачах. Без надежного покровителя в это болото даже соваться не стоит.

Счастливо избежав нескольких смертей, Иринка не собиралась неоправданно рисковать, потакая собственной коммерческой жилке и фантазиям из глупых книжек.

– Ой, если так, то тебе к племяшкам моим надо. Вон там! – Острые лезвия широких ножниц, взметнувшись в опасной близости от лица Иринки, указали направление на лавку, вывеска которой вмещала стилизованные изображения мотка ниток, иголок, пальцев и прочей швейной дребедени. Ан нет, не изображения! Все это добро было натуральным, просто накрепко пришпандорено к деревянному съемному кругу.

Про заказ торговка больше не переспрашивала, четко отчекржила все четыре заказанных куска и за пару монет вручила девушке. Та с охалкой покупок ввалилась в швейную лавку и под озадаченными взглядами трех пар женских глаз изложила свою просьбу. Сшить ткань по краям и сделать завязки.

Пуговицы Иринка решила не заказывать, чтобы мозг у швей не порвало окончательно. Они и так вылупились на заказчицу с явным сомнением в ее душевном здоровье. Одна, самая молоденькая, даже участливо подсказала:

– Может, одну завязку для мешочков делать будем, веревочку продернем по шву? Так проще завязать будет и надежнее.

– Нет, – решительно отказалась от рацпредложения попаданка и, пока ей не вызвали местный аналог специалистов для доставки в обитель с мягкими стенами, объяснила:

– Это не совсем мешочки, вернее, совсем не мешочки. Это для ритуала надо. И именно так!

– О! – В глазах людских девушек мгновенно зажегся свет понимания, и к работе они приступили вдохновенно и бойко. Ритуалы такая специфическая штука, у каждой расы свои, поди все узнай! И сомнения в душевном здоровье клиентки пропали окончательно. С ней даже стали советоваться по поводу цвета завязок и их длины. А потом, пока шили, втянули в разговор о новом белье в соседней эльфийской лавке. Оказывается, дивная Крисель выставила такие, прямо такие модели, что ох, ах, ух до чего стыд берет, но такие миленькие и такие кружа-а-авчики!

Иринка выглянула, чтобы разглядеть эти «ох, ах, ух», и едва челюсть не уронила. Вот кто оказался самым натуральным прогрессором! Вместо панталончиков, приличествующих девушкам и с детства носимых Ивэйдой, лавка передовой эльфийки торговала нижним бельем привычных попаданке моделей. Нет, стрингов не было, но обычные и с заниженной талией трусики выставлялись однозначно. Даже пара боди нашлась. Правда, очень броских расцветок, в малиновых и сиреневых тонах.

Пока девушки-сплетницы орудовали иголками со скоростью, лишь едва уступающей швейным машинкам, но ничуть не уступающей в качестве, Иринка не выдержала и прогулялась к лавке Крисель.

Особ дамского пола в торговом зале было едва ли не больше, чем сельдей в бочке, но они ничего не покупали. Только хихикали, подталкивали друг дружку локотками и розовели ушками, шейками, щечками, а кто-то и носиками, и трындели.

Статная, рослая и крупная, если не сказать полная, эльфийка явно скучала за стойкой, когда Иринка спросила:

– На меня нижнее белье белого, телесного или нежно-розового цвета найдется?

Крисель встрепенулась.

– Конечно, лорра! В примерочную пойдете? Какую модель предпочтете?

– Кто же нижнее белье меряет? Его прикидывают к телу, – удивилась Иринка. – А модель вон ту, можно еще такую или такую.

Попаданка ткнула в избранные вещички.

Крисель, лучась энтузиазмом, потащила клиентку прикидывать, а попаданка после беглого осмотра резюмировала:

– Красиво! Беру!

Портниха, до конца не уверенная в серьезности намерений клиентки, довольно заулыбалась и начала предлагать другой товар.

– Нет, мне пока хватит, лорра, – отказалась экономная Иринка. – Семь штук в самый раз. В жару только такие легкие модельки и носить.

Крисель, со своей пышной фигурой страдающая от избытка тепла и потертостей в интимных местах поболее худенькой Ивки, трагически вздохнула. Только из-за личных проблем она вообще отважилась на изобретение и выставку пробной партии прогрессивного белья. Но оно совершенно не пользовалось спросом. Покупательницы глазели, хихикали, краснели, сплетничали, но кошельки не развязывали. Разочарованная и боящаяся разорения портниха уже собиралась снимать товар и возвращаться к традиционным панталонам.

Почувяв угрозу своему благополучию – как это нормальной недельки свободно не купить! – Иринка тут же включила менеджера. Она деловито предложила Крисель:

– Во-первых, устроить из своих новинок платную выставку – пусть хоть по медяшке, а за право поглазеть брать;

– во-вторых, оборудовать для этого дела особую комнатку, куда пускать как бы нехотя и после уговоров;

– в-третьих, сшить еще несколько очень прогрессивных моделей белья, на контрасте с которыми обычные трусики будут смотреться образцом скромности. Тут же на листе бумаги Ивка накалякала косенькие контуры стрингов;

– в-четвертых, партию готового товара срочно сбыть с оптовой скидкой в какой-нибудь публичный дом, где дамы не страдают излишними предрассудками. Даже назвала адрес единственного известного, в который ее заманивал давеча вкусный сутенер.

Крисель внимала словам Иринки как откровению. Адресок «Цветущей ветви» и чертеж белья скатала в трубочку и спрятала в самое надежное место – потайной кармашек меж пышных грудей.

Расстались вампирка и эльфийка если не лучшими подругами, то добрыми приятельницами. Иринка собиралась зайти на досуге к изобретательнице. Особой нужды в лифчиках у обновленного тела Ивэйдды не было, высокая аккуратная грудь держалась сама, но ведь белье – это еще и красиво. Рано или поздно в ее жизни должен появиться тот, кому захочется красоту продемонстрировать, ну а не

появится, ему же хуже – Иринка Ивкина будет красива сама по себе! Как говорится, пусть сохнут те, кому мы не достались, пусть сдохнут те, кто нас не захотел!

С таким боевитым настроением девушка покидала лавку портнихи, гордо задрав носик. Стоило прикрыть дверь лавки Крисель, как кумушки, смолкшие при шествии покупательницы, снова затрындели, строя предположения касательно личности девицы, решившейся приобрести такое... такое... одним словом, бесстыдство.

Довольная Иринка вернулась в лавку, где ей споро дошивали «ритуальные мешки», то есть комплект постельного белья, и расплатилась с мастерицами. Если комплект, прикинутый на глазок, подойдет, то позже еще можно будет заказать. Теплое одеяло при нынешней жаре пока вообще без надобности, а потом уж под «мешочек» его подобрать на глазок дело не хитрое или просто еще один пододеяльник в проверенном месте сшить. Ритуал, дескать, шибко серьезный, требует еще пару комплектов мешочков иной расцветки...

Девицы тут же насели на заказчицу, выпытывая ее впечатления от «бесстыдства с кружавчиками» Крисель. И Иринка не подвела народ! Ожидания швей оправдались с лихвой, когда светловолосая заказчица, расплывшись в благодарной улыбке, объявила:

– Спасибо, что такое местечко интересное подсказали, лорры. Я себе сразу несколько штук прикупила. По нынешней городской жаре, которая не чета лесной прохладе, удобнее белья не подобрать! Нигде не трет. Опять же цена ниже, потому что расход ткани меньше.

Увы, продолжение речи об ударном воздействии белья на неподготовленную психику мужского пола пришлось опустить. Девицей облегченного поведения прослыть нетрудно, а вернуть репутацию куда труднее будет. Не то чтобы Иринку сильно беспокоило мнение толпы и отдельных ее единиц, но мало ли что от этого самого мнения будет зависеть в части финансов и предоставления услуг?

Оставив удивленных девиц переваривать рекламный посыл про экономичность обновок, попаданка рассчиталась за работу, забрала заказ и вышла. Трусики на тонких веревочках, завязывающихся бантиком вместо отсутствующих как класс резинок и комплект постельного белья грели душу поболее всяких лучших друзей девушек – бриллиантов. Наверное, ни одна такая подружка не

пробовала поспать в лесу на подстилке из хвои и уж тем более не пыталась спать на твердых драгоценных камнях и носить их вместо трусиков, а то бы живо согласилась с Иринкой.

Притормозив у обычной одежной лавки, она приобрела себе нормальный тонкий плащ опять же универсального эльфийского серого шелка, несколько юбок и кое-какие иные вещицы. Все покупки прямо здесь же в считанные минуты подогнали по фигуре заказчицы. Рубашками девушка решила пользоваться пока теми, что унаследовала от мумии, а денежки экономить. По счастью, в Меладе дамы уже успели оценить удобство кроя мужских рубашек и всюю ими пользовались, хотя и блузочки тоже носили, как же без этого.

Бронзовый колокольчик с мелодичным звоном стал следующей покупкой, и на этом шопинг пришлось сворачивать. Места для посуды в руках просто не осталось, а значит, девушке предстоял новый визит на базар или набег на ближайшую лавку с подходящим ассортиментом товара.

Счастливая попаданка с объемным свертком в обеих лапках выбиралась с базара. И тут девушку в очередной раз толкнул какой-то невежа и не только пихнул, но и попытался выдрать из рук ценный груз. Маруся отреагировала молниеносно.

– Опаньки, опять! – только и сказала Ивкина, проследив, как к ее ногам рухнул труп незадачливого вора. Змейка снова юркнула за пазуху, а Иринка обреченно набрала в грудь побольше воздуха и завопила на весь базар:

– Лорр Райхо! Лорр Райхо!

Стражник то ли патрулировал недалече, профессионально предчувствуя неприятности пятой точкой, то ли голосок у Иринки оказался нужной степени пронзительности. Зов был услышан.

Народ еще даже шуметь не начал, судача о трупе, а лорр Райхо уже сориентировался и добрался до цели меньше чем через минуту. Глянув на тело типа с мелкими крысиными чертами лица и однозначно опознав его, корр стражей только крякнул. Почесав в затылке, страж обреченно спросил:

– Породу, значит, выводить собралась?

– Оно само, – невинно захлопала глазками Иринка и только что ножкой не шаркнула, демонстрируя крайнюю степень смущения. Пальчиком не поковыряла из-за занятости рук.

– Само, значит, – хмыкнул Райхо и уточнил: – Еще какая надобность тебя на базаре держит?

– Нет, я домой шла, – порадовала собеседника Иринка.

– Вот и ступай, лорра, коль с делами закончила. Эх, если так пойдет, мне к тебе будет проще пару ребят для неотлучной охраны приставить, чем в мертвячью каждый день падаль таскать.

– Больше трупов, меньше воря, меньше воря – меньше трупов. И в итоге-то все будет ладушки. Нет? – светло улыбнулась остроухая красавица с перламутровыми волосами, кокетливо сдув со лба локон, выбившийся из-под присмотра миленького цветочного венка. Кажется, крохотная веточка прядку волос листиком подхватила и убрала в прическу.

– В итоге-то, может, и так, – задумчиво ухмыльнулся корр городских стражей и от души пнул труп. После чего пояснил: – Эта скотина в прошлом цикле у многодетной вдовы Гальди последние монеты стянула из кошеля. Мы с ребятами скидывались ей на житье, чтоб до новой оплаты заказа швея протянула.

– Эй, а если вы всю эту шушеру поименно и их вину досконально знаете, почему они по городу гуляют, а не в тюрьме сидят? – удивилась Иринка.

– Закон Мелада един для всех. За руку не схвачен, свидетелей нет, значит, гуляет до поры, – скривился Райхо. – А что и про кого мне птички поют, так то для приговора судьи не сгодится. Но знать тварей я обязан, рано или поздно любой промашку допустит, и тогда уж все припомним. Но с тобой, лорра, этого «поздно» они, чувствую, не дождутся. – Страж расплылся в хищной улыбке. – Ведь что занято, самая гнусная шваль из швали близ тебя последний вздох испускает.

– Шутки Вейхо, не иначе, – покорно согласилась Иринка, начиная подозревать, что это «жу-жу-жу» неспроста. Может статья, вампирская суть рода Темного Искуса и впрямь тянет к ней, как мошкару на огонек свечи, мерзавцев любой расы и заставляют не только шеи подставлять для перекуса, а вообще.

Этот, которого куснула маскарадница, на звание вкусняшки претендовать никак не мог. Или Иринка не успела почуять? Да нет, эльфа тогда она сразу распознала как съедобного. Значит, не каждый подонок для нее вкусен? Вероятно, отбор все же проходит по неизвестным критериям. Или дело не только в моральных качествах

жертвы, а в чем-то ином? Статистики маловато. Окончательные выводы рано делать.

Увы, спросить, так ли оно в самом деле, как ей кажется, или все ерунда, было не у кого. Знатоков вампирской сути под рукой не имелось. Мать из замка испарилась давненько, не оставив после себя никаких наставлений по сути и применению дара. Отец был другого рода и общаться с неудачной дочерью никогда особенно не желал. Может, потому, что та ему бывшую супругу напоминала, а может, как раз из-за того, что не напоминала. А сама Ивэйда истоками сути не интересовалась, только и знала, что лопать, пытаясь заглушить вечный голод. Впрочем, это ей, попаданке, сейчас легко девчонку упрекать. Сытый голодного не понимает. Негде и некем бедолаге было насытиться, а инстинкт спал. Только на границе жизни и смерти пробудился, чтобы хозяйку спасти.

Глава 12

Срочный выезд

У ворот особняка с внутренней стороны стояла доставленная корзинка с обедом. Вообще-то могла и снаружи постоять, в благополучном квартале никто бы ее потрошить не стал. Но колокольчик, купленный на базаре, Иринка все-таки сразу подвесила на пустой крюк, как и обещала любопытному пацаненку из трактира. Дернула цепочку и улыбнулась, услышав чистый перезвон.

Затем настала пора хозяйственных хлопот – постирать в ванне вместо таза постельное белье и все обновки. (Мало ли кто их до нее мерить на голое тело и пальцами хватать пытался?) По-быстрому завершив постирушку, Иринка развесила все на просушку по шикарным кустам ядоцвета. Зрелище вышло сюрреалистическим, особенно колоритно смотрелась неделька на одном из кустиков близ бунгало. Будто его специально нарядили к неведомому празднику. Посмеиваясь, девушка подхватила корзинку и спустилась в подzemелье. Есть суп на кровати не хотелось, а единственный нормальный высокий стол пока имелся только в кабинете покойного лорра Шипоцвета.

Еда из трактира благодаря толщине стенок горшочков и обертке из войлока оставалась в меру горячей. А на вкус опять оказалась выше всяких похвал. Поев и поделившись с Марусей (змейка сегодня изволила откусать супа), Иринка вымыла посуду и убрала в пустую корзинку. Только пару яблок на столе оставила для перекуса. Поднявшись из личных подземных владений, попаданка, прежде чем предаться часику блаженного ничегонеделанья, решила вернуть корзинку к воротам. И моцион после обеда, и под руками-ногами ничего путаться не будет. Ловкость-то теперь у нее, может, и вампирская, но внимательность точно человеческая: споткнуться обо что-нибудь легче легкого.

Иринка неспешно шествовала по мягко пружинящему ковру ядоцвета, точно беспечная Красная Шапочка по лесу, не ведающая о поджидающем ее сером волке. Впрочем, реши какой острозубый хищник подзакусить милой светловолосой девушкой, его ждал бы

серьезный ядовитый облом. Маруся, как обычно, притаилась на груди хозяйки, даже не прикрытая плащом. Если не заниматься пристальным осмотром, красавица-змейка на змею не походила совершенно, больше на миленький шарфик-боа. Когда-то у Иринки был почти такой же, только зеленого цвета, когда она экспериментировала с цветом прически и становилась то розовой, то зелененькой, то фиолетовой. Перламутровой быть прежде не приходилось, шанс выпал только сейчас.

Стук копыт, звон упряжи, лошадиный всхрап, истошный звон подвешенного колокольчика и решительная барабанная дробь ударов в ворота, раздавшаяся спустя секунду, слились в симфонию большой спешки.

Заинтересовавшись, Иришка опустила корзинку на землю и чуть приоткрыла калитку. На мостовой стоял всклокоченный старик с бешено сверкающими глазами, за ним виднелась роскошная черная карета с золотыми узорами и четверка лошадей. Самым спокойным среди публики был привычно подремывающий кучер на облучке средства передвижения.

– Ты принадлежишь к роду Темного Искусца, Грапос не ошибся? – вместо «ясных дней, звездных ночей, лорра» и собственного представления с ходу набросился на Иринку старикан в шикарнейшей широченной хламиде, шитой золотой нитью. Но гнева или страха в его хриплом голосе не было, лишь истовая надежда из тех, когда катастрофа почти свершилась и от бездны краха отделяет лишь соломинка веры в чудо.

Скрывать свое происхождение попаданка не очень-то хотела, скорее не собиралась афишировать, чтобы слухи об ее пристанище до любящей родни не докатились. Но раз вопрос был задан в лоб, то девушка ответила:

– Да.

– Следуй за мной, лорра!

– Куда? – опешила Иринка.

Вроде старик не походил на стражника или дознавателя. А инквизиции как таковой ни в провинции Мелад королевства Дилмар, ни вообще в людских землях не существовало в принципе, как и охотников на вампиров. Повсеместно, кажется, бродили лишь чистильщики – охотники на монстров.

– Селрик умирает! – выпалил старикан, пытаясь через щелку калитки вцепиться в руку Иринки и поволочь за собой.

– Я вашего Седрика не трогала! – выдирая руку, открестилась Иринка, подавив в себе желание завопить «это все Воландеморт!» и прикидывая, можно ли захлопнуть калитку перед носом ненормального дедка или лучше заорать, вызывая стражу.

– Селрик, сын наместника Келдирета, отравлен. Ты можешь его спасти! – торопливо объяснил, совершенно ничего не объясняя, взъерошенный старикан. – Лорр будет щедр!

– Я не лекарь, – попыталась возразить попаданка, до которой дошла причина спешки и всклокоченного вида деда. Если бы не встрепанный облик, то он выглядел бы очень благообразно: тонкий нос с едва заметной горбинкой, тонкие ниточки морщин, лучистые глаза, мягкие седые кудри волнами до плеч, дорогой плащ, скрывающий еще мощную, не усохшую фигуру. Только из-за седины визитера и можно было записать в старики.

– Я Дешуран, личный лекарь семьи наместника, но помочь не в силах. Твой дар – последняя надежда! – взмолился собеседник.

О чем он толкует, Ивкина не понимала, но зато видела четко: старикан от своей идеи фикс не отступится: или она поедет с ним добровольно, или он на помощь кучера кликнет и в четыре руки взломает калитку и попробует спеленать несогласную кандидатку в лекари. Если же Маруся вмешается, то трупов перед особняком будет два. И вряд ли корр стражей Райхо будет рад доставить в мертвячью еще и этих типов, каким-то образом связанных с местной элитой. Кстати, маскарадница на все пляски с конями у ворот вообще никак не реагировала, а значит, ни малейшей угрозы для двуногой подруги не видела.

Так что, взвесив на весах размышлений еще два трупа и непонятную поездку в неизвестном направлении в чужом средстве передвижения, Иринка сдалась, выбрав из двух зол теоретически меньшее. Если все пойдет не так, то трупы лучше делать не у собственных ворот, а где-нибудь подальше. Но на маньяка старик вроде не походит, правда, маньяки на маньяков вообще не походят, о чем единогласно свидетельствовал личный и общественный опыт.

– Поехали, только объясните наконец, почему вы решили, что я кого-то могу спасти? – спросила девушка.

– Я веду речь о способности к нейтрализации ядов слюной вампиров вашего рода, – начал вещать Дешуран, вроде бы галантно подсаживая выманенную за ворота жертву в карету, а на деле едва не подпихивая ее для ускорения процесса с поразительным проворством, будто не парой, а как минимум четырьмя конечностями действовал. – Склонен здесь согласиться с мнением Шимиора-летописца – сей родовой талант способствует выживанию Темных Искусителей как вида. Ведь ваш вкус в еде столь прихотлив!

Карета между тем сорвалась с места и, нарушая все мыслимые ПДД Мелада, понеслась по мостовой под залихватский свист и зычное гиканье резко переставшего клевать носом кучера.

«А вот с этого места поподробнее!» – мысленно потерла руки Иринка и взялась за интеллектуальное потрошение, то есть экспресс-допрос лекаря. Пребывание того в состоянии крайнего нервного возбуждения отлично легло на намерение попаданки разговорить специалиста.

К концу недолгой поездки Иринка была готова расцеловать помирающего Селрика за то, что тот вздумал помирать, а ей выпал шанс поболтать со знающим человеком. Хотя при ближайшем рассмотрении человеком Дешуран не оказался. Он был нейдлаем. О чем свидетельствовал чуть голубоватый отлив кожи лекаря и лишняя пара рук, прятанная среди обширных складок плаща. Только теперь, чуток придя в себя после энергичного наскока, попаданка смогла пересчитать конечности собеседника и уяснить, что ей действительно крупно повезло. Наряду с эльфами и вампирами нейдлаи считались лучшими лекарями мира, а уж память их и вовсе была непревзойденной. Поэтому чаще эта раса, слишком эмоциональная и оттого превыше всех благ ценившая душевный покой, занималась именно составлением скрупулезных летописей в желанном уединении.

Лорр Дешуран поведал Иринке, чем уникальная и, пожалуй, самая могущественная ветвь вампирской расы – Темные Искусители – отличается от своих сородичей. Первым внешним признаком является наличие редкого полумразумного симбионта – плюща-ядоцвета, чей росток переходит от матери к чаду и оберегает своего партнера. Вторым, но, по мнению Дешурана, самым главным, являлись удивительные предпочтения в еде. Чрезвычайно вкусными для носителей наследия Темного Искусителя по воле Звездной Четверки

являлись лишь создания, вызвавшие неудовольствие или даже гнев Четверых. И противиться искушению, коль вампиру вздумалось перекусить, жертва была не в силах. Испытываемое ею удовольствие оказывалось таково, что, изведав хоть толику, мерзавец жаждал любой ценой продлить наслаждение, в том числе и ценой собственной жизни. Прочие гады, не столь прогневавшие небожителей, могли отделаться лишь миссией донора и остаться в живых.

«Ага, стало быть, тот маньяк изрядно провинился перед Девардом, потому и стал закуской», – подвела промежуточный итог Иринка и продолжила расспросы эрудированного лекаря.

Побочным даром Темных Искусителей являлась возможность пить любую кровь избранной жертвы, как бы ядовита она ни была, и соответственно лечить объект, избранный для трапезы, чтобы обеспечить себя пищей.

Именно на этот дар уповал нейдлай Дешуран, когда его старинный приятель Грапос, к которому он кинулся в поисках лекарства, подсказал адрес особняка Шипоцвета и дал наводку на его новую владелицу. Грапос тоже знал, какая раса таскает на себе веночки из цветущего ядоцвета, и решил то ли помочь старому приятелю, то ли выслужиться перед наместником, а может, все разом. Уж больно случай представился удачный – не каждый день сыновья наместников помирать решают.

С Селриком, младшим сыном наместника, все оказалось проще некуда. Как часто бывает в его возрасте, с лорром приключилась «ужасная трагедь» – несчастная любовь. Будучи отвергнут предметом своих чувств и не найдя помощи у родителя, совершающего деловую поездку по провинции, юноша решил свести счеты с жизнью. Его отравленную тушку и бокал, из которого был выпит яд, нашли вовремя и сразу же накачали по уши противоядием. Но не тут-то было! Кроме банального сонника бедный балбес ухитрился отравиться еще какой-то пакостью. Но чем именно, узнать не представлялось возможным. Сонная тушка мирно подыхала, не желая признаваться. Поэтому Иринка оказалась единственной надеждой знатного юнца. Других вампиров нужного качества в Меладе не было или о таковых никому не было известно. Свою суть и расу вампиры Темного Искуса еще и скрывали весьма искусно под маскировочным флером, дабы не привлекать излишнего внимания. То-то Иринка еще удивлялась, что ее

почти любой при встрече за эльфийку принимает, и на матушку-блондинку грешила. В общем-то правильно грешила, мама-то обладала маскировкой аналогичного свойства.

Более-менее успешным оказался опрос мудреца и в части главной проблемы жизни маленькой княжны Ивэйды: «Почему ее бросила мать?» Оказывается, чтобы кровь чада проявилась, сородичи должны дистанцироваться от ребенка лишь на некоторое время. Такая изоляция дает возможность проснуться, хм, настоящему аппетиту и почувствовать добычу. Пока рядом присутствует хоть один вампир Темного Искусса, никакого голода юный потомок не ощущает вовсе. Обычно для толчка бывает достаточно короткого периода относительной изоляции в пору первого совершеннолетия. Поэтому, как сейчас начала подозревать Иришка, мать покинула Ивэйдку в младенчестве не по каким-то высоким мотивам, просто ей до смерти надоел недалекий, хоть и красивый супруг, повернутый исключительно на охоте. Очевидно, папаша у Ивки был совершенно несъедобным для жены, так что она даже кулинарного удовольствия от общения получить не могла. Вот и ушла по-тихому в поиске места, где бегают пища повкуснее, а подрастающей дочке остался неконтролируемый, не проявленный толком по причине незрелости организма голод.

То ли мама Ивке попала бракованная – безалаберная свистушка, то ли такое поведение вообще считалось нормой для вампиров Темного Искусса. Вроде как испытание-посвящение: сможешь постигнуть, освоить и выжить – достоин, нет – это Спарта! – загибайся с голодухи. Насчет особенностей родительского поведения статистика у нейдлая отсутствовала. Иринка специально уточнила и свои выводы сделала.

Пусть сейчас она детей заводить не собиралась, даже подходящей кандидатуры в папашу под рукой не имелось, но, помня муки княжны Ивэйдки, попаданка твердо была уверена в одном: своего ребенка она ни за что не бросит. Обычай? Плевать на обычай. Правила? К черту такие правила! А если кому не нравится, пусть идет в то самое место, где темно и неасфальтировано, и это не микрорайон-новостройка.

Успокоившись на свой счет, Иринка сосредоточилась на настоящем. Карета приближалась к резиденции наместника.

Между прочим, рыжий сынишка трактирщика не соврал. Вокруг особняка и впрямь имелся неплохой сад, как раз во вкусе Иринки –

то есть выглядевший не обкромсанным издевательством над природой, а почти естественно. Аккуратные дорожки, газоны, клумбы, кусты, деревья, беседки – все сочеталось друг с другом и глаз радовало.

И трехэтажный «скромный домик» лорра Келдирета оказался внушающим уважение: светло-серый камень, более темный материал пошел на отделку лестниц, совсем светлый для оконных проемов, а немногочисленные декоративные элементы отливали благородной бронзой. Здание казалось приосанившимся строгим лордом, суровым, но не чуждым элегантности.

Лекарь с нестариковской прытью первым выскочил из кареты, не дожидаясь окончательной остановки и замешкавшегося лакея. Сам же выпустил Иринку. За собой, правда, он ее не поволок. Даже на буксире намертво вцепившейся пятерни не потащил. Но выглядел столь встревоженным, что попаданка сжалилась над пожилым врачом и сама прибавила шаг.

Дешуран сильно переживал, и, как подозревала девушка, не только за помирающего от неизвестного яда парня – это-то само собой. Но и по поводу проистекающих из его возможной кончины череды неблагоприятных последствий. Репутация целителя-неудачника – раз, возможно, даже потеря права на врачебную практику, гнев наместника – два, в итоге потерянное теплое место с постоянным доходом и возможностью научных изысканий – три.

Просторные залы, лестницы и коридоры, сквозь которые Иринка фактически пробежала, почти не отложились в памяти. Красиво, чисто, паркет, почти музейный классицизм, только статуи римских и беломраморных колонн не хватает. Так и хочется бахилы надеть или поискать стойку с выдачей тапочек.

И вот уже попаданка оказалась в апартаментах умирающего парня, у его ложа. На двуспальной кровати с поднятым пологом лежала жертва несчастной любви. Тонкий в кости симпатичный юнец, над верхней губой которого еще даже не начали пробиваться усики, длинные волосы цвета спелой пшеницы, когда-то скрепленные косами у висков по эльфийской моде, а сейчас просто растрепанные, разметались по подушке влажными прядями. Запекшиеся и обкусанные до крови губы пересохли. Темно-каштановые ресницы, длинные тени от которых лежали на щеках, прикрывали веки

беспамятного. Свет, льющийся сквозь высокое окно-цветок, красок жизни на лицо Селрика не добавлял.

Батарея мензурок, флаконов, пузырьков на столике рядом служила иллюстрацией тщетности лекарских потуг на грани и за гранью эксперимента. Две сиделки – парочка насмерть перепуганных горничных – вскочили при появлении лекаря и синхронно попятились к двери с облегчением на выразительных мордашках. Смотреть, как помирает молодой лорр, девицам совсем не хотелось. В таком деле для прислуги лучшее место в задних рядах, чтоб ненароком не коснулось крыло высокого гнева.

– Ради Лайшеаллы, лорра, молю! – выдохнул нейдлай, заломив все четыре руки.

«Отпад! Доктор просит меня загрызть пациента и надеется, что жертве после этого полегчает, – хмыкнула над горькой иронией ситуации Иринка. – С другой стороны, этому травленому все равно каюк. Но если не получится вылечить, не выйдет ли так, что всех собак за откинутые тапочки этой блондинистой лапочки повесят на меня? Не хотелось бы уматывать из города, теряя тапки и бросая все нажитое непосильным трудом. Я только-только обустроиваться начала, деньги в недвижимость вложила. Эх, ладно, попробую, не бросать же идиота малолетнего в самом деле?»

Попаданка присела на кровать к полудохлому Селрику и принялась. Парень для нее не пах никак, если только чуток горьковатым лимоном. Совершенно очевидно, отпетым мерзавцем он не был и аппетит рода Темного Искусса своей кровушкой пробудить не мог.

«Что ж, хватит откладывать, пора высиживать! – постановила Иринка и склонилась к шее жертвы, мысленно давая себе установку: – Нужно укусить! Да, невкусно, но очень нужно! Очень! Мне за это заплатят!»

И оп-ля! Аутотренинг сработал на слове «заплатят»! Дальше девушка наблюдала за своими рефлексными действиями как бы со стороны. Вот она наклонилась еще ближе, лизнула бледную кожу Селрика, то ли примериваясь, то ли для дезинфекции. Клычки выползли сами и вонзились в нужное место.

Кровь романтика-неудачника на вкус оказалась как чуть подкисленная лимоном вода. Удовольствия никакого, но пить можно

без особого отвращения. Правда, первую пару-тройку глотков этот лимон был плесневелый и с кожурой, горчил не по-детски, а потом ничего, тухловатая горечь пропала. До ушей «врача» донесся томный то ли вздох, то ли чуть слышный протяжный стон. Иринка глотнула еще разок и поняла, что больше, хоть режь, пить не хочет. Язычок снова прошелся по коже, исцеляя укус, и девушка отстранилась.

Бледная, покрытая кислым, как тот лимон, и липким потом кожа Селрика чуть порозовела на острых скулах. Поверхностное дыхание углубилось и участилось. Томные стоны с его уст теперь срывались весьма откровенно, даже одеяло в районе пониже талии намекало на телесную бодрость. Кажется, юному сыну наместника снилось что угодно, только не утренник в детском саду.

Рядом счастливо лепетал благодарности Лайшеалле нейдлай, снова выкручивая все четыре руки в невообразимых молитвенных жестах. При чем тут богиня-покровительница эльфов, когда всю работу пришлось делать одной конкретной вампирочке, Иринка не особенно врубилась, но порадовалась уже тому, что все подействовало. Навлекать на себя гнев незнакомого наместника причастностью к похоронам его сыночка не придется. Теперь Селрик спал по-настоящему, а не балансировал на грани жизни и смерти, медленно и неуклонно сползая к последней черте.

– Лорр Дешуран, домой меня отвезут? – задала вопрос Иринка, почему-то подуставшая от лечебной процедуры так, будто сначала грузила мешки с картошкой у магазинного развала, а потом лично перетаскивала их в подвал дома.

Нейдлай опомнился. Пресек череду благодарственных молитв, слегка смутился при виде реакции подопечного на лечение и просьбу Иринки доставить ее домой исполнил с искренним облегчением. На пути к карете не преминул горячо заверить спасительницу, что награда обязательно найдет героиню. Вот вернется из поездки «барин», то есть наместник Келдирет, и щедро отблагодарит за жизнь младшего сына и наследника. Старшей-то у него была дочь, давно уже глубоко замужняя дама с парой сопливых детишек у юбки, живущая собственным домом.

«Ну как обычно, утром деньги, вечером стулья. Без наместника никто с наградой даже и не подумает почесаться. Чего суетиться, если услуга уже оказана? – цинично усмехнулась Ивкина и сама себя

укорила: – Прежде чем заниматься лечением, надо было контракт составлять и все пункты, включая оплату авансом не менее пятидесяти процентов, прописывать. Заодно бы и от форс-мажора, то есть гибели жертвы в процессе лечения, подстраховалась. Вроде не девочка уже, а мозги попаданство начисто отшибло. Так нельзя! Ладно, чего уж там, все равно боржоми пить поздно. Почки уже в полете, но впредь сначала думать, оформлять договор, а потом кусать!..»

Глава 13

О трапезах запланированных и стихийных

Идти в аптеку к Грапосу ругаться за наводку на себя любимую Иринка не стала. В конце концов, может, он с лекарем наместника друзья до гроба, а юного лорра гремлин с пеленок лично микстурками от кашля и насморка снабжал. А она пришлая, пусть и выгодная, при ядоцвете особа, но все равно пришлая и своей еще не скоро станет.

Так что Ивка плюнула на аптекаря-информатора, побродила по улицам Мелада без особой цели, просто заходя в лавки и почти ничего не покупая, кроме сущей ерунды вроде хрустящего рогалика в булочной или шейного платка в галантерейной лавке для идеальной маскировки Маруси.

Зато угодив в кондитерскую по соседству, которую держала луноликая орчанка Брисом с супругом, Иринка, оголодавшая после лечения Селрика, надегустировалась вкусняшками в кафетерии при кондитерской, запивая выпечку всевозможными чаями и даже наливками. Перекусив, еще и накупила всего понравившегося вроде бы по чуть-чуть, а в итоге пришлось складывать покупки в очередную корзину и едва ли не прыгать сверху, чтобы влезло все.

Оставив ношу за калиткой владений Шипоцвета, Ивка снова отправилась на прогулку и догуляла практически до ужина, потому что задумалась и свернула не на улицу к дому, а в облюбованный трактир. Зачем тащить еду к ней, если она за едой сама пришла? Заодно похвалила здешнюю стряпню и попросила не класть ей больше поутру молочных каш.

Трактирщица глянула на клиентку укоризненно, как на собственного проштрафившегося отпрыска, но кто платит, тот и заказывает музыку, потому от овсянки в договоре снабжения вроде удалось избавиться.

На ужин, к счастью, кашу-размазню в меню не включали, зато местный аналог хрустящей жареной картошечки, да с лучком, да с

мясцом на ребрышках вызвал у Иринки синхронно-хищное урчание в горле и желудке.

Запивала все это великолепие она очередным морсом, но мысленно дала себе обещание сегодня же спуститься в подвал и выбрать бутылочку для распития. Любила Иринка всякое белое винцо, от кисленького шардоне до сладкого рислинга. Вроде как даже в саду наместника она нынче видела виноградную лозу, оплетающую беседку, потому считала высоким шанс обнаружить в подвале дома Шипоцвета что-нибудь пригодное для питья. Кстати, Ивэйде в родовом замке винцо явно виноградное за обедом и ужином на дно бокала плескались.

Конечно, в одиночку пьют лишь алкоголики, но свою норму – полбокала на голодный желудок и бокал на сытый – девушка знала и никогда не злоупотребляла. Напиваться ей не нравилось, да и хорошее вино всегда стоило хороших денег. Так что умеренность оказалась выгодным курсом. Теперь стоило попробовать, как алкоголь воспримет новое тело.

Иринка спокойно ела, время от времени предлагая кусочки мяска повкуснее Марусе, обосновавшейся здесь же на столике с мисочкой молока.

Змейка присоединилась к подруге сразу после того, как к одинокой девушке попробовал подсесть кавалер в легком подпитии, изо рта которого разило так, будто он всю жизнь питался в общественной уборной.

Попаданка вежливо объяснила, что она не одна, и охотно продемонстрировала свою очаровательную спутницу – Марусю. Кавалер мгновенно протрезвел и слинял в туман с извинениями.

Маскарадница вела себя очень культурно. Лежала тихонько, вкушала пищу аккуратно, на людей не бросалась. Посетители отвечали ей взаимностью – в таверне как-то само собой буквально в течение четверти часа стало тихо и немногочленно. Группа крепко гуляющих гномов на три стола не в счет. В отличие от дня минувшего клиентов не прибавлялось. Может, еще не наступил час пик, а может, наличие одной красивой змейки отпугивало большую часть клиентуры? В пользу последней версии оказалось очень вежливое предложение трактирщика вкушать яства с доставкой на дом, поданное как забота о милой юной лорре.

И только осторожный взгляд хозяина, прикипевший к пушистой змейке, подсказывал истинную подноготную его отеческой заботы. Скандалить Иринка не стала. Вон в родном городе родного мира в магазины с животными заходить запрещено, не то что в кафешки. И плевать, что народ все равно ходит, но запрет-то есть. Поэтому чаяния хозяина милая дева с перламутровыми волосами оправдала и милостиво согласилась либо оставлять любимую подругу на хозяйстве, либо кушать вместе с ней в личной резиденции.

Обрадованный трактирщик тут же в четыре руки с ненаглядной женушкой, опасливо выглядывающей из кухни, организовал корзинку с кувшинчиком молока и свежей выпечкой на дорожку за счет заведения.

Сытая и довольная Иринка шла по темнеющим улочкам Мелада. Здесь почему-то, несмотря на теплое время года, смеркалось быстро, как на юге. Маруся, свернувшись шарфиком, посапывала на груди. Город жил своей вечерней жизнью, где-то хлопала одинокая дверь, где-то звякало закрывающееся окно, раздавались струнные переборы и песни из трактиров, кто-то смеялся, ругался или отчаянно спорил. Раздавшийся в темном проулке хрип показался в первый момент девушке одной из нот вечерней симфонии. Может, рыкнула собака? Но нет, хрип повторился. Напружинилась на шее маскарадница, поворачивая головку в сторону звука.

– Я что, Бэтмен? Мне больше всех надо? – задумчиво спросила в пространство Иринка, пожала плечами и самокритично призналась: – Не-а, я просто любопытная дура!

После чего шагнула в проулок к скрючившемуся там окровавленному телу. Ноздри девушки затрепетали, уловив заманчивый аромат черного шоколада с кусочками цукатов апельсина. Умирующий пах чрезвычайно вкусно!

– Эй, ты еще живой? – зачем-то позвала девушка, чувствуя, как удлиняются клычки во рту.

Голова тела чуть повернулась, сквозь длинные вроде бы изначально волосы, ныне слипшиеся в кровавую шапку-балаклаву, сверкнули неожиданно остро, как осколки серых звезд, глаза.

– А? Вампирша? Давай, жри, на пару глотков еще хватит, – почти беззвучно прохрипела жертва, мгновенно срисовав облик вопрошающей и ее клычки.

Не в силах противостоять искушению – а чего, сам же предлагает! – Иринка опустилась на колени к распростертому телу и лизнула шею, впиваясь в желанное лакомство. Хриплый мужской стон не боли, а наслаждения сорвался с губ умирающего. Один глоток, другой, третий, четвертый, пятый... Это было невыносимо вкусно и очень сытно. Такой вкуснятиной хотелось наслаждаться время от времени, а не один-единственный раз.

Кажется, эта мысль привела к активации уже испытанного днем свойства Темных Искусителей. Язык снова прошелся по шее деликатеса несколько раз. Помирающего выгнуло, тряхнуло, и он задышал ровнее. Хрипы прекратились.

Потом он каркнул:

– Вампирочка, так ты рода Темного Искуса. Зачем спасла?

– Очень вкусный, жалко, – честно ответила еще шалая от лакомства Иринка и облизнулась. – Ты как в целом, на ноги встанешь?

– Раны закрылись, но сил нет. Надо экипаж найти.

– У меня пирожки и молоко есть. Есть можешь? – оторвала от сердца подарок трактирщика Иринка, понимая, что вечером в городе искать повозку вместе с внешне мало отличающимся от трупа кавалером не лучшая затея. Ночевать в местном обезьяннике или скандалить со стражами, срочно требуя лорра Райхо для идентификации себя любимой, не хотелось совершенно.

– Давай, только и после еды я далеко не уйду. Отлежаться надо.

– Квартал дошкандыбаешь? Я неподалеку живу. Утром повозку поищем, – предложила девушка.

– С чего такое доверие? Или ночью доесть собираешься? – хохотнул полутруп, привалившись к стене с помощью Иринки. Чуть отдышавшись, принял предложенный пирожок и отпил молока из кувшинчика, который держала девушка у его рта.

– Не влезет, сыта, – отказалась попаданка и пожала плечами, сама не зная, как лучше объяснить свое неожиданное предложение. – Ты мерзавец, но не подонок. Мне не навредишь.

– А... познание сути, – задумчиво хмыкнул передумавший помирать мужчина и в несколько минут уничтожил все молоко и пироги из корзинки.

Иринка недовольно засопела. Ну вот как так получается: об особенностях ее физиологии знает каждая вторая собака в городе,

а она сама только сегодня кое-что проведала. Нет в жизни справедливости! Тот, кому надо о себе все знать, информацию обрывками получает, а полутруп мужского пола из подворотни эрудированнее ее оказывается!

Полутруп между тем подъял и допил все, что было в корзинке, только что салфетку тканую не сжевал, лишь руки, аристократ недобитый, о нее изящно обтер. С Иринкиной помощью мужчина кое-как поднялся на ноги. Вампирских сил удержать и поддержать его вполне хватило. Но руки, обтертые салфеткой, оказались самой чистой частью тела находки из подворотни.

«Пока-пока, новый плащ эльфийского шелка, рубашка и юбка, – попрощалась с мгновенно измаванными кровью обновками попаданка. – Если не замою ночью, хрен нормально отстираю».

А дальше в густеющих с каждой секундой сумерках Иринка и спасенный незнакомец медленно двинулись к резиденции Шипоцвета. Нести недобитка девушка, может, и смогла бы, но отстирать потом вещи и избавиться от пересудов соседей, умудрись кто не в добрый час глянуть на улицу, – точно нет. Уже на подходе грязный тип еще больше замедлил шаг и каким-то странным тоном спросил:

– Ты тут живешь?

– Да. Купила на днях, – согласилась Иринка, подавив проказливое желание объявить, что взломала калитку и прокралась на развалины незаконно.

Пациент хмыкнул, почти вертикально полежал на ограде, пока девушка отпирала калитку, а потом, тяжело опираясь на помощницу, потащился к бунгалу, созданному ядоцветом.

Иринка шла и мысленно радовалась, что еще не застелила постельное белье после стирки. В подвал тяжеловесную живую находку Иринка спускать не собиралась, потому как она не грузчик и нечего в укромном девичьем пристанище под секретным кодовым замком чужакам делать.

Внутри домика из живых лоз Ивка сгрузила раненого на кровать и объявила:

– Спи, все остальное утром!

– Хм, рядом ляжешь? – хрипло спросил окровавленный мужчина.

– Нет уж, я уже достаточно грязная, – открестилась попаданка.

– М-да, засохшую кровь отмывать... – согласился спасенный, с легкой брезгливостью коснувшись кончиками грязных пальцев окровавленных волос.

– Лучше отмываться, чем быть обмытым, – огрызнулась Иринка.

В успевшую полюбиться ванную комнату она тоже категорически не желала тащить грязного, пусть и очень вкусного, но совершенно незнакомого мужчину. И таскать миски с чистыми тряпками, чтобы тут ночью размазывать кровь и грязь по недобитку – тоже.

– Спору нет, – вынужденно признал спасенный и отключился резко, будто питающий его шнур выдернули из розетки.

Он-то, счастливчик, отключился, а Иринка, бедняжка, снова потащилась в ванную для очередной постирушки. Вкусняшка умудрился в процессе препровождения домой не только оттоптать ей все ноги, но и испачкать плащ, рукава рубашки, юбку и даже волосы. Так что глобальная стирка, совмещенная с купанием и вынужденной головомойкой, затянулась.

Развесив уже не в густых сумерках, а натуральной ночью очередную партию чистых вещей на кустах, попаданка уползла в нору на диванчик. Собирать с кустов высохшее белье, искать в подвальной винотеке бутылку белого или раздумывать над превратностями судьбы уже было некогда. Хотелось уподобиться мужику из подворотни: то есть упасть и отрубиться до утра. Так Ивкина и сделала. Все дела были отложены. Верная Маруся, все время переноски искусно маскирующаяся под шарфик, какое-то время дремала рядом и уползла где-то в середине ночи. Наверное, охотиться. Если сочла возможным покинуть подругу, значит, той точно ничего не угрожало.

Когда для проснувшейся вампирочки наступило утро, Иринка умылась и поднялась наверх. Увиденное заставило ее ойкнуть от удивления: за ночь у бунгало-спаленки появилась масштабная пристройка, где в окошко просматривалась мебель, свитая из плюща: три стула, диванчик, пара кресел и стол разряда обеденный, как раз такой, о каком недавно думала девушка.

Кажется, полный симбионт, контактируя с организмом владелицы, не только стимулировал способность к выработке противоядия для отравленных объектов питания, как в качестве смелой гипотезы говорил Дешуран, но и заботился о благоустройстве личного внешнего пространства, чутко улавливая мысли двуногой партнерши.

Расчувствовавшаяся Иринка готова была регулярно снабжать дорогой цветочек самой лучшей подкормкой, какую только можно найти в Меладе и окрестностях. И тут по мысленной связи с ядоцветом пришел ответ. (Странное, между прочим, ощущение: то ли самой подумалось, то ли чужая мысль в голову забрела – поди отличи.) И ответ был тоже странным: дескать, дорогая партнерша уже все обеспечила, питаюсь наконец так, как ей положено и оставляя часть добычи растительному симбионту.

Глава 14

Кусты, цветы, мужчины...

Первые секунд тридцать попаданка не понимала, о чем речь, а в следующий момент опрометью кинулась туда, где вчера оставила спать раненого. И дело было не в совести или милосердии, а в чем-то более близком к понятиям долга и чести. Она обещала кров, пусть никаких торжественных клятв не звучало, но для нынешней Иринки с багажом памяти Ивэйды это было равносильно нерушимому слову.

К счастью, опасения не подтвердились. Вчерашний мужик из подворотни оказался жив и относительно здоров. Он стоял в дверях бунгало и с неповторимой озадаченностью на физиономии изучал увешанные разнообразным бельем кусты ядоцвета. Одежда его все еще выглядела как снятая с трупа – дыры, засохшая кровь, грязь, но кожа и волосы буквально светились чистотой, будто его ночью раздели, вымыли раз пять и снова обрядили в платье жертвы для участия в плохом кино.

Кстати, сейчас, переведя дух, Иринка смогла толком разглядеть свой вчерашний трофей. На кого-то этот мужчина сильно смахивал, но хулиганка-память пока не подкинула решения. Может, на киноактера? Светлые волосы, светлые пшеничные брови и при этом удивительно темные ресницы над темными, зеленовато-кариими глазами, из-за темноты и обманного звездного света вчера почему-то казавшимися просто блестящими серебром. Нос не клюв, конечно, но вполне крупный, ладно хоть не картошкой, шрам – белая полоса через полщеки до уголка рта, квадратный подбородок и сочные, почти поженски яркие губы. Не оплывшее, четко очерченное лицо. В целом мужчина-человек выглядел своеобразно и, пожалуй, интересно.

– Нравлюсь? – иронично ухмыльнулся он, заметив внимание к себе.

– Надо же рассмотреть, какой десерт я вчера, надрываясь, домой тащила, – пожала плечами Иринка.

– Неужто всех подробностей не разглядела, когда мыла? – съязвил собеседник.

– Я? – от всей души удивилась попаданка. – Я вообще-то по ночам сплю, а не банщицей подрабатываю. Как свои вещи, в крови изгвазданные, отстирала, так до утра продрыхла, лорр.

– Тогда откуда?.. – Мужчина коснулся чистыми пальцами пушистой гривы светлых волос, ниспадающих на плечи.

– Чудесные свойства кровати, – нахально объявила Иринка, не углубляясь в способности ядоцвета.

– Кровать моет, а на кустах вещи растут? – не поверил гость, ткнув пальцем в увешанную трусиками ближайшую ветку.

– На ветвях белье сохнет после стирки, – обиженно фыркнула попаданка. – Если чье-то эстетическое чувство оскорбляется, можно отвернуться и смотреть в другую сторону или вообще зажмуриться.

– Отчего же оскорбляется? Довольно привлекательный вид, – уголком рта усмехнулся собеседник, особенно внимательно изучая кружевные белые трусики от новаторши Крисель.

– Могу подсказать адрес портного, – доброжелательно предложила девушка, заставив гостя еще раз усмехнуться.

И тут же он посерьезнел. С лица, будто губкой со школьной доски, стерли все признаки веселья. Он повелительным взмахом руки предложил хозяйке дома следовать за собой и вернулся в плюшевую комнату.

«Вот раскомандовался!» – мысленно возмутилась Иринка, но пойти за гостем, ведущим себя как хозяин всего мира и его окрестностей, пошла, движимая исключительно любопытством. Покусать и наказать всегда успеется.

Мужчина присел в кресло у чистенького – ни следа, ни пятнышка – ложа, дождался, пока озадаченная Иринка тоже присядет на кровать, и объявил:

– Насколько понимаю, я беседую с нынешней владелицей участка Шипоцвета, именованной в документах Ивкой?

«Хм, все-то он знает, везде-то он был», – мысленно сострила девушка, но коротко согласилась с фактом:

– Так.

– Не буду выяснять, как на вампирше Темного Искуса оказались родовой перстень и медальон Дома Шипоцвета, но, коль шея еще цела и палец при тебе, значит, по праву. Эльфийские пути и промыслы порой причудливы, – продолжал глазастый собеседник.

– Мм, то, что я – Ивка, я знаю, а ты-то кто? – все-таки не утерпела и выпалила Иришка, несколько задетая властной манерой поведения вчерашнего почти трупа и его крайней осведомленностью.

– Наместник Келдирет, лорра, – чуть приподняв в удивлении бровь, представился тот. – Ты действительно не знала, кого спасала и привела в дом?

– Вкусняшку, – с самой милой улыбочкой оповестила Иринка, про себя ойкнув от удивления. «Так вот ты какой, папа Селрика и хозяин провинции Мелад людского королевства! То-то мне лицо знакомым показалось, сынок на папочку похож». – Я в городе всего несколько дней, профиль наместника на монетах не чеканят, по улицам портреты не вешают. Откуда бы мне знать?

– Хм, тогда зачем ты делала то, что делала? – удивился Келдирет.

– Я уже сказала. Ты очень вкусный, просто захотелось, – честно повторила Иринка. – Я теперь всегда делаю то, что хочется. Это интересно!

– Вот как, вкусный мерзавец, – усмехнулся и на миг задумался наместник, ничуть не оскорбленный давешней характеристикой, данной Иришкой. То ли принимал и понимал, то ли вовсе гордился ею. – В любом случае поясню: я в одиночестве следовал к твоему дому, дабы выплатить награду за спасение сына и кое-что уточнить без лишних глаз и ушей. Нападения в собственном городе не опасался. Как видно, зря. Засада была хорошо организована. Напали сзади. Оглушили, имитировали ограбление.

– Имитировали? – переспросила сбитая с толку девушка.

– Именно. Кошель взяли, но перстней и браслета не тронули, иначе сработал бы сигнал-маячок для стражи. Были бы обычными жадными бандитами, о таком не помыслили, сорвали бы с рук или срезали вместе с пальцами.

– Какие милые подробности, – невольно поморщилась Иринка, вовсе не собирающаяся влезать в чужие интриги, скандалы и расследования. – И зачем они мне?

– Теперь я полагаю, что несчастный случай с сыном и нападение на меня могут быть связаны. Ты лечила его, не заметила ничего странного?

– Я не сыщик, – удивилась попаданка, никогда особенно детективами не увлекавшаяся. – Ваш семейный доктор меня приволок

к парню чуть ли не на веревке. Я Селрика укусила, чтобы вылечить, как меня и просили. Кровь была невкусная, точно вода, подкисленная лимоном, а поначалу еще и горькая, будто фрукт плесневелый. Но сработало, помогло. После этого меня подвезли домой. Все. В комнате твоего сына я раньше не бывала, но вроде все было обычным. Ни подозрительных запахов, ни вещей. Кровать, столик с букетиком, окошко...

– С букетиком? – машинально удивился наместник, в раздумьях скользя пальцами по плетям, свивающимся в подлокотник кресла. – Селрик не любит цветов.

– Мало ли, может, подарить собирался, – небрежно пожала плечами Иринка, и в это время у ворот раздался перезвон колокольчика, и исполненный волнения ломкий юношеский голос прокричал:

– Лорра Ивка, могу ли я иметь счастье узреть вас и перемолвиться словом?

– Селрик? – нахмурился наместник, безошибочно идентифицировав зывающего. – Ты знакома с моим сыном?

– Вчера первый раз видела, когда он помирать вздумал. У вас это, наверное, семейное, – буркнула попаданка. – Может, тоже благодарить пришел? Я денежки люблю. Жаль, что мои до меня не дошли.

– Выйди к нему, – не то велел, не то предложил наместник. Скорее всего, просить человек, привыкший командовать, просто не умел, так же как быть милым и пушистым. То ли всякая власть портит людей, то ли иные во власть и не пробиваются.

Пожав плечами, любопытная девица, как тот петушок из детской сказки, выманенный хитрой лисой в окошко, вышла к воротам и впустила в калитку пылко зывающего к спасительнице юношу.

От вчерашней бледности не осталось и следа. Лорр Селрик был приодет в драгоценное, кружевное и, наверное, очень модное платье, тщательно завитые локоны красивыми волнами лежали на плечах. На взгляд попаданки, юноша больше всего был похож на кукольного принца, которого как-то в шутку они с приятельницами подарили одной чрезвычайно романтической подружке на день ангела. Только что ободка-короны на голове не хватало.

Сдерживая так и норовящую выползти на физиономию глумливую улыбочку, Ивка спросила:

– Лорр уже оправился? Что привело тебя в мой дом?

– Прекрасная лорра, неизбывна моя благодарность, – начал было сыпать возвышенными любезностями Селрик.

Иринка продолжала легко улыбаться. Слушая цветистую лапшу, она машинально облизнула нижнюю губу кончиком языка.

Юный лорр запнулся на полуслове, широко распахнул глаза, как загипнотизированный удавом кролик, шагнул ближе и, отведя горстью все кружева с шеи, взмолился, дрожа всем телом:

– Испей моей крови, даруй новое блаженство!

– Не буду, ты невкусный, – наотрез отказалась попаданка, отступая от напирającego и яро сверкающего глазками юноши. Кажется, тот был готов настаивать на своем.

– Селрик! – Голос отца прозвучал как гром небесный.

Юноша вздрогнул от неожиданности и явной опаски. Похоже, папашу он уважал и побаивался. Нет, не как тот, кого время от времени поколачивают для профилактики или за провинность, но как тот, кого парой хлестких слов уважаемый родитель может сровнять с землей из-за недостойного, по его мнению, поступка.

– Я хочу знать, почему ты пытался лишиться себя жизни, – проронил Келдирет, скрестив на груди руки так, чтобы темные одежды и поза худо-бедно маскировали дыры и засохшую кровь там, где не хватало пышной зелени плюща-ядоцвета. – Неужто твоя любовь к Вилье была столь неистова? Тогда почему ты просил ее в содержанки, а не вел разговор о помолвке?

– Прости, отец, моя страсть к сей милой лорре была лишь мимолетным увлечением. Но тогда я не ведал, что возможно иное горение, и жаждал обладать ею. А ты отказал мне столь резко... Я думал, коль ты узнаешь, что я принял сон-смерть в отчаянии, то гнев твой смягчится. Дешуран говорил на занятиях о свойствах того яда. Но все обернулось иначе, – покаянно затараторил Селрик, умудряясь каким-то чудом косить на родителя и на Иринку одновременно и, что еще удивительнее, при этом не выглядеть косоглазым дурачиной. – Я испил бокал, добавив одну безопасную каплю. Еще две пролил за окно. Но сон пришел иной...

– Кроме этого яда пил ли ты или вкушал иное? – резко прервал повинную исповедь хитроумного отпрыска отец.

– Нет, с вечера я нарочно отказывался от любой пищи и питья.

– Брал ли какую новую вещь в руки? – продолжал свой допрос Келдирет.

– Ничего, лишь букет цветов, что доставили для меня, – растерянно пожал плечами Селрик.

– Кто?

– Там была лишь брошь-карточка от тайной обожательницы, небрежно приколотая к ленте. Пока я доставал ее из букета, даже уколол палец, – недоуменно свел пшеничные брови юноша. – А потом сразу голова закружилась. Сон-смерть действовать начал, и дальше я помню лишь дивные грезы о прекрасной лорре Ивке...

«Идиото, кретино, болвано!» – большими буквами появилась надпись в глазах наместника, крепкие зубы скрипнули.

– Вон, Селрик, убирайся и жди в своих покоях! Готовься выслушать мое решение о наказании. Не уйдешь сам – кликну слуг, и тебя увезут силой. За мной пусть пришлют карету через полсвечи.

Последняя фраза простимулировала нарочито мешкающего юнца. Он, бросая страстные и отчаянные взгляды на Иринку, все-таки убрался за ворота. Карета отъехала.

– Ты не намерена поддерживать знакомство с моим сыном? – Это был больше приказ, чем вопрос. И приказ весьма категоричный. Впрочем, попаданка кобениться не стала.

– Не-а, он миленький, конечно, на мордаху, но совершенно невкусный. И смотрит, как обиженный щеночек. Фу!

– Мой наследник юн, но достаточно умен. Свое отравление разыграл весьма умело. Если бы не неизвестные мне пока факторы, он вполне мог добиться желаемого. Все, что с ним сейчас происходит, – действие яда, до сих пор гуляющего в крови. Эта дрянь, горчащая гнилым цитрусом на языке, превращает жертву в безвольного доверчивого глупца, – тяжело проронил наместник. – Я слышал о таком. Когда-то было модно угощать им зажившихся прижимистых стариков, тянущих с завещанием.

– Ну и мерзость, – передернуло Иринку. – И ко мне он поэтому липнет?

– А вот это уже другая... хм, отрава, драгоценная лорра, – кривовато усмехнулся наместник. – Неужто не ведаешь ты о силе дара своего?

– Учить меня было некому. Все по верхам и методом ненаучного куса... – намеренно разоткровенничалась Иринка, надеясь на новую порцию сведений. В конце концов, она этому типу и его пацану жизнь спасла, не прикопает же он ее из благодарности по-тихому. Опять же в его, наместника, интересах, чтобы в Меладе проживала сведущая хотя бы до некоторой степени о своих способностях вампирочка редкого вида. Мало ли какая в следующий раз услуга понадобится может, а она не обучена, не знает, не ведает и как-нибудь не так дар применит...

Наверное, Келдирет решил примерно так же, потому что проронил:

– Изведавший сладость укуса помнит о наслаждении и жаждет познать его вновь. Чтобы противостоять искусству, нужна сильная воля. Брать тебя в содержанки я бы, может, и дозволил, но потом его будет сложно женить. Придется Селрику уехать к дальней родне. Время и расстояние неплохо лечат, да и дурман из крови выйдет.

– Уехать ему, а не мне из Мелада? – невольно удивилась Иринка, почти не обидевшись циничным рассуждениям собеседника. Тот, похоже, по-другому ни общаться, ни мыслить не умел. Пила его кровь, потому знала где-то на уровне подсознания. Так что толку злиться?

– Мне удобнее удалить сына, уведя из-под возможной угрозы. Слишком подозрительная череда покушений. Ты же можешь еще пригодиться, – явил расклад мужчина. – Не собираешься покидать город в ближайшее время?

Ясное дело, уматывать из Мелада сама попаданка не планировала, поэтому раздумчиво ответила:

– Я на ритуальном пути. Он привел меня сюда, в иные края пока не зовет.

– Хорошо, – кивнул наместник. – У тебя на кустах мужской одежды не выросло? Не хотелось бы тревожить горожан этими кровавыми лохмотьями.

Отдавать наместнику вещи, оставшиеся от бывшего владельца дома, Иринка совершенно не собиралась. Уж больно хороши были у лорра-мумии рубашки. Да и вообще продемонстрировать свою подземную заначку, закрытую на ключ-перстень, попаданка не планировала. Потому нашла иной выход.

– У меня есть очень широкий плащ нейтрального цвета, – находчиво подсказала девушка, ткнув пальцем в успевший просохнуть за ночь старый, но вполне пристойного вида наряд в стиле унисекс, вернее, вообще никакого секса. Серая шмотка из добротного эльфийского шелка украшала куст у края поляны близ бунгало. – Капюшон надвинуть пониже, и никто не опознает.

Наместник, видно, был приверженцем другого цвета или стиля одежды, потому что скривился. Но, как говорится, дареному коню под хвост не лезут, чтоб копытом в лоб не получить. Шитый на полную девицу плащ вполне удачно скрыл своего нового владельца от макушки до середины сапог.

Глава 15

Интересное предложение

– Не хочешь переехать в мой особняк? Я бываю щедр, – между делом заметил Келдирет.

– Селрику содержанка не понадобится, а наместнику пригодится? – иронично оценила диспозицию Иринка и сразу отказалась: – Не хочу. Ты очень вкусный, еще как-нибудь проголодаюсь, увлекусь, и придется в провинцию нового наместника искать.

Вообще-то, несмотря на превосходный вкус крови хозяина Мелада и его окрестностей, потерять контроль над собой свежеиспеченная вампирочка почему-то не опасалась, но в постель к нему прыгать вот так не хотела. Пусть на морду лица Келдирет был вполне себе ничего, но претила Иринке должность содержанки. Унизительным казалось, чтобы дочь князя стала таковой. Возможно, что-то от Ивэйды все-таки сохранилось в душе новой Ивки?

– Я пошлю за тобой, если понадобишься, или приду сам, – не стал настаивать и распорядился иначе наместник.

К вящему удовольствию девушки ей не пришлось искать наемный экипаж или бежать в трактир, где периодически ошивался один-другой возчик при «оборудовании». А вот разделить с Келдиретом завтрак, принесенный мальчишкой, потребовалось. Кстати, пацаненок уговора не нарушил. Звякнул в купленный вчера на базаре колокольчик у ворот, выставил корзинку и смылся.

В корзинке опять кроме нормальной еды, вопреки вчерашней просьбе, нашелся горшочек с овсянкой. Правда, сегодня там тонули оскверненные противным соседством орехи и кусочки фруктов. Последние Иринка не отказалась бы попробовать, но выковыривать их из каши... брр!

Зато новое помещение от ядоцвета, пристроенное к спальне, превосходно справилось с ролью столовой. И наместник проявил удивительное великодушие – быстро слопал всю кашу, едва узнал, что хозяйка дома не горит желанием ее отведать.

Остальное поделили вполне мирно. Сидели, запивали очередным ягодным напитком – Иринка из кружки, Келдирет прямо из кувшина, потому что иной посуды под рукой не было.

Мужчина ел молча и как-то умиротворенно-удивленно, что ли. Лишь под конец завтрака объяснил:

– Я давно не делил трапезу с женщиной.

– А содержанки? – невольно вырвалось у попаданки.

– Их место на ложе, – равнодушно повел плечом Келдирет. – Пока была жива супруга, мы встречались за общим столом. Симира умерла шестнадцать лет назад, рожая Селрика.

Это тоже прозвучало совершенно спокойно: то ли все в груди давно отболело, то ли не болело никогда, а брак был обычным политическим или финансовым вложением.

Так что Иринка только кивнула, показывая, что услышала слова собеседника, и потянулась к последней булочке.

– Нет желания посочувствовать и утешить? – иронично удивился наместник.

– А надо? – в свою очередь удивилась девушка.

– Женщины такое любят, – хмыкнул Келдирет.

– Так ты вроде как мужчина, хотя я, конечно, в штаны не заглядывала... – призадумалась Иринка, мысленно перепроверяя свои ощущения от его крови. Нет, Келдирет совершенно точно был человеком, а не гермафродитом неизвестной расы.

Наместник неожиданно расхохотался. Отсмеявшись, снова вмиг посерьезнел и пытливо спросил:

– Ты забавная, вампирочка. Почему унаследовала перстень лорр-оля Дома Шипоцвета?

– Не уверена, но весьма вероятно, потому, что убила того, кто ради жажды крови и наживы убил последнего кандидата, способного принять угасающий род. – Ирина вспомнила о слиянии двух колец – тонкого с листиками ивы и большого с шипом. Когда она говорила, кольцо на пальце сжалось, будто соглашаясь.

– Эльфы всегда уважали отмщение, – согласился Келдирет и снова перешел на командно-повелительный тон: – Награду тебе передадут.

– Будет кстати, – сказала Иринка, смерив почти лишенный посуды стол задумчивым взглядом, где уже мелькали пункты списка расходов.

Наместник, будто что-то решил для себя и пока прекратил делать предложения интимного характера, вместо этого бросил вопрос:

– Любишь деньги?

– Счастье на них не купишь, зато комфорт – запросто, – пожав плечами, констатировала Иринка, удержавшись от цитирования любимой поговорки про слезы в «мерседесе».

– Значит, договоримся, – одобрил практичность молоденькой девчонки наместник, получающий странное удовольствие от общения с языкастой стервочкой. Может, так для него проявлялась тяга к отведавшей его кровь вампирочке?

Когда за наместником прибыла карета, Келдирет притянул Иринку к себе, вполне качественно поцеловал и снова предложил с ленивой небрежностью:

– Не возникло желания переехать в мой особняк?

– Не возникло, – помотала головой Иринка.

– Тебя не привлекают людские мужчины? – догадался собеседник, находя логичную причину. Впрочем, при всей этой логичности несколько оскорбительную для себя, когда ты готов, а тебя лесом посылают – бьет по самолюбию. А если ты не последний парень на деревне, бьет куда сильнее, чем по заурядной личности.

У попаданки опять с легким запозданием щелкнуло в голове. А ведь верно, она уже об этом думала прежде. Звездная Четверка так устроила! Нет массовых мавританских страстей с неистовой тягой созданий разных рас друг к другу, не имеющих возможности совместного продолжения рода. Они могут общаться, торговать, дружить, даже перепихнуться по случаю, но не любить. Это почти как человеку полюбить дерево вместо другого человека. Хотя да, бордели есть, сравнение не совсем верное. Но в целом для большинства как-то так: забавой стать может, навязчивой идеей – нет.

Ивэйда же, как принадлежащая линии Темного Искуса, из этого обычая выбивалась, потому что ее питание завязывалось на возникающей у жертвы жажде-страсти. Наместник верно предположил: их (потенциальных вкусняшек) к ней будет тянуть неудержимо. Вспомнить хоть Селрика или того эльфа-сутенера. А у нее тогда что? Тоже пищевые предпочтения или дело в том, что в тело вампирочки попала другая душа и все четкие настройки-установки, данные богами, сбита? Ей и Келдирет как мужчина нравится. Сволочь,

но притягательная. И тот орк в обменной лавке глянулся, да и когда просто разглядывала мужиков на улицах Мелада, не о расах думала, а о мордахах, мускулах и так далее. Так что, похоже, она будет местной извращенкой, сбивающей с пути истинного свои вкусняшки! Но не этого конкретного мужчину, ждущего ответа. С ним крутить не стоит.

Потому Иринка ответила на поцелуй и на вопрос:

– Мне разные мужчины нравятся. Раса непринципиальна. Но с лорром наместником я бы предпочла поддерживать деловые отношения. Тогда эмоции не будут мешать нашему взаимовыгодному сотрудничеству.

– Хм, – потер старый шрам Келдирет. – Посмотрим.

На этом первый этап странного знакомства завершился. Первое лицо Мелада отбыло в особняк переодеться в нечто более пристойное, чем кровавые дыры и девичий плащ, а также крутить хвосты всем, кто проворонил покушение на наследника и атаку на самого наместника. Пропустить в особняк отравленный букет – охрана с защитными рунными артефактами не сработала как должно, и это скверно.

Глава 16

Подруга и покупки

Колокольчик у ворот снова зазвонил. Прогулявшаяся Маруся, поблескивая любопытными глазками, скользнула на грудь девушки еще до того, как та открыла калитку.

На пороге стояла особа в длинном платье, расшитом вязью цветочного узора по воротнику и манжетам. Платье и плащ ее были оттенков охры, очень шедших к рыжим длинным волосам, зеленым глазищам, венку из живых желтых листьев и цветов, среди которых, по мнению Иринки, были даже мимоза, лютики и мать-и-мачеха. Кстати, пушистая зверушка хигг (что-то среднее между хомяком и белкой), восседающая на ее плече, тоже была рыженькой с белыми подпалинами.

– Ясных дней, звездных ночей, – машинально поздоровалась Иринка, гадая, что у ее ворот делает эта – ага, глаза миндалевидные, уши острые – эльфийка. Может, у Дома Шипоцвета все-таки нашлась наследница? И тогда можно будет сложить с себя все полномочия вкупе с пока еще неведомыми обязанностями. Последних точно гораздо больше, чем предпочтений и бонусов. Предположение «сложить полномочия» стоило Ивке легкого укола в палец – укора в знак ложной гипотезы.

– Звездных ночей, ясных дней, – мелодично ответила визитерша и открыла тайну своего появления: – Лорр Грапос поведал о редких цветах, пригодных для сбора и пригласил меня помочь.

– О-о-о... точно, заходи, – резко прекратила распевку Иринка, сообразившая, что к чему. – Я Ивка!

– Я – Бейлис Мелисса, – чуть наклонила головку и вполне доброжелательно улыбнулась остроухая.

– Ага, помню, – невольно усмехнулась Иринка, подавив проказливое желание продолжить словами: «Ну, коль Бейлис, давай, наливай!»

Эльфийка с ликерным именем сделала несколько шагов по ковру из ядоцвета, присела и ласково погладила белые невинные цветочки,

маскирующиеся под миниатюрные ромашки. Покивала каким-то своим мыслям, и сказала:

– Теперь понимаю, почему лорр Грапос меня позвал. Твой плющ-симбионт, будучи сорван тобою, не завянет и не усохнет должным образом, лекарства из него не сделаешь.

– Зато ты его правильно соберешь, – подвела итог переговорам Иринка и спросила: – Какая-нибудь помощь нужна?

– Нет, если только корзину для цветов, чтоб не мять головки при сборе, – попросила эльфийка.

– Эта сгодится? – Иринка ткнула пальцем в корзинку из-под завтрака, притулившуюся у калитки.

– Вполне, – согласилась Бейлис, ее питомец тоже стрекотнул что-то утвердительное.

– Твоего рыжего красавчика как зовут? – спросила Иринка, обожавшая, как и почти любая особа женского пола, потискать кого-нибудь пушистенького.

– Хигг, – озорно улыбнулась эльфийка, и зеленые глаза ее заискрились смешинками.

– А у меня Маруся, – представила попаданка свою змейку, разумеется не преминувшую выглянуть на свет, едва вампирочка похвалила чужого зверька.

– Красавица! – благоговейно округлила рот и глаза гостя, мигом проникшись глубокой симпатией к новой знакомой. Ну и что, что та вампир! Не у каждого эльфа в спутниках дивная и опасная маскарадница имеется. Эх, кто бы мог подумать, что наличие змеи окажется пропуском в сердце милой зеленоглазой эльфийки! Келдирет вон с Марусей так и не свиделся, похоже, нежелание знакомиться у змейки и наместника было обоюдным, пусть и подсознательным.

Следующие полтора часа, или, если по-местному, примерно две свечи, девушки занимались сбором редкого и очень дорогого растения. Вернее, разделили обязанности к обоюдному удовольствию. Бейлис срывала головки ядоцвета – самые лучшие компоненты в аптекарском деле, а Иринка только водила заготовительницу туда, где цветы, по мнению симбионта, уже были готовы для сбора. Венок исправно исполнял роль пульта-координатора.

Совместный труд ради личного обогащения сближает. Девушки, даром что представительницы разных рас, наобщались вдоволь.

Иринка поведала о том, что покинула отчий дом после смерти родителя и теперь находится на ритуальном пути. Бейлис о том, что уже принята Лайшеаллой и оставила эльфийские кущи Лильдэнола ради обретения мастерства. В обедневшем роду единственным капиталом оставались красота и ум девиц. Их, каким-то чудом богини, у родителей было целых пятеро вместо обычного одного, максимум двух потомков. На Бейлис, младшую, никаких средств и земель в приданое уже не осталось. Потому-то и отправилась юная травница и немного целительница в Мелад с рекомендательным письмом к старинному другу семьи, аптекарю Грапосу.

Ученицей гремлина ей стать было не суждено. Некоторые ингредиенты вызывали неконтролируемую реакцию вплоть до рвоты. Но в кругу добрых знакомых вредного гремлина отыскалась пара лекарей, готовых поделиться с юной эльфийкой секретами мастерства. Милую мордашку и проворные ручки да за скромную плату оценили по достоинству. Конкурентки в ней не видели. Все-таки мало желающих постоянно жить в каменных стенах находилось среди дивного народа. (Став сведущей в деле целительства, Бейлис должна была отбыть в родные кущи.)

Совместное ползанье на корточках ради общей цели, как уже говорилось выше, сближает. Через пару часов девушки закончили сбор ценного ингредиента и откочевали в бунгало. Сидя в креслах, они болтали. Бейлис поглаживала Марусю. Иринка чесала пузико разомлевшему хиггу по имени Хигг. Все были довольны.

Попаданка только сейчас поняла, как успела соскучиться по обычному девичьему времяпрепровождению в стиле «потрепаться за жизнь и ни о чем». Заодно и про духи поболтали. Бейлис пообещала поработать над так приглянувшимся Иринке запахом, чтоб и приглянувшиеся нотки сохранить, и ассоциацию с поносной панацеей устранить. Парочка девушек обсудила много чего еще, начиная от гремлина Грапоса и вообще мужчин до постельного белья, «изобретенного» Иринкой и гремящего по всему Меладу скандального фасона трусиков Крисель. Кстати, идею комплекта на кровать, заценив застеленный образец, Бейлис всерьез решила нести в мир, начиная с себя. А вот трусики хоть и понравились эльфийке, но смелости померить новые модели или прорекламирровать их на себе девушке не достало. Юная дева мило розовела ланитами и уходила в отказ.

Когда Бейлис упорхнула с корзиной, полной очень ценных и очень опасных цветочков, Иринка вернулась к заурядным бытовым проблемам, всплывшим при дружеском общении. Девушка смотрела на стол, стулья в бунгало, сотворенные умельцем-плющом, и понимала: за посудой все-таки придется идти в лавку. В свитую из плетей миску жидкости не нальешь. И хорошее вино хлебать по кругу из глиняной трактирной кружки не станешь. Еще и обувью стоило озаботиться. Сколько можно в единственных полусапожках ходить? Да, опять расходы, а доход с цветочков еще когда будет! Но надо – значит, надо! Однако кручиниться над утекающими сквозь пальцы монетками долго не пришлось, прикатил жутко деловой посыльный от наместника и со всем почтением вручил лорре Ивке шкатулку.

Внутри оказался кошель с серебряными монетами самого крупного достоинства (орлы) и перстень с бриллиантом. Крупный, явно мужской и... ага, с гербом провинции Мелад. То есть вещица с руки самого лорра Келдирета.

– Мне его что, на реализацию дали? Налички не хватило? – удивилась попаданка. И только спустя несколько секунд, отведенных на восстановление мысленных связей в голове прошлой Ивэйды, пришел ответ.

Продать украшение, конечно, можно, но совсем не нужно. Оно – знак милости наместника, своего рода пропуск и немножко индульгенция. Во всяком случае, в пределах города и провинции. На руку не наденешь, зато в кошель положить или на шею подвесить стоит, чтобы всегда поблизости был.

Все-таки на цепочку к медальону со знаком Лайшеаллы Иринка перстень вешать не стала. Кто их, богов, знает, разобидится еще, и тогда всякий шанс быть принятой у вампирочки пропадет окончательно. Останется только, вопреки всем обычаям, втихую менять медальон одного бога на другой и приставать к Вейхо Канатоходцу. Дескать, ты меня сюда затащил, тебе за меня и ответ держать! Почему-то Иринке казалось, что божественный хохмач может даже согласиться, но о каком-то покое и порядке в доме сразу придется забыть навсегда. У тех, кого он принял под свое крыло, весь мир – балаган и жизнь – вечная дорога в стиле американских горок.

Ивкина хоть и была порой любопытна, как кошка, но точно так же, как большинство мурлык, любила тепло, уют, вкусную еду и

мягкую постельку. Впрочем, бродить девушке тоже нравилось. Потому после обеда с доплатой пареньку за оставленную себе корзину Иринка закрыла ворота и снова отправилась на прогулку, совмещенную с плановой закупкой.

Улочки Мелада, похожие и не похожие на картинки из когда-то читанных книг, манили. Бояться она не боялась. Конечно, и на вампирочку из Темного Искуса найдется управа, но ни с того ни с сего среди бела дня на нее никто точно бросаться не станет. Если же станет, значит, будет в добровольно-принудительном порядке назначен вкусняшкой и пойдет на пропитание одной замечательной девушке.

Мысли были шуточные, но в большей степени Иринка все-таки храбрилась. Случись на ее пути такая подворотня, как вчера у заместника, вряд ли она вышла бы из переделки целой и невредимой. Застали бы врасплох – и капец котенку. Рассчитывать на то, что ее пощадят или умирающая девица совершенно случайно будет спасена собратом-вампиром, готовым с аппетитом зализать раны, не следовало. Она вообще не знала, действует ли этот дар на таких, как она. Увы, никаких навыков самообороны там, на Земле, и здесь ей при распределении талантов и ништяков не досталось, не выдали уникального клинка, чужавшего врагов на расстоянии!

Первым делом Иринка задумалась, идти ли снова на базар, и почти сразу отказалась от идеи. Почему-то уже дважды ее пребывание в людской толпе оканчивалось появлением трупа. Если так случится и в третий, Райхо, наверное, ее в каталажку посадит на недельку, просто чтобы передохнуть и статистику понизить.

Но, кажется, когда она шла в прошлый раз на базар, несколько лавок, подходящих к плану «купить нужное», ей попадалось. Память вкусняшки-сутенера услужливо подсказала: парой кварталов дальше есть лавка с обычной посудой, от горшков до фарфоровых чашек с тарелками, названная незатейливо и практично «Ваша утварь», а на соседней улочке хрусталем торгует гномья «Искра».

Почему-то гномы с изящным хрусталем в голове у Иринки никак не вязались, но наверняка об этом не ведали и спокойно торговали. Поскольку эта лавка была ближайшей, туда девушка и свернула. На пороге ее и собравшегося зайти следом пожилого орка едва не сбила с ног какая-то расфуфыренная и объемная человеческая лорра в розовом, кипящая от возмущения и бормотавшая злобно «кредит закрыт!». Чуть

не столкнувшись с вампирочкой, она процедила сквозь зубы что-то вроде «с дороги, девка!», прежде чем хлопнуть дверцей кареты.

– Какая вежливая! – умилилась Иринка, подмигнув орку, начавшему было недобро сводить широкие дуги бровей и сжимать кулаки. – Сразу видно, торопится человек, но представиться не забыла. Хотя с именем ей и не повезло. «Девка с дороги» скверно звучит.

Орк с ежиком седых волос грохнул так, что в «Искре» зазвенел хрусталь. Так под мелодичный звон они и вошли вместе в лавку.

– Лорра, – галантно повел когтистой дланью случайный спутник, предоставляя даме право выбора.

Молодой, пока безбородый и, видно, еще не отошедший от общения со скандальной неплатежеспособной покупательницей гном-продавец уставился на сумочку-кошелек Ивки, подвешенный к поясу, с нескрываемым облегчением. И только потом поклонился.

– Ясных дней, звездных ночей, лорра.

– Звездных ночей, ясных дней, – отзеркалила Ивка и сообщила: – Я недавно прибыла в город. Обустроиваюсь. Нужен набор бокалов для напитков.

– Для каких именно напитков? – вежливо уточнил специфику заказа продавец.

Иринка задумалась, припоминая штабеля в подвалах, и честно ответила:

– Для разных. Наливать не во что. Хотя бы по паре штук для основных разновидностей, под воду, сок. Да и вином не из горлышка же гостей поить? А сама хлебать начну, так и вовсе сопьюсь и буяннить по улицам пойду, стекла бить!

Гном, пытавшийся казаться деловитым и серьезным, прыснул в кулак, не представляя, как эта прекрасная девушка могла бы реализовать угрозу. Хохотнул и пожилой орк, а потом вдруг резко обернулся к окну и поймал булыжник, влетевший в приоткрытую для притока воздуха оконную створку, таящуюся за красивой, будто стеклянной шторкой. И как-то по-особому резко присвистнул.

– О, кто-то, похоже, уже без подходящего бокала оказался, – хлопая глазами на пойманный булыжник, ляпнула Иринка.

Ловкий орк утешил потрясенного гнома:

– Хулигана догонят и вытрясут имя заказчика, если таковой имелся. Я, сам знаешь, один не хожу. А пока обслужи лорру.

Гном отвесил глубокий уважительный поклон и занялся делом.

И все заверте... вокруг Ивки. Орка же обслужил второй продавец, постарше, вышедший на звон колокольчика коллеги. В итоге Иринке всучили резной деревянный ларь с бокалами на все случаи жизни. Двух золотых коршунов было жаль, но грани хрустала сверкали так завлекательно и бокалы так мелодично звенели при соприкосновении. Девушка не устояла!

Конечно, уволочь это комплексное великолепие не стоило и пытаться, ларь размерами напоминал хороший одежный сундук. Но услуга подвоза товара до дома заказчика в «Искре» имелась. Лорра оплатила «ларчик» и описала, как и куда его стоит доставить.

Пока суд да дело, бдительный и быстрый охранник орка вернулся с вестями, которые седой передал продавцам.

– Стекло бил пацан. Наняла его недовольная особа в розовом, описание совпало с лоррой, покинувшей «Искру» полсвечи назад. Монету пацану давал кучер, но знак на ливрее и капризную мину в карете мальчишка срисовал.

Молодой гном, едва не лопаюсь от возмущения, не выдержал и выпалил:

– Большой бал, самого наместника пригласила, а бокалы – семьдесят штук – хотела в кредит получить! Нет средств, так не устраивай праздник! Лорре Свайд в кредит больше не отпускаем никогда!

Его собрат по лавке согласно запыхтел. Похоже, цензурных слов для подстрекательницы погромов у него вовсе не было. И только двойная необходимость – потребность обслужить клиента и не выругаться грязно в присутствии юной лорры – помогла ему придержать язык. Пара тихих сочных проклятий под нос не в счет.

Между прочим, орк, приобретший ларчик с бокалами на годовщину супруге, дождался, пока молоденькая девица закончит с покупками, и осведомился:

– Не нуждается ли юная лорра в охране?

Иринка задумалась, а потом спросила о предложениях и расценках. Оказалось, у лорра Шерхаза имелась своя охранная служба. Стоили его ребята недешево, но оно того стоило. И чтобы милая одинокая лорра не служила приманкой для всякого отребья, лорр

Шерхаз рекомендовал бы ей обзавестись надежной охраной, если ее до сих пор нет.

«Разумно», – мысленно согласилась девушка и едва не взвыла от впившихся в кожу сквозь волосы шипов венка. Одновременно с болью пришло понимание, ей словно через ухо засунули в голову записку: постоянная охрана не годится категорически. Вампиру Темного Искусства, чтобы свободно привлекать тех, кто волей богов и судьбы предназначен в пищу, не пристало разводить толпу секьюрити. Ведь и правда, пока Ивка жила в замке отца, ни разу даже вкусного аромата не учуяла, а стоило в лесу заблудиться – и понеслось!

Потому пришлось не без сожаления ответить озабоченному не столько наживой, сколько интересами девушки орку с ярко выраженным отцовским инстинктом:

– У меня есть охрана, но неявная. Другой мне по определенным причинам обзаводиться нельзя. Но если когда-то понадобится, я знаю, где искать, лорр Шерхаз.

Галантный орк проводил новую знакомую в «Утварь», которую, оказывается, держала его племянница. Для обывательского земного мышления Иринки орки и фарфор были столь же сочетаемы, как гномы и хрусталь, но в Меладе мнения Ивкиной никто не спрашивал и занимался тем, к чему лежала душа.

По благу за полный комплект посуды белого фарфора с нежной цветочной росписью Иринка еще и скидку получила. А адресок лорра девушка на всякий случай запомнила. Очень уж Шерхаз своего племянника ей сватал – нет, не в любовники, а как надежную и внушительную охрану.

Таким образом, по знакомству вопрос с посудой оказался полностью закрыт. С обувью дело оказалось несколько более проблематичным. Нет, лавки имелись, однако они были скорее мастерскими, нежели привычными горожанке Иринке магазинами с сотнями пар обуви на выбор. (Правда, при внешнем изобилии все равно нужное можно было и не сыскать, потратив впустую час-другой.) В Меладе дело обстояло следующим образом: хорошую пару шили только по ноге клиента, сняв мерки.

Кстати, этим почти по соседству с развалинами резиденции Дома Шипоцвета весьма успешно занимались сородичи Грапоса, семейный подряд острозубых и ловких гремлинов, пользовавшихся вместо шила

собственными когтями. Туфли, домашние тапочки и прочую обувь клиентке обещали сшить за три дня и доставить на дом. Осталось заплатить аванс, смириться и ждать. Хорошо хоть ноги у Ивки не потели и падать в обморок от аромата собственных ступней после нескольких часов, проведенных в пеших прогулках, не тянуло.

Зато на сухую ждать обуви попаданка отнюдь не собиралась. Обзаведясь посудой и бокалами, Иринка вечером планировала все-таки сходить в подвальную винотеку на экскурсию с дегустацией. Шумно праздновать особенно было нечего, но жизнь продолжалась, и вроде как интересная жизнь. Почему бы не пригубить по этому поводу?

Глава 17

Бонусы и ночные гости

Обед в корзинке уже традиционно ждал проголодавшуюся клиентку. Крышки на посуде и полотенца, которыми емкости старательно укутывали, хранили тепло блюд. Ну и пусть чуть-чуть остыло, все равно Иринке никогда не нравилось огненно-горячее. Она и в кафе долго сидела за столиком после подачи заказа, ждала, когда еда остынет. А дома и вовсе поступала проще: грела лишь до состояния умеренного тепла, а свежеприготовленное и пышущее жаром блюдо, если не было времени ждать, перекладывала или переливала из тарелки в тарелку, пока не остынет.

Оттащив обед в бунгало на стол и перекусив, Иринка, как и обещала себе, отправилась в подвальную винотеку. Там, не разглядывая и не примеряясь, дернула первую попавшуюся бутылку из штабелей покойного владельца. Размышлять на тему «пить или не пить, а если пить, то что» девушка не стала специально, предчувствуя зависание процессора при обработке незнакомой информации.

В винах своего мира она и то разбиралась скверно, на уровне вкусно – невкусно, а уж здешние и вовсе были для нее тайной за семью печатями. Ивэйдю почему-то с этим не знакомили. Ее вообще учили, как теперь понимала Иринка, плохо, с явным небрежением. И чего в этом было больше – злого умысла мачехи, всерьез намеревавшейся отеснить падчерицу от управления княжеством, или попустительства отца, не простившего ей, дочери, ни ухода матери, ни внешней несхожести с ней, – сложно сказать.

Как бы то ни было, незнание вин было наименьшей бедой дочки князя Валадара. Та даже с географией сопредельных владений не была знакома. Убеждение Митрофанушки «извозчик довезет» Иринка годным не признавала. Жаль, в уцелевшей подземной части жилых помещений особняка Шипоцвета ничего, кроме заумных книг о божественных знаках, их сочетаниях, толковании и ритуалах, с ними связанных, не было. Причем книг, посвященных большей частью знакам Деварда Мертвителя. Иринка как открыла одну на пробу, так сразу и закрыла, чтобы топором голову лечить не пришлось.

Усевшись поудобнее со взятой наугад добычей, девушка развернула к себе чуть запыленную бутылку и икнула от неожиданности.

«Мелгорская долина», белое полусухое, эльфийское. Вкус отдает травами». Справочная информация возникла сама собой вместе с ответом на вопрос, что именно из способностей и знаний наместника присвоила себе вампирочка при его излечении. Вот засада! Нет бы политическую географию освоить или политэкономю. Это бы пригодилось. Но ей досталось лишь знание вин! Иринка рассмеялась. Да уж, что на уме крутилось, то к реализации и сгодилось.

Ловко вскрыв бутылку, попаданка пригорюнилась, подперев голову. Она пыталась уловить, какая ахиня ей досталась при спасении непутевого и совершенно невкусного Селрика. Может, вообще никакой, потому что навык или знания передаются только от вкусняшек с кондитерскими шоколадными ароматами?

Отпив глоточек-другой, Иринка закусила сыром и едва не подавилась, еще разок икнув, на сей раз потрясенно. Ее осенило! Непутевый наследник Келдирета оказался совсем даже не придурочным романтиком. Вернее, кроме хитропопой идеи об имитации самоубийства ради получения желанной девицы в голове Селрика водились и другие если не мысли, то знания.

Парень являлся полиглотом! Он знал эльфийский, вампирский, гномий, орочий языки, наречие гремлинов, гоблинов, ортов и нейдлаев. И вся эта туева хуча знаний была аккуратно инсталлирована в голову спасительницы. Дошло, конечно, как до жирафа. А она еще удивлялась, чего это гремлины-обувщики, которые мерки снимали, меж собой переговаривались так запросто, будто ее, клиентки, там не было. Ничего оскорбительного ей лично не говорили, но и в разговор не вовлекали. Да они просто думали, что клиентка в их стрекоте ни словечка не разбирает.

И гномы в «Искре», когда тихо бурчали под нос комплименты мстительной клиентке, точно не рассчитывали, что их образные высказывания будут понятны. А то бы точно промолчали из вежливости.

Может, по части вкуса и питательности Селрик совсем не котировался, но бонус за его исцеление получился щедрым. Почему? А кто его знает! Вряд ли где-то там, на божественных весах Звездной

Четверки, скрупулезно измерялись плюсы, минусы, мотивы и отсчитывалась награда. Вряд ли богам вообще было до нее, попаданки, хоть какое-то дело. Скорее всего, она хапнула знание языков потому, что ничего не ждала от отравленного юноши и не ставила себе даже мимолетной цели усвоить хоть что-то дельное. Слишком была занята сомнениями: а выйдет ли вообще у нее что-то с таким невкусным подопытным кроликом? Вышло.

Но повторить удачную кормежку вряд ли получится. Теперь, если она будет лечить кого-то невкусного, точно призадумается о потенциальных бонусах. А значит, начнет перебирать варианты, и за какой схватится подсознание – неизвестно. Скорее всего, по закону подлости, не знающему границ миров, за самый нелепый и бесполезный – как с винами вышло. Это при условии, если только что-то полезное не попадет в раздел навязчивой идеи. Может, стоит заняться аутотренингом, предварительно выбрав одну или парочку целей. Но чтобы этим заняться, надо важные и нужные цели выбрать, а она совершенно не представляет, какие из них к каким относятся на настоящий момент.

Как говорится, чтобы задать вопрос, надо знать половину ответа. А Иринка не знала.

«Эх, за это надо выпить, может, в расслабленный мозг забежит случайно нужная мысль, а то его сейчас, беднягу, судорогой сведет!» – решила Иринка и выпила еще глоток, а потом еще и еще. До одурения не наклюкалась, но приятный шум в голове и некоторая задумчивость при координации движений поселились. А чего стесняться-то? В конце концов, она дома, гостей, детей или мужа не ждет, на работу не опаздывает. И вообще, может ведь у девушки случиться запоздалая релаксация для снятия стресса от попадания неизвестно куда и во что.

Хотя насчет «во что» мнение есть, но воспитанные девушки его не озвучивают, а невоспитанные замысловатостью загибов срывают восхищенные взгляды окружающих и осуждающие – от культурной публики.

Сама-то Иришка практически не ругалась, но иной раз крепкое словцо срывалось с языка, как, пожалуй, у любого. На звание настоящего джентльмена, способного назвать кошку кошкой в момент столкновения и падения, Ивкина не претендовала не только в силу половой принадлежности.

Позвенеv ноготком о стенку новенького бокала, Иринка решительно наполнила его снова на треть, сопроводив процесс глупым присловьем: «Пить так пить, сказал котенок, когда вели его топить!»

Долог день до вечера, коли делать нечего, но если он посвящен вдумчивому употреблению горячительных напитков и размышлениям о смысле бытия, то время летит, не успеваешь и чихнуть.

Наверное, Иринка думала очень серьезно, потому что умудрилась задремать, положив голову на столешницу. Пробудил девушку весьма зверским способом любимый веночек. Он вонзил иголки в голову, вдобавок сдавив ее железным ободом и громко шелестя. Врагу такого будильника не пожелаешь!

Вскинувшись, Иринка скользнула взглядом по пустому бокалу, на две трети опустевшей бутылке и мысленно, потому что в горле пересохло и не выговаривалось, громко спросила: «Какого лешего?»

Насчет лешего ядоцвет ничего не ответил, но сжался снова и весьма наглядно потянул девушку к двери.

Куда-то и зачем-то он ее вознамерился утащить. Причем почему-то срочно. Обычно таким бесцеремонно-колючим симбионт не был. В последний раз так зверски он себя вел, только убеждая Иринку на пару с колечком, что руины Шипоцвета – это именно то, что им всем нужно. И, надо сказать, девушка была сейчас полностью согласна с веночком. Да, она купила развалины, так ведь получила не только подземные комнаты, но и наземные апартаменты из плетей ядоцвета, оказавшегося удивительно подкованным по части строительства домиков и мебелировки оных.

Маруся тоже проснулась, высунула головку из-за пазухи и, топорища шерстку, стала тревожно пробовать воздух язычком.

– Поняла, иду, – вынужденно согласилась Иринка и неуверенно поднялась на ноги. Тело немного занемело от неудобной позы после дремы. Встряхнувшись и потянувшись, девушка полезла вверх по крутым ступенькам. Упражнение на координацию помогло, дезориентация прошла, винные пары чуток выветрились, подключилась внимательность. Скатиться вниз к прикрытой двери, набить синяков или, чего доброго, и вовсе шею сломать Ивке совершенно не хотелось.

Наверху уже сгущались сумерки, терпко пахло цветущим ядоцветом и кровью.

– Ничего не вижу, – пожаловалась Иринка, и плющ услужливо засиял нежно-зеленым и белым. Как маленькие фонарики, засветились головки и чашелистики цветов, причем не только в венке, а по всему периметру владений.

– Ого, ты и так можешь, – уже ничему не удивляясь, прокомментировала попаданка, начиная смутно подозревать, что в их симбиотической группе главным является растение, а вовсе не двуногое прямоходящее, условно разумное млекопитающее. Может, оно вообще предназначено исключительно для перемещения плюща на расстояние.

При романтическом свете ядоцвета Ивка во все глаза уставилась на невинный ковер из цветов, листьев и плетей, в который, как в болотную трясику, с плавной неспешностью погружались мертвые тела. Сколько их было? Четыре, пять, больше – Иринка не поняла. Ковер ядоцвета успешно скрыл свою добычу. У куста покрупнее осталось лежать лишь тело избитой девчонки – гоблинки, судя по росту, цвету кожи и форме ушей.

– Нет, только не говори, что мне ее тоже пить надо, – обреченно вздохнула вампирочка, приближаясь к окровавленному комку плоти.

Присела на корточки, пытаюсь проверить, так ли все скверно, как выглядит, или еще хуже. Острие маленького ножа, зажатое в кулачке незваной гостьи, уперлось в горло Иринки. Но Маруся защищать компаньонку почему-то не кинулась, так и осталась висеть, прикидываясь шарфиком.

– Тронешь – умрешь, – прохрипела гоблинка, раскрашенная синяками и порезами под хохлому, но все равно брыкающаяся и цепляющаяся за жизнь зубами и когтями.

– Да нужна ты мне! Помирай, если помощь не нужна, – фыркнула Иринка, ориентируясь на спокойствие маскарадницы и понимая, что опасность от раненой гоблинки ей не грозит. Если только опасность очередной стирки.

– Помощь? – недоуменно прохрипела девушка.

– Ты ранена, не знаю уж насколько серьезно, но сюда тебя точно не на пикник притащили. Только просчитались, у дома Шипоцвета отныне есть хозяйка, и владения охраняются от чужаков. Так что повторяю вопрос: тебе помощь нужна или умирать будешь?

Переосмыслив предложение, гоблинка удивленно сглотнула.

– Ты лекарка?

– Ни разу, зато, как недавно выяснилось, вампир Темного Искуса со встроенными целительскими способностями. Короче, если еще хоть кто-то в Меладе не в курсе, мой укус лечит жертву. Изначально небось эволюция так постаралась, чтобы вампирам питаться было удобнее. Но теперь все немного иначе.

– Хочешь меня сожрать? – даже не удивилась раненая девчонка подлости мироздания.

– Не-а, ты невкусная, пахнешь прокисшим молоком. Я ненавижу простоквашу. Так что? Кусать тебя, чтобы лечить, или тут под кустиком помрешь, ядоцвет покормишь разлагающимся телом? – с пьяной серьезностью осведомилась Иринка.

– Кусай, – решила недобитая жертва, решив, что терять ей в принципе нечего. А подкормкой для растения быть совсем неохота.

«Нет в мире справедливости. После хорошего вина глотать мерзкую простоквашу», – мысленно поморщилась Иринка, опустилась на ковер из ядоцвета и решительно прикусила горло гоблинки. Фу-у! Простокваша и есть простокваша. Никаких кондитерских вкусняшек, только скисшее молоко.

Молочные продукты вообще Иринка Ивкина никогда не жаловала, если они были кислыми на вкус. Только сладкие йогурты и творожки с шоколадом или кусочками фруктов употребляла. И надо же такому случиться: молочка и кислятина, благополучно забытая со времен детского садика с его правильным мерзким питанием, нагло вторглась в ее жизнь и напомнила о себе даже в ином мире: сначала каши, теперь еще и простокваша.

Иринка настолько сосредоточилась на том, чтобы поскорее вылечить невкусную девицу и не начать плевать ее кровушкой, что почти упустила момент, когда гоблинка перестала хрипеть и расслабилась. Потом опять напряглась и осторожно постучала по спине спасительницы.

Голос ее звучал хриловато и почти робко.

– Прости, но я не по девушкам... Ах, хватит.

– Я вообще-то тоже, – буркнула Иринка, отстраняясь. Раз помирающая дергается и о своей ориентации заявляет, то точно прямо сейчас кони не двинет.

Отстранившись от спасенной девушки, попаданка задумалась, куда ее девать. Тоже на кровать в бунгало отволочь или к воротам? Вроде как выгонять, чтоб прибили на вечерней улице, жалко. Зря, что ли, простоквашей давилась? Эх, беда с этим миром без телефонов. Нет, девицу в окровавленной одежде пускать по улицам вечернего города точно не комильфо. Спасенная, конечно, гоблинка, то есть невысокая, но вовсе не дурнушка. Просто плотно сбитая. Все нужные выпуклости при фигуре имеет. А что кожа оливковая и уши развесистые, так этих, которых плющ сейчас доедает, это не остановило.

Нет гарантий, что ее, такую «красивую», снова в каком-нибудь проулке попользовать не вознамерятся, а то и просто прибудут где-нибудь. Или, как вариант, бдительные граждане к лорру Райхо заметут в гости. Как быть-то? Не зря же в очередной раз пришлось пачкать одежду и давиться гадостью?

Пока Иринка соображала, гоблинка, кряхтя, села, с удивлением потыкала окрашенным лиловым коготком в одну из закрывшихся ран и только потом хрипловато высказалась:

– Где эти ублюдки? Ты их чем-то спугнула? Вернутся?

– Если ты о тех, которые с тобой были, то точно нет. Может, ворота и можно вскрыть играючи, но у дома Шипоцвета иная надежная охрана. Видишь цветочки вокруг – это ядоцвет, мой симбионт. Незваных гостей ловит и себе на прокорм пускает, если они мне без надобности. Насчет твоих «приятелей» даже моего мнения спрашивать не стал, видно, те себя сразу со своей лучшей стороны показали.

Гоблинка глянула на невинные цветочки и листики, на которых так удобно сидела, и звонко, по-девчоночьи, расхохоталась.

– Нург со своей шайкой хотел на мне отыгаться, когда отец ему из города убираться приказал. Выманили на приманку, как последнюю лопушку. Я их нарочитые толки об ухоронке, с последних краж сделанной, подслушала. Думали мне ловушку устроить, а попались сами...

«М-да, я имею честь беседовать с преступницей», – отметила Иринка, впрочем, без особого удивления. В целом приличные девушки, даже гоблинского роду-племени, таких коротких юбочнок, пусть и поверх штанов, и глубоких декольте на блузочках не носили и

уши в стольких местах не прокалывали. Да и кинжалами с ножичками запросто не размахивали.

– Тебе домой надо, родные небось беспокоятся? – дипломатично предположила Ивка, пытаясь как-то подвести девуцу к мысли «дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева?» и изобрести способ безопасной доставки гоблинки в семью.

– Не, папка точно до утра не хватится, – беспечно отмахнулась гоблинка. Потом со скепсисом на мордахе оглядела кровавые лохмотья, в которые превратился ее стильный наряд, и мрачно констатировала: – Но в таком виде ему лучше не глаза не попадаться. Увидит – надолго дома запрет, уму-разуму учить станет. А для начала выпорот, чтобы по дури больше не попадалась.

«Педагогическая поэма! Меняются миры, но право родительского ремня вечно!» – умилилась про себя Иринка.

– Что делать думаешь? – спросила незваную гостью.

– Придется брата Клига просить, – поморщилась гоблинка. – Тайком я через весь город не проберусь.

Она, снова без малейшей опаски плюхнувшись на живой ковер ядоцвета, вытащила из узкого кармашка в отвороте полусапожек маленькую темную палочку, оказавшуюся местным вариантом карандаша, и листок. Нацарапала несколько слов, скатала в трубочку и дунула в висящий на левом запястье ключик, оказавшийся вовсе не стильным украшением, а рабочим инструментом. Звука Иринка не услышала.

– Тебе я тоже должна, – мрачновато констатировала спасенная девушка таким тоном, будто всерьез раздумывала, а не прикопать ли ей где-то свою спасительницу, чтобы разом обнулить все имеющиеся долги.

– Конфетами считаешься, чтоб я твой простоквашный вкус перебила, – тон в тон ответила Иринка. – И больше сюда не суйтесь, а то, конечно, ядоцвет все схарчит, но я ночами занятие повеселее найду, чем разбираться с проблемами.

– Я и сама ночами люблю с горячими парнями позабавиться, а не помирать под кустами, – согласилась гоблинка, хотя Иринка имела в виду скорее сон, нежели любовника. Как-то ей пока не до амурных приключений было, слишком нервы всем происходящим, начиная от

самого факта попадания, взбудоражились. Может, как чуток устаканится, так и потянет на развлечения?

Пока шла беседа, слышался шум крыльев, и на плечо зеленокожей девицы плюхнулся здоровенный черный птиц, кажется, карч – местная разновидность пернатых, похожих на воронов. Только фиолетовый клюв и отлив перьев не в синий, а в зеленцу.

– Ар, дружок, отнеси записку Клигу. – Погладив вызванное ключиком создание, гоблинка ловко вставила скрученную записку в футляр, крепившийся к лапке птицы.

«Что я там говорила о телефонах? Может, их и нет, но до эсэмэсок уже додумались», – рассудила Иринка, глядя, как взмывает ввысь Ар.

Отправив птицу с поручением, гоблинка окончательно расслабилась и принялась трепаться.

Глава 18

Кенибас как компас

Звали бедовую девку Кенибас. (Тут Иринка едва успела прикусить губу, чтобы не заржать в голос, а она-то считала, что после Бейлис ее ничем уж не проймешь!) Папашка гоблинки, как поняла Иринка из многозначительно недосказанного, имел прямое отношение к преступному миру Мелада и был в большом авторитете. Не царь горы, как Келдирет в мире официальной власти, но и не последняя кочка на болоте.

Принесла девицу с конопляным имечком на развалины особняка Шипоцвета надежда поживиться в воровской ухоронке, про которую якобы проведала сваливающая из города разбойничья ватага покойного нынче Нурга. Кто же знал, что подонок затаил злобу на отца Кенибас и на нее саму, отказавшую ему в развлечениях? Если бы сторожевой плющ не вмешался, девчонку в живых бы точно не оставили. И так-то потрепать изрядно успели, перед тем как перейти к следующему пункту мести, то есть разложить и попользовать. Уж больно жертва попалась непокорная: дралась, брыкалась, кусалась, норовила ножичком пырнуть.

– Если бы запахом серебра и золота отсюда не тянуло, – Кенибас досадливо щелкнула когтями, – Вейхо свидетель, меня бы сюда не понесло.

– Серебра и золота? – удивилась Иринка.

– А то ж! Гоблины порой получше гномов запах металлов чувствуют, но я к золоту и серебру особую тягу имею, лучше папки получается. Вот и... – Гоблинка досадливо махнула жилистой ручкой. – Кто же знал, что деньгами не от ухоронки несет.

– А откуда?

– Ну... вон из кошеля у тебя на поясе, еще оттуда. – Гоблинка, перечисляя, безошибочно ткнула в сторону подвала. – Там...

«Там» – относилось к заплетенным плющом жалким подобиям руин, еще не успевших утилизироваться плющом. И в той стороне Иринка вроде как ничего не клала про запас и денежку из кошеля не роняла. Если только в лунатическом состоянии? Нет, ее бы Маруся и

веночек никуда по ночам бродить не пустили. Маскарадница вообще обладала то ли даром провидицы, то ли сверхразвитой интуицией. Иной раз цеплялась за свою двуногую спутницу и ездила на ней сутками, а порой на такой же срок пропадала, занимаясь какими-то своими змейскими делами. И никогда не ошибалась: хранила, отпугивала потенциальных недругов, защищала. Сейчас Маруся на шее шарфиком не висела, свинтила в процессе лечения. Значит, Иринке совершенно ничего не угрожало ни от бандитских трупов, ни от Канапельки, как мысленно переименовала имечко гоблинки попаданка, произнося через «а», потому что через «о» звучало хуже.

– Там я ничего не прятала, – честно призналась владелица собственности, повторив жест гоблинки в направлении условной пустоты.

– Проверим? Все равно Клига ждать. Если от прежних хозяев осталось, ясное дело, твоим будет, мне только процент за подсказку отстегнешь, а если ухоронка, то поделим! – загорелась Кенибас.

– Пошли, – согласилась Иринка, промурлыкав под нос неведомую здешним обитателям строчку из песенки атаманши разбойников: «Ай-лю-лю, ай-лю-лю, а я денежки люблю!»

Не то чтобы Ивкина была патологически жадной до денег особой, но уже декларированного принципа «лучше плакать в «мерседесе» старалась придерживаться. Счастье душевное – это здорово, но когда нечего намазать на кусок хлеба, то обычный человек быть счастливым категорически не в состоянии. Если только не относится к каким-то святым, подвижникам и прочим героическим человекам исключительного сорта. Золотой запас, читай заначку, Иринка старалась иметь всегда и его наличие считала одной из основ душевного покоя. Сорить деньгами никогда не сорила, но взять и купить себе какую-нибудь вкусняшку или вещичку, невзирая на ее цену, порой очень хотелось, и на это четкий процент от заначки выделялся. Если себя иногда не баловать, какой смысл жить?

Пока что деньги, унаследованные от убийцы – лесного маньяка и полученные в благодарность за спасение от наместника, у Ивкиной были. Намечались регулярные поступления от поставок ядоцвета. Но не надо быть выдающимся финансистом, достаточно быть просто девушкой, чтобы понять: деньги – это такая странная штука, которая имеет свойство заканчиваться в самый неподходящий момент, если не

озаботишься постоянным источником пополнения, а желательно несколькими.

На чью-то шею Иринка садиться не планировала, она вообще не считала такого рода метод надежным. Чужие шеи они на то и чужие, что просчитать, когда тебя оттуда сбросят или свернут твою собственную, невозможно.

Зато кладоискательство как метод пополнения бюджета при наличии более-менее четких ориентировок уже себя пару раз оправдало. Вспомнить хоть тайник маньяка в покинутом храме Деварда у реки или уцелевшую часть подвалов особняка Шипоцвета. Так что попаданка была не прочь повторить, поскольку Канапельку все равно пока девать некуда. Потому пусть поработает чуток на спасительницу и свою личную прибыль в качестве компенсации за шоковую побудку.

Благо здесь, несмотря на сгущающиеся сумерки, и сейчас ядоцвет исправно исполнял роль дополнительного освещения. После не высказанного вслух, но четко продуманного намерения Ивки посильнее засиял не только веночек в качестве камерной подсветки, а и весь милый лужок, дополнив освещение включением плетей. Ядоцвет обеспечил кладоискательниц нежными переливами от светло-салатового до изумрудного с жемчужными проблесками головок цветков. Вид радовал глаз, а переливы света позволяли разглядеть окрестности если не как днем, то довольно четко. Наткаться на камни, кусты или вывихивать ногу, угодив в случайную ямку, не придется.

Девушки, ориентируясь по встроенному компасу чутья гоблинки, добрались до северо-западного участка владений. Там Канапелька покружилась, выбирая место, как собака, собирающаяся сделать кучку. Спустя несколько секунд кружение завершилось. Присев на корточки перед небольшим холмиком, гоблинка азартно повела ушами.

– Это здесь!

Иринка глянула на лакированные коротенькие коготки компаньонки. На свои аккуратные ноготки, на заплетенный ядоцветом холмик, где земля однозначно крепко мешалась с камнями, и поняла: ломать ногти ни малейшего желания не испытывает. Бежать искать лопату и кайло по ночному городу – тоже. С другой стороны, если плющ-симбионт так легко утаскивал в недра земные преступников, то

почему бы дивному растению не произвести обратные действия с неживыми предметами поменьше ради обогащения компаньонки?

И девушка решила попробовать. Она подняла руку к венку – живому пульту управления всей зеленой массой. Погладив его, отправила четкий мысленный посыл-просьбу: «Мне нужны спрятанные тут монеты. Достань, а?»

Симпатичный живой цветочный ковер всколыхнулся сначала крупной волной, потом чередой мелких, будто кто-то большой орудовал гигантским ситом. Следом плети ядоцвета разошлись, обнажая корни, камни, тонкий слой земли и изрядную кучку монет разного номинала в полуистлевших обрывках ткани. Кому изначально принадлежала находка – владельцу дома или бандитам, – установить уже не представлялось возможным.

И Иринка, не скупясь, озвучила очевидный краткий принцип дележки неожиданно прилетевшей халявы: все пополам! Так что раскидать монетки на две кучки, а затем ссыпать их в кошельки много времени у кладоискательниц не заняло, зато принесло массу позитива.

Плющ как раз успел ликвидировать прогалину в роскошном живом ковре, когда колокольчик у ворот как-то судорожно тренькнул. Разок, потом другой и зашелся в нервном дребезге.

– Ты кого-нибудь ждешь? – насторожилась Канпелька, поводя чуткими ушами, для которых звук был еще тем издевательством.

– Только твоего брата, – напомнила Иринка, многозначительно пошевелив бровями.

Переглянувшись, девицы поспешили к воротам. Там было что-то или было нечто? Ивкина затруднялась с подбором термина. Брат – не брат? Понять, кто таится в зеленом вертикальном коконе, извивающемся, как червяк, подвешенный на трех лианах подлиннее, понять было чрезвычайно сложно. Лишь парочка боковых отростков сверху намекала, что там, внутри кокона, можно попробовать найти кого-то по-гоблински развесисто-ушастого.

А вот когда изнутри раздалось не то мычание, не то рычание, не то отборный мат, Кенибас безошибочно завершила опознание, идентифицировав родственника:

– Клиг! Точно он!

«Раз Клиг, надо отпускать», – констатировала Иринка, пытаясь сообразить, как этой «гусенице» удалось позвонить у ворот снаружи и

распутает ли чрезвычайно самостоятельный плющ жертву добровольно, не откушав попутно кусочек-другой как компенсацию за труды.

– Кенибас! – ответом прозвучал встревоженный голос снаружи. – Клиг цел? Полез, потом захрипел и теперь только мычит. Я на всяк случай остался, звоню.

– Флик? – узнала вопрошающего гоблинка. – Вроде цел. Вы одежду принесли?

– У Клига, я тропыгаев держу. Тут привязать негде, место незнакомое, ускачут, одних не оставить.

– Сейчас, погоди! – кивнула Иринка в ответ на просительный взгляд новой знакомой и мычание «гусеницы».

Попаданка ласково постучала по кокону пальчиком, и плющ опал, освобождая пленника и принимая невинный кустово-газонный вид. Будто и не был миг назад опасной ловушкой. Парень, вылупившийся из него, тоже был зелено-оливковым, ушастым (левое ухо без острого верхнего кончика) и жилистым. Бугаем он не выглядел, но и на звание безобидного хлюпика претендовать не мог. Узрев сестру, Клиг с хриплым рыком выдал на языке гоблинов много непечатных впечатлений о сестре, ситуации и мире в целом. Канапелька выпалила ему столь же цензурный ответ.

И только спустя несколько секунд после начала разговора Иришка сообразила: знание гоблинского языка от продегустированного сынка наместника ей досталось, но знание жаргона бонусом в него не включалось. А именно на чем-то вроде арго сейчас и общалась парочка гоблинов, выясняя обстановку.

Нет, обидно Ивкиной не стало. Она и так уже поняла, что Канапелька не ангел, у которого крылышки подрезали, а метлу вручить забыли. Что ж, каждый свою социальную нишу занимает. Вон эта гоблинка вообще мерзавкой не была, раз приятным вкусом не обладала, зато человек, облеченный властью (это новоявленная вампирочка подумала о Келдирете), был вкусен просто невероятно, то есть являлся первостатейным гадом. От Клига, кстати, тянуло мятными карамельками. Не ресторанный вкус, но на погрызть потянет.

Так несколько минут пообщавшись, родственники пришли к общему знаменателю, и Клиг, выглядевший немногим старше Канапельки, передал сестре скатку с одеждой. Гоблинка, ничуть не

стесняясь, скинула с себя окровавленные лохмотья и спокойно стала переодеваться.

– Ясных дней, звездных ночей. Спасибо за сестру, лорра, – вежливо склонил голову перед Ивкиной молодой гоблин, являя не только знание ругательств, но и стандартного этикета.

– Звездных ночей, ясных дней. Ей повезло, что мой плющ-симбионт охраняет владения Шипоцвета, – пожалала плечами Иринка. – Когда я проснулась, он уже разобрался с нарушителями периметра, заодно и поел.

– Но спасли ее вы, – вставил Клиг.

– Брр, не напоминай, она такая невкусная, – пожаловалась Иринка под возмущенное фырканье Канапельки, оправляющей одежду, и смешок ее брата.

– Кроме шуток, – посерьезнела Ивкина. – Вы аккуратнее, развалины как ухоронку больше не используйте. Плющ теперь владения стережет, и без приглашения сюда лучше не соваться. Может, и не придушит до смерти, но незабываемые впечатления и ощущения гарантированно получите.

– А если за процент? – намекнула Канапелька, пока Клига передергивало от свежих впечатлений о живых неразрываемых путях. Ни ослабить их трепыханием, ни перегрызть, ни вытащить лезвие, чтоб подрезать, не получалось.

– Не стоит, здесь разные лорры бывают и разное случается, – не без легкого сожаления отказалась попаданка от роли держательницы заначки местной шайки. – Но если твоему братцу прилетит под ребро что-нибудь острое, привози. Он вкусно пахнет, вылечу.

Юный Клиг явственно смутился, оливковая кожа побурела на ушах. Канапелька глумливо захихикала. С улицы раздался недовольный, чуть сонный голос Флика, поторапливающий приятелей. Иринка открыла створку калитки, выпуская гоблинку и ее брата наружу, к двум ездовым ящерам и еще более мелкому, чем парочка родственников, гоблину. Тропыгаи, больше всего напоминающие помесь кенгуру с ящерицей, беспокойно переступали лапами и чуть побрякивали упряжью. То ли застоялись, то ли их подсознательно нервировало наличие ядоцвета по соседству. Не могли же они пугаться милой маленькой вампирочки?

Канпелька вскочила в седло того, который поменьше. Клиг запрыгнул на зверя покрупнее, мелкий гоблин (совсем еще пацан) занял место за его спиной, и компания умчалась в ночь. Лишь редкие фонари слегка развеивали тьму. Зато они совершенно не мешали яркому куполу звезд над головой производить впечатление.

Запрокинув голову, Иринка в очередной раз подумала, что местное приветствие возникло неспроста. Таких ярких звезд на Земле она никогда не видела. Или их глушили слишком яркие фонари, окна домов и рекламные щиты больших городов?

Накатила тоска по дому или скорее даже не месту, которое им называлось, а чему-то привычному и удобному, как разношенные туфли. Накатила и схлынула от мурчания Маруси, ловко забравшейся на привычное место. Иринка погладила пушистую шкурку подружки и потрянула головой. В волосах зашелестел венок ядоцвета.

Что толку страдать и жалеть о том, что было, если ничего вернуть не получится? Вейхо Канатоходец (как знала Ивэйда и успела узнать Иринка) дважды одних шуток не выкидывает. Забросить ее сюда забросил, но обратного билета от него ждать бесполезно. Надо жить с тем, что есть. Нравится, не нравится – жри, моя красавица!

Да и какой смысл возмущаться? С голоду не пухнет, крыша над головой есть, кое-какие деньги тоже. Чего не хватает? Запашка бензинового? Ничего, лошади и тропыгаи тоже вонять горазды, не химией, правда, натуральным продуктом. А все остальное она раздобудет. Любви нет на горизонте? Так ее и там не было, с чего вдруг здесь нарисуеться? Принцы с конями – народ дефицитный, как пелось в старой песенке, на всех не хватает. Для женских нужд, если приспичит, кого-то подыскать, наверное, несложно будет. Вон тот же наместник явно был не против покувыркаться с притягательной вампирочкой. Мужчина здоровый, чистый, никакими обещаниями неземной любви точно сыпать не будет. Но пока что-то не тянуло Иринку на приключения...

А Ивэйда так и вовсе от мужиков шарахалась. Вслед за этой небрежной мыслью всплыло гадкое воспоминание, до поры очень тщательно спрятанное, засунутое в глубины подсознания и надежно там захороненное под грудой чепуховых мыслишек.

Иринка отчетливо поняла, почему так получилось у бедной толстушки-недовампирочки. Эта дуреха умудрилась в Ночь Безумств,

когда народ пьет без меры, гуляет и любитя, как кролики, проголодаться до такой степени, чтобы не усидеть под замком. Взяла и втихаря поперлась на кухню.

Попалась вдрабадан пьяному стражнику, искавшему бабу для перепихона, и получила горячей мужской любви сполна. Короче, толкнули дурочку в первую попавшуюся комнату, разложили и поимели. Хорошо еще прямо на ней заснули, не успев отодрать до бесчувствия. В свои комнаты враз растерявшая остатки аппетита Ивка кое-как добралась и закрылась на все замки. Отмывалась, рыдала, но ни на помощь звать, ни каяться отцу-мачехе не ринулась. Не было у нее того, кому бы могла безоглядно довериться, в чью жилетку желала бы поплакаться. А без доверия жгучий стыд удержал вернее пут, не позволил открыться.

Ивэйда промолчала. Поначалу до дрожи боялась, что узнает кто-нибудь о ее позоре, но даже тот насильник мимо нее, как мимо стены, проходил. Ничего не помнил или не признал случайную подстилку, использованную во хмелю.

В чем повезло, так в том, что дитя в подоле не принесла. А то повсякому могло обернуться: замуж бы выдали для прикрытия чести рода или удавили по-тихому. Нет, не в потере девства проблема была, а в уроне достоинства. Как же – княжну, да по пьяной лавочке, да простой страж поимел.

Словом, от мужиков Ивэйда стала шарахаться пуще прежнего и лопать, заедая стресс, стала больше. Так и жила, пока не погиб на охоте отец и мачеха не вытурила из замка в ритуальное путешествие, явно рассчитывая на то, что падчерица не уйдет далеко. Может, и послала кого из надежных слуг следом, чтоб с гарантией обеспечили пропажу наследницы. Да случился облом всех замыслов в стиле Канатоходца Вейхо.

Так что Иришка еще раз похвалила себя любимую за то, что с самого начала решила отправиться в многорасовый город людского королевства. Уж тут-то ее специально искать не станут, да и попробуй сыщи иголку в стоге! Сама же она возвращаться в родной Валадар не планирует. Что забыла она в чужом замке, где неказистую дочь князя презирали даже поварята? Если только пирожки? Так в трактире по соседству они не хуже, чем у той кухарки в замке. Потому пусть Дайжен в одно рыло все наследует и с управлением разбирается или у

мамочки совета просит, а Иришке Ивкиной этого «и даром не надь, и с приплатой не надь».

Крышей над головой ядоцвет ее обеспечил, что ни день апартаменты надземные расширяет, а подвальные и так высшего качества в наличии. Постоянный источник дохода тоже имеется: плющ-симбионт – раз и собственный дар Темного Искусства – два. Она не пропадет! И к богам на свиданку в храм тоже соваться не след. Кто знает, что этим небожителям в голову при посвящении взбредет? Только они сами знают, да и то не факт. Так что поспешаем ме-э-эдленно. Ритуальный путь он такой непредсказуемый. Может и долгим оказаться, длинной, к примеру, в насыщенную, счастливую жизнь.

Следующий месяц, по-здешнему именуемый звездцем (Иринка долго хихикала, когда узнала-вспомнила), она ни подвигов, ни преступлений не совершала. Даже ни одного воришку, на радость лорру Райхо, в мертвячьей не поселила. Просто жила и осваивалась в городе, в теле, в доме.

Собственно, анекдотичность названия временных интервалов, на которые делился год, имела под собой логическое объяснение. Каждый отрезок годового цикла находился под особым благословением одного из четверых богов. Звездная Четверка по-семейному поделила год на восемь частей, и каждый заграбастал себе по два срока, равные сорока пяти суткам. Сейчас как раз шел Селадар-дин, то есть теплый звездцем Селадара (относительно прохладный и дождливый, примерно как поздняя осень в Краснодарском крае, носил окончание «бор»).

Селадар являлся не только ученым, но и торговцем. Он покровительствовал сделкам. Иринка, можно сказать, действовала под эгидой божества, когда приобретала недвижимость и совершала прочие денежные операции в целях приумножения личного благосостояния. Время летело стрелой. Вжих! – и нет.

Ирина общалась с Бейлис, заходившей собирать ядоцвет и просто поболтать за хрустальным «бокалом чая» с новой подругой, облазила всю аптекарскую лавку гремлины Грапоса, получила деньги и четыре пузырька с чем-то фиолетовым из первой партии чрезвычайно редких эликсиров «мейд ин ядоцвет». Вроде как эти были противоядиями. Иринка сунула их в ящик стола, чтобы при случае сбыть кому-нибудь за хорошую денежку, и продолжала изучать Мелад. Она бродила по его

улицам, лавкам, базарам, болтала с народом, скупала всякую нужную и не очень нужную, но приятную глазу и сердцу ерунду. И, пожалуй, была почти довольна жизнью.

Вампирский голод, как жажда крови, не давал о себе знать. Зато неожиданно-негаданно попаданка сообразила, чем обзавелась после спасения Канпельки. На базаре к ней пристал, как банный лист к хм... коже пониже спины, зазывала балаганчика, рекламировавший метание ножей в деревянные щиты-мишени.

Только чтобы зануда отвязался, Иринка кинула тупой, дурно сбалансированный ножик в щит. Попала. Метнула еще раз – попала снова. И так десять раз подряд. Прилипчивый зазывала, суливший несметные богатства в случае выигрыша, заметно спал с лица. Кажется, решил, что его самого сейчас продадут в рабство, чтобы рассчитаться с везучей метательницей.

Но Иринка забрала лишь леденец на палочке в форме змейки и пошла дальше. Трудно судить, свезло ли ей с талантом, позаимствованным от Канпельки, или нет. На большую дорогу она выходить не собиралась, защищать себя с чем-то колюще-режущим в руке тоже. Если до этого дойдет, значит, Маруся и венки из строя защитников выбыли. Но как последняя линия обороны... пусть будет. И вообще, что-то уметь всяко лучше, чем не уметь. Носить оружие в Меладе может *любой*, потому и ей чисто для форса стоит поискать в подвале Шипоцвета что-нибудь колюще-режущее. Кажется, там что-то было на стойке в ритуальном зале. А значит, можно не тратить деньги на покупку – раз, и вряд ли эльф стал бы держать дома металлолом – два.

Память не подвела. В закромах лорр-оля Дома Шипоцвета и впрямь обнаружился приглянувшийся девушке тонкий клинок, больше похожий на иглу-переросток, нежели на кинжал. Покидав его в пустую бочку и попав пять раз из пяти, Иринка решила, что ее все устраивает, и на этом упражнения закончила.

Вампирский организм имел перед обычным людским явное и неоспоримое преимущество: выработанный рефлекс не затухал и потому в регулярных тренировках не нуждался. Об этом знала даже растяпа Ивэйда. Правда, сил и желаний нужные рефлексy наработать у нее никогда не хватало. Это ж не пирожки трескать в три горла, а ручки родные трудить, попу от кресла отрывать!

Глава 19

«Пицца» с доставкой на дом

К вечеру тридцать первого дня пребывания в городе у Иришки почему-то вконец испортилось настроение. Дождь ли, шумевший снаружи бунгало (через крышу и дверь внутрь не попало ни капельки!), стал тому виной или безвкусная, явно недосоленная каша с мясом на ужин из трактира – попаданка сказать не могла. Ее просто внезапно перестало радовать и доставлять удовольствие все вокруг. Как в том анекдоте про завезенные в магазин фальшивые елочные игрушки: сверкают, звенят, блестят, а не радуют. Вот так и у Ивки случилось, не радовало ни-че-го!

Надувшись как мышь на крупу, сидела Иринка в бунгало, закутавшись в плед, слушала шум дождя и хандрила. Тепло пушистой Маруси и ее ласковое мурлыканье грусть-тоску развеять не могло.

Попаданка как раз решала, а не сходить ли ей в подвал за бутылкой, чтобы попытаться поднять настроение градусами, если ничто другое не помогает, когда колокольчик на воротах рвано звякнул. Раз, другой и смолк. Зато встрепенулась и подняла голову настороженная маскарадница.

Что бы у ворот ни происходило, это не было случайным хулиганством. Да и кто потащится названивать по чужим домам в дождь? Если только русалки. Кажется, здесь такие водились. Но по улицам не шлендрали, поскольку не имели ног.

Плащ не зонт, полностью защитит от потоков воды, стекающих с неба, не способен. Пока Иринка дошла до ворот, она оказалась мокрой настолько, словно купалась в речке прямо в одежде. С каждым хлюпающим шагом мысль о том, что русалок на улице быть не может, уже не казалась такой уж верной. Когда на земле столько воды, и доплыть по мостовой нетрудно. Вон лососи-то как-то по камням вверх по горным рекам прыгать ухитряются, хвостами отталкиваясь. Чем русалки хуже? Вдруг парочка прямо в Доме Шипоцвета нереститься надумала?

Эпическую чушь Иринка додумать не успела. В открытую створку ворот ей на руки практически упал наместник Келдирет. Или,

вернее, его почти водный раствор. Ибо был лорр столь же мокр, как и девушка, или даже больше. Плаща-то на нем не оказалось. То ли забыл надеть, то ли потерял по дороге.

«Шо, опять?» – захотелось воскликнуть Иринке, невольно процитировав персонажа одного старого мультика. Но не успела. С трудом удерживаясь в условно вертикальном положении, мужчина просипел, через силу выталкивая слова:

– Яд... Преподнесли на балу... – И как в замедленной съемке стал заваливаться вперед на вампирочку.

– А я-то уж думала, по мне любимой соскучился и на огонек заглянул, – пробурчала под нос Иринка, вынужденно подхватывая жертву в охапку.

Делать нечего. Она снова потащила загибающегося правителя города к бунгалу, как тогда, несколько десятков дней назад. Горячая благодарность к прародителям расы клыкастиков согрела сердце. Выносливостью и силой вампиры значительно превосходили людей. Потому добраться до дому до хаты с крупным мужчиной наперевес особого труда не составило.

Сгрузив жертву на пружинящую кровать, Ивка попросила плющ подсветить ей и охнула. Выглядел насквозь мокрый Келдирет прескверно. Нет, дуршлагом, в котором недоброжелатели провертели несколько лишних, не совместимых с жизнью дырочек, он не был, зато кожа шла бурыми пятнами и горела, как в лихорадке, а на губах пузырилась розовая пена. Иринка уложила Келдирета поудобнее (для себя) и склонилась к шее. Вкус горького шоколада с апельсиновыми цукатами был искажен странным привкусом горчицы и перца. Точно отравла! Хорошо еще Келдирет успел добраться к ней вовремя! Почти тут же, стоило слюне наполнить рот и смешаться с кровью жертвы, потянуло прежним тягучим кондитерским ароматом.

Секунда-другая – и хриплый стон сорвался с губ наместника. Он зашептал не то в бреду, вызванном ядовитым дурманом, не то под действием вампирского дара, дарящего неизъяснимое блаженство жертве:

– Пей, вампирочка, пей.

И Иринка охотно воспользовалась разрешением. Она пила. Не оставлять же Келдирета помирать? Одно дело, если бы наместник окочурился где-то на улице, не добравшись до резиденции Шипоцвета

пару кварталов, и совсем иное, если он двинет кони прямо тут. Нет, конечно, замечательный и очень полезный плющ-ядоцвет, как показала практика, способен переработать на компост даже несколько тел за раз, но город не лесная глушь. Наверняка найдется какой-нибудь не в меру любопытный свидетель, совершенно случайно видевший, куда наместник пошел-подался да как заходил внутрь. И объясняй потом придирчивой страже, почему он не вышел наружу через калитку. Другой-то, задней двери в ограде нет, может, и была когда, но сейчас точно нет, лишь одни ворота, способные открываться малой створкой-калиткой или распахиваться, если снять запоры, на всю ширь.

Конечно, спасала наместника Иринка не только чтобы отвести от себя подозрения. Первым делом потому, что лорр был действительно очень полезным знакомством, а вторым... Эх, да чего себя обманывать, не вторым, а первым делом потому, что Келдирет был безумно вкусным, и неопытная вампирочка только в процессе исцеления-кормежки сообразила, что вся ее хандра и недовольство жизнью объясняются элементарно.

Она банально проголодалась! А насколько сильно, поняла лишь сейчас, бережно, чтобы подольше растянуть лакомство, исцеляя вкусняшку-наместника. Иринка настолько погрузилась в наслаждение вкусом, что даже не сразу сообразила, что лорр больше не думает помирать, а совсем даже напротив, активно участвует в процессе кормежки. И плевать ему, что они оба мокры, как недотопленные котята. Хотя нет, уже не мокры. Обеспечивая комфорт и сухость почище самых современных подгузников, сработал бесценный ядоцвет. Наверное, так же, как очищал наместника от крови, волшебный плющ-симбионт извлек из обосновавшейся на матрасе парочки все излишки влаги.

Эйфория от сытости, тепла, удовольствия захлестнула вампирочку, и, наплевав на все разумные рассуждения о ненужности связи с наместником, Иринка позволила себе просто наслаждаться моментом. Любовником Келдирет оказался отменным. Или просто ни Иринке, ни тем паче Ивке не попадалось до этого времени хороших?

Было вкусно, было приятно, было здорово! Проснулась Иринка в крепких мужских объятиях, наслаждаясь любимым ароматом горького шоколада. А Келдирет смотрел на нее и... кажется, в темном взгляде наместника мелькало что-то похожее на задумчивую нежность.

– Нет, в особняк я тебя больше звать не буду. Ни к чему всякому знать, на что способна обладательница дара Темного Искусца. Дешуран сильно преуменьшил твои способности, Ивка. Я давно не чувствовал в себе таких сил.

– Дешуран, понятное дело, многорукий умница и отличный врач, но он мог не знать всего, – лениво зевнула в ладошку Иринка. – Я и сама-то не понимаю. Мне кажется, сила воздействия может зависеть от того, насколько мне самой нравится кровь, хм, пациента. Твоя – самая вкусная из всего, что я успела попробовать.

– И много таких было?

В глуховатом голосе Келдирета явственно проскользнули ревнивые нотки. Свою вампирочку он уже не желал делить ни с кем, потому и не собирался больше тащить в особняк, где под ногами вилось слишком много народу. Разумеется, откровенную шваль он в свой дом не допускал. Но порой полезные и нужные люди вкупе с нелюдями являлись не самыми приятными и безопасными для очаровательной девушки. Помимо этого лорр радовался еще и тому, как вовремя усрал прочь наследника.

Пожалуй, вкуси мальчишка в полном сознании удовольствие от близости с носительницей дара Темного Искусца, оторвать его от нового увлечения было бы нелегко. И так-то пришлось жестко надавить родительским авторитетом. Не будь мозги Селрика ослаблены пребыванием на пороге смерти и коварным действием яда, еще неизвестно, кто кого бы пережал. При всей внешней мягкой любезности и показной изнеженности стержень у парня был мифриловым. Удобная маска же защищала юношу от многих угроз и обаяла окружение. Келдирет действовал иначе, но признавал удачным и выбор наследника. Впрочем, это был их общий выбор. В свое время отец и сын немало посидели, перебирая варианты личин, чтобы подобрать подходящую.

– Нет, вкусняшки – большая редкость, – жалобно вздохнула вампирочка, отвечая на вопрос о статистической частоте встречи съедобных пациентов.

Еще разок вздохнув, Ивка доверчиво потерлась носом о плечо собеседника.

– Чаще простокваша и подкисленная водичка попадают.

– И я вкусняшка? – не то с насмешкой, не то с толикой недовольства спросил Келдирет.

– Угу, – без амбиций согласилась Иринка, лизнув мужчину в шею. Келдирет коротко рассмеялся, запрокидывая голову и давая понять девушке, что совсем не против продолжить их общение в таком терапевтическом ключе. Удовольствие от укуса стоило того, чтобы заплатить за него толикой крови.

Иринка уговаривать себя не заставила и снова пригубила, под томный стон жертвы. А потом откровенно поведала:

– Я, оказывается, голодная была. Тебя очень кстати отравили.

Келдирет хохотнул и эдак небрежно задал вопрос:

– Как часто тебе хочется есть?

– Думаю, примерно разок в двадцать дней, – прикинула Иринка, вспоминая, когда у нее начались первые звоночки о портящемся настроении.

– Я буду навещать тебя чаще, – пообещал Келдирет, привлекая вампирочку к груди.

«Пицца с доставкой на дом», – хихикнула девушка про себя, но возражать не стала. Какой в этом смысл? Она ведь, похоже, не только проголодалась, но и банально нуждалась в обществе мужчины. После лесных метаморфоз вампирочка не только внешне изменилась, но и потребностей у нее возник новый список, с которым сейчас попаданка и осваивалась методом научного тыка.

Много позже, уже утром, когда дождь наконец перестал полоскать город, а наместник опять слопал больше половины Иринкиного завтрака (особенно интенсивно жертве подсовывали очередную коварно присланную трактирщицей кашу), состоялся более серьезный разговор.

Келдирета интересовала способность спасительницы к идентификации яда. Вполне естественный интерес у того, кто чуть не откинул от него копыта. Попаданка честно призналась, что на этот счет она ни в зуб ногой. Анализировать состав невкусного компонента, попавшего в кровь жертвы, не способна совершенно. Вряд ли наместнику что-то скажут личные кулинарные ассоциации вампирши. Потому что кровь для людей пахнет кровью и на вкус она кровь, а для Иринки разная даже не как разные сорта яблок, а как разные продукты в лавке: иной и в рот взять нельзя, другим хочется наслаждаться. И вот

во вкуснейшее сладкое блюдо, каковым являлась для Ивки кровь наместника, вчера ночью какая-то зараза горчицу и перец сыпанула.

Мужчина задумчиво нахмурился и пробормотал вполголоса, что насчет места, где ему что-то подсыпали, может ручаться – бал у баронессы Свайд. А вот насчет того, кто сыпал, возможны варианты. Врагов и недоброжелателей у власть предержащих всегда в избытке. Того (или тех), кто за первым почти удавшимся покушением стоял, так и не нашли. Только тела исполнителей – залетную банду, якобы передравшуюся за добычу, отыскиали. И о том, брал ли кто из них заказ, теневой мир оказался не в курсе.

Иринка с благодарностью приняла откровенность. Делить им с лорром точно было нечего, а вот толика информации нечаянной спасительнице могла оказаться кстати. Если враги у наместника серьезные, они могут пожелать отомстить спутавшей им карты вампирочке.

Кстати об информации. Услыхав знакомое имя, Ивка оживилась и прокомментировала без задней мысли:

– Свайд? Ой, а не та ли это клуша, которая пыталась в «Искре», посудной лавке, бокалы в кредит у гномов взять?

– Хм, – цокнул языком и недобро прищурился Келдирет, будто уже рассматривал жертву через прицел перед выстрелом.

– Думаешь, она тебя траванула за вознаграждение? – удивилась попаданка.

У нее толстая, безвкусная скандалистка никак не вязалась с талантом к опасной интриге. Это же не стекла в лавках камнями бить, да еще чужими руками! Наместников вусмерть травить в собственном доме куда опаснее будет. В таком деле не подставиться под удар лично почти невозможно. Даже если не причастен, найдутся те, кто заподозрит и всех собак именно на тебя повесит, просто потому, что мог и вообще надо же кого-то обвинить в преступлении.

– Баронесса Свайд дура, причем дура трусливая. Но ее могли использовать как куклу, – пояснил собеседник.

«Втемную», – перевела для себя Иринка, с легким запозданием сообразив, что под словом «кукла» имелась в виду марионетка. Иных, специально для детских игр, в этом мире пока не придумали или специально придумывать не стали. Даже если на Земле в вуду и порчу через кукол верят, то здесь, в мире с реально действующими знаками,

дарованными богами, много чего, наверное, можно наворотить. Была бы злая воля. А за этим у разумных, вернее, условно разумных, дело не станет.

– Спасибо, лорра, за подсказку, теперь есть от чего оттолкнуться, – деловито заключил Келдирет и улыбнулся с нежностью голодного крокодила.

Кажется, лорру Свайд ожидало изрядное «веселье», то есть обстоятельный допрос по итогам неудавшегося мероприятия. Жалеть скандалистку Иринке совершенно не хотелось, зато неумное любопытство разыгралось, и она попросила:

– Расскажи потом, если можно, кто мне такую дивную ночь обеспечил.

– Посмотрим, – не стал клятвенно обещать Келдирет, но и не отказал наотрез. Все-таки интересы вампирочки в этом деле тоже оказались затронуты и, возможно, для ее безопасности и дальнейшей пользы самому наместнику информация будет нелишней. – Приставить к тебе охрану?

– Нет, не надо, – отказалась Иринка после недолгих размышлений, припомнив беседу с пожилым орком о телохранителях и реальность, преподнесенную в ощущениях драгоценным веночком. – Владения Шипоцвета мой веночек из ядоцвета охраняет так, что и муха не пролетит, сигнальную сеть раскинул от ворот на весь участок. А в городе они с Марусей меня вернее любого стражника прикроют.

– Да уж, Райхо про воров и базары пару презанятных историй поведал, – хмыкнул наместник, успевший познакомиться очно и заочно с милой пушистой хранительницей, налюбоваться на невинный с виду веночек, украшавший чело вампирочки, и выслушать доклад корра стражей города. Вопрос об охране на этом пока закрыли.

Кстати, этим утром вызвать себе карету лорр не требовал, одалживать плащ и кутаться, надвигая капюшон на лицо, тоже не стал. Ушел спокойно через калитку, не стыдясь и не скрываясь. Возможно, правила приличия, принятые у людей в целом и в Меладе в частности, ничуть не порицали такой образ жизни и выбор партнеров любых горожан, будь они хоть лавочником, хоть самым наместником. Или наместник, попаданка не стала исключать такого варианта, собрался ловить своих врагов на живца, используя Иринку и ее неприметную охрану в качестве наживки.

Идти по соседям и выяснять, собирая статистику, так ли это насчет обычаев людского королевства, Иринка не стала. Пусть у нее и сложились неплохие отношения с гномьим семейством, благодаря наводке главы которого она стала обладательницей развалин Шипоцвета, но брр! – ходить к ним в гости добровольно Ивка не согласилась бы и за деньги. Если только за очень-очень большие и противогаз в придачу!

Ядреный запах табака главы дома, которым, несмотря на показательно-демонстративное курение за воротами, был пропитан каждый сантиметр владений Крупнозадов, поневоле вынуждал девушку ограничить приятное во всех прочих аспектах общение. Если ей случалось задержаться для беседы дольше пары минут, то на бедняжку напал неудержимый чих. Медноволосый Даприн посмеивался, выбивал трубочку и сетовал, что хилые нынче пошли девицы, чувствительные неимоверно. Иринка соглашалась и убегала со всех ног.

Пока попаданка раздумывала «о жизни такой непростой», скользнула и свернулась клубочком на ее коленях Маруся, где-то ползавшая почти всю ночь. Искала ли она себе пропитание или просто тактично занималась своими змеиными делами подальше от постороннего мужчины – история умалчивает.

Сполна одарив подружку почесываниями и поглаживаниями, попаданка отправилась купаться. Замечательный плющ-симбионт обеспечивал чистоту тела, но сейчас молодой вампирочке захотелось поплескаться в воде тепленькой и ароматной, а не льющейся с неба для того, чтобы промочить потоками бедную жертву.

В конце концов, наместника она в свою ванную не приглашала не столько потому, что стеснялась предложить Келдирету такую забаву, сколько из-за того, что считала подземные комнаты, запирающиеся на родовой перстень Шипоцвета, чем-то вроде личного секрета. А всякой девушке хочется иметь свою маленькую тайну, к которой нет дороги посторонним. Даже очень вкусным посторонним.

Глава 20

Диаль

Иринка плавала до тех пор, пока не решила, что еще капелька – и вырастет русалочий хвостик, с которым по улицам Мелада не прогуляешься даже в дождь. Довольная и уже почти голодная, она выползла на мелодичный звон колокольчика у ворот в самом наилучшем расположении духа. Солнышко светило и грело, от вечерней непогоды и хандры не осталось и следа. Плющ, маскирующийся под ромашки, цвел, пах и зеленел, придавая развалинам и разрастающемуся дому-бунгалу нарядный вид. И на обед упрямые трактирные радетели о ее ЗОЖ (подраздел диетпитание) точно не клали никаких молочных каш!

Так что к воротам Ивкина неслась практически вприпрыжку только затем, чтобы замереть у створок зайчиком, удивленно разинув рот, и озадаченно почесать лоб под венком. На газоне у калитки кроме традиционной корзинки из трактира стоял очередной красивый столб, живописно и густо обвитый плющом. Размером он был заметно поболее того, который получился из Клига, брата Канпельки. Зато у этого столба имелись отчаянно сверкающие зеленые и блестящие, как темные изумруды, глаза, перламутровые, как у самой Ивэйд, волосы и острые, прижатые к голове уши. Эльф! Высокий. Ничего иного из-под плюща ядоцвета Ивка толком разглядеть не могла. Только почему-то от незваного гостя едва уловимо тянуло характерным, намертво въедавшимся запахом табака гнома-соседа.

Заинтересовавшись зрелищем, приподняла головку Маруся, дремлющая шарфиком на шее девушки. Зеленые глаза в плюще расширились еще больше, хотя, казалось, уже некуда.

– Вор? – задумчиво посоветовалась со змейкой Иринка.

Глаза гневно сощурились и метнули молнию. По плющу прошла рябь от попытки пленника освободиться. Тщетной попытки. Плющ все делал на совесть: и компост из грабителей, и бунгало, и веревки для пленников.

– Похоже, не вор, – продолжила игру в отгадки Иринка просто потому, что пока не решила, как поступить с незванным визитером. –

Тогда кто? Наемный убийца или просто в гости зашел?

Столб в плюще никак не эту подачу не отреагировал. Может, сам пока не определился: убийца он или гость?

Заинтригованная и чувствовавшая себя под комплексной защитой Маруси и растительного симбионта в полной безопасности девушка ласково погладила обвивавший жертву плющ и попросила:

– Опустит его пока, но будь настороже. Поговорить хочу.

Ядоцвет услужливо разжал смертоносные объятия, являя из своих недр натурального эльфа в одежде, как подсказала память Ивэйд, эльфийского рейнджера. Так одевались многие остроухие охотники, наемники, охранники, но не изгнанники или преступники. Сами эльфы четко придерживались кодекса и правил Домов, нарушителя «дресс-кода» ждала неотвратимая и жестокая кара.

– Ты не эльфийка! – вместо традиционно-вежливого «ясных дней, звездных ночей, лорра!» буквально выплюнул из себя незваный гость низким и, если бы не ледяная интонация, бархатным голосом.

– Не поверишь, я в курсе, – поведала собеседнику Ивка и показала клыки для пущей наглядности.

– Ты не вправе владеть домом Шипоцвета и наследовать лорруоль Шеймаллу, – последовало продолжение в целом логичной претензии.

– Возможно, но дом я купила, честно заплатив за него полновесным серебром, и получила документы с печатью города Мелада. А что касается права наследования... – Иринка подняла руку до уровня глаз эльфа и продемонстрировала перстень с шипом, а потом вытащила из-под рубашки родовой медальон. – Эта висюлька и кольцо сами наделись на меня. Скорее всего, я получила наследство по праву мести.

– Дом Шипоцвета враждовал с твоим родом? – внимательно оглядев украшения и признав их подлинность, произнес эльф, в его голосе поселилась спокойная обреченность. Изумрудная ярость глаз сменилась оттенком травы.

– Нет. Я отомстила за того или ту, кто мог бы наследовать. Полагаю, за последнего кандидата на право наследования, уничтожив промышлявшего в лесах убийцу. Поэтому мне на палец наделось сначала кольцо с листиками по ободку, следом в архиве Мелада перстень с шипом, а здесь и медальон к комплекту присоединился.

– Леольд, – помрачнел собеседник, и глаза его из травянистых вновь стали темным изумрудом. – Последний из Ветки Ивы, дальней родни Дома Шипоцвета. Он сгинул полгода назад.

– По времени сходится, – наскоро прикинув, согласилась Иринка.

Задумчиво-подозрительный взгляд мужчины скользнул по змее, опасным растениям и вернулся к лицу попаданки. Та потянула носом и невольно сглотнула слюну. До поры плющ надежно блокировал запах вторженца, оставляя свободной лишь неубиваемую табачную вонь, а теперь вампирочка отчетливо ощутила аромат корицы, ванили и молочного шоколада. Одурающе вкусный запах намекал, что дивный гость вовсе не белый и пушистый. Иринка, будто и не лакомилась всю ночь кровью Келдирета, снова невольно сглотнула слюну. Наместник тоже был очень вкусен. Но темный шоколад с апельсиновыми цукатами и молочный для лакомки Ивкиной были двумя большими разнищами. Короче, хотелось попробовать новую вкусняшку не отходя от кассы!

– Как ты справилась с убийцей последней надежды рода?

– Я его укусила, – мило улыбнулась Иринка и получила в награду новый недоверчивый взгляд.

– Продемонстрировать? – выпалила попаданка, с трудом удерживаясь, чтобы не начать дегустировать эльфийского рейнджера без предупреждений и разрешений. В конце концов, сам пришел незванным, так какой с нее спрос?

Эльф чуть склонил голову с легкой насмешкой на лице. Дескать, давай, вампирочка, покажи, на что ты способна, докажи! Позабавь меня!

И Иринка доказала и показала. Как она метнулась и как обошла, вероятно, надежную защиту профессионального лесного воина, анализировать не было ни сил, ни возможности, потому что безумно хотелось попробовать вкусняшку. И когда во рту растекался вкус шоколада, именно такой, как обещал умопомрачительный аромат, девушка не выдержала и застонала от удовольствия. Где-то на периферии восприятия Иринке послышался другой стон. Только спустя несколько глотков гурманка осознала, что ее крепко сжимают в объятиях, так, чтобы ее голова надежно фиксировалась рядом с чужой шеей. Впрочем, Иринка ничуть не против такого положения не возражала. А потом как-то само собой вертикальное положение

сменилось горизонтальным, прямо у ворот на услужливо мягком плюще. Еще один маленький глоточек, другой, третий – и напряженное тело рядом прогнулось, застонало еще громче и обмякло. Иринка озадаченно отстранилась и смущенно хмыкнула: на одежде скептического эльфа растекалось мокрое пятно.

– Темный Искус, – шепнул одними губами недоверчивый естествоиспытатель-доброволец. – Да, ты могла...

А Иринка думала: «Кажется, про способности вампиров моей крови знает каждая собака в мире, а вот бедняжку Ивэйдю мало того что с рождения на неподходящей диете держали, так еще и ни одна зараза не удосужилась ничего девчонке объяснить. Или нарочно не объясняли? Могло быть и такое. Нет ничего проще, чем избавиться от неумелой, неуверенной в себе дурехи, освобождая дорогу более достойному кандидату. Нет, я понимаю мотивы мачехи, но отец... Он настолько был зол на оставившую его мать, что хотел смерти непутевой дочери?»

Эльф рядом разжал объятия и принял странную позу, встав перед Иринкой на одно колено. Остроухий склонил голову, свесив светлые, почти такие же перламутровые, как у Ивки, волосы. Растрепавшиеся в борьбе с плющом и в процессе кормежки, они живописной завесой окружили прекрасный лик. Полуприкрыв веки, мужчина заговорил:

– Шеймалл покинул кущи Лильдэнола в поисках достойного наследника Дома, коего не сыскалось в наших краях. Владения Шипоцвета с его смертью почти закрылись от живых, оборачиваясь чащами монстров. Я отпустил всех, дававших клятву Дому, своей властью эрр-оля. В наших лесах можно было лишь сгнать, но не жить. Когда недавно чащи перестали неустанно пытаться меня убить, а следом от старого друга пришла весть о покупке владений Шипоцвета в Меладе, я решил, что Леольд принял кольцо наследника. А оказалось, что лорра-оль Дома Шипоцвета отныне вампир. И я, эрр-оль, верный клятве, буду служить тебе, лорра-оль. Располагай мной.

Эльф поочередно приложил сложенные лодочкой ладони ко лбу, рту и груди. А затем замер как статуя, с каким-то фанатичным блеском в глазах взирая на девушку.

Пусть она никогда и не числила себя знатоком эльфийского этикета, но кажется, эрр-оль (в перевод с эльфийского что-то вроде военного советника и специалиста по безопасности Дома) только что

подтвердил ей древнюю клятву служения. На такой ритуальный жест полагался ответ. Можно было и промолчать, но свободно свесившиеся вдоль тела длинные пальцы правой руки эльфа как-то подозрительно сместились в сторону рукояти тонкого клинка на поясе.

Кажется... кажется... Ой, мамочки, если древняя клятва не будет подтверждена, то приносящему клятву полагалось свести счеты с жизнью, перефразируя классика, «у ног неумолимого владыки». В залежах памяти Ивки медленно всплыли нужные данные.

– Я принимаю твою клятву... – торопливо пролепетала попаданка, пока вкусняшка не склеил лапы, лишив ее доступа к «кондитерской».

Травянистые глаза довольно блеснули, и эльф подсказал:

– Диаль, эрр-оль Дома Шипоцвета.

– Диаль, эрр-оль Дома Шипоцвета, – терпеливо повторила девушка, и эльф, смирившись с полной дремучестью новой главы, сам взял ее ладони и аккуратно возложил себе на макушку.

Волосы у него были нежнее шелка. В такие хотелось зарыться пальцами и перебирать, точно так же, как гладить Марусю, наслаждаясь ощущением мягкости. Вынужденная глава Дома едва сама не замурыкала от удовольствия, как разнежившаяся маскарадница. Но чужой эльф не змейка, его для релакса не используешь.

– Так получилось, – нехотя убрав руки от прически Диалю, вздохнула Иринка и разоткровенничалась под действием сжавшегося на пальчике колечка и зашебаршившегося в волосах венка (как-то очень бурно отреагировали они на принесение и принятие клятвы). – Насколько я поняла из найденных здесь записей, лорр-оль Шеймалл провел ритуал, используя экспериментальный рунный круг Деварда, составленный собственноручно.

– Лорра в совершенстве владеет эльфийским? – Диаль был приятно удивлен.

– Так получилось, что владею, – повторилась Иринка, мимолетно вспоминая очень невкусного, но крайне полезного сынка наместника, после которого спасительнице стала доступна расшифровка записей эльфа. – Шеймалл заключил с Мертвителем договор. Он желал обеспечить род преемником. Похоже, в договоре раса наследника прописана не была или отчаявшийся лорр не читал подпункты мелким шрифтом. Если желаешь, я покажу тебе записи.

– Желаю, моя лорра, – промолвил Диаль и изящным движением, будто исполнял па неведомого танца, поднялся на ноги. А потом у эльфа совсем невозвышенно и неромантически буркнул впалый живот.

– Но сначала поешь и... здесь есть купальня, – предложила Иринка, тактично не пялясь на грязные штаны рейнджера и одним махом давая ему доступ в свои секретные апартаменты просто потому, что выставить голодного подданного за ворота у нее не поднялась рука. И вообще, гнать прочь такую полезную и симпатичную вкусняшку – преступление, в том числе и перед самой собой. Вдруг снова есть захочется, а наместника в пределах пешей доступности не окажется? Или погода случится нелетная?

Что произойдет при знакомстве блондинистой эльфийской вкусняшки и Келдирета, девушка пока не особо задумывалась. Хотя... вспоминая здешние обычаи и нравы, приложенные к совместимости рас, Иринка была почти уверена, что ни тот ни другой не воспримет чужого как соперника, скорее как книжку или продукт на полке в холодильнике – иной горизонт потребностей, их не касающийся. Вот если бы Ивка была человеком или эльфийкой, тогда да, какой-нибудь конфликт интересов непременно случился.

– Да! – спохватилась хозяйка руин, наружных и подземных апартаментов. – Если нужно что-то из одежды, от лорра Шеймалла остались кое-какие вещи.

Диаль признательно склонил голову и, мягко отведя пальцы Иринки, пытавшейся подхватить корзину с обедом, взял ношу сам.

Полезным для организма считается сначала мыться, а потом есть. Но, кажется, эльфа на водные процедуры перед приемом пищи подвиг только не слишком приличный вид одежды после знакомства с даром Темного Искусства. Бедняга был по-настоящему голоден. Водились ли у него местные деньги, попаданка не знала. Может, и были, но эрр-оль слишком спешил достичь цели, забывая о насущных потребностях тела. Как втемяшилось ему в голову под воздействием чащ Лильдэнола и весточки из Мелада (знать бы еще, какая птичка-дятел настучала, чтобы настучать в ответ по кумполу!), что у Дома новый глава появился, так и рванул, теряя тапки.

Корзину с едой оставили в бунгало у стола, но пирожок эльфу Иринка все-таки всучила, прежде чем сопроводить в секретный подвал. А ну как самоотверженная вкусняшка протянет ноги в

процессе мытья? Жаль будет. Очень уж понравилась вампирочке новая «шоколадка»!

Детальную экскурсию по подземным владениям Иринка отложила. Конечно, эльф бы напрягся и, скорее всего, был бы предельно внимателен, но лорра-оль решила за него и сразу отвела Диалю в конец коридора. Мимо закрытых дверей и тайн – в ванную.

Разоблачатся Диаль начал еще до того, как девушка вышла за дверь. То ли никакого стыда обнаженной природы эльфы отродясь не испытывали, то ли этот конкретный после принесения клятвы считал, что принадлежит новой лорре-оль душой и телом, оттого не стеснялся вовсе. Ну, по большому счету стесняться вкусняшке и не стоило. Таких роскошных парней Иринка Ивкина в своей прежней жизни менеджера провинциальной фирмы даже по телику и в модных журналах не видала. Поджарый, с узким тазом, но широкий в плечах эльф был чертовски хорош. Если Келдирет являл собой человеческий образец заматеревшего мужчины, то о возрасте Диалю говорили, как это ни банально звучит, лишь его глаза.

Вкусный эталон мужских статей скользнул в воду. Будь Иринка знакома с эльфом не первые полчаса, точно бы присоединилась и продолжила общение с вкусняшкой в водной среде. Но сейчас это выглядело бы так, будто она навязывается и пристаёт к усталому и голодному человеку, то бишь эльфу. Поэтому попаданка куснула себя за губу, выныривая из мечтательного транса созерцания, и покинула помещение.

Подниматься наверх не стала, чтобы не отпускать новоявленного члена Дома Шипоцвета на свободную экскурсию без присмотра. Клятвы клятвами, но кто знает, что эльфу в белобрысую голову взбредет? Иринка прошла в кабинет и достала из ящика заныканные с прогулки по городу печенья с цукатами. Вкусноты они были необыкновенной, как и все из кондитерской лорры Брисом. И точно оправдывали дурацкий мем про сторону зла. За такое лакомство и сама Ивкина туда быстрее визга понеслась бы. Правда, эльф-шоколадка все равно был вкуснее.

То ли Диаль все привык делать быстро, то ли слишком хотел есть, но возник он в комнате до того, как Иринка успела опустошить заначку. Причем возник, вызывая неконтролируемое слюноотделение,

снова совершенно обнаженным, с влажными волосами и скаткой влажной, вероятно, наскоро постиранной одежды в руках.

– Ты говорила о возможности переодеться, моя лорра?

– Посмотри там, может, подыщешь нужное, – предложила Иринка, ткнув в сторону шкафа с одеждой. – Я не видела Шеймалла живым, только мумией после удушенного ритуала. Сложно судить, насколько вы были схожи по комплекции. Но на пару часов всяко сойдет. Развесим пока твои вещи на кустах во дворе. Сегодня солнечно, высохнет быстро.

Диаль пошел туда, куда послали, и, покопавшись, споро переоделся в штаны и рубашку, после чего, принахмурившись, констатировал:

– Да, вязь рун ухода за одежаниями на мебели не работает. Только в ванной действует часть цепочек.

– Мой сосед гном, у которого ты, как понимаю, уже побывал, судя по запаху его невозможного табака на волосах...

– Мне надо было разведать обстановку, – извиняющимся тоном произнес эрр-оль, брезгливо поморщившись. Ага, кажется, Иринка только что установила истинную причину спешного мытья Диала – ему тоже не нравилась вьевшаяся вонь. Или он считал ее существенным демаскирующим фактором? В любом случае плющ поймал бы вторженца, вне зависимости от наличия – отсутствия ароматов или уровня приятности оных. Пришел незванным – повиси, подумай о своем недостойном поведении. Правда, почему-то эльфа вверх ногами ядоцвет не повесил. Каким-то образом считал уровень уважительности причины его появления? Когда дело касалось Маруси и плюща, попаданка уже ни в чем не была уверена, разве что в том, что разумностью ее компаньоны ей практически не уступают, просто разумны на свой манер.

– Так вот, – продолжала девушка, – Даприн говорил, что неизвестный ритуал покойного хозяина выжег, выпил весь магический фон дома. Он начал восстанавливаться только сейчас. Наверное, потому что я пришла.

Диаль задумчиво промолвил:

– Если условие ритуала и его цель были достигнуты, так и должно было быть. Я хотел бы взглянуть на ритуальный зал и записи лорра.

– Может, сначала перекусишь?

– После, – подкрепленный пирожком, отказался от щедрого предложения эльфа, но его косой взгляд на печенки Иринка отследила.

– Держи, переходи на сторону зла, у меня еще есть, – вздохнула девушка, сунув в пальцы мужчине последнюю печенку из кулька.

Эльф изумленно приподнял бровь, но печенку принял и промолвил:

– Вампиры Темного Искусства, моя лорра, к злу никогда не принадлежали. Древние хроники, напротив, именуют их очистителями мира. Правда, я не до конца понимаю почему...

– Ну... тут все просто. Кровь большинства созданий – как разумных, так и животных – для меня противна на вкус, зато мерзавцы, подонки и прочая аналогичная публика вкусны неимоверно. Ты, кстати, тоже.

– Я – карающий меч, щит и синок Дома Шипоцвета, – лишь повел плечами Диаль в ответ на обвинения, не спеша их опровергать и доказывать полное соответствие внутренней белопушистости внешнему облику. – Как ни чисти клинок, он помнит сражения, кровь и боль жертв, это придает ему силы и закаляет.

Так, похрустывая печенкой, переодетый эльф опасной квалификации прошел за Иринкой к ритуальному залу и замер на пороге, оглядываясь и, кажется, даже приносиваясь и прислушиваясь. Затем, взмахом руки велел Иринке оставаться на месте, аккуратно двинулся вперед, обходя помещение по периметру. На миг-другой он замирал перед привлечшим внимание символом и снова продолжал свой путь.

Иринка не мешала, наблюдать за Диалем было интересно. Его движения снова напомнили ей танец. И только спустя минут пятнадцать, потраченных на созерцание, Иринка сообразила: в зале-то стало гораздо светлее, чем раньше. Прежде тусклые светильники-панели теперь сияли ровно и ярко. Лорру Шеймаллу точно не приходилось ломать глаза, вычерчивая все эти умопомрачительные фигуры при свете канделябров. Они, оказывается, носили чисто ритуальный характер.

Завершив осмотр, Диаль склонил голову и сделал руками замысловатый жест, отдавая самые высокие почести бывшему лорролю. Иринка же зажмурилась, потрясла головой и чуть не застонала от разочарования. Это же надо было полакомиться чуть ли не эльфийским

ниндзя и взять от него не владение клинками или еще что-то экстрапрофильное, а знание обычаев дивнорожденных! Нет, где-то там, в звездной дали, над одной бедовой попаданкой точно сейчас на пару хохотали Вейхо и Лайшеалла, а может быть, угорал и сам Девард на пару с Селадаром.

– Он отдал все – жизнь и посмертное служение Деварду Мертвителю – ради поиска достойного главы Дома Шипоцвета.

«Сдается мне, крупно продешевил», – мысленно прокомментировала Иринка, не опошляя трагического торжественного момента неуместным комментарием.

– Значит, ты, моя лорра, единственно правильный выбор, – парадоксально заключил Диаль. – Смертным неведомы пути, сплетаемые богами. Не нам их судить, но нам принимать их волю.

Выдав сию мудрую мысль, эльф светло улыбнулся, совершенно очевидно успокоив осмотром зала свою душу. Иринка, впрочем, не преминула подлить бочку дегтя в ложку меда собеседника невинным вопросом:

– Ты считаешь, вампир – лучший выбор для главы эльфийского Дома?

– Не я, Девард, – невозмутимо ответил Диаль. – Кущи Лильдэнола на границе с вашим княжеством Валадаром в последние десятилетия все темнее и беспокойнее, они обратились в чащи.

«Вот блин, выходит, мы соседи! А Дом Шипоцвета – тот самый край, о котором ходят недобрые слухи про разгул монстров даже в Валадаре!» – Иринка удивленно пожалала плечами, не представляя, как можно быть таким оптимистом-фаталистом, и внесла трезвое предложение:

– Пойдем обедать!

Желудок гостя согласился с Ивкой быстрее владельца.

Глава 21

Аптека, рынок, знаки, цели...

Когда эльф с вампирочкой поднимались в бунгало, Диаль спросил:
– Кому из богов ты посвящена?

– Я на ритуальном пути, – привычно попыталась отбояриться девушка. Но эльф тему не оставил, потребовав уточнений. Пришлось углубиться в детали: – Мать повесила мне на шею медальон Лайшеаллы. Но в звездном храме я еще не была.

– Ты должна посетить святилище, – очень любезно промолвил эльф, но за этой любезностью таилась неуклонная, упрямая, железобетонная уверенность в своей правоте.

И Иринка поняла: не пойдет сама ножками – ее спеленают и принесут в храм на ручках для представления перед очами богов все с той же аккуратной любезностью. Синяков не наставят, но отбрыкаться не дадут.

«Ну и ладно, – махнула на новоявленного опекуна рукой попаданка. – Приду, постою, развернусь и уйду. Принимать меня под свое крыло вряд ли кто станет. Вейхо поиграл, на фиг остальным такая бирюлька? Воспитания и религиозного благоговения никакого. Веры тоже. Я теперь просто знаю, что они, эта Звездная (спасибо, что хоть не полосатая) Четверка – есть, и все. А вера – это совсем другое. Наверное... И убиваться ради выполнения каких-то их заданий, чтобы снискать покровительство, особого желанья точно нет как нет».

– Завтра ходим, сегодня мне в аптеку к Грапосу надо. Просили сорванный мною ядоцвет принести, экспериментировать с Бейлис будут, – сдалась девушка.

Эльф принял информацию к сведению, один день ожидания критичным не посчитал, поэтому с аппетитом принялся за еду. А Иринка сделала себе пометку: увеличить объемы поставок из трактира. Эта мысль навела ее на другую, и практичная девушка задумалась о том, за чей счет будет банкет.

– Надо в трактире переговорить, – промолвила девушка, пояснив, что из-за Маруси питается дома, поэтому заключила договор с «Тихим уголком», откуда доставляют еду.

– Разумно, – одобрил Диаль и добил ее, скромно присовокупив: – Мне платить не надо, лорра-оль, я, как эрр-оль, служу Дому.

Не подавилась Иринка только чудом. Да уж, судя по всему, Диаль знал, как убивать и воздействовать разными способами, ликвидируя проблемы Дома, но в финансах не шарил совершенно. Мысль, что новоявленной главе надо как-то зарабатывать, чтобы кормить саму себя и его, эльфа не волновала. Объяснять девушка побоялась. С этого отмороженного станется выйти на улицу, кого-нибудь прирезать и принеси ей деньги на пропитание. Нет уж, лучше продать цветочки ядоцвета.

К Грапосу отправились после обеда, сбора цветиков в освободившуюся корзину и развешивания эльфийских одежд на уже привычных к таким издевательствам кустах одревесневшего плюща. Тот, кажется, даже ветви отрастил таким образом, чтобы вещи размещать на них было удобнее, чем на бельевых веревках. Разумеется, Диаль двинулся рядом, наставительно объяснив лорре-оль, что вне эльфийских кущ он ее тень и будет следовать неотлучно, дабы хранить, беречь и устрашать недругов. Аргумент в виде Маруси был признан веским, но недостаточным. Предательница же змейка, кажется, вспылала к мужчине теплыми чувствами и поддержала его порыв. Или дело было в том, что эльф за обедом скормил змее добрую половину своего салата, состоящего из рубленых яиц и мяса? Подкупил, зараза остроухая!

Мелкий греmlin приветствовал посетительницу аптеки довольным оскалом и бесцеремонным требованием, сопровождаемым прищелкиванием когтями:

– Принесла? Давай!

– Ясных дней, звездных ночей, – в пику невеже по всем правилам поздоровалась Иринка, выставляя на прилавок корзину.

– Отлично! – еще шире ощерился аптекарь. – А это что за длинноухий с тобой?

– У тебя уши длиннее и уж наверняка шире, – резонно возразила попаданка. – А это Диаль из Дома Шипоцвета. Мой эрр-оль.

– Хм, по наследству достался, – сообразил греmlin. И тут же, вместо детального знакомства с новичком, потребовал от онемевшего от такой наглости эльфа: – Пусть тоже корзинку к завтраму нарвет! Посмотрю на эффекты.

– А деньги? – практично уточнила Иринка.

– По договору, как за сырье! – подтвердил условия Грапос и бумкнул на стойку тяжело звякнувший кошелек. – Пересчитывать будешь?

– Не-а, – улыбнулась Иринка, сгребая кошель. – Если обжулил, уйду к конкурентам, а к тебе в гости Марусю отправлю!

Гремлин довольно захихикал, сотрясаясь всем телом и от души наслаждаясь удачной шуткой. Торговался он, заключая сделку, за каждую монету, но, заключив договор, педантично соблюдал его до буквы и цифры. Об этом Иринке уже успела нашептать Бейлис на одной из девичьих посиделок за бокалом-другим хорошего винца из погребка Шипоцвета. Да и сама Иринка чувала, как шоколадный вкус Диаля, – гнили в аптекаре нет. А что в общении он не душка-лапочка, готовый сюсюкать с каждым, так ей даже больше нравится. Медики и ученые (а попаданка относилась Грапоса к этой категории) всегда считались эксцентричным народом.

– Тащи сырье! – подтвердил просьбу гремлин, и визитеры покинули аптеку, став немного богаче. На духовное обогащение – исследование полков – у Иринки времени не было. Она, пока Диаль не решил, что у них долгов день до вечера, коль без визита в храм делать нечего, а потому туда стоит пойти сейчас, вознамерилась сводить эльфа на рынок и немного приодеть.

Эрр-оль, как успела убедиться девушка методом прямых вопросов, поскольку наводящих заточенный под свою работу специалист в упор не слышал, рванул из чащоб в Мелад, озаботившись лишь своим колюще-режущим арсеналом. Смена одежды или припасы в дорогу не казались Диалю чем-то существенным, потому тратить время, необходимое для скорейшего приближения к цели, на мелочи быта он не стал.

Рыночная суэта никак не задевала эльфа, он шел среди живого моря как ледоход, взламывающий льды с неотвратимой неизбежностью, следуя бок о бок с Иришкой. Та щупала привлекающие ее внимание товары, перебрасывалась словечком-другим с продавцами. Одним словом, извлекала из процесса шопинга удовольствие так, как на это способно лишь создание женского пола. Эльф из чащ стоически терпел, следуя своему предназначению.

Это для попаданки на рынке, как обычно, было шумно, людно, весело и время летело совершенно незаметно, для него же настала рабочая пора: бдительно следить за безопасностью лорры-оль, так неосмотрительно влезшей в толпу.

Иринка купила еще пару комплектов «ритуальных мешочков». Надо же гостю на чем-то спать, а девчонки из лавки мигом наловчились шлепать тканевые мешки для странной эльфийки. А уж когда она раскололась и объяснила, зачем вообще ей эти штуки понадобились, не на шутку заинтересовались, одобрили и мало-помалу стали толкать идею в народ. Народ не особенно рвался хвататься за новшество, но клиентов у девчат и так хватало. Зато благодаря Иринкиному совету пошли в гору дела в соседней лавочке у новаторши-модельера Крисель. Внедрение революционного нижнего белья через бордели двигалось полным ходом. Скорее всего, очень скоро в Меладе следовало ожидать роста спроса на провокационные модели и среди женского населения менее свободных нравов. Для Иринки, между прочим, уже была отложена партия из новой коллекции.

Прошлись покупатели и по рядам с пестрыми навесами, шатрами, лавками и прочими заведениями, торгующими тканями и одеждой. Все-таки знакомства – великая сила, так же, как и связи и советы знатока. Крисель, уволакивая Иринку на примерку, сразу шепнула, что ее спутник подогнанную по его мерке одежду носить не будет, только индпошив. Пришлось наведаться с записочкой от модельерши в нужную лавочку без вывески, притулившуюся в укромном уголке базара. Фактура Диаля вызвала у мастериц-эльфик и пожилого мастера-эльфа (правда, у последнего совсем по иному поводу) приступ неконтролируемого слюноотделения. Рейнджера обмерили и ощупали всего и клятвенно пообещали сшить обновки в максимально сжатые сроки. Вопрос денег не поднимался, а значит, Иринка поняла ясно: сдерут три шкуры. Но что поделаешь? Попаданка задавила вякнущую было жабу и списала расходы на статью «лакомства». Вкусняшка стоил того, чтобы заплатить больше. Да и ни к чему мужчине донашивать вещи с плеча бывшего главы Дома. Не потому, что унижительно, а потому, что каждая деталь одеяния Диаля, как с ходу определили портные по мелочам, перекочевавшим с его «военно-лесной» формы на комплект вещей от покойного лорра Шипоцвета,

важна и нужна для выживания как самого эрр-оля, так и тех, о безопасности кого он печется.

Кстати, пока мастерицы разных рас (эльфиек из пяти штук было только три) крутились вокруг ее эрр-оля, Иринка снова задумалась о сложности здешнего мироустройства в плане сочетаемости и уживаемости рас. Здешние боги устроили странную систему сдержек и противовесов.

На чуждой его расе территории комфортно не жилось пришельцу. В гости – пожалуйста, селиться постоянно – никак. Исключение составляли людские земли, где вольготно чувствовали себя все. Но попробуй отбери что-то у людей – самого многочисленного из народов! Да, орки сильнее и воинственнее, эльфы мудрее и лучше понимают природу, гремлины изобретательнее, нейдлаи умнее, но люди обладали неким усредненным комплексом всех этих качеств и были плодовиты, как тараканы. Поэтому охотников повоевать с ними уже не находилось.

От мыслей о территориях Иринка, чтобы не начать дегустировать свою полуобнаженную вкусняшку прямо сейчас, перешла к размышлениям о расовой генетической сочетаемости. Представители разных рас мало того что не давали совместного потомства, так они еще, за редчайшим исключением, не рассматривали чужаков как постоянных партнеров для удовлетворения потребностей плоти. Это вроде как если бы на Земле кто-то из людей без памяти влюбился в дерево или собаку. Оно, конечно, бывает всякое, но о-очень редко и нормой ни разу не является.

И в очередной раз попаданка порадовалась тому, что ее разновидность вампира Темного Искуса в какой-то мере ставит ее вне строгих рамок этой странной игры. Ей, к примеру, сейчас как мужчины очень нравились Келдирет и даже, кажется, Диаль. И нравились вовсе не как березки в роще, а как мужчины. Правда, кто больше, Иринка определить не успела. Кровь, к примеру, у обоих была слишком поразному вкусной, чтобы выбрать какую-то одну. А что касается прочего, так еще неизвестно, сложится ли что-нибудь с Диалем. Он, конечно, красавчик, но, к гадалке не ходи, с бо-ольшими зверушками в башке, которые давно съели всех тараканов. Но чужим девкам все равно пускать на него слюни низ-з-зя!

Заказав одежду, вампирочка вышла к продуктовым рядам и зашарила глазами в поисках вкусняшек для пополнения запасов, большую часть которых без остатка смел Диаль. Пожалуй, следовало прикупить и кое-что из продуктов. В трактир-то по дороге на рынок она заходила, но порой даже ей хотелось пожевать чего-то кроме готовых блюд и сладостей, оптовые закупки которых Иринка проводила у орчанки в кондитерской, располагающейся по соседству. Но пирожки и булочки, к примеру, как успела методом дегустации убедиться девушка, у каждой торговки и торговца отличались, а значит, стоили того, чтобы их перепробовать. Теперь не надо было считать калории и добросовестно трепыхаться в тренажерке. Благодаря особой диете физиология вампирочки была в норме, и от булочки-другой-третьей прибавка в весе ей не грозила. Да даже слопай она не одну-две, а десяток-другой, и тогда никаких последствий. Словом, сейчас было можно все, поэтому бесконтрольно и в изобилии лопать сласти и сдобу как-то вдруг враз расхотелось. Такова уж вредная женская природа: когда чего-то нельзя, сил нет как хочется, когда можно – уже и не тянет особенно.

Задумавшись на миг-другой о причудливости продуктового бытия, Иринка не сразу отследила, почему вдруг замолкла на миг-другой, а потом снова с удвоенной силой заволновалась, загомонила толпа. Взгляд, брошенный вниз, и довольное мурлыканье Маруси подсказали ответ: под ногами валялся очередной труп, на сей раз гремлины. И Диаль выглядел немножко озадаченным. Дескать, он лежит, а это не я его – непорядок. Маруся мурлыкнула, намекая на свое деятельное участие.

«Кажется, я видела знакомую фигуру в толпе», – понадеялась Иринка и завопила:

– Лорр Райхо! Лорр Райхо!

– О, лорра, опять? – только и вздохнул-громыхнул корр стражников, почти мгновенно возникший рядом. Он почесал затылок и хмуро пояснил: – Карманник. Был. А ведь всех уж вроде предупредили, чтоб и близко к беленькой остроухой красавице не совались. А тут поди ж ты... И не залетный. Грюхвик в городе давненько известен. Ловкач изрядный. Хэх, был...

– Он не у меня, он у моего спутника кошель стащить пытался, а Маруся, змейка моя ручная, позаботилась, – невинно захолопала

глазками Иринка.

– У меня нет кошелька, – озадаченно проронил эльф, не закончив фразу, потому что нет денег, и на том спасибо. А то, чего доброго, замели бы еще и эрр-оля за бродяжничество.

– Хо, а это тогда что? – Выкликнув стражей для транспортировки тела, Ройхо кивнул, указывая на висящий на поясе у Диаля мешочек.

– Шипы для трубки, лорр, – скупно проронил эльф, полуприкрыв веки.

Вроде и не угрожал, но Ройхо от рейнджера отлип моментально, наверное, сообразил, что второй вопрос повлечет за собой демонстрацию этих самых шипов. А вытаскивать их из своих глаз, рта, ж... ну и других частей тела, до которых достанет фантазия древнего эльфа, никто не захотел. А то ведь они и отравленные могут оказаться. Да как пить дать, точно окажутся! Небось еще и ядом каждый своим пропитан.

– Да уж, жил Грюхвик несуразно, а помер и вовсе по-глупому, – подвел итог трагикомедии корр стражей и махнул своему человеку, кивком указывая на труп.

Тот бесцеремонно подхватил щуплое тельце за шкурку, выругался, едва не порезавшись о вшитое в воротник лезвие, и понес вора под одобрительный рокот толпы. Там, кажется, слышались и не совсем или даже совсем нецензурные пожелания, касающиеся посмертия гремлина. Сочувствующих вору, промышлявшему в базарной толкотне с лезвием под рукой, не нашлось. Одно дело, если ловкий пацаненок пирожок с лотка дернет, так тому только уши и остается надрать, если поймаешь. А денежка – это денежка, она счет любит, и свой счет, в чужой карман ее никто складывать не желает, а уж терять и подавно.

– Лорра-оль, какие еще дела тебе потребно исполнить? – вежливо проявил толику нетерпения Диаль. На языке людей это звучало бы как «давай наконец уже сваливать отсюда. Я край как замотался».

– На сегодня все, – подвела итог Иринка.

Она, пожалуй, и еще бы потолклась по рядам, но не хотелось множить трупы воришек, которые тянулись к ней, как мухи на... *мед!* и только мед, а не то, что вставил бы любой зубоскал. Кстати, возможно, тянулись не произволом всемогущего рандома, а волей богов, подчищающих мир от швали. Но доводить спутника не

хотелось. В опасных чащобах непривычному к толпе эльфу было куда комфортнее, чем среди разнообразных двуногих мыслящих созданий. Порой, к сожалению, относившихся к мыслящим лишь весьма условно.

Пока эрр-оль и его лорра-оль совершали дневной променад, ядоцвет тоже времени даром не терял. По возвращении Иринка приятно удивилась, обнаружив в бунгало очередную пристройку с дополнительной кроватью. Почему-то не квадратной, а овальной, и еще кое-какой причудливо сглаженных форм мебелью, вроде помеси стула с креслом. То есть спинки у творения не имелось, зато были подлокотники. Стол не стоял на одной, трех и более ногах, а выросал прямо из стены и, наверное, складывался, наподобие столиков в поездах на Земле.

Иринка гордо поведала удивленному эльфу о безграничных возможностях своего чудесного венка. Тот проникся, поблагодарил вслух и даже, присев на корточки, признательно провел ладонью по цветочному ковру, нисколько не опасаясь яда от ядоцвета.

Ночевать Диаль планировал именно в приготовленной для него комнате. Да и охранять лорру-оль снаружи ему было удобнее. Понятное дело, суровый эрр-оль никогда бы не признался в собственной слабости – он чувствовал себя неуютно под землей и охотней прилег бы на траве под звездами, чем на пышном ложе в подвале. Но сейчас отговорок даже изобретать не пришлось.

Остаток времени до ночи Диаль провел, разбирая записи лорра Шеймалла, которые щедро вывалила перед ним, притащив из подземелий, Ивка. Он даже ужинал машинально, мыслями блуждая среди записей о последнем великом проекте покойного главы Дома.

И уже перед отходом ко сну предъявил новой лорре-оль Дома окончательную раскладку со своими выводами. Поскольку Диаль так же, как и Шеймалл, был посвящен Деварду Мертвителю, эльф смог расшифровать рунные комбинации. Последней из которых, завершающей, стал рунный жертвенный круг в ритуальном зале.

Великая жертва Шеймалла сплела столь же великую паутину-сеть совпадений, случайностей, закономерностей и судеб, у которой была единственная цель: даровать Дому Шипоцвета нового достойного главы и тем обеспечить процветание куш, находящихся под властью Дома. Эльф не просто сотворил и активировал рунное заклинание

великой мощи, он сделал его возобновляемым, активным до тех пор, пока не исполнится то, о чем Шеймалл просил своего бога. Потому так пусты были развалины, потому никакая иная магия знаков любого из Звездной Четверки не действовала. Сила мира, разлитая всюду и вплетаемая в знаки богов, вся была посвящена единой цели.

Лишь теперь, с распадом сети, когда исполнилось сужденное, стал восстанавливаться ровный магический покров. Поэтому заработали знаки в ванной комнате, начали обретать силу комбинации рун в иных помещениях.

Иринка, между прочим, порадовалась, что ей скоро не придется сушить белье на ветках ядоцвета и стирать тоже. Достаточно будет поместить вещи в тот самый шкаф, откуда сегодня они брали одежду для Диаля.

Единственному члену Дома попаданка без утайки призналась в своем вопиющем невежестве касательно всего, что имело отношение к знакам, дарованным Звездной Четверкой адептам. Поэтому эльф был скрупулезно терпелив и буквально разжевывал информацию. Грамотный глава отвечал его интересам, которые столетия за столетиями сводились лишь к заботам о процветании Дома. Когда-то было и еще что-то, но давно, он забыл или старался не вспоминать, слишком больно было беречь старые раны...

Спать несчастная попаданка не уходила – уползала с гудящей от обилия данных головой. А еще какие-то странные знатоки в ее мире, растопырив пальцы, утверждали, что именно эпоха технологий способствовала развитию людей и их способностей в оперировании громадными массивами информации и их усвоении. Наивные глупцы! Видели бы они пухлые тома знаков Деварда, где каждому из значков давалось отнюдь не одно толкование. Ха! Три раза ха!

Хорошо еще до окончания ритуального пути Иринке не надо было даже пытаться разбираться с этими загогулинами, расплывающимися и пляшущими перед глазами. Они открывались лишь посвященным.

Ивка попыталась было заикнуться, что руны это не ее, она и пишет-то как курица лапой и вовсе не собирается использовать божественную магию, но была жестко обломана. Применять знаки, коль окажется абсолютной бездарностью, лорра-оль не обязана, но знать их толкование – да. Диаль и сам великим знатоком в плетении

знаков себя не числил, но читал свободно. Именно это помогло ему сейчас разобрать смысл рунного творения погибшего главы.

Пожалуй, Иринка не отказалась бы остаться и проверить, такая ли удобная на ощупь овальная кровать в бунгало, какой кажется на вид. Но что-то, наверное, проклюнувшаяся интуиция, подсказывало девушке, что все ночное время эрр-оль в обществе лорры предпочтет потратить на ее образование, а вовсе не на иные, более приятные занятия.

К тому же завтра ей предстоял давно откладываемый визит в храм Звездной Четверки. Наверное, прав Диаль: надо – значит надо. Это она привыкла в мире, где большая часть публики лишь демонстрировала свою религиозность, что ее духовная жизнь – ее личное дело, а здесь все устроено иначе.

Не мучаясь сомнениями и страхами (а ну как ее отвергнут или, напротив, выберут!), Иринка мирно уснула.

Глава 22

Конец ритуального пути

Утро вступило в свои права, по мнению девушки, как-то подозрительно рано. Совпало оно с прикосновением мужских пальцев к плечу и уже знакомым бархатным голосом:

– Лорра-оль, пора!

– Чего? – хриловато пробормотала девушка, усаживаясь на диванчике и запуская пальцы под венки.

Владелицу живое неснимаемое украшение не кололо и ей не мешало, но порой под ним начинала чесаться кожа. Может, это шипы ядоцвета кололись, пытаюсь снаружи внедрить умные мысли или передать сводку погоды?

Маруся, пушистая предательница, между прочим, как дрыхла без задних лап у стенки ложа, так и продолжала. Будто чуяла, что общество эльфа подруге ничем не грозит. Ага, ничем, кроме ранних побудок.

– Пора, храм Звездной Четверки ждет, моя лорра! – повторил Диаль.

«Если он столько ждал, какого рожна он не мог бы подождать еще пару-тройку часиков, пока я выплюсь?» – Иринка с возмущением уставилась в прекрасный лик Диалю.

– Ритуальный путь лучше завершать на рассвете, – вывернулся тот.

«М-да? – удивилась про себя девушка. – Это что ж, боги, разбуженные в неурочный час, спросонья могут нарешать и куда послать истовых адептов? Ну, может, у небожителей свои обычаи, повальная бессонница и прав Диаль? Эх, все равно уже разбудил. Придется вставать!»

– Жалко, завтрак еще не приносили, – зевнула Иринка. – Ладно, кусняшками обойдемся.

– В храм лучше идти, не отягчая живот пищей, – снова огорчил собеседницу неумолимый эрр-оль.

«Ох, ну ладно, надеюсь, все произойдет быстро и к завтраку мы вернемся», – сдалась девушка. Но не утерпела, ехидное замечание

подвернулось-таки на язык:

– А одеться можно или лучше голой идти, чтобы не отягчать божественные взоры проникновением сквозь ткань?

– Можно, – торжественно заверил попаданку Диаль. И не понять было, принял ли он ее слова за шутку или ответил на полном серьезе.

Вот так и получилось, что еще в розовых рассветных сумерках пришла Иринка Ивкина, ныне Ивэйда Валадарская, она же лорра-оль, то бишь глава Дома Шипоцвета, на храмовую площадь в сопровождении эрр-оля Диаля. Тот шел за ее левым плечом, то ли торжественный проводник, то ли конвой, чтобы не передумала и не дала деру.

Впрочем, бежать Иринка не собиралась. Наверное, и впрямь пора разобраться с этой божественной проблемой, ради которой или прикрываясь которой – теперь не важно! – Ивку выпихнули из родового замка.

Набрав в грудь побольше воздуха и медленно выпустив его, девушка зашагала по разноцветным плиткам площади, составлявшим узор звезд, к большому зданию, сложенному из какого-то сероватого камня. Впрочем, этот камень только казался серым. Сейчас, приглядевшись получше, Иринка явственно различала, что по однотонным стенам, сложенным из крупных блоков, пляшут переливы света и цвета, напрямую зависящие от времени суток и погоды.

Между прочим, окон в храме не было совсем, ну вот совершенно, даже узких бойниц не имелось. И это при том, что большой купол здания без намека на шпиль тоже не являлся стеклянным.

«Может, у них там светильники круглосуточно горят?» – предположила Иринка, но ничего меж широко распахнутых дверей рассмотреть не смогла. Мешал какой-то оптический эффект, вроде легкой дымки.

Пожав плечами, девушка вошла и самым банальным образом раззявила рот. Челюсть упала. Изнутри это было... было... выражаясь языком молодежи, из которого изъяли весь мат, «ну ва-аще-э!».

Купол храма изнутри был вроде как прозрачен. Только сквозь него было видно не рассветное небо, а перевернутая чаша ночи, полная ярчайших, блистающих звезд, чье неустанное кружение завораживало. И еще изнутри форма храма отличалась от той, что виделась снаружи. Под куполом, заставляя вспомнить об умопомрачительных играх с

перспективой на картинах Эшера, храм распадался на четыре луча громадной звезды, сходящихся в центре здания.

По периметру купол поддерживал стройный гармоничный лес громадных колонн. Их вершины терялись в вышине, недоступные даже самому острому зрению. Колонны, взмывающие ввысь, поражали и своей формой. Витые цилиндры для каждого из Звездной Четверки были особенными. Луч Лайшеаллы украшали колонны-деревья, цветы, плоды, сплавленные воедино. У Мертвителя Деварда в колонны сливались мечи, копья, секиры, кинжалы, стрелы и прочие колюще-режущие штуковины, названия которых не знала ни Иринка, ни Ивка. Их даже не ведал первый из вкушенных ею в лесу маньяк-охотник. У Селадара колонны образовывали монеты, весы, книги, приспособления, потребные настоящим мастерам различных рабочих профессий. В колоннах Вейхо были музыкальные инструменты, резцы скульпторов, кисти художников, маски актеров, и прочее, и прочее...

Каждая из колонн была прекрасна, ни одна не повторялась, а вместе это было красиво, причудливо и завораживающе. Впечатляюще, не отнимешь. Но более всего внимание привлекали не великолепные колонны, не мозаика пола, вторящая тем же мотивам, а *они*. По четырем лучам храмовой звезды стояли... Нет, не банальные антропоморфные статуи, а прозрачные мерцающие завесы в форме гигантских зеркал. В них не отражалось ничего и никого. Потому что не были они зеркалами, а являлись образами зеркал, через которые боги смотрят на свой храм и смертных, переступивших порог святилища.

Казалось, здесь, в храме, на тебя все время кто-то смотрит. И не один – взгляды ощущались как мураши, щекочущие кожу под рубашкой. Не видишь, но чувствуешь.

Девушка почему-то невольно потянула носом. Интересно, а как должны пахнуть звездные боги и их дом-храм? Он пах странно. Если голова поворачивалась к лучу Деварда, тянуло железом и хвоей, от крыла Лайшеаллы веяло медом, молоком и цветами, от Селадара – книжной пылью, деньгами и химическими реактивами, от луча Вейхо почему-то знакомо потянуло попкорном, сахарной ватой и цирком. Там всегда свой специфический запах от присутствия зверей. Его ни с чем не спутаешь.

Вдоволь нанюхавшись и налюбовавшись, вернее, банально поглазев на красоты и причудливость храма местных божеств, Иринка шепотом спросила:

– Куда дальше-то?

Ответа из-за плеча, где всего за пару дней так привычно стало ощущать присутствие Диаля, не последовало. В храме вообще царила какая-то почти звенящая тишина. Даже звука собственных шагов и дыхания, как запоздало сообразила девушка, она не слышала.

Ивка повернулась и поняла: ее банально бросили! Заманили и оставили несчастную попаданку тет-а-тет с четырьмя богами, из которых только один являлся женщиной. Оставили без инструкций! Мало того, в храме, кроме Ивки, вообще не было никого, чтобы набраться наглости и спросить совета. Неужели в Меладе все как один засони-совы и не нашлось никакого жаворонка, пожелавшего в рассветный час пообщаться с любимым богом дружеской молитвой? И даже Маруся с шеи каким-то образом успела слинять. Наверное, предательница переметнулась к эльфу. Он выше, с его шеи небось виды лучше открываются.

Эх, что делать? Что делать? Заголяться и бегать не хотелось, поэтому поступила Иринка типично по-наполеоновски: главное, связаться в драку, а там прорвемся. И, положившись на второе счастье каждого успешного менеджера, прошла к центру храма, откуда открывался удачный вид на все четыре зеркала, которые вовсе не зеркала.

Почесав почему-то взмокшую под венком голову, Иринка развернулась к лучу Лайшеаллы, откашлялась, сглатывая слюну, смочившую пересохшее горло, и отрапортовала:

– Ясных дней, звездных ночей вам, боги! Обращаюсь к тебе, Лайшеалла, я, Ирина Ивкина, которую божественный Вейхо Канатоходец переместил в тело Ивэиды, княжны Валадара. Ее мама хотела, чтобы дочь была посвящена Жизнедарительнице. На моей шее твой медальон. Я из другого мира, у нас с богами столь близких отношений, как здесь, нет. Я не знаю, как положено обращаться к тебе, но... в общем, если ты считаешь, что этому знаку на моей шее можно и нужно находиться, то, пожалуйста, активируй его. Если нет, то я, пожалуй, пойду...

Иринка, понимая, что несет просто несусветную чушь, пожала плечами и замолчала, соображая, надо ли ей сделать что-то еще или можно уже развернуться и пойти прочь. Нет, даже не пойти, а убежать со всех ног, потому что ощущение легкой, едва уловимой щекотки мурашей, ползающих по телу, стало нарастать, трансформируясь в ощущение пристальных, тяжелых, как бетонные плиты, пронзительных, как лазеры из звездных войн, взглядов.

С отставанием в долю секунды вслед за взглядами пришли голоса. Нет, они не огласили пространство под куполом храма и не зашептали на ухо. Они заговорили прямо внутри Иринкиной головы, да столь громко, что, казалось, у нее меж ушей установили рупор и наяривают в него так, что в черепе загуляло гулкое эхо.

– Забавная девочка, смешно разговаривает!

Эта фраза явно была произнесена женским голосом, но разобрать, говорит ли молодая женщина, девочка, умудренная жизнью матрона или даже старуха, Иринка бы не смогла и под дулом пистолета. Голос завораживал, звал и неустанно менялся.

– Хочешь ее себе? – А вот этот голос явственно был всеобъемлюще мужским и даже, как показалось попаданке, она уже его слышала где-то прежде. Где-то, где-то... Да не где-то, а в пещере у ритуальной чаши, где напугалась до жути.

– Хм... – задумалась собеседница. – А завершены ли ритуальный путь? Совершены ли в мою честь три назначенных деяния?

К гулким голосам в голове добавился шелест незримых страниц, при этом Иринке казалось, что незримая женщина листает не книгу, а ее память.

– Очищение леса от двуногой твари, на чьей душе печать вины за гибель многих, – раз...

– Это скорее по моей части, – вмешался мужчина.

– Очищен лес – сфера моих интересов, – заспорила дама, и кавалер уступил, отдавая ей пальму первенства.

– Снят ритуальный круг, иссушающий силу мира, – продолжала перечислять женщина.

– Снять-то снят, – задумчиво хмыкнул собеседник. – Только странно сработали условия ритуала. Как вампир, пусть даже рода Темного Искуса, сможет наследовать крови Дома Шипоцвета в кущах Лильдэнола?

– Это не мой адепт, вдохновленный не мною, так криво вписал в контур условия, – коварно уколола дама.

Мужчина только протяжно хмыкнул и нанес хлесткий удар в ответ:

– Очищение города от воров, преступников и убийц не проходит по твоей части: три вора и пять бандитов.

«Что, реально я столько с Марусей на тот свет уже переправила?» – как-то вяло удивилась Иринка.

– Зато спасение отравленных – два и раненых – тоже два, по моей, – парировала женщина.

В какой-то момент этого запредельного диалога попаданка сообразила, что собеседники вовсе не ругаются, а развлекаются таким образом за ее, между прочим, счет. И проворчала про себя, невольно обидевшись: «Они б еще в камень-ножницы-бумагу-карандаш-огонь-вода на меня сыграли».

– Как-как? – ухитрилась услышать ее женщина. – О, правда, Девард, давай!

– Может, другие тоже хотят? – Теперь, похоже, Девард со зловещим прозвищем Мертвитель натурально ржал. Только этот его ржач выходил едва ли не пострашнее ауры Мертвителя из храма в пещере у реки.

– Ну-у, нет, пожалуй! Деньги она, конечно, любит, зарабатывать и торговаться умеет, интересные идеи выдвигает, но мне по сердцу более научный склад ума. Женщинам, смертным женщинам, конечно, он редко бывает дарован, – отказался от участия в игре, кажется, Селадар таким отстраненным тоном, будто и сейчас чем-то эдаким где-то там занимался и на ерунду отвлекаться не хотел.

– Не-а, она забавная, но веселиться не очень-то умеет, – отбрехался Вейхо. – Я с ней уже наигрался почти. Ик!

– Тогда давай мы! – загорелась богиня желанием проверить незнакомую разновидность забавы, информацию о которой снова бесцеремонно считала из памяти Иринки.

И боги сыграли, выбросив синхронно ножницы.

– Ой, совпало, а что в таких случаях делать? – задумалась Лайшеалла.

– Была б я пирожком, разломил бы пополам, – нервно хихикнула попаданка, все сильнее ощущая парадоксальную нереальность

реальности.

– Интересная идея, – оживился Деварда.

– А если не выживет? – засомневалась богиня.

– Воскресишь, – равнодушный к тому, что у диалога имеется пока живой и заинтересованный свидетель, ответил бог.

– Ладно, для завершения ритуального пути, пожалуй, можно. Интересно будет, давно хотела с тобой попробовать!

И следом они, видимо, попробовали, потому что в один момент к Иринке из двух зеркал метнулись два разных по цвету вихря: серо-красный и зелено-голубой. На месте их столкновения оказалось тело бедной вампирочки, и пришла боль. Дикая, нестерпимая, будто по каждой вене в теле вместо крови пустили расплавленный свинец. Только он каким-то чудом не сжег ее на месте, а продолжал течь и мучить.

Иришка распахнула рот для крика, но из горла не вылетело даже стона. Как стояла, рухнула девушка на красивые звездные плиты храма и потеряла сознание.

Последней идиотской мыслью перед тем, как разум укрыла благословенная пелена, была такая: теперь понятно, почему в храм для завершения ритуального пути ходят по одному. Если бы люди увидели, какая это мука, хрен бы хоть один бог дождался новых адептов.

Когда спустя вечность или миг она снова пришла в себя, перед глазами по-прежнему были плитки пола. Красивые и приятно прохладные. Даже чистые. Ничего не болело, и это было счастьем. Гулкий шум в голове, который создавала беседа высших созданий, тоже исчез. У содержимого черепушки снова была одна-единственная владелица. Может, не самая умная, могущественная и так далее и тому подобное, но своя собственная. И это тоже было счастьем!

Глава 23

О попытке сбыть некондиционный товар

Вскочив на ноги, Иринка понеслась к выходу, стремясь как можно скорее оказаться как можно дальше от ужасного места. Домой, в кроватку, спать! Нет, сначала есть! А уж потом спать!

У дверей храма Звездной Четверки девушку терпеливо ожидали Диаль с Марусей. В первый миг Иринке захотелось от всей души врезать проклятому эльфу по его прекрасным мордасам. Так, чтобы отлетел, теряя зубы, и сполз по стенке. Это же надо учинить такую подставу! А ведь она его приютила, кормила, одевала, поверила, почти позволила себе увлечься... Дура! Стиснув зубы, вампирочка с присвистом выдохнула и констатировала:

– Еще раз обманешь меня, промолчав и не предупредив, можешь катиться в свои чащи-кущи и ловить бабочек или монстров на выбор, эрр-оль!

Тонкая бровь рейнджера взметнулась в легком недоумении. Он не чувствовал никакой вины.

– Прости, лорра-оль, деталей ритуального посвящения не открывают никому. Уже прошедшие его не могут беседовать с непосвященными. Тебе пришлось пережить несколько неприятных минут?

(Малый отрезок времени, схожий по протяженности с минутой, тут именовался иначе, но у Иринки замещение понятий при слиянии с памятью тела произошло так мягко, что она говорила, не задумываясь, «минута» или местный аналог «шит» срывается с языка).

– Минут? Неприятных? – практически взвизгнула девушка, для которой беседа с богами и муки длились индивидуальную вечность. И с удивлением поняла, что площадь по-прежнему пустынна, и розовая дымка рассвета окутывает город, как газовый шарфик модницу.

– Объективно по часам, возможно, и минут, – нехотя проворчала Иринка, ткнувшись носом в мягкую шерстку перебравшейся к ней и

сочувственно мурчащей Маруси. Повернувшись, девушка стала спускаться по широким ступеням, продолжая ворчать на ходу: – Но если бы ты, эльфийская зараза, хоть намекнул, что это самое посвящение дико больно, я бы вообще без него обошлась как-нибудь. В конце концов, в любой сфере есть специалисты, работающие за вознаграждение. Чего бы я себя мучить позволила, если можно просто заплатить? Нет, может, ты на всю голову больной и от мучений кайфуешь, но я-то точно нет!

– Дико больно? – вырвался из груди Диаля недоуменно-встревоженный возглас, вслед за которым последовала даже не просьба, скорее мольба: – Лорра-оль, покажи мне свой медальон посвящения!

– На! – устало, уже даже не злясь (она про свои неприятности, а он про посвящение), отмахнулась девушка. Выпростав привычный аксессуар из-под рубашки, где он висел рядом со знаком Дома Шипоцвета, Иринка сунула его под нос рейнджеру.

Из горла эльфа снова вылетели совершенно немелодичные звуки, что-то среднее между сипом и хрипом, а ведь его никто не душил. А может, стоило для профилактики?

Теперь и сама Иринка немножко встревожилась (на «множко» уже никаких сил не оставалось) и опустила глаза на побрякушку. Присмотрелась и фыркнула: «Плагаторы!»

Сразу ясно, кто в чьей голове шарил, как в собственном холодильнике. Кругляш на цепочке утратил ровный серебряный блеск и представлял собой круг, разделенный на две части: зеленую и красную. В зеленой плескалась красная капелька, в красной – точно такого же диаметра зеленая.

– Девард и Лайшеалла равно отметили тебя, лорра-оль! – благоговейно выдохнул эльф. Чувствуется, он бы и на колено пред главой своего Дома опустился, не иди они в этот момент быстрым шагом по улице. – Оттого и было мучительным посвящение твое. Медальон от рождения готовит нас к принятию частицы божественной силы покровителя.

«А меня без наркоза прооперировали!» – возмутилась Иринка, вспоминая детали божественных переговоров и оговорку насчет возможного воскрешения.

Мало того что к посвящению Деварду Ивку никто не готовил, так вдобавок, как подумалось попаданке, при перемещении душ в пространстве с тела Ивэиды слетела всякая (если вообще была) настройка на Лайшеаллу. И тех дней, которые Иринка провела в новом мире, ей явно не хватило для подстройки к каналу передачи информационного пакета из высших сфер. Короче, над ней поэкспериментировали, как над белой лабораторной мышкой. Или даже как над мушкой дрозофилой. Кто она для этих всемогущих и вечных? Развлечение на секунду, не более.

Обидно стало неимоверно, даже глаза затуманились. Проморгавшись, Иринка сделала энергичный мах рукой, используя старый испытанный прием-посыл «а ну их на...» и ускорила шаг. Давно пора завтракать, а потом отправить этого настойчивого эльфа на хутор бабочек ловить, то есть цветики-ядоцветики рвать и Грапосу тащить. Пусть содержание отрабатывает и приносит госпоже финансовую пользу, а не только страдания. А самой надо пригласить к себе Бейлис и раздавить в две симпатичные мордашки бутылку под набор местных сладостей. И сплетничать, сплетничать, сплетничать... Точно полегчает! Проверенный мирами и временем девичий рецепт.

Что бы ни натворил и ни сотворил с собой и с ней ныне покойный Шеймалл, в одном его не упрекнешь: вина в погребке что ни бутылка, то шедевр!

– Ты гневаешься на меня, лорра-оль? – стоило им войти в ворота владений Шипоцвета, вновь завел свою шарманку эльф.

– Я злюсь, но не на тебя, а на обстоятельства. Что с тебя, продукта мира и эпохи, взять-то? Даже анализы сдать некому... Ладно хоть кровь вкусная, – буркнула Иринка, чуток подобрев при виде того, что корзинку с завтраком уже принесли. И она даже на вид крупнее тех, которые носили обычно. Надо будет сынишке трактирщика мелкую монетку чаевых оставить за расторопность.

– Моя кровь, как и жизнь, принадлежит тебе, – совершенно без пафоса, констатируя самый обычный для себя факт реальности, промолвил Диаль, изящно склоняя голову. Длинные светлые волосы накрыли его водопадом, скрепленным парой тонких косиц. Только теперь Иринка отметила эту праздничную прическу, вместо вчерашней – обычной практичной косы-колоска. – Если б я мог принять на себя все муки посвящения, лорра-оль, я бы сделал это.

– Все, забудем. Завтракаем, а потом ты несешь цветочки старику Грапосу, – распорядилась Иринка и уловила легчайший проблеск разочарования, скользнувший по лицу эльфа. Кажется, тот уже настроился на наказание. Может, он хотел, чтобы глава Дома Шипоцвета была жестокой садисткой? Тогда стоило не доверять ритуалу, сотворенному ныне покойным Шеймаллом, а взяться за дело самому и воспитать главу в коллективе. Ей-то, Иринке, это главенство совсем не нужно, ей только крыша над головой недорогая и в хорошем районе понадобилась. А тут этот гном со звучной фамилией и со своим советом подвернулся, когда венки с колечком подсуетились. Интриганы! Может, им поручить нового главу отыскать среди эльфов, проживающих в Меладе? Быть не может, чтобы ни одного подходящего кандидата не нашлось. Попробовать, что ли, прямо сейчас колечко и медальон сдернуть и на Диалю перевесить? Венки и колечко, будто мысли читали, сжались в отчетливом знаке протеста. Иринка прикусила губу и продолжала рассуждать, нащупывая выход из тупика. «А если я его женю на подходящей эльфийке? Скажем, на Бейлис?»

Сжатия от слишком умных аксессуаров вышли какие-то неуверенные. То ли они понятия не имели, подходит ли им такое предложение, то ли не верили в возможность его реализации. Ну, это они строптивного клиента на срочный контракт никогда не уламывали! – оптимистично подумала попаданка и решила попробовать вариант на практике.

За завтраком Иринка была необычно молчалива и бросала на Диалю задумчиво-оценивающие взгляды. Тот не понимал их смысла и, кажется, начал немного нервничать. Ничего, полезно!

Эрр-оль не понимал, что задумала его лорра-оль. По-хорошему ей за книги умные со знаками пора садиться и силы свои в их познании и начертании крепить, но она столько испытала и так странно относится к своему долгу главы Дома... Не пренебрегает им, но видит иначе, чем он. Возможно, все дело в разнице рас: он эльф, она вампир рода Темного Искуса. При воспоминании об их знакомстве и испытанном блаженстве укуса Диаль чуть зарозовел скулами, ушами и опустил взгляд в тарелку с кашей. Очень вкусной кашей. Такой у них не готовили, а милостивая лорра всю свою порцию отдала ему, да еще и сердито нахмурилась, когда он собрался делиться. Суровая,

милостивая, справедливая – о такой главе Дом Шипоцвета воистину мог только мечтать. Принятая двумя из четырех звездных богов. Неслыханная честь, невиданная редкость! Теперь бы еще она пожелала изучать дарованные ими знаки! Толстые тома с их толкованиями – по всем четырем божественным наборам великих символов – ждали своей очереди в чудом уцелевших подвалах дома.

Но перспективы перспективами, глобальные замыслы замыслами, а Иринка сразу после завтрака в категоричной форме огласила расписание на сегодня. Она повелела эльфу: во-первых, набрать корзинку цветов ядоцвета, чей ковер за ночь лишь преумножился, отнести гремлину-аптекарю и получить положенную плату. Во-вторых, с этими деньгами пойти в портновскую лавку и забрать сделанную часть заказа, заплатив мастерам за работу и оставив аванс, в-третьих...

Что будет на счет три, Диаль услышать не успел, так же, как и начать возражать по первым двум пунктам, заявляя о своем нежелании оставлять лорру-оль без охраны. Вмешался перезвон колокольчика у ворот, и раздалось звучание мелодичного эльфийского голоса.

– О, так даже лучше, начнем с Бейлис, – хищно улыбнулась Иринка и ринулась к воротам, таща Диалю за собой чуть ли не силой.

– Ясных дней, звездных ночей, – улыбнулась подруге Бейлис, стрельнув глазками в сторону незнакомого мужчины.

Иринка повторила обратное приветствие и сообщила:

– Это Диаль, эрр-оль Дома Шипоцвета. Охраняет, защищает и помогает советами. И вообще, сама видишь, красавчик и умница! Бейлис, не хочешь за него замуж? Станешь членом моего Дома, подружка, приданого от твоей семьи мы требовать не будем. Ты подумай, а там, глядишь, я и вовсе вам главенство над Домом передать могу...

Эльф поперхнулся втягиваемым воздухом, Бейлис жалобно заморгала. Кажется, никого предложение Иринки в восторг не привело. Знать бы еще почему. Впрочем, ладно, докапываться прямо сейчас Ивкина не стала, а лишь объявила:

– Вы подумайте-подумайте! Предложение выгодное!

На этом первый сеанс впаривания товара завершился. Онемевшего Диалю отправили с корзинкой исполнять первый пункт утреннего плана. Бейлис тоже принялась рвать цветики и, кажется, приняла просьбу «подумать» всерьез. Слишком была тиха и погружена

в себя почти час, пока заготавливала ценное сырье. Диаль со своей порцией справился быстрее и отбыл по маршруту.

Иринка успела сходить сполоснуться в ванной, смывая пот, боль и страх, введшиеся после утреннего похода в дивный храм, переодеться в свежие вещички, над очисткой которых постарался рунный шкаф в комнате, подумать, что практический смысл в изучении знаков есть, но пока ей даже открывать книги с подборками и толкованиями неприятно.

Словом, девушки чуть больше чем за час разобрались с делами и встретились за столом в бунгало за бокалом легкого вина из дивной коллекции Шеймалла и набором вкусняшек, собранным Иринкой.

И если попаданка-вампиричка хрустела вафельками и отпивала по глоточку с явным удовольствием, избавляясь от утреннего стресса, то Бейлис, в пику дивному имени, жалась и явно испытывала неловкость.

– Ивка, – наконец приговорив почти полный бокал и зарозовев щечками, решила на откровенность прекрасная эльфийка. – Прости, я не могу принять твоего предложения!

В зеленых глазищах плескалась бездна сожаления и вины.

– Почему? – в лоб спросила собеседница.

– Твое предложение... Ивка, оно очень щедрое, я благодарна... Но лорр Диаль – не тот, совсем не тот, кого я могла бы представить своим спутником жизни.

– Что так? – прямо спросила Иринка. – Он вроде симпатичный, как и все эльфы, незапойный и куча всего прочего позитивного «не». Или ты любви бессмертной ждать планируешь?

Щечки Бейлис еще сильнее порозовели, зеленые глазищи блестели звездами, а язык развязался. То, что эльфийка никогда бы не лягнула на трезвую голову даже подружке, само слетело с губ:

– Ты только не сердись, Ивка! Предложи ты все это моей семье, меня бы и слушать не стали, скорее всего. Но сама... сама я не хочу, даже за право породниться с Домом Шипоцвета. Диаль... Он же старый, Ивка, очень старый, он четверых лорр-оль воспитал, хранил и пережил. Не потому, что не уберег. Он силен и опытен, но мы, сама знаешь, разный срок проживаем, уходя не от недугов, а от усталости. Диаль же все еще живет, и у нас шепчут, будто он давно уже не в себе. Нет, не сумасшедший и оттого опасный, просто очень старый даже для эльфа, поэтому его странности... Они становятся все более заметны.

«Ну, не знаю, – мысленно прикинула сплетню из эльфийских куш на своего знакомого попаданка. – Мужик как мужик, даже роскошный, песок не сыплется. Занудливый чуток. Со своими тараканами, но кто ж без них? Чтобы этих зверушек завести, вовсе не надо сотню-другую-третью лет прожить. Они в любом возрасте заводятся сами!»

Видя, что ее слова подругу не убедили, Бейлис глотнула еще для храбрости и, наклонившись к уху Иринки, шепнула, округляя и без того немаленькие глаза:

– Его помолвка с Риальдиль расстроилась именно из-за этого! Он потребовал от нее невообразимого!

«Это чего еще?» – снова удивилась Иринка, как дитя своего мира и времени, когда уже люди привыкли не только воображать, но и реализовывать что угодно.

– Он предложил ей... – начала рассказывать таинственным подрагивающим шепотом, в котором тяга к тайнам мешалась с ужасом и отвращением. – Предложил такое... такое...

Запинаясь и многозначительно умолкая, Бейлис таки добралась до сути претензий к кандидатуре Диалю. Ивка выслушала и пожалала плечами.

– И что? Это его личные склонности. Отнесись к ним как лекарь к симптомам у больного. Тебе они очень противны, не сможешь смириться или притерпеться со временем? В одном Меладе мест, где он пар спустить может, в достатке. Тебе даже и знать ни о чем не придется.

В ответ Бейлис передернуло, но она добросовестно задумалась над предложением, взвешивая бонусы и перспективы. А Иринка почесала заколовший лоб под венком и почему-то вдруг устыдилась. Одно дело пытаться свести кого-то ради обоюдной пользы и бонусом ради собственной роскошной выгоды, и совсем другое – толкать к тому, к чему не лежит душа. Она же не клиенту контракт подпихивает, а вроде как с подругой общается, и Диаль... Он точно не заслужил постоянного скрытого отвращения от потенциальной жены. И медальон Дома на шее вдруг стал тяжелым, как мельничный жернов, кругляш с божественными капельками заледенел, перстень кольнул иголками, а венок неприятно дернул волосы.

– Бейлис, все отменяется, забудь о моем предложении! – решительно объявила Ивкина и предложила, наполняя бокалы себе и

эльфийке: – Давай-ка лучше еще по глоточку! Я сегодня в храме ритуальный путь удачно завершила!

Эльфийка посветлела лицом и с энтузиазмом поддержала достойный хорошей пьянки тост. Мелодично зазвенели красивые бокалы из лавки «Искра». Выходила целительница из ворот не с порхающей легкостью, а преувеличенно плавно. Ничто иное состояние малого подпития не выдавало.

Глава 24

«Такая корова нужна самому!»

Иринка плюхнулась на кушетку в бунгало прямо там, где они вели деловые переговоры и праздновали успешное завершение ритуала (ну ладно, ладно, чуток поддали) и задумалась. Командовать кем-то ей никогда особенно не нравилось. Одно дело с девчатами на работе, где знаешь каждую мелочь, и то от форс-мажора никто не боится, а все п... (и не сказать, чтобы плюшки) огребают начальник, и совсем другое, когда вообще не представляешь, что нужно и полагается делать.

Она ведь и в замок княжеский не планировала возвращаться, в том числе по той же самой причине. По нраву противному братцу Ивэйды править землями Валадара, так флаг ему в руки и билет на елку, а она и в людских краях как-нибудь недурно устроится. Чтобы жить в уюте, вкусно кушать, носить удобные вещи, любить красивых мужчин, высокий титул не нужен. Неплохой план, а? Ну и что, что в нем никакой великой цели спасения мира и окрестностей нет. Мир уж как-нибудь сам, без ее скромных сил, обойдется и спасется. Что с нее, обычной девчонки, взять? Ну пусть кусается порой и немножко лечит, зато никаких чудо-мечей, пророчеств и благообразных старых магов в нагрузку в ее окружении, к счастью, нет.

На всякий случай Иринка еще раз скрупулезно перебрала воспоминания об имуществе и знакомцах. Нет, точно нет! Железо, экспроприированное у маньяка, на древние клинки не тянет, совершенно рабочие, ухоженные инструменты. Ну да, для кровавой работы. А самый старший из знакомых – нейдрай Дешуран – точно не рвется стать ее советчиком и проводником неизвестно куда с благими целями. Его и в особняке у наместника неплохо кормят. Значит, план жизни таков: «Жить и наслаждаться жизнью!»

С удовольствием потянувшись, Иринка повернула голову и уставилась в зеленые, только почему-то не травянистые, как обычно, а какие-то помутневшие глаза Диаля. Как и когда он вернулся, девушка не слышала. Колокольчик на воротах не звякал, Маруся же слиняла по своим змейским делам еще во время девичьей пьянки, и некому было

стоять, то есть ползать на стреме. Хигга-то Бейлис сегодня с собой не брала. Пузатый грызун беспардонно объелся, добравшись до любимого ягодного пирога, оставленного в кладовой, и, приняв форму шара, остался дрыхнуть в доме.

Неизвестно, какая именно цепочка ассоциаций привела к догадке, но Иринка присела на мягко пружинящей кушетке и выпалила:

– Ты подслушивал!

– Не специально, лорра-оль, – отвел взгляд Диаль.

– Ладно, тогда высеку тебя в другой раз, – с неловким смешком пожала плечами попаданка.

– Ты, лорра... шутишь? – неуверенно моргнул эльф. – Ты не прикажешь мне скрыться с глаз и не отошлешь в Лильдэнол...

– Диаль, почему я должна пытаться избавиться от ценного члена Дома только потому, что кому-то не по вкусу его пристрастия? Причем там и в том, где никого другого, кроме него самого и того, кого он выбрал в партнеры, это не касается? – по-настоящему удивилась Иринка.

– Я не отвратителен тебе, лорра-оль? – удивился бедняга.

– Не-а, ты вкусный, – беспечно объявила девушка. – А уж где и что у тебя там в голове за века жизни перемкнуло и что стало нравиться – не мое дело. И не их! Пусть с твое поживут, и не такими странностями обзаведутся!

– Жаль, что не твое, – одними губами шепнул эльф.

Скорее всего, Иринка никогда и не расслышала бы этих слов, если бы не вездесущий ядоцвет, буквально протранслировавший фразу ей в уши. И столько потерянного одиночества и боли от невозможности разделить хоть с кем-то свои желания было в голосе мужчины, что сжалось сердце.

– Иди сюда, – решительно поманила своего эрр-оля попаданка, испытывая лишь толику неловкости. Нет, вовсе не от его «немыслимых» желаний (три раза ха, нашли чем удивить девушку с Земли!), а от самой неловкости момента. Все-таки в чем-то Иринка была чуть старомодна. Например, считала, что это парни должны первыми проявить инициативу при знакомстве. Нет, конечно, в арсенале девушек всегда остается масса штучек, чтобы дать понять тому, кто нравится, что ему следует предпринять и как скоро. Но

сейчас этот метод точно бы не сработал. Пришлось идти напролом, как носорогу, чья слепота не его проблема.

Диаль медленно, явно сомневаясь в том, что его зовут, подошел к Иринке. Та протянула руку, усадила его рядом и прошептала:

– Любви до гроба и за ним не обещаю, но, повторяю, ты вкусный, а потому...

Больше Ивка ничего не говорила, только толкнула безропотно подчинившегося ей мужчину на кровать и мысленно попросила ядоцвет помочь. Часть плетей бесценного плюща высвободилась из основы «растительного матраса» и пришилила эльфа к ложу, несколько оперативно выращенных неядовитых, но острых шипов укололи кожу. Иринка облизнулась.

Зеленые, неверящие, с каждым мигмом наполняющиеся смутным ожиданием и предвкушением очи Диалья закатились, когда вампирочка куснула его шею. Рот распахнулся в беззвучном крике бесконечного блаженства. Руки напряглись, пробуя путы на прочность, и новый довольный полустон-полувздых сорвался с уст мужчины...

С сияющими изумрудом глазами, гладким, сильным телом, водопадом перламутровых волос, разметавшихся по ложу, эльф был великолепен, как картинка из неприличной книжки, как ожившая эротическая фантазия. И любовником он, между прочим, оказался чутким и нежным.

Иринка с наслаждением облизнулась и постановила: «Риальдиль однозначно конченная идиотка, а мне повезло! У каждого из нас есть свои таракашки, а эти, у Диалья, вполне безобидны. Что плохого в том, что мужчине хочется немножко БДСМ? Он же не порку кнутом и ошейник, а всего лишь чуток связывания у этой дурочки просил! Все, решено, никому не отдам, «такая корова нужна самому!». Нет, ну какой вкусный и красивый! Мм!»

– Моя лорра-оль, – невесомо выдохнул Диаль, и лицо его озарилось такой светлой радостью, что попаданке в очередной раз за сегодняшний день стало капельку стыдно. Она всего лишь получила в свое распоряжение вкусняшку, а бедняга-эльф, кажется, вручил ей сейчас не только преданность, как главе Дома, но и всего себя вообще без остатка. Или, может быть, все дело было в том, что эрр-оль жил долго, очень долго, настолько, что даже по меркам эльфов его век стал почти легендарным. И для продолжения не существования, а именно

жизни, во всех ее оттенках, вкусах и полноте, ему требовались яркие переживания. Вот Иринка их и подарила, освежила гобелен реальности, заставила засиять потускневший и начавший надоедать узор новыми красками. Как-то так...

Нет, великой мудростью попаданка отродясь не обладала, но что-то такое то ли витало в воздухе, то ли передалось ей с кровью. Во всяком случае, после повторной дегустации понимать эльфа она стала чуть лучше.

И его безусловную верность тоже, поэтому сочла нужным поделиться информацией и предупредить:

– Диаль, ты мой эрр-оль, хранитель! Так есть и так будет, поэтому прими к сведению: лорр Келдирет, наместник провинции Мелад, который порой навещает меня, уверен, в городе творится что-то подозрительное.

И Иринка, собравшись с мыслями, поведала о покушениях на жизнь наместника, его сына и своей роли в их спасении. Приступа ревности Диаль не явил, в этом плане мораль эльфов сыграла попаданке на руку. Соперником он инстинктивно мог ощутить лишь мужчину одной с собой расы, Келдирета же отнес в раздел разнообразия блюд для полноценного питания бесценной лорры. Потому задумался не об отношениях полов, а об опасностях и реальных проблемах, пытаясь просчитать и решить, не грозит ли что-то его лорре-оль.

После нескольких вопросов по существу Диаль снова задумался, перебирая браслет на запястье, состоящий из красивых плоских звеньев. В голосе Иринки всплыла информация: это не побрякушка, а оружие. При правильном легчайшем нажатии на край пластины она снималась с единой нити на запястье, обрастала острыми гранями лезвий и отправлялась в полет или банально перерезала горло противнику, находясь в хвате владельца.

Неизвестно уж, о чем думал эрр-оль, оповестить Ивку о своих выводах он не успел. Шум быстро приближающейся повозки и нетерпеливый звон колокольчика у ворот помешали обстоятельной беседе.

Глава 25

Невкусная акция

У ворот резиденции Шипоцвета, привлекая внимание зевак, затормозила повозка, поверх содержимого которой было навалено несколько плащей стражей. Рядом топтался и, чувствуется, прикладывал титанические усилия, чтобы не долбить кулаками в ворота и не орать здоровяк Райхо, корр стражей Мелада.

– Ясных дней, звездных ночей, лорр, – поздоровалась Иринка, отпирая калитку.

– Ты-ы, лорра? Откуда? – выдохнул мужчина, мешая удивление, толику облегчения и изрядную порцию сомнений.

– Живу я тут, – скромно призналась девушка, только что ножкой не шаркнула. – А вы в гости или случилось чего?

– Случилось, – сумрачно признал Райхо. – Дешуран сказал, если не дева из особняка Шипоцвета, никто не поможет. Поздно нашли, яд кровь по телу разнесла.

И жестом фокусника корр сдернул один из плащей, открывая восковой бледности орка в форме стража. Обычно смугловато-оливковое лицо было цвета крахмального полотенца.

– Ох! – Только сейчас Иринка сообразила, отчего так встревожен знакомый и что за страшный груз у него в повозке.

– Медвяница, – хладнокровно дал эльф консультацию специалиста, бросив мимолетный взгляд на тело. – Порошок через трубочку выдувается. Запах приятный, невольно вдохнешь и сразу уснешь. Они тревоги поднять не успели.

– Я случайно их обнаружил, пост в неурочный час вздумал проверить. Как Девард за шкирку привел, – резкими, рублеными фразами объяснил Райхо. – Наш-то целитель на дежурстве был, сразу признался, что хвори не знает, и Дешурана вызвал. Сам наместник дозволил к его личному целителю обращаться, коль нужда возникнет. Нейдлай же только глянул на парней, сюда нас снарядил. Поможешь, лорра?

Иринка пожала мысленно плечами, дескать, это надо посмотреть, и попросила Диалю поднять штырь, фиксирующий створки ворот.

Первым делом следовало загнать повозку с улицы на территорию. Соседи вампирочке, конечно, достались вполне тактичные, но любопытство и жажда зрелищ – это такие штуки, свойственные всем живым. На халяву поглазеть на творящееся у ворот прежде покинутой резиденции Шипоцвета не отказался бы разве что ленивый.

Райхо и Диаль завели повозку внутрь и закрыли ворота прежде, чем кто-то из наблюдателей обнаглел настолько, чтобы осмелиться подойти поближе для уточнения подробностей и участия в спектакле. Вроде до Иринки даже долетал ядреный запашок табачка гнома с колоритной фамилией, но сам тот на улице не показывался. Может, знал Райхо в лицо и благоразумно решил не высовываться?

Плащи, стоило повозку закатить внутрь, стражник с коллег сдернул полностью и комком бросил в ноги живого или, вернее, чуть живого груза. Лошадки стражницкие стояли смиренно, так же смиренно лежали на досках и наваленном сене три человека, вернее, орк, тролль и оборотень (судя по рыжине волос, лис) в форме стражей. Все неподвижные, бело-бледные и действительно, как сказал Диаль, источающие слабый медовый аромат.

Иринка принялась уже по-другому, ориентируясь на личные запахи стражей. Кефир, жидкая овсянка и... – о, наконец-то хоть что-то путное! – карамелька «Гусиные лапки» – тролль. Вроде как у этой расы кожа в минуты боевого ража становилась крепче скалы, так что иронию ситуации попаданка оценила: будем лечить и грызть!

Пока Ивка осматривала пациентов, Райхо терпеливо ждал. Наконец девушка объявила:

– Если Дешуран вас сюда пригнал, значит, шанс есть, надо попробовать. Хоть и не хочется всякую гадость глотать.

Бросив тоскливый взгляд на шоколадную вкусняшку-эльфа, Иринка забралась на повозку к «доставленной на дом пище» – недвижимым жертвам отравы. Быстро, пока не передумала, занялась дегустацией. Если запах у медвяницы был сладким и приятным, то кровь после нее для бедной вампирочки отдавала золой костра, на котором жгли автомобильные покрышки. Мерзость! Единственная на весь Мелад представительница рода Темного Искусца едва дождалась, пока гнусный привкус сменится у первого подопытного кролика (между прочим, с давно не мытой шеей) кефиром, а у второго –

нелюбимой кашей, и на закуску позволила себе парочку лишних глоточков карамельки-тролля, смывая с неё весь негатив.

Когда Ивка закончила, жертвы уже не казались белыми-белыми, к ним вернулись естественные цвета: оливково-смуглый – к орку, сероватый, схожий с обычным оттенком мостовой, – к троллю и чуть отдающий в охру – к оборотню-лису. Правда, все трое стражей по-прежнему крепко спали. Но теперь действительно спали. Даже на блаженство укуса отреагировали вяло – лишь довольными вздохами и блаженными улыбками. Тролль еще пузыри губами пускал, как большой младенец.

Оценив изменения к лучшему, Райхо выдохнул, казалось, весь воздух, который держал в груди с того момента, как наткнулся на своих парней. Цветистой хвалебной речи он произнести не мог, но сгрёб Ивку в охапку и крепко расцеловал в щеки.

– Да осияет тебя звездный свет Четверых, лорра! Спасла, вытащила парней! За мной долг великий!

– Нет, лорр, – как ни хотелось заполучить себе в должники начальника стражи, отказалась девушка. – Ты же меня тоже вырубал не раз. И не за что-то, а просто так. Знаешь, где-то далеко есть поговорка: «Делай добро и бросай его в воду». Вот ты так и бросал, поэтому к тебе вернулось. Но если хочешь, мне есть о чем попросить.

– Говори, лорра! – выпалил мужчина, стукнув ребром ладони по груди в районе сердца.

– Заставь орка вымыть шею. Он уже почти зарос грязью, скоро насекомые заведутся.

– Он у меня теперь через день в купальню ходить будет, – со зловещей улыбочкой пообещал Райхо. Похоже, и его уже вконец достал грязнуля, да нечем было придавить, кроме авторитета, чтобы чистоту обеспечить, а теперь нашлось.

– Где эта мелкая пакость? – Владения Шипоцвета огласил грозный рык тролля, подлетевшего над повозкой с боевой булавой, прихваченной оттуда же.

«О, вот и причина карамельного вкуса!» – ответила себе Иринка. Вкусняшка-тролль буен в гневе, оттого и столь приятен. Диаль тут же текучим незаметным движением сместился так, чтобы встать между обожаемой лоррой-оль и потенциальной угрозой. Мало ли что этому громиле после медвяницы в башку взбредет!

– Хэй, Грорг, ты не на посту! – скомандовал Райхо, и его рык звучал, несмотря на разницу в габаритах, ничуть не менее грозно, чем у здоровяка.

– Мой корр, – мигом сбавил обороты тролль и опустил занесенную палицу с железными шипами. Маленькие глазки его забегали, проводя рекогносцировку. – Я ж вот только на страже стоял с парнями у водоохранных колодцев, и тут какой-то мелкий штырь по теням красться начал. Хотел его за шкуру сцапать и спросить, чего он тут шныряет, и все. Больше ничего не помню. Вроде как Лайсо чем-то в тот угол швырнуть успел, и сразу ваш рык про спящих на посту...

– И ничего бы ты больше в жизни своей не вспомнил более, Грорг, если б не лорра-целительница. Вытащила вас троих с последней звездной дороги обратно в ясный день. Но все ж лучше вам пока в нашем лазарете под присмотром Берста полежать. Чтоб уж совсем без последствий обошлось.

– Говорил я Койсару, чтоб с гоблинкой той не путался, – хмуро проворчал тролль, цепляя булаву в кольцо на поясе. – Ейный папаша вообще берегов не чувствует. У одного в штанах чешется, а всем помирай!

– Так, хватит лорре в уши непотребство лить, обо всем мне расскажете сегодня и ты, и Койсар. В повозку залезай. Будешь приглядывать, чтоб твои товарищи по пути не выкатились, ежели им тоже что привидится с сонных глаз.

Троль все-таки попался воспитанным, благодарность за спасения себя со товарищи Иринке высказал и даже с воротами справиться один за двоих помог. С его-то силищей – раз плюнуть.

Проводив подводу с исцеленными, первым делом Иринка отправилась полоскать рот и умыться. Шея орка не внушала ей доверия. Как знать, вдруг и в этом мире существуют какие-нибудь инфекции, способные свалить с ног вампиров Темного Искуса?

«Интересно, я хоть не зря эту пакость глотала?» – на ходу призадумалась девушка, пытаясь сообразить, что такого эдакого удалось заполучить по результатам внепланового перекуса, и едва не сплюнула прямо на ступеньку. От грязнули Ивке перепали правила и хватки азартной игры в трясунки (вариант здешней забавы с шестигранными костями), от оборотня-лиса всплыли в памяти особенности охоты на деликатесных ящериц, а от тролля – навык резьбы по дереву. Словом, всё крайне полезные вещи. Обретенные

«уникальные» дары непрозрачно намекали, что даже редким вампирам не стоит хавать всё и всех подряд в три горла. С этим, понятное дело, Иринка была абсолютно согласна, но она ведь стражниками не питалась, а спасала. Только судьбе, богам или случаю – кто уж там отмерял награды – было плевать на высокие мотивы.

Это, как первым делом решила вампирочка, можно было считать четким предостережением: нечего жадничать и жрать без разбору. «Так я же не по своей прихоти. Простите, Четверо, так получилось», – мысленно хмыкнула Иринка и от повторного плевка удержалась, хоть и хотелось. Смыв вкус грязи, Иринка обратила внимание на сумрачный вид следующего за ней по пятам Диаля. На прямой вопрос эльф качнул головой и промолвил:

– Странно... Если мстить одному, то к чему такие ухищрения и столь дорогой яд? Во все времена папаши-гоблины нанимали мордovorотов из орков и их лапами ломали кости нежеланным ухажерам. Если вылечится и снова приползет, то снова ломали, и так до тех пор, пока не убьют, либо дочь за него замуж не выдадут. Не думаю, что нравы успели столь причудливо измениться за тот срок, который я провел в куцах Лильдэнола, не покидая их.

Умилившись трогательным гоблинским брачным обычаем, попаданка уточнила у специалиста:

– Тогда что случилось?

Диаль повел кончиком уха, что было равносильно пожатию плеч, и дал справку:

– Ты говорила о странном и недобром в городе... Городские колодцы не просто источник влаги. На весь Мелад обычных колодцев, даже с рунами поддержки и призыва влаги Селадара или Лайшеаллы, было бы недостаточно. Они должны обладать артефактами, совмещающими силу богов. Возможно, именно их пытались украсть, но стражи заметили и подняли тревогу. И все равно редкий яд в такой ситуации применять не стоило бы. Или, – эльф окончательно помрачнел, – кто-то пытался отравить воду в городе.

– Зачем? – удивилась девушка.

– Масса вариантов. Мечь, ненависть, ритуал, шантаж... – Диаль покрутил в воздухе запястьем, иллюстрируя неопределенность. – Но мне никакой не нравится.

– Какое странное совпадение, мне тоже, – вздохнула Иринка и насупилась. – И вообще, у отравленных шеи грязные и кровь мерзкая. Все послекусие от тебя испортили...

Диаль позволил себе краткий проблеск самодовольной улыбки в ответ на это замечание. Но продолжить дискуссию о достоинствах и недостатках представленной партии стражей Иринка и эльф не успели. Колокольчик у ворот тренькнул резко, коротко и нервно.

Глава 26

Опасные флакончики, или преступные последствия шаманских трансов

Эльф и ухом не повел, кажется, ожидал этого звука, а Иринка дернулась всем телом. Пусть слух у вампиров мог соперничать остротой с эльфийским, но сосредотачиваться на нем и анализировать поступающие в мозг сигналы попаданка не всегда успевала. А сейчас и вовсе думала о другом.

– Девица-гоблинка на тропыгае прискакала, – проинформировал о личности нарушителя покоя Диаль.

Иринка пожала плечами, среди всех гоблинов Мелада она знала только одну особу женского пола. Потому спокойно распахнула створку калитки. На пороге стояла, в следующую минуту уже просачивалась внутрь, а спустя еще долю секунды принялась трясти Иринку, как мальчишка-охламон яблоню, Канапелька.

– Помоги! Ты должна! Я знаю! – лопотала она в каком-то горячечном порыве.

– Н-да? – удивилась Ивкина, соображая, когда это она успела что-то задолжать Канапельке. Именно она, а не ей.

– Отец... Он не понимает, это нельзя! – не унималась, все лопотала взхлеб девушка.

– Она в трансе, – прокомментировал Диаль. – Гоблинский шаманский транс. Сейчас действует не разум, ее ведет чутье.

– Ничего не понимаю, – пожаловалась тоном Колобка из мультика Иринка и, вздохнув, потянула Канапельку за собой в бунгало. Все лучше, чем разборки на улице устраивать.

Раз пришла, да еще и в трансе, вряд ли просто так уйдет. Сообразить бы еще, зачем пришла и чего хочет. Что ж сегодня день-то таким чумовым и несуразным задался? Как началось с того, что ей выспаться не дали, так по накатанной под уклон и покатился.

Канапелька, оказавшись за воротами, оборотов не сбавила, все продолжала лопотать, что Иринка чего-то там должна, как дважды принятая и посвященная, да еще вытащила из-за пазухи и попыталась

всучить приятельнице два каких-то пузырька с чем-то тягуче-маслянистым в первом и клубящимся серо-синим во втором. Пузырьки были похожи на те, в которых содержалось снадобье от аптекаря Грапоса, поступившее в счет сделки по ядоцвету.

При ближайшем рассмотрении Иринка согласилась с мнением Диаля про шаманский транс. Иным, ну разве только употреблением тяжелых наркотиков, поведение Канпельки и ее вид объяснить было сложно. Между прочим, жуткое выходило зрелище: симпатичная молодая гоблинка с абсолютно слепыми белыми очами, зрящими в неведомое, хаотично-дергаными движениями и настойчиво-бессвязным бредом, слетающим с губ.

– Как ее в себя привести? – растерялась Иринка.

– Вряд ли она обученная и посвященная, скорее стихийная инициация, – прикинул Диаль и цинично залепил девице четко выверенную пощечину. Действие ее оказалось воистину магическим. Канпелька взвизгнула и очнулась.

– Пришла в себя? Говори! – быстро, пока гоблинка еще не слишком хорошо ориентировалась в пространстве и врать-юлить была мало способна, потребовал эльф. А Иринке почему-то показалось, что дивному красавцу-эльфу на должности эрр-оля допрашивать приходилось по-всякому и всяких.

Кенибас, которая, побывав в руках кровожадных подонков, имела храбрость угрожать Иринке ножом, как-то совершенно по-девчоночьи всхлипнула и мгновенно раскололась.

– Отец рехнулся! Ему звон серебра глаза смолой залил. Вчера вечером пришел к нему один тип в рунной маске, под которой обличья не прочесть, и предложил дело. Два пузырька эти – один в любом колодце водохрана Мелада разбить, второй хоть с птицей ввысь отправить, хоть на башне откупорить. Лишь бы ближе к небесам пришлось. Дескать, его господин такую клятву дал. Шутку со старым знакомым сыграть через надежного человека надобно да без вопросов лишних. Дескать, потому сюда пришел, что отец таков мой. Я подслушивала, я часто так делаю, иначе бы и половины того, что в городе творится и чем отец промышляет, не знала бы. Клигу-то без разницы, лишь бы весело было, а я так не могу. Ему хоть что-то говорят, а меня все еще мелкой считают. Вот и приходится самой. Как отец флакончики спрятал в шкатулку и гостя провожать пошел, я их

поближе рассмотреть решила. В руки взяла и все... накрыло. Очнулась сейчас, когда твой эльф мне оплеуху отвесил. Но помню все, что делала и как пелена надвигающейся беды меня с головой затопила, будто и я, и весь город разом тонуть начали. Я украла эти склянки, только, боюсь, гость этот страшный не один был или не только к отцу моему наведался.

– Кенибас, а я-то тут при чем? – улучив момент, когда рассказ гоблинки то ли закончился, то ли встал на паузу, вставила окончательно запутавшаяся Иринка. Что бы ни творилось в здешних краях, попаданка никак не могла считать себя ответственной за все и всех. В конце концов, у Мелада наместник есть, именно ему по долгу службы эта функция положена, а не ей, всего ничего в городе живущей.

– Ты? – Кенибас захлопала ресницами, будто мысль эта только что пришла ей в голову и подергала себя за самое большое колечко с блестящим камешком в правом ухе. – Не знаю. Но я была уверена, что только ты можешь помочь. Моя прабабка Ушмаха Карха до сих пор главная шаманка племени в Ниварских низовьях. Она говорила, и во мне дар есть, только спящий, потому как смотреть наружу мне вечно больше по нраву, чем внутрь.

– М-да, исчерпывающее объяснение... Раз не знаешь, тогда пошли к Грапосу? – предложила Иринка единственное, что ей пришло в голову вместо попытки действия в старорусском сказочном стиле «пойди туда, не знаю куда, сделай то, не знаю что». – Может, аптекарь разберется, что твоему папаше всучили и как с этим быть.

– Грапос, этот старый пройдоха? – оживилась Канапелька, бойко поддержав инициативу Ивки, от которой Диаля чуток передернуло. Похоже, ехидный гоблин успел оттоптать эрр-олю за несколько минут общения пару-другую застарелых мозолей. – Ему можно верить, если клятву взять. Он многое знает!

«Да уж, Мелад не город, а большая деревня, если кто-то кого-то не знает, то точно знает кого-то, кто с этим кем-то знаком или вот-вот познакомится. И с чего, интересно, Канапелька решила, что Диаль – мой эльф? Нет, он, конечно, мой, но вот так сразу... Шаманское чутье, что ли, какое-то у девочки сработало?» – хмыкнула Иринка и, собираясь пройтись до аптеки, накинула плащ. Без этой сшитой из очень легкой ткани детали туалета девушкам приличного поведения

было не принято выходить из дому. Другой жизненно необходимый, как показала практика, аксессуар на шею заполз сам. Маруся повисла пушистым привычным шарфиком и умиротворяюще мурлыкнула, подбадривая растерявшуюся подругу. Канапелька маскарадницу приняла как должное, будто всегда о ней знала. Кто этих шаманок-недоучек ведает, может, и знала.

Тропыгая оставили привязанным у ворот изнутри. Зеленовато-бурый ящер при ближайшем рассмотрении в свете дня оказался похож, по мнению Иринки, не только на кенгуру, но и на карнотавра из времен динозавров. Только зверь передвигался на четырех конечностях. Сейчас он спокойно переступал с лапы на лапу и задумчиво скалил острые зубы. Попыток продегустировать ядоцвет благоразумно не делал, жевал мясо-зерновую смесь из мешочка, подвешенного Кенибас ему на морду.

Диаль, сыграв свою роль в приведении гоблинки в чувство, ничего более не советовал, ушел в тень и не отсвечивал. Привычно пристроился за левым плечом лорры-оль, чтобы следовать за ней всюду, направлять, защищать и поддерживать, случись той оступиться.

Несколько минут хода до аптеки прошли в молчании. Говорить посреди улицы о той причине, которая повела их «в гости», не стал бы и слабоумный. Болтать же о пустяках, имея такую проблему, настроения не было никакого.

Мелкий аптекарь вскинулся на звук дверного колокольчика и приветливо ощерил острые зубы, встречая тройку посетителей.

– Ясных дней, звездных ночей! Что привело нынче в мою скромную лавку такую замечательную компанию?

Старику было чертовски любопытно, с каких это пор владелица дома Шипоцвета знает с дочкой преступного авторитета Мелада и как вообще допустил такое знакомство эльф, как цербер следящий за безопасностью своей лорры-оль.

– Вот это! – Пока Диаль по-хозяйски запирает лавку на засов изнутри под возмущенное клокотание по поводу самоуправства, вырвавшееся изо рта гремлины, Иринка выставила на прилавок два флакончика. Те самые, из лучших шаманских побуждений стибренные Кенибас у папочки.

– Что это? – подозрительно прищурился Грапос, избегая, впрочем, пока даже трогать пузырьки.

– А это мы и хотели у тебя, знатока, спросить! – нахально объявила Иринка.

– Один коршун, – назначил задранную до небес цену аптекарь.

Но времени на забавы с торгами нынче не было, как подсказывал попаданке инстинкт. Пусть она и не была правнучкой шаманки, зато знала законы Мерфи и то, что они не ведают границ и рамок конкретного мира. Поэтому, если какая-то гадость могла случиться, она непременно случалась повсеместно. И кажется, в самое ближайшее время местом ей назначался Мелад.

– Держи! – Иринка сунула руку в кошель и небрежно стукнула по стойке монетой.

Вот теперь греmlin, привыкший получать удовольствие от торговли со сметливой вампирочкой, удивился и насторожился по-настоящему. Деньги, конечно, в ящик под прилавком смахнул машинально, затем нацепил на нос нечто – очки не очки, полумаску не полумаску... Короче, здоровенную монстрообразную пометь окуляров с лупой, оснащенную выбитыми по оправе символами-знаками. Скорее всего, рунами почитаемого Грапосом бога ученых и коммерсантов – Селадара.

Осматривал бутылочки старый греmlin педантично и скрупулезно и чем дальше смотрел, тем серьезнее становился. Хищно-азартный оскал исследователя с его мелкой морды слинял очень быстро, и теперь она была откровенно мрачной.

Под конец Грапос, вероятно не доверяя «очкам», вытащил на прилавок какой-то странный красно-серый поднос, украшенный рунными знаками, и поочередно водрузил на него сначала один флакон, потом другой. Для наблюдателей ничего с пузырьками на подносе не происходило, но, похоже, только для сторонних созерцателей. Старый греmlin увидел все, что хотел. Или, судя по его морде, то, чего видеть не хотел совершенно и дорого бы отдал, чтобы это развидеть.

Убрав поднос и сняв очки-маску, старик хрипло каркнул:

– Откуда это у вас, детишки?

– Где было, там уж нет. Важно другое: еще такое же может быть и почти наверняка есть где-то в Меладе и его собираются пустить в ход. Поэтому хотелось бы знать степень опасности, – откликнулась Ивка.

– Коль так, я бы дернул из города, не тратя времени на сбор вещей, – мрачно проронил Грапос, стукнув когтем по прилавку так, что пузырьки отозвались глухим похоронным звоном. – В темном флакончике у вас капля «чистой кости», в светлом – «красный туман».

– Очень поэтично, – нервно передернула плечами Иринка. – А можно конкретнее для идиотов, ни фиги не смыслящих в ядах?

– Куда уж конкретнее, лорра, – грустно вздохнул старый аптекарь, оставив ужимки. – Первый – яд, растворенный в воде, никак на вкус не определить и противоядия от него не сыщешь. Глотнувший его разлагается заживо в считанные часы. Остается лишь гладкий скелет, вся плоть стекает. И самое главное, нужна его лишь малая капля для действия масштабного. Этого флакончика хватит, чтобы не только Мелад – вся провинция обезлюдела. Когда-то его придумали мастера для работы с костью, но действие было столь неприглядно и страшно, что предпочли забыть.

– Как видно, не все, остались любители, – проронил Диаль и поторопил рассказчика: – Дальше, лорр!

– Второй флакончик... Что ж, если этот пузырек разбить в городе, то на него осядет туман. Вдохнувший хоть раз изойдет кровавым потом.

– И не скажешь вот так сразу, что веселее, – потерянно констатировала Иринка, для которой веселая сказочка попаданки стремительно оборачивалась кинговским кошмаром, Канапельку же так и вовсе трясло непрерывно. – Эти-то пузырьки у нас, но, как пить дать, в Меладе это не единственная партия. И что делать?

– Искать, – проронил очень знакомый глуховатый голос. У неприметной дверки в рабочие комнаты лавки, открывающейся столь же успешно изнутри, как и снаружи, стоял наместник Келдирет собственной персоной. Как давно он находился здесь и что успел услышать, можно было не спрашивать. Мрачная физиономия наместника говорила сама за себя.

Грапос явлению высокопоставленного лица из недр собственной лавки ничуть не удивился. А стало быть, старый гремлин мог сам позвать или вовсе вызвать лорра Келдирета, когда почуял от пузырьков недоброе. Вряд ли первое лицо города имело привычку регулярно навещать лавку старого аптекаря, чтобы прикупить инкогнито какие-нибудь подъемные капельки. Иринка могла бы уверенно подтвердить,

что по этой части проблем у наместника точно нет. Но с другой стороны, он тоже мог податься сюда за консультацией инкогнито. Плащ на широких плечах как бы намекал на это. А уж когда Келдирет подошел к прилавку и стукнул об него очередной парой с «туманом» и «костью», вопросов практически не осталось.

Лишь Иринка догадливо ляпнула:

– Нашли-таки того, кого у колодцев спугнули?

– Нашли. Есть специалисты, не зря монеты им платят, – хмуро согласился Келдирет и спросил у аптекаря, чем дал понять, что присоединился к подслушиванию беседы с некоторым опозданием: – Противоядия сделать можно? И как скоро?

– До сих пор антидот не создали, мой лорр, – развел когтистыми лапками гремлин, повторяя сказанное для компании Ивки.

– Дешуран о том же твердит. И что теперь? Бежать из города? Эта тварь в допросной верещала, будто не одному ему поручение дадено. Всех следов и наймитов нам с гарантией не сыскать. Пусть мои люди и наводнили Мелад, ищут ниточки, ведущие к угрозе, и стража в нужных точках тайно устроена... – сквозь зубы рыкнул Келдирет, не от хорошей жизни подавшийся за консультацией к старому аптекарю.

Стоит, кстати, отдать уму наместника должное: он, если и заподозрил причастность вампирочки и прочих к смертоносным флакончикам и угрозе, нависшей над городом, то быстро отмел эту версию.

– Может, знаки какие-то есть для поиска? – робко предположила Иринка, впечатленная нотациями Диаля о силе божественных закорючек.

– Может, и есть, лорра, но для сокрытия тоже знаки имеются, и одни другими, ранее начертанными, не пересилить, только если с личной помощью Звездной Четверки, – с горькой иронией усмехнулся наместник. – Я нынче же могу разослать гонцов по площадям и объявить приказ всем покинуть город, но, боюсь, это лишь усугубит ситуацию. Если враг затаился, пережидая, то это заставит его действовать. И толпа... Она так легко подвержена настроениям, особенно дурным. Паника и страх смерти не лучшие советчики.

Глава 27

Особенности божественной помощи

«Да уж, похоже, наместник да и весь Мелад крепко вляпались! Если террористы не выдвигают требований и желают лишь одного – пустить свои ядовитые бомбы в ход, то призыв к массовой эвакуации их с гарантией спровоцирует на действие. До охраняемых колодцев они если и не доберутся, то вылить один пузырек в реку, питьевой фонтан или иную полезную воду легче легкого смогут. А второй флакон с «туманом» даже законченному дебилу не проблема раскокать просто на улице. Действие будет, может, чуть слабее запланированного применения на высоте, но масштабных жертв все равно не избежать. Пожалуй, старый аптекарь прав, из города пора линять», – мрачно констатировала Иринка.

Как-то все это было неправильно, неприятно, и самое обидное, что и поделаться-то с этой пакостью она ничего не могла. Единственная попаданка не отряд «Альфа» и не Гэндальф бело-серый, а всего лишь вампирочка с редким даром. Только каждого в городе не перекусаешь для исцеления, а сама с гарантией нахлебаешься и нанюхаешься.

– Лорра-оль, шаманы почти никогда не ошибаются! Лорра Кенибас пришла к тебе – это знак. Прошу тебя, ступи под своды звездного храма и вознеси молитву о спасении! Боги не вмешаются, коль их не просить, они чтут право выбора, – внезапно прорезался еще один голос. Заговорил молчаливый Диаль, преклонив колени перед Иринкой.

– А почему они должны исполнить мою просьбу? – здорово удивилась попаданка, не желавшая снова общаться со своенравными высшими сущностями, для которых, это же очевидно, являлась лишь забавной игрушкой.

– Не должны, боги никому и ничего не должны. Они не торговцы, потому не заключают сделок, но порой откликаются на наши просьбы. Ты, моя лорра-оль, – принятая двумя, для них интересна, и, возможно, они пожелают помочь, если это не нарушит их собственные планы на судьбу города, – мягко пояснил эльф, намекнув одной этой фразой, что

вообще-то речь идет не только о личных предпочтениях его любимой госпожи, но и обо всем населении Мелада.

– Двумя? Которыми? – удивительно единодушно немедленно потребовали ответа старый греmlin и наместник.

Восторженно пискнула Канапелька.

– Девард и Лайшеалла, – мрачно, снова передернувшись от воспоминаний об игре в «камень, ножницы, бумагу», процедила Иринка, в доказательство засветив злополучный медальон.

– Мертвитель и Жизнедарительница – такого прежде не встречал. Селадаром с Лайшеаллой видел одаренного, с избранными Девардом и Вейхо сталкивался, а с такими, как ты, – нет, – громыхнул Келдирет. Он задумчиво нахмурил густые брови и постановил: – Есть шанс. Полагаю, уничтожить силу отравы под силу Мертвителю, дать жизнь обреченным на смерть во власти Лайшеаллы. Идем в храм, Ивка! Спроси совета, и узнаем, что повелят нам боги ради спасения Мелада!

– А просто помолиться не подействует? – наивно ляпнула попаданка, оперируя земным мистическим опытом из религиозных книг.

– Богами нам дарованы знаки и сила их применять. С остальным всем живущим надлежит справляться самим, ибо каждому дается дорога под звездами по силам его. За прямое обращение к мощи богов и помощь их плата иная всегда назначается, – мягко поведал наивной в практической теологии попаданке эльф.

«А ничего, что я в храм совершенно не желаю тащиться и уж тем более за что-то кому-то платить?» – про себя взвыла Иринка, снова мысленно переживая ту дикую боль, которой ее одарили божественные экспериментаторы при посвящении, прожигая по-живому нужные каналы для токов энергии.

Ну а что, она же не герой с мечом в правой руке и магией в левой, обычная вампирочка редкого дара... Вот если бы кого покусать – это да, а спасти города – она на такое не подписывалась. Категорически!

Но, кажется, мысль о том, что в храм лучше не соваться, чтобы ненароком снова не привлечь к себе внимание развлекающихся божественных игроков, казалась разумной только свежестрадавшей Иринке. Все остальные или не испытывали при посвящении столь потрясающего пакета переживаний, или за давностью лет успели их подзабыть, но сейчас были удивительно единодушны: идти надо! И на

кон этого «надо» были готовы поставить не только ее, но и свои интересы.

Мысли Иринки заметались вспугнутыми птичками: сбежать из города, теряя тапки, при столь плотном контроле точно не получится, убедить остальных, что пора не молиться, а объявлять экстренную эвакуацию и смываться, пожалуй, тоже. Не поверят и не проникнутся. Сейчас у нее два пути: первый – идти в храм добровольно и с песней, второй – туда же, но практически под конвоем. Этим упертым местным, какие бы горизонтальные или коммерческие отношения их ни связывали, не объяснишь «хочу – не хочу, желаю – не желаю». Они по-другому воспитаны, богов своих уважают и на них, как крайнее средство, уповают.

– Пошли, – сдалась Иринка, прокрутив эти не очень хорошие мыслишки в голове на бешеной скорости. Эгоизм эгоизмом, но город-то по большому счету действительно жалко, если пострадает. В конце концов, можно ведь просто спросить и послушать, чем и как предлагают рассчитаться по счетам боги? Или нельзя? А?

Канпелька осталась у Грапоса, чтобы лишний раз не маячить на улицах города и не рисковать попасться на глаза ребятишкам отца, разгневанного кражей, а следовательно, и упущенной выгодой. О том, кто причастен к преступлению, старик догадается скорее рано, чем поздно, и грозить будут юной недошаманке вожжи с тропыгаевой конюшни, даже если ей удастся доказать «шаманскую» нужность своего поступка. Нечего у родного отца воровать, когда к твоим услугам весь город! На нем тренируйся!

Старый же аптекарь вообще редко выходил из дому. Хромая нога – застарелая детская травма, благодаря которой он, собственно, и подался в аптекари, мешала свободно двигаться.

Поэтому шли втроем: наместник Келдирет, эрр-оль Диаль и сама Ивка. И если мужчины были невозмутимо сосредоточены внешне, то девушка балансировала на грани паники.

Мысль о звездном храме – светлом и приятном глазу – позитивом душу не наполняла, слишком свежа была память о муках. До культового здания, по мнению Иринки, они добрались даже слишком быстро. Бедолага-вампиричка не успела ни храбрости набраться, ни выдумать гениально благовидный предлог «не ходить». Пришлось топтать и дальше – внутрь.

Снова шагнув по невысоким широким ступеням за приоткрытые врата, Ивка невольно вновь напряглась, ожидая очередной подлянки и оставления в мистическом одиночестве. Но нет, рядом с ней как шагали, так и продолжили движение Келдирет и Диаль.

Внутри все было по-прежнему. Безлюдье, зеркала, звездный купол над головой – торжественно и красиво, и снова нарастающая тяжесть чужих, слишком тяжелых, чтобы его могли безмятежно вынести смертные, взглядов: равнодушно-любопытных, чуть насмешливых.

– Вампирочка... хи-хи... с вкушняшками! – Женский голос снова прозвучал в голове весенней капелью. Дивный, мелодичный, завораживающий, вызывающий желание слушать его вечно, если бы раздавался снаружи, а не внутри, бесцеремонно распоряжающийся мыслями Иринки. – Пришла благодарить?

– Город сможешь спасти, Жизнедарительница?

Вроде как именно к особе с таким говорящим именем и стоило обращаться с просьбой по профилю, задала вопрос Ивкина, пока мужчины принимали молитвенные позы – опускались на одно колено и помещали руку на медальон в районе сердца. Кажется, они ее беседы с богиней не слышали или каждый из них вел свою. С нею ли или, возможно, со своим богом?

– Человеческий город? Мелад? – задумчиво протянула Лайшеалла тоном капризного ребенка, и этот вопрос подразумевал другой: «А что мне за это будет?»

Вроде как Жизнедарительнице сама ее суть велела спасать живых, с другой стороны, она всегда считалась больше покровительницей эльфов, а не людей, мало ценящих жизнь во всех ее малых проявлениях и мало заботящихся о сохранении первозданной красоты природы.

– Ла-а-адно, поможем, забавный город. Твоим обетом будет возвращение в княжество Валадар! – после паузы, во время которой Иринке слышался шелест картотеки, снисходительно огласила Лайшеалла. – Ты согласна?

– То есть я должна съездить домой, в замок? – осторожно спросила Иринка. – Только это?

– Пусть будет так, – со смешком согласилась богиня.

«Ну... попрошу у Келдирета эскорт, если припечет, да и Диаль со мной точно отправится, как-нибудь выкручусь. Не так уж и сложно

вроде бы. Боги, если легенды Древней Греции вспомнить, любят всякие странные обеты. А Мелад жалко, хороший город», – поразмыслила Иринка и объявила:

– Я согласна!

– Да будет так! – почему-то в ответ прозвучал не женский голосок, а слаженный дуэт слишком хорошо узнаваемых Иринкой голосов – Деварда и Лайшеаллы. Похоже, Келдирет верно рассудил о необходимости просить двух богов разом о спасении Мелада.

Из-за пазухи у наместника провинции Мелада вырвались два комплекта флакончиков с отравой, из сумочки Иришки (а она их туда не клала – точно не клала, они в подвале оставались!) – четыре пузырька с варевом из ядоцвета работы Грапоса. Восемь фиалов закружились в воздухе, роняя разноцветные искры, сплавляясь, смешиваясь и изменяясь.

Красиво, эффектно... Чего у небожителей не отнять, так это умения производить впечатление. Или это у них получалось не на сознательном уровне, а на чистом божественном инстинкте? Так же просто, как у Иринки дышать?

Чужой самодовольный смешок в голове стал ответом на эту мысль, а эффектное шоу продолжалось.

Пара сверкающих алмазными гранями фиалов зависла в воздухе между просителями.

– Один – пролить в воду, второй – разбить на улице. Сие город Мелад и провинцию от беды охранит! – громыхнул бас Деварда, смешиваясь с мелодичным сопрано Лайшеаллы.

Келдирет и Диаль поднимались на ноги, принося благодарность каждый своему незримому собеседнику и клянясь исполнить собственный обет. И если Диаль был безмятежно счастлив порученной миссией, то наместник принимал ее как допустимую жертву.

Кажется, звездно-божественная парочка умудрилась состричь купоны за спасение Мелада с каждого. Знать бы еще, какая им выгода от того, что Иринка сунет нос в змеиное гнездо к родственникам? Недостаточно развлечений, еще хочется охоту на Ивку по второму кругу устроить? Понравилось, как Вейхо развлекся, и тоже захотелось? Ставки делать будут: беги, Ивка, беги? Разве спросишь в лоб, разве ответят? Нет уж, лучше сейчас промолчать, пока в ее голове, распухшей от вопросов, опять какую-нибудь забаву не устроили.

Иринка покосилась на спутников. Фиалы без споров о праве на ценный груз забрал Келдирет. Он – наместник, королем поставленный, ему и город спасать.

Миссию тот, в соответствии с божественными инструкциями, осуществил незамедлительно по выходе. Подошел к питьевому фонтану в форме звезды на площади перед храмом. И красиво, и стильно, и публика от жажды не страдает, на нужды телесные перед созерцанием красот, божественное величие восхваляющих, не отвлекается. Без лишней помпы и торжественных речей наместник открыл и бухнул первый фиал для текучих сред в воду.

Второй фиал пал смертью храбрых рядом, раздавленный в крошево под сапогом лорра наместника. Все просто, проще простого, разумеется, если есть нужное лекарство.

От воды с божественной присадкой тут же повеял чуть заметный бирюзовый парок, распространяясь по городу и накрывая его незримым защитным покрывалом. Такая же дымка, только стального цвета, стелилась по мостовой и поднималась ввысь. Видели ли его другие или лишь те, кто получил фиалы в храме, Иринка не особенно задумывалась.

Ее теперь беспокоило другое. Мелад-то спасли, катастрофу неминуемую предотвратили, с причинами и заговорами у наместника будет время разобраться и всем козлам по рогам надавать. А вот личная катастрофа одной попаданки только-только надвигается. Иринке Ивкиной придется на какое-то время оставить любимившийся дом Шипоцвета с бунгалом и секретным подвалом, включая милый сердцу диванчик, ванную и коллекцию вин, и отправиться туда, где все начиналось для изгнанной вампирочки. Круг замыкался.

Глава 28

Сборы и шалости

Ездить в храм и из храма – лучший способ навлечь на себя гнев Звездной Четверки своей ленью и неуважением к высоким божественным авторитетам. Поэтому как шли пехом спасители провинции туда, так и обратно двинули на своих двоих.

На обратном пути в аптеку наместник с хмурой деловитостью проронил:

– Девард судил помочь тебе отправиться в путь. Далеко ли последуешь, лорра?

– В Валадар, крепость князя, – не стала скрывать пункт назначения Иринка. Чего теперь-то скрытничать? Такую информацию вряд ли кто из двоих спутников захочет использовать против нее.

– Завтра поутру пришлю дорожный экипаж с надежным возницей, – постановил Келдирет и, резко тряхнув головой, перевел тему: – Ты просила рассказать, коль узнаю о том, кто повинен в попытке покончить со мной и сыном. Нити ведут к змеям.

Иринка поперхнулась воздухом и с неожиданным подозрением уставилась на свой живой шарфик – Марусю.

– Нет, не к твоей. – Кривая улыбка изогнула губы наместника, отследившего взгляд Иринки. (К Марусе он относился с одобрительной опаской.) – Наги. Пока лишь разматываем паутину. Густо заплели. В сети с Селриком все подчистить успели – от цветочника с курьером до горничной. Но от баронессы Свейд ниточку дальше потянуть смогли. Не только до нашей знати, до семьи моей добрались. Прижал старшую дочь. Ей обещали, коль получит после моей смерти провинцию в управление, многие блага за передачу части земель. Зачем кому-то голые скалы, где и гномы избегают селиться, не ведаю, но разберусь! Будь осторожна с этим народом.

Ивка собиралась было ляпнуть, с какого бока ей, не сующей нос в политику и вообще отправляющейся в родные вампирские края, осторожничать со змеехвостыми, но вовремя припомнила, что Найгссошс граничит и с землями Валадара. А что до вмешательства в политику, одно спасение сына наместника и его самого уже тянет на то

самое вмешательство, за которое можно и на звездную тропу спровадить. Если, конечно, ее причастность установят. То, что наместник к симпатичной дамочке не своей расы дорогу проложил, к делу не очень-то и пришьешь. Мало ли какими извращениями Келдирет страдает, то есть наслаждается! Но проследить и потянуть за эту ниточку можно, как и вытянуть из клубочка другие.

– Грапосу и девчонке старого Клива передайте: пока сидеть тихо, ребят им в охрану пришлю. А ты, лорра, как с делами закончишь, возвращайся, – внезапно попросил Келдирет, сгреб Иринку в объятия и не то укусил, не то поцеловал, жарко и жадно. Разжал объятия, бросил напоследок: – Береги ее, эрр-оль! – и, накинув на голову капюшон плаща, растворился среди домов не хуже, чем эльф в лесу, ни разу не обернувшись.

«Любовь прошла, завяли помидоры», – мысленно прокомментировала Иринка, чуток лукавая.

Да, ее отпустили, чуть ли не пинком спроваживая из города, но в тоне мужчины не было даже толики интонаций, с каковыми избавляются от надоевшей любовницы. Просто лорр наместник делал то, что должно. И это «должно» у него, как и у Диаля, не разграничивалось на «личное» и «служебное». Боги потребовали, ради Мелада он дал слово и соблюдал его, отодвинув в сторону все личные желания и тягу к томительно прекрасным удовольствиям.

Положа руку на сердце, сложно претендовать на признания в бессмертной любви от того, кем по сути сама вампирочка только лакомилась. Нет, право слово, хотелось бы, какой же девушке не хотелось? Но связь между человеком и вампиром рода Темного Искуса по воле богов могла родить лишь желание, но никак не истинное высокое чувство. Словом, Келдирет шрама на сердце не оставил, хотя его шоколадный вкус всегда будет вызывать у Ивки бурное слюноотделение.

Это эльфу, можно сказать, повезло, его «личное» и «служебное» тесно переплелись и гармонично совпали с желаемым. И смотрел он вслед наместнику без превосходства, но с достоинством победителя в той битве, которая, по мнению земных философов, является самой успешной для воителя. То есть неначавшейся.

К аптекарю Иринка и Диаль завернули ненадолго, передали весть о спасении города и слова наместника об охране. Заодно и

попрощались. Канпелька зашмыгала носом, даже старый гремлин как-то подозрительно принялся тереть зачесавшиеся от перенапряжения глаза и сетовать на то, что некому будет теперь ему редкие растения высочайшего качества поставлять.

Но тут же был утешен. Сверхумный растительный симбионт дал понять Ивке, а через нее и старому Грапосу, что на территорию резиденции Шипоцвета будет пропускать для сбора урожая Бейлис. Понятно, жулить с оплатой Иринка пройдохе-гремлину убедительно не рекомендовала. Дескать, ядоцвет хоть и разумный, но таких шуток совершенно не понимает, и когда она, Ивка явится за расчетом по сырью, ему лучше приготовить монетки точно по факту поставки. Можно больше. Вот тут она, честное слово, возражать не будет. Гремлин тут же возмущенно раскудахтался, а Кенибас окончательно развеселилась. Страх перед отцовским наказанием притих.

Остаток дня для Иринки прошел в сборах. Удивительно, как быстро человек, то есть вампир, обрастает вещами. За несколько месяцев в Меладе у Иринки накопилось столько всего нужного, важного и просто миленького, которое совершенно не хотелось оставлять тогда, когда сама пускаешься в путь. Но дорожная карета не контейнер для морских перевозок. Осетра пришлось урезать. Достаточно было глянуть на тощий дорожный мешок Диаля, чтобы накопительский угар как-то сам по себе пропал. И четыре набитые сумки плюс «дцать» в уме превратились в скромные две. Мало ли что с каретой случится, как все тащить? Самой неудобно, Диаля нагружать? Он, конечно, возьмет, а вдруг ему свободные руки понадобятся для чего-нибудь более важного?

В конце концов, Иринка решила: нечего паниковать и биться в угаре жадности. Она не продает городскую резиденцию Шипоцвета и собирается сюда вернуться. Только сдержит слово – побывает в родном замке Ивки – и сюда, домой. Тот холодный каменный склеп, в котором Ивэйда никогда не чувствовала себя нужной, любимой, родной, ей и за все деньги мира не нужен.

За продуктами, правда, чтобы пацан из трактира не надорвался, решили сходить сами, оставив охранять резиденцию очень недовольную Марусю. Змейка никак не хотела сползать с шеи своей двуногой подруги, но молоко плюс пирожок с яйцом и печенье оказались хорошим поводом для сделки.

Так что в трактир Иринка смогли уйти без маскарадницы, лишь с Диалем. Переговоры Маруся, конечно, облегчала, но нервировать лишней раз хозяев, пробуждая в их душах какие-нибудь глупые желания подложить, скажем, жуткой клиентке на дорожку слабительного или добавить в пирожки тертых мухоморов, Иринка не стала.

Итогом успешных переговоров о замене регулярных поставок питания на продукты с собой в дорогу стали четыре корзины, где все было уложено донельзя компактно. Будь иначе, корзин было бы не меньше десятка.

Так что продуктов, годных к использованию и не грозящих в ближайшее время превратиться в отборную тухлятину, набралось прилично. Запахи от съестного (пока упаковывали, даже сытая Иринка слюну сглотнула) шли соблазнительные. Жидкости девушка не нюхала, просто в дополнение к воде, морсу и прочим напиткам собиралась чуток растрясти погребок Шипоцвета.

Что-то эдакое нынче витало в воздухе, помимо продуктовых ароматов. Не то эманации незадачливых террористов, не то общее подсознательное облегчение от минования катастрофы, не то обычное обострение натуральной белочки – недуга, свойственного, пожалуй, любому из миров. Словом, в довольно мирном (наемные убийцы, работающие не за идею, а за вознаграждение, не в счет) квартале Мелада на полпути к развалинам Шипоцвета Иринка и Диаль, приятно отягощенные продуктовыми наборами путешественников, столкнулись с пьяной и не по-хорошему веселой компанией.

На Земле Ивкина назвала бы такую – «золотая молодежь». Молодые да ранние, дерзкие, мало обломанные жизнью и всерьез полагающие, что деньги папочки-мамочки-дядюшки-дедушки (нужное подчеркнуть) решат все их проблемы и им все позволено в силу высшей личной исключительности.

– О, какая милая эльфиечка! Брось своего эльфа, красавица, на соседней улице экипажи, айда с нами кататься! Не пожалеешь! – загалдели молодцы, вслух между собой обсуждая, а внизу эльфочка такая же перламутровая или у нее волосики вообще не растут.

С учетом того, что люди, вампир и один оборотень вообще не должны были испытывать к эльфийке избыточного мужского интереса, становилось ясно: молодежь крепко пьяна и, судя по слишком

блестящим расфокусированным глазкам, не только пьяна, но еще и закинулась чем-то более мощным.

– Лорры, я спешу, – сделала попытку вежливо избежать продолжения нежелательного знакомства Иринка.

Компания недовольно заволновалась и придвинулась ближе.

Больше ни они, ни Ивка ничего ни сказать, ни сделать не успели. Начал действовать Диаль. Покупки были мягко водружены на ближайший выступ забора, и пошла потеха! Теперь попаданка Иринка Ивкина осознала, что значит эрр-оль и чего стоят века опыта, тренировок и оттачиваемого мастерства.

Он не двигался, не дрался, не сражался в общепринятом смысле этого слова. Диаль в секунду обернулся не живым созданием из плоти и крови, а перламутровым вихрем. Миг – и те, кто весело галдел непристойности, мирно разлеглись на мостовой в живописных позах.

– Ты их убил? – широко распахнув глаза, произнесла Иринка почему-то благоговейным шепотом, хотя теперь-то шептать ни малейшего повода больше не было.

– Нет, моя лорра, не хотел неприятностей для тебя в Меладе, – с искренним сожалением объяснил высокие мотивы своего человеколюбивого поступка эльф. – Но если такова будет твоя воля...

Кажется, в мирных травянистых глазах Диалю проблеснуло нечто вроде нехорошего предвкусения в кроваво-красных тонах.

– Не надо, – поспешно согласилась Иринка, мигом припоминая, что ее приятный во всех отношениях спутник очень старый эльф, прошедший на очень стремной должности гораздо больший срок, чем она вообще может себе представить. – Райхо лишняя работа. Да и Келдирету пустая возня. Хватит с них и настоящих проблем с отравой.

Диаль молча склонил голову, признавая разумность суждений лорры, совпавших в основном с его собственными, условно, очень условно, милосердными.

– Вот опозорить бы их, поддатых выроdkов, чтобы и родственнички всыпали по первое число, и родственничкам за них досталось... – помечтала вслух мстительная девушка и была поражена очередной фразой эльфа:

– Как скажете, моя лорра.

Диаль снова обернулся вихрем, на сей раз не защиты, а художественной импровизации в стиле порно.

Когда эльф закончил, позы и вид расположившихся в проулке «золотых мальчиков» были столь недвусмысленны, что целомудренному толкованию не поддавались в принципе. Мелад ханжеским городом не являлся, но вот так откровенно, при всем честном народе и массой... даже здесь гладко сойти с рук «деткам» не должно было. Особенно если их таких увидят два-три особенно болтливых обывателя. А если еще и патруль по случаю мимо пройдет...

Иринка хихикнула в ладошку, решая, куда по дороге заглянет и что невзначай ляпнет. Диаль позволил себе легкую улыбку, подхватил груз и продолжил путь. А вампирочка невольно облизнулась. Почему-то сейчас она особенно остро чувствовала витающий в воздухе тонкий аромат шоколада и была очень не прочь им полакомиться.

Молодчики, кстати, пахли отвратительно: прокисшее пиво, грязные носки, тухлые яйца и забродившая простокваша. Брр! Хорошо, что не пришлось ими травиться.

Яркие витражные окна кондитерской лорры Брисом – невероятно округлой орчанки, стали той самой подсказкой для коварного замысла Иринки. Тем паче ребятишек, чьим ушкам не следовало бы слышать лишнего, там сейчас не было видно. Большое помещение с многоярусными столами-стеллажами по периметру, уставленными подносами с вкусняшками, благоухало так, что ни один любитель сладкого не прошел бы мимо. А нелюбитель был бы вынужден пересмотреть свои взгляды под давлением обстоятельств и перейти в стан поклонников сладостей.

Рунные подносы хранили свежесть тортов, пирожных, печенья, конфет и массы всего иного, с чьей классификацией и идентификацией попаданка затруднялась, что совершенно не мешало ей без устали дегустировать не очень-то дешевую продукцию кондитерской. Тем паче при магазине имелся и небольшой кафетерий для тех, у кого не достало силы воли донести покупку до дому или не хотелось идти и делиться. С собой в дорогу пирожные не возьмешь, а вот кое-что из печений – тут Иринка собиралась разгуляться и побаловать себя напоследок.

Быстрый взгляд в арку на кафетерий подсказал, что несколько местных кумушек сидят за столиками и лопают торты-пироженки-печеньки кто с чаем, кто с морсами-соками, а кто и с бокальчиком-

рюмочкой чего покрепче. Так что говорить Иринка начала еще за порогом и продолжила возмущенно звенеть уже в кондитерской:

– Ужасно! Ужасно! В нашем квартале, буквально под окнами! А если на них наткнутся дети? Неужели не нашли иного места для своих непристойных забав? Ой, прости, лорра Брисом! Ясных дней, звездных ночей!

Иринка осеклась на полуслове и виновато улыбнулась приятно округлой высокой орчанке, которая и сама напоминала пышную булочку, испеченную из экзотического зерна, придававшего корочке оливково-желтый отлив.

– Ясных дней, звездных ночей, лорра Ивка, что это тебя так возмутило? – прогудела любопытная орчанка, ложась сочной грудью на прилавок.

Дамы-сплетницы в кафетерии наострили ушки в жажде расслышать подробности, и Иринка не подвела. Наклонившись к кондитерше, она таинственным, но почему-то очень громким шепотом (в кафетерии ее было слышно превосходно) в красках поведала о непристойной сцене.

Лорра Брисом оправдала все возложенные на нее ожидания. Чтобы близ ее прекрасной кондитерской творилось такое непотребство! Да ни за что! Подобного благовоспитанная орчанка допустить никак не могла! Оставив клиентку выбирать выпечку, она отлучилась буквально на секунду, чтобы отправить мужа выяснять детали и, коль все подтвердится, вызвать стражу.

Громадный орк-булочник, супруг лорры Брисом, завзятый подкаблучник, покорно отправился на разведку. Из кафетерия, как-то быстро слолав все пироженки, заспешили и несколько излишне любопытных кумушек. Иринка еще не успела нагрузить Диалю печеньем, как издали послышался задорный перелив тревожного свистка. Сей артефакт вручался стражей особо авторитетным обывателям, прожившим в Меладе не менее семи лет, чтобы откликаться на их зов. Женский визг демонстративно шокированных кумушек, возможно, тоже присутствовал, но ушей Иринки не достиг.

С большущим пакетом сладостей и чувством выполненного долга покинула попаданка кондитерскую. Теперь-то уж точно «золотым ребятишкам» комплект неприятностей вкупе со сплетнями гарантирован! А нечего обижать вампирочек и быть такими

невкусными, что даже отплатить за обиду никакого желания не возникает! Диаль шел рядом. Гордостью за драгоценную госпожу светились его зеленые очи.

Глава 29

Отъезд

Идти пришлось мимо особняка Крупнозадов, где у вечно приоткрытой калитки стоял глава семьи Даприн со своей неизменной вонючей трубкой и как раз набивал ее, чтобы всласть попыхтеть табачком.

Дураком старый гном не был, по внешнему виду корзины мигом просек, что к чему.

– Уезжаешь, лорра? Надолго ли?

– Домой надо наведаться, – чуть притормозила Иринка из вежливости.

– Дом – это хорошо! – с достоинством подтвердил Крупнозад, толстые ловкие пальцы тем временем оглаживали трубку, уминая табачок с невыносимым запахом. – Мы вот и сами с Зарванских гор выходцы. Почитай, полвека как осели в Меладе, а все ж порой тянет в родные края. Пусть и выработки там уж истощились, прежнего богатства нет как нет. Даже сыновей супротив традиции не на родину предков посылать думаю, а в иные края. Может, в Дилмарские горы их направить? С наместником сговориться об оплате, пусть поищут уголок по душе.

– Бесплодные края, – проронил Диаль, почему-то решив поучаствовать в беседе.

– Не скажи, эльф, – крикнул Крупнозад, многозначительно поводя перед носом собеседника вонючей трубкой. – Кому как. Вампирам или эльфам там точно делать нечего, а вот кто иной, может, и сыщет нужное себе по сердцу и для души. Прадед мой как-то в те горы ходил, слушал недра. Говорит, алмазные трубки там и руды ценные, чуть ли не мифариаль чуял. Это сейчас старый совсем из ума выжил, ложку мимо рта пронесет, а раньше ум острый был и брехать не любил.

– Я в горах никогда не была, но вам виднее, как быть и кому верить, – дипломатично согласилась Иринка, невольно вздрогнув при воспоминании о том, что пришлось бы испытать Ивке, если б ей выпало бежать от чудовищ не по лесу, а по камням. И так-то чуть не стала комплексным обедом для монстра...

– А то ж! Для вас-то, для эльфов, да и для вомпирей Дилмарские горы вместо постов и границ. Сторожить не надо, сами не сунетесь, – с толикой превосходства хекнул гном, для которого, сколько ни проживи в человеческом городе, каменные недра оставались понятными, дорогими и насквозь своими в гораздо большей степени.

– Каждой расе Звездная Четверка свое судила, – не стал спорить эльф, которому даже кошмарная чаща с монстрами владений Дома Шипоцвета в Лильдэноле была милее любых самых безопасных гор, да и ухоженных городских улочек тоже. И с чудовищами ему нравилось биться больше, чем с двуногими противниками. Уровень сложности соответствовал умениям. Так и с гномом. – Диаль не понимал, как можно любить мертвый камень, но допускал, что для коротышек этот самый камень столь же жив, как для него дерево или цветок.

Подозревая, что Даприн вот-вот раскурит свою невообразимую трубочку, которую на Земле однозначно приравняли бы к оружию массового поражения где-то в разделе отравляющих газов, Иринка быстро свернула беседу и распрощалась с Крупнозадом. Беседу поддержали, об отъезде сообщила, обмолвилась даже про эльфиечку Бейлис, которая дом навещать будет, значит, соседушка за ее владениями приглядит, так, на всякий случай.

У калитки Диалю и Ирину уже ждала новая корзинка с поздним ужином, совсем не скромных размеров, доставленная расторопным парнишкой. Похоже, чета трактирщиков расчувствовалась и расстаралась на прощально-торжественную трапезу. Завтракать, как понимала Иринка, им уже придется всухомятку на бегу, попутно перетаскивая вещи, или вовсе в карете. Здесь было принято пускаться в дорогу на стыке ночи и утра, вроде как таким путешественникам светила особая милость божественного тетрапантеона, и путь озарялся как затухающим светом звезд, так и первыми лучами встающего солнца. Солнце, кстати, позиционировалось как Великий Творец всего сущего всех миров, не вмешивающийся, но вовсе не безучастный. Просто силы его были столь громадны, что любое вмешательство неизбежно привело бы к катастрофе, поэтому общение со смертными и помощь-вредительство были отданы на откуп Звездной Четверке. Пожалуй, этому можно было порадоваться. И с этими-то четырьмя, гуляющими в голове, как по бульвару, Ивкина не знала, что делать,

а если бы к этой Четверке еще и совсем всемогущий пятый сверху добавился... Не, лучше пусть не вмешивается!

Пошарив в подвале, попаданка вытащила бутылочку вина, и трапеза получилась великолепной. По ее окончании Диаль уточнил планы путешествия:

– Моя лорра-оль, надлежит ли мне сопровождать тебя скрытно?

– А какой смысл? – не поняла Иринка. Потом сообразила, что эльф печется о ее репутации и рассмеялась. – Нет, худшим, чем есть, мнение обо мне в замке Валадара уже не будет! Некуда. Меня отправили по ритуальному пути, не питая особых надежд, что я, княжна Валадара, его вообще завершу, а не сгину в ближайшей канаве. Впрочем, та я, которая уходила, точно не смогла бы пройти дорогу до конца.

Внимательный, ожидающий, но готовый принять как откровенность, так и молчание взгляд эльфа был устремлен на девушку. Весть о ее княжеском титуле он принял совершенно спокойно, будто уже знал или другого от своей лорры и не ожидал.

Вроде как охране для повышения ее эффективности принято давать максимум информации, да и нечего ей скрывать, решила Иринка и поведала своему эрр-олю обо всех заморочках с наследством, родственниками и так трудно пробуждавшейся сутью Темного Искуса.

– Тебя в замке отца ничей вкус не манил? – Почему-то именно этот вопрос задал эльф первым.

– Именно так, – подтвердила попаданка и выложила свои мысли: – А может, кровь Темного Искуса спала и ей требовалась встряска, чтобы включиться. Я ведь вообще так ароматы окружающих, как теперь, не воспринимала. То ли и в самом деле в замке злодеев высокой пробы не было. Сложно судить. Большинство окружающих я и сейчас как съедобное не воспринимаю. Ничтожные подонки мне и вовсе противны на вкус и запах, как те пьяные идиоты, на которых мы мужа кондитерши натравили. Больных я могу лечить, даже если они не особо приятны и простоквашей пованивают. Дальше уже градация идет. От злодеев, причинивших большие беды, я, кажется, вообще голову теряю и выпиваю подчистую, они невообразимо вкусны. Хотя всякая шваль, даже та, что на зуб не собираюсь пробовать, вокруг постоянно крутится. Как мухи на мед слетаются, будто нарочно

провоцируют. Я столько трупов за последнее время навидалась, сколько и за всю жизнь прежде не случилось. А от гадов высокой пробы, но с чем-то вроде личных принципов и морали, кайфую, но безумный жор не нападает. Это я про тебя, между прочим...

– Моя лорра! – Эльф подался вперед, чуть склоняя голову набок так, чтобы подставить шею. – Я с безграничным удовольствием готов служить тебе в любом качестве.

– Еще бы, – с примесью грусти улыбнулась Иринка. – Наместник Келдирет говорил, что укус Темного Искусса вызывает не только блаженство, но и зависимость. Привыкнуть легко, избавиться от тяги куда сложнее. Потому и сына прочь отослал, пока паренек крепко не подсел.

– Ты намерена прогнать меня, лорра? – встревожился Диаль, пытаясь скрыть волнение, почти панику.

– Нет, куда я без тебя? – развела руками девушка, трезво оценивая свои способности к выживанию во враждебном мире, особенно в свете, вернее темноте мест предстоящего пути. Когда кругом враги, никакая Маруся не спасет, другая точка опоры требуется. – Просто предостерегаю. Ты очень вкусный и полезный.

– Я рад, моя лорра, не тревожься, – кратко прокомментировал эльф и дальше уже действовал не как эрр-оль, а исключительно как мужчина.

И Иринка даже не подумала нудить о зависимости от зова Темного Искусса. Если двоим хорошо, то почему это так, по большому счету плевать. Начнешь копать и анализировать, только все непоправимо испортишь! И вообще, когда еще в партнеры ей достался бы такой роскошный мужчина? Ну да, с таракашками, так у кого их нет? Она вообще две трети дня змею на шее таскает. Никто еще в психушку не увез, даже не пытался, самоубийц не нашлось. А если человеку, тьфу, эльфу... на фиг, без разницы, хочется немного игры с веревками, так и ладно. Пусть наслаждается. Ей-то самой даже вязать и ногти ломать не приходится, ядоцвет все сам делает. Но как же сладко Диаль стонет, заводит неимоверно! А поскольку он эльф, а она вампирских кровей, еще и предохраняться не надо. Киндер-сюрприз волею богов не предусмотрен.

Руки Диала бережно обнимали Иринку даже во сне. И пусть ей, обыкновенно спавшей в обнимку с подушкой, было непривычно, но

непривычно – не неприятно. Чуть поерзав, она нашла удобное местечко рядом с вкусно пахнущим мужчиной и отключилась до утра.

Раннее утро ее наступило от тихого голоса эльфа.

– Моя лорра, пора. Наместник прислал дорожный экипаж. Он ждет у ворот.

– Не хочу, – присев на уютной овальной кровати, свитой из плетей ядоцвета, пожаловалась Иринка, сграбастав в объятия сонную Марусю и зарывшись носом в ее белоснежный мех. – Понимаю, что надо, – не дожидаясь разумных увещеваний о воле богов, согласилась девушка. – Но не хочу. Мне нравится Мелад, его жители, эти руины, которые стали желаннее любого дворца. Дай минутку поскулить, Диаль. Я сейчас возьму жо... сердце в кулак и поедем.

– Да, моя лорра, – кивнул эльф и испарился из комнаты.

– Ты ведь со мной и всегда такой же домик сделаешь, – погладила венки Иринка, чем заработала мягкое, почти нежное сжатие ядовитого плюща с ромашками. Вроде как ей сказали так же, как и она вчера эльфу: «Куда ж ты без меня? Вместе отправляемся!» Маруся приподняла голову и потерлась мордочкой о подбородок спутницы, позволившей себе минутку девичьей слабости.

– Спасибо, я знаю, ты тоже со мной, – улыбнулась девушка и встала. – «Труба трубит, откинут полог...» Насчет сабель не хотелось бы, но тут уж как получится. На этот случай у меня Диаль имеется. Пусть звенит. Хотя к черту звон, эрр-оль всех по-тихому упокоит.

Кучер личной дорожной кареты наместника Келдирета ни с первого, ни со второго взгляда на кучера не походил совершенно. Скорее он выглядел как разбойник с большой дороги, очень большой, с которым некий гений перевоспитания или гипнотизер провел масштабную работу по перековке личности. Бандит раскаялся, оставил все печеньки на стороне зла и перешел на иную диету. Словом, оборотень, здоровущий то ли медведь, то ли очень крупный волчара, или иная неведомая Иринке зверушка в двуногом обличье если и походил на кучера, то только своим бережным отношением к тропыгаям в упряжке. Ну правильно, лошади, даже самые вышколенные, от оборотней инстинктивно старались держаться подальше. Чували, наверное, что эти с виду двуногие в любой момент могут не только вусмерть заездить бедное копытное, но и закусить им. Зубастые же ящеры силу уважали.

– Лорра, ясных дней, звездных ночей, я Фаррашир, – прогудел здоровяк, потер плоский нос и помог пассажирам разместить вещи. Цель, маршрут или иные важные вопросы уточнять не стал. Наместник уже дал инструкции. Сейчас первым делом надо было выехать из города на западный тракт, связывающий людскую провинцию и вампирское княжество Валадар, а там уж можно и детали уточнить. Вожак велел вывезти из города, сопровождать по маршруту и обеспечивать безопасность. Пусть Келдирет обратным не был, но его авторитета хватало, чтобы даже битый матерый волчара Фаррашир признавал его первым в стае. Клыки и лапы тоже разные бывают. У лорра наместника и человечья хватка с волчьей поспорить могла. Город и провинцию он держал жестко. Нет, не за горло, но за холку точно.

Диаль скользнул взглядом по кучеру и остался доволен. Вроде как и невместно Келдирету было бы посылать с лоррой Ивкой охранный эскорт (кто он и кто она?), однако же наместник выкрутился. Из одного кучера разом организовал охрану и достойное сопровождение.

Дорожная карета отличалась от городской, как день от ночи. Если вторая использовалась не столько для поездок, сколько для создания эффектного впечатления у населения от лорра наместника, то в первой акцент главным образом делался на удобство путешественника и некоторую, нет, не простоту или дешевизну, скорее практичную незаметность. Может, Келдирет тоже порой любил в ревизора поиграть и порадовать подданных внезапным визитом? Словом, сделана карета была по высшему разряду, но без внешнего шика, нацеленного на пускание пыли в глаза.

Из города в личной карете наместника с пропусками, состоящими из футляра с бумагами и подорожной бляхи-пропуска, которые тот вручил кучеру, выехали, даже не останавливаясь на воротах. Там, между прочим, сейчас дежурила не просто обычная четверка стражей, а усиленный артефактами патруль. К поиску и поимке наймитов-отравителей Келдирет подошел очень серьезно. Как и к любой важной проблеме. Иначе не сидел бы на своем рабочем месте уж более полувека.

Так что высовывать нос наружу Иринке не пришлось, да и не очень-то хотелось. На воротах в первый свой визит она и так

натолкалась под завязку. Внутри в карете было куда приятнее, чем снаружи.

Удобные, чуть пружинящие диванчики оттенка кофе с молоком, которые могли раскладываться в единое полотно кровати, откидной столик, не пластиковый, а деревянный. Иринку аж ностальгия по земным поездом пробила! Шторы на окнах имелись двойные. Одни – легкий прозрачный тюль, тебе изнутри видно все, ты снаружи никому, вторые – сплошные жалюзи, опускающиеся, чтобы путешественник мог подремать или... Девушка потыкала в них пальчиком, разглядывая вбитые по вертикальной полосе знаки. Или эти легкие с виду жалюзи могли защитить не только от солнца? Покосившись на эльфа, от рационального вопроса попаданка удержалась, чтобы не напороться на немедленную лекцию.

Все равно, очень может быть (и даже не может быть, а скорее всего), ей и так предстоит все узнать. Нет, нападений сразу за воротами, попаданка не опасалась, а вот книг... Еще вечером до ужина Диаль предусмотрительно прошерстил подвальную библиотеку и взял несколько томов для изучения лоррой-оль в пути. То есть озаботился, чтобы Иринка не заскучала в дороге, заодно и образованием собственным занялась. Все рассчитал, негодяй! Из кареты, чтобы избежать проникновения в тайны знаков, на ходу не выпрыгнешь!

Ладно, делать нечего, поучим знаки, но сначала завтрак и додремать недоспанное ночью! А вместо подушки использовать колени вредного эльфа.

Первый пункт плана по питанию реализовался успешно, второй тоже. Правда, в чистом виде колени Диалю решительно на роль подушки не подошли. Слишком поджаро-мускулистым оказался эльф. Но Иринка все равно выкрутилась – положила поверх сложенный мягкий плед и таки задремала. Будить ее ради лекции эрр-оль не стал. Пожалел или, зараза, опять все рассчитал: путь предстоит долгий, пусть лорра для начала как следует выспится, чтобы потом клевать ей мозг на свежую голову.

Карета катила по дороге вполне мягко. (Вот уж каким вопросом Иринка не задавалась, оказавшись в новом мире, так это уровнем технического прогресса местных видов наземного транспорта.) Наверное, тут уже успели изобрести рессоры или еще что-то, обеспечивающее ровный ход. А может, банально накорябали нужные

знаки, дарованные волей Селадара, в нужном месте. Не суть важно. Главное, исповедовать старинный принцип программистов, распространяющийся, пожалуй, на все сферы бытия: «Работает – не трогай», и не использовать на постоянной основе другой: «Я починил!» Благо тут вроде до изоленды еще не додумались.

Ехать – это совсем не то, что пробираться пешком по лесу, даже если ты эльф, у которого бег по пересеченной лесной местности в крови, или вампирочка, откушавшая обученного такому методу маньяка.

Глава 30

Начало пути и «бочка»

Путешествовать в карете Иринке в общем и целом понравилось куда больше, чем идти и трудить ноги, пусть даже очень выносливые ноги вампира. Хвала генетике или местному божественному произволу! Что именно за что отвечает в мире, после визита в звездный храм и общения с высшими сущностями попаданка сказать затруднялась. Если уж они, эти четверо, на коленке сляпали за несколько секунд противоядие, способное заранее, так сказать, профилактически и на постоянной основе уберечь целый город с окрестностями от двух видов массово отравляющих веществ, то и все что угодно иное вытворить могут. В том числе и в генах рас покопаться. Вон их сколько в этом мире, названия, то есть самоназвания которого Иринка до сих пор узнать не сподобилась. А как прикажете это делать? Ивка не знала, она вообще всю жизнь, несчастная толстушка, как во сне провела, из памяти тех, кого покусала, информация не передалась. Не приставать же к прохожим с сакраментальным вопросом: «Имя, брат (сестра, дедка, бабка), назови мне имя мира!»

И вообще, попаданка смутно подозревала, что ответ на ее вопрос будет элементарным, как в старой сказке про выбор кошачьего имени, из-за которого чуть не порешили друг друга старички. Мир зовется просто мир, и будет с вас, смертные!

Мысли в голове крутились самые разные, не всегда дельные. Пейзажи проплывали за окном под мерный стук колес. Но даже приятному занятию предаваться бесконечно долго надоедает. Где-то часов через пять попа объявила протест. И вовсе тут ни при чем была голова, которой терпеливый эльф втыкал про знаки и символы Деварда, совал под нос толстый талмуд, тетрадь и карандаш для ведения личных записей. Вот ничутьки, или только самую-самую малость.

Итак, Иринка потребовала притормозить во всех смыслах этого слова, чтобы размяться. Заботливый Диаль дернул за шнурок звонка, подающего сигнал водителю тропыгаев, и карета остановилась у

обочины. Пока жертва педагогического произвола гуляла по пыльным зарослям (не садиться же у всех на виду по-королевски?), мужчины успели переговорить и доложить Ивке свои соображения касательно дальнейшего маршрута, вернее, его пунктов.

Ивэйда из замка – версия 1.0 этим никогда не интересовалась, Ивка – версия 2.0 не успела, но налаженный путь из Валадара в Дилмар, пролегающий через провинцию Мелада с одноименным городом, существовал. Впрочем, как и иные маршруты, на которых имелись приличные постоянные дворы. За содержанием их бдительно следили в провинции. В интересах владельцев было поддержание своей собственности в надлежащем состоянии. Потому как на право содержать двор, внесенный в реестр провинции Мелад как желательный для организации постоя, всегда имелось немало желающих, а тайные покупатели не являлись изобретением Земли. Репутацию и место в перечне можно было потерять в момент. Зато знак на воротах давал кое-какие налоговые льготы, да и путешественники старались останавливаться именно «под знаком».

Между такими надежными точками пути и прокладывали сейчас маршрут мужчины, чтобы соблюсти в равной степени удобство и безопасность Ивки. Оборотень в перевозках важных персон разбирался, эльф разбирался в потребностях своей лорры-оль, поэтому к консенсусу две совещающиеся стороны пришли быстро, и Иринке осталось только кивнуть. Какой смысл кобениться, если люди о тебе же заботятся?

И, кстати говоря, пах оборотень для вампирочки совершенно несъедобным клубничным кефиром. Сразу становилось ясно: приличный мужчина твердых принципов, ничего общего со злобными вкусняшками не имеющий. Хорошо еще, что Диаль под боком и в пути голодать или бросаться на первых встречных шоколадных негодяев не придется. Свой имеется! Нет, не негодяй, потому что свой!

Первый постоянный двор решили проигнорировать в целях безопасности. Собранных с собой в дорогу припасов хватало с лихвой и для питания вампирочки со спутником, и на кучера оставалось, даже на такого крупногабаритного, как Фаррашир. Волчара принимал еду со спокойным достоинством, без малейшего заискивания. Случалось вознице и с Келдиретом трапезы делить. Что ему какая-то клыкастенякая, каких бы ни была она кровей?

Иринка под гнетом морального и интеллектуального давления Диала вникала в причудливую круговерть знаков. Да, мозги после института еще не успели заостриться, и пусть вбивать с них новую информацию не хотелось, но коль пришлось, то пришлось. Вообще, с виду эти символы, что у Деварда, что у Лайшеаллы, походили скорее на скандинавские руны, нежели на китайские иероглифы, а кое-какие вообще напомнили попаданке египетскую письменность. Причем у двух богов они реально были различны. У Деварда резкие линии в стиле минимализма, у богини, покровительствующей всему живому, более округлые и плавные.

Интересно, звездные небожители сами придумывали символы для передачи смертным частички своих сил или готовые где-то взяли? Ни на общий язык, которым пользовались люди, ни на один из известных Ивке языков местных рас, а после вкушения крови Селрика ее знания существенно пополнились, они не походили ни капельки.

Положа руку на сердце, Иринке Ивкиной значки Деварда Мертвителя, несмотря на его прозвище и жуткий опыт личного общения, понравились больше, чем выкрутасы Лайшеаллы, равно как и сам бог. Да, жутковатый, нагнавший при первой встрече дикий страх, но более прямой, нежели все остальные любители повертеть смертными. Интересно, зачем мать посвятила ее Жизнедарительнице?

Нет, если рассуждать логически, незнакомая родительница, испарившаяся сразу после ее рождения с горизонта и оставившая из всех следов лишь медальон для посвящения Лайшеалле на шею этого тела, поступила разумно. Дар Темного Искусца, помноженный на покровительство того, кто отвечает за возмездие, кровь и кишки, неизвестно во что бы мог превратить неопытную вампирочку, впервые прикоснувшуюся к силе своего наследия. Вполне вероятно, в двуногого монстра, познавшего наслаждение вкусом крови, преисполненного сознания собственной избранности и правоты. Металась бы она по городам и весям в стремлении отыскать очередную вкусняшку и оставляла бы после себя трупы, трупы, трупы. Или, скорее, кучки праха, праха, праха. Брр! Быть монстром – оно, может быть, и круто, но никаких удобств при таком раскладе точно не светило. Вечный путь и вечное одиночество. Покровительство же Лайшеаллы по идее должно было смягчить ее дар.

Повезло ли так же ее матери, или, напротив, не повезло настолько, что родительница предпочла нацепить медальон и исчезнуть из жизни чада, чтобы не дать дочери шанса покатиться по торной губительной дороге?

На изучение знаков и любование пейзажами ушел практически весь первый день. Нет, насчет любования... Окрестности и впрямь были красивы: ухоженные земли, засеянные поля, разные типажи прохожих-проезжих, но после часа-полутора «носом в книгу» Иринка была готова любоваться вообще чем угодно. Даже ползущей по стеклу мухой. Однако трепетное ожидание в зеленых очах рядом и неугасимый огонь веры в нее заставляли пялиться именно в книги со знаками. Вот тогда девушка поняла: когда в тебя верят и ждут подвигов – это обременительно, и, наверное, впервые чуть-чуть посочувствовала богам. Если в подвигах со знаками Деварда эльф кое-что мог подсказать, то с «рунным комплектом» Лайшеаллы приходилось целиком полагаться на письменные источники знаний. А Звездной Четверке и проконсультироваться-то небось не с кем.

Тропыгаи оказались куда выносливее лошадей, и темп движения карета поддерживала высокий. Поэтому к вечеру путешественники все-таки решили остановиться на постоялом дворе.

Для Иринки (и Ивки, кстати, тоже) такой опыт был в новинку. Девушка жадно осматривалась, когда карета въехала во двор двухэтажного каменного здания, сложенного из массивных каменных блоков – в пору иному замку, чтоб осаду выдерживать. Их них был сложен первый этаж с забранными частой ковеной решеткой окнами. На ночь они прикрывались массивными съемными ставнями из дерева, окованного железными полосами. Запас прочности в изделие закладывался изрядный. Такие ставенки на раз-два просто так не снимешь и внутрь не пролезешь. Второй этаж большого здания был построен из массивных, под стать камням первого, бревен. Окна там были чуть шире, но тоже украшены решетками. Правда, ставни не снимались, а лишь откидывались в сторону на петлях, чтобы быть притворенными на ночь или на случай холода да ненастья.

Название постоялого двора было исполнено в оригинальной форме и подвешено на стенке второго этажа: вырезанная из широкой цельной доски вывеска в виде лежащей бочки с сакраментальной надписью «Бочка».

«Краткость – сестра таланта», – резюмировала Иринка, пока Фаррашир загонял карету во двор. По молчаливой договоренности с Диалем ему предстояло ночевать рядом с клиентами. Карета и место для хранения багажа, как уже сообразила девушка, только выглядели обычными. В деле сохранности имущества лорр-наместник тоже не обошелся без тайно выгравированных знаков. Что уж они делали – были сиреной или убивали вора на месте, а может, все в комплексе, – проверять опытным путем попаданке не хотелось. Достало того, что на одной из остановок днем оборотень показал Иринке значок-активатор, который он, посвященный Деварда, привел в действие еще утром.

Мужик-конюх небрежным тычком послал к карете двух парнишек. Тропыгаи вообще вели себя миролюбивее с теми, кто помоложе, потому им и выпала честь обслужить ящеров. Пареньки за горсть медной чешуи обещали позаботиться о тропыгаях и протереть запылившуюся карету снаружи.

Постояльцы же прошли в главный зал «Бочки». Народа и снаружи во дворе, и внутри помещения имелось в достатке, но, по счастью, до состояния «сельди в таре» заведению было еще далеко. Люди-нелюди ужинали, трепались, слушали развеселую песенку барда, пристроившегося с чем-то вроде усеченной гитары между стойкой и окошком на высоком табурете.

Рыжий, заросший рыжим волосом от макушки до мускулистых рук, в засученной до локтей белой (правда-правда, даже не серой!) рубашке хозяин вскинул голову и посмотрел на троицу гостей, подошедших к стойке.

– Ясных дней, звездных ночей! Ужинать будете иль еще и остановитесь у нас, лорры? – без заискивания, но вполне вежливо пробухтел трактирщик, обменявшись с Фарраширом быстрыми взглядами. Кажется, рыжий тоже был оборотнем, только точно не волком, а судя по масти и превосходящей даже немалые габариты возчика фигуре, по меньшей мере медведем. Ивка всех расперевертышей мира не знала, потому гадать не взялась. (Может, он и вовсе какой-нибудь лохматый динозавр?) Зато Ивкина совершенно четко уяснила: этакому громиле, как бы добродушно он ни выглядел, пока в «Бочке» все спокойно, вышибалы без надобности. Он и сам одним махом семерых по- и выбивахом. И вовсе не мухи будут в старом присловье иметься в виду.

– И то и другое, лорр, – повторив приветствие, попросила Иринка, которой Диаль безоговорочно уступал право мирных переговоров. – Две комнаты найдутся?

– Как не быть, лорра, – заверил постоялицу рыжий. – Только в разных концах коридора на втором этаже, уж не взыщите!

– Пойдет, – не стал качать права Фаррашир, вполне справедливо полагая свой слух достаточно острым, чтоб успеть среагировать на любую угрозу.

– Коль так... – Рыжий выложил на стойку, сняв с пояса, два ключа от комнат. – Все чисто и прибрано, насекомых нет. Если горячая вода для мытья в избытке нужна – это в купальне за домом. В комнаты только для умывания носим. Где отужинать изволите? В комнаты принести, в общем зале или в малом сядете? В последнем потише, но чуток подороже выйдет.

Рыжий указал поворотом головы на помещение слева, отделенное от большого зала парой пологих ступеней вверх и скрытое шторкой, до боли напомнившей Иринке бамбуковые занавески в доме пожилой тетки. Таких «вип-местечек» было аж три штуки в разных углах большого зала.

– В малом зале, – мгновенно решила Иринка с полного одобрения спутников. Кое-какие деньги у нее водились, и экономить на собственном комфорте вампирочка не собиралась, так же как и демонстрировать всем и каждому, что на шее у нее не красивый модный шарфик, а спящая очень опасная, но крайне любопытная змейка.

– Пирог, колбаса, мясная похлебка, сыр, могу пару птиц подать, – огласил нехитрое меню хозяин.

– Подай все и еще молока кувшин, – оценив еще днем аппетит оборотня, распорядилась Иринка, ориентируясь на нужды змейки и голодный блеск глаз волка.

Нет, их-то он не съест, даже не понадкусывает, воспитанный, но могучее голодное бурчание живота таково, что перебудит их даже на другом конце коридора.

В отдельном зале обстановка никаким особым изыском и роскошеством от общего большого не отличалась. Всей разницы, что окна пошире и высокие стулья у столов вместо табуретов и лавок – основной мебели общего зала.

Ни тебе резных кресел, ни шторок на окнах. Да и к чему? Постоялый двор не гостиница, переночевал, поел, отдохнул и дальше поезжай, нечего задерживаться.

Верткая и сноровистая девица в белом (опять белом!) фартуке притащила два здоровенных подноса. Один на голове, придерживая руками, второй в другой паре рук. Видимо, не все нейдлаи строили свою жизнь как погружение в философские глубины исследований, кому-то выпадала и обычная физическая работа. И с четырьмя руками выполнять ее было куда сподручнее, чем с двумя. Три горшочка с мясной похлебкой, больше похожей на густую кашу из мяса и овощей, нежели на нечто жидкое, стукнулись перед голодными клиентами. В центре бухнулись блюда с заказанными пирогами и колбасой, встали пузатые кувшины с ягодными напитками и чем-то вроде темного пива. Диаль градусное проигнорировал. Сразу налил себе кружку безалкогольного, наполнил емкость и для своей лорры. Неужто так буен во хмелю? Иринка потянулась было к блюду с пирогами, прикидывая, какой будет использовать вместо хлеба к похлебке, и едва не подавилась первой ложкой пряного и невыразимо вкусного варева.

Хихиканье Ивки отвлекло мужчин от пищи. Девушка молча ткнула пальцем в блюдо: пирог центральный (нечто вроде гигантского расстегая) был роскошно велик. Овальной формы, он раскинулся от одного края блюда до другого, по краям его аккуратно и скромно приткнулись дружки помельче. Три справа, три слева. При переноске пирожки растрясло, и они компактными кучками сползли к нижнему краю блюда. Словом, дедушка Фрейд при одном только взгляде на кулинарный шедевр взялся бы писать очередную книжку и анализировать подсознательные порывы сервировщицы.

– Какая композиция! – наконец смогла выдать Иринка сквозь хихиканье и под откровенно непонимающими взглядами компаньонов объяснила: если смотреть с моего угла стола, то пироги лежат так, словно нам ночь в борделе обещают.

Оборотень не выдержал, поднялся, подошел к девушке и, едва глянув на пирожки, грохнул хохотом. Даже Диаль, до которого дошел смысл шутки, переливчато рассмеялся.

– И есть-то теперь неловко, – похохатывая, признал волчара, возвращаясь за стол. Но, вопреки собственным словам, сцапал пирог

преткновения и ловко распластал его ножом, вскрывая начинку из ливера с яйцом.

Это решило проблему выбора для Иринки. Выбрав себе кусок поухватистее, девушка тоже с аппетитом подключилась к ужину. А с символизмом можно и после разобраться, благо комнат сняли две, Диаль рядом и всегда с охотой подключится к увлекательным исследованиям.

А то пироги и похлебка, которая скорее мясная острая каша, чудесны, но на сладкое хотелось бы что-то еще или лучше кого-то. Ягодные кексы на меду, которые принесла четырехрукая пошлячка поневоле, их не заменят. Вот если бы в этом мире росли какао-бобы и умели готовить шоколад и трюфели, тогда – может быть... Иринка задумчиво покосилась на своего эльфа и все-таки решила: нет, точно нет! Живая вкусняшка лучше!

Следующий заход подавальщицы добавил к ассортименту блюд пару птичек. Пахли они курицей с приправами и выглядели похоже, только размер был с доброго лебедя. Волк встретил появление дичи одобрительным рыком. Что удивительно, ему вторил эльф. Похоже, Диаль тоже любил птичек. Из общего роскошества пернатых Иринке досталось лишь гигантское крыло. Но и его хватило с лихвой, а ведь вампирочка на аппетит никогда не жаловалась. Между прочим, змее «курятина» тоже пришлась по вкусу и вкупе с молоком пошла на ура. Поев, Маруся снова свернулась клубочком на коленях Иринки и заснула.

Глава 31

Программа развлечений

Пока гости «Бочки» ужинали, разудалая песня в общем зале смолкла, и раздался хрипловатый женский голос, заведший песенку на грани приличий. Чуть позже бумкнули деревянные вертикальных жалюзи, впуская в зал сменившегося менестреля.

Того самого, что драл горло у стойки под струнный инструмент – неизвестного Иринке гитарного родственника. Ивэйда в музыке и инструментах не особо разбиралась. В рамках образования в замке ей втирали только про вампирскую классику, а бродячих артистов за стены не пускали. Разрешали представления только на лугу, куда, разумеется, княжеской дочке ходу не было.

Между прочим, вошедший в отгороженный зал мужчина был не эльфом, которые, коль жива в них жилка бродяжничества, избирали себе путь певца дороги, а гоблином. Невысокий, с подвижной проказливой мордахой, он расплылся в улыбке, приветствуя трапезничающих еще в дверях.

– Не угодно ли благородным лоррам развлечься, усладив слух музыкой? – осведомился он.

– Ты знаешь какие-нибудь баллады о нагах? – неожиданно спросила Иринка, решив совместить приятное (вроде бы пение гоблина не походило на скрип несмазанной телеги) с полезным.

– Мне известны многие песни, лорра, – поклонился гоблин, явно удивившись заказу. От компании эльфов и оборотня он никак не ожидал такого вопроса, но сориентировался и приготовился исполнять все, что угодно ужинающим клиентам, если они готовы платить.

Иринка даже не представляла, сколько тут принято давать певцу и давать ли в начале заказа или после его исполнения. Выручил Фаррашир, буркнув:

– Пой, коль вызвался! Понравится – посветит тебе лучик солнышка, не понравится – пригоршней меди удовлетворишься.

И гоблин, пристроившись на стуле у окна неподалеку от трапезничающих, стал петь все, что только мог выудить из своей обширной коллекции о змеехвостых. Нашлась в его арсенале

эпическая песня об изгнаннике-наге, которого коварные братья после вероломно подстроенной смерти родителей обвинили в их гибели. Раненый юноша бежал, то есть уполз прочь, чтобы найти подругу и сторонников в сопредельных краях, вернуться с войском и порешить всех предателей. Кровь, кишки, предательства «условно правой стороны», которые преподносились как подвиги, и прочие милые подробности щедро уснащали песенку. Как показалось Иринке, это музыкальное творение весьма откровенно повествовало о нравах хвостатых. Ведь обвинить гоблина в плагиате шекспировских страстей никакой возможности не было. Здесь классика-англичанина не существовало.

После этой эпичной вещи слушателей ожидала развеселая история о наге-охотнике, в пещеру к которому повадилось ходить в гости и регулярно портить имущество всякое зверье. Далее подробно в шутливой форме описывались методы борьбы с животными, как то: силки, капканы, ямы, отравы. Не помогало ничего! В конце концов, бедолагу выручил случай: он забыл передать в стирку матери ношенные вещи. Запах потных шмоток убил досаждавшее зверье в массовом порядке, оставив охотника с богатой добычей.

Иринке задорная песенка пришлась по вкусу куда больше унылого эпоса про море крови, но оборотень, зажевав историю пирожком, испортил исполнителю всю малину, задумчиво проронив:

– Хр-р, я такую историю про гоблина слышал, чутка переиначенную.

– Идеи витают в воздухе, и песни бродят по миру, лорр, – ловко вывернулся менестрель и завел новую историю про хвостатых. Снова эпичную. Крови и кишок в ней было чуть поменьше, чем в первой, и речь шла об освоении новых владений, битвах с невиданными чудовищами и сокровищах недр. Тут хотя бы безжалостность нагов объяснялась опасностью монстров и стремлением защитить свои логова.

Но в целом у Иринки сложилось не слишком благоприятное впечатление о хвостато-ядовитой проблеме, нависшей над провинцией Мелад. Неизвестно, зачем этим созданиям понадобилось вредить семье наместника и городу, но, похоже, хвосты он им отдал крепко. Отправить на звездную тропу население целого города – довольно масштабная месть даже по меркам нагов. Насколько успела понять

девушка, они почти никогда не поднимали копы на детей и стариков, если, конечно, речь не шла о великой кровной мести и борьбе за территорию – то есть место под новое гнездо нагов в переплетении бесконечных коридоров пещер. Снаружи они, оказывается, предпочитали только охотиться, а жить под землей. Наверное, страдали тяжелой формой агорафобии.

Менестрель терзал инструмент и драл горло почти полтора часа, то есть обещанный гонорар в золоте – пришлось расщедриться даже на целое солнышко – отработал с лихвой. А Иринка поела с удовольствием и с переменным удовольствием (про кровь и кишки Ивкина никогда ни слушать, ни читать не любила) уделила время концертной программе. Подавальщица заглядывала пару раз, чтобы узнать, не желают ли клиенты чем-то дополнить заказ, и даже притаскивала оборотню еще кувшин спиртного. При его массе тела и выносливости эта доза все равно соответствовала человеческой норме бокала хорошего вина.

Пока ужинали, за окнами успело хорошенько стемнеть. На стенах в специальных держателях, не отличающихся особой оригинальностью (обычные кольца-крепления), засияли рунные конусы. Живой огонь, может, и выходит дешевле, но, случись пожар, даже при каменном здании владельцу двора пришлось бы заплатить трижды. Может, и не в хозяйственности хозяина заведения было дело, а в единстве требований, введенных наместником для всех и каждого содержателя постоянного двора. Иринка перечня не читала, но, если бы сама составляла, точно ввела бы пункт.

Поднявшись по лестнице и отперев дверь с выжженной на ней биркой, совпадающей с брелоком ключа, Иринка и Диаль прошли в номер. Рыжий не соврал, ручаясь за чистоту. Двухспальная кровать, скорее не застланная, а обернутая чистыми тканями покрывал вместо не принятого здесь постельного белья. Сундук для вещей вместо шкафа – он же скамья у окна, стол с кувшином для умывания и пара табуретов. Минимализм в действии. Только что к полу ничего не приколочено гвоздями, поскольку спереть тут все равно нечего. Но главное, нет насекомых, а на остальное плевать, когда рядом тот, кто одуряюще пахнет шоколадом и выглядит как девичья мечта.

Поймав взгляд Иринки, эльф вздрогнул и спросил:

– Моя лорра голодна?

– Еще бы! – выпалила девушка, скользя по фигуре мужчины мечтательным взглядом.

– Мы были в пути весь день, возможно, стоит посетить купальню перед сном, моя лорра? – Голос Диалы стал больше похож на мурлыканье большого кота, нет, скорей уж тигра.

Представив себе поджарое эльфийское тело с катящимися по гладкой коже капельками воды – у эрр-оля волосы росли лишь на голове, – Иринка сглотнула и шепнула:

– Посетим!

Голос внезапно отказал, ладно хоть ноги двигались, а не подгибались самым возмутительным образом. Инструкция по местонахождению купальни припоминалась смутно, но все-таки второй выход дальше по коридору на лестницу, ведущую на двор с пристройкой, найти удалось. Приставленная к купальням – а их оказалось, как и залов для еды, несколько – девушка за небольшую надбавку предоставила одну из купален в полное распоряжение парочки примерно на часок.

В небольшом помещении – впрочем, кто вспомнит наши ванне комнаты, тот сочтет его громадным, – тоже все было выполнено в стиле минимализма под девизом «хрен стибришь». Мыльный раствор для мытья тела и волос находился в чем-то вроде умывальников на стене. Его предполагалось наносить на мочалки, сплетенные из травы, поэтому дешевые и одноразовые. Воды, правда, имелся избыток: холодная по трубам, горячая из больших чанов, нагреваемых знаками. Ковшом черпай, разводи в кувшинах сколько надо и полощись. Пол каменный, лей не скупись, от него не убудет.

Лавки, правда, деревянные, из какой-то породы, устойчивой к влаге, зато теплые на ощупь. Довольная Иринка бойко зачерпнула ковшом горячей воды из котла и плеснула на лавку, взметнулся пар.

«Почти баня!» – умиротворенно вздохнула попаданка, рядом столь же довольно завздыхал ее личный мазохист, решивший, что любимая лорра-оль намерена его немного помучить для пущего удовольствия. Ивкина, обожавшая хорошую баньку, мысленно хихикнула и добавила пару.

Совмещение водных процедур с лакомством удалось! Широкая лавка спокойно вмещала два тела. Раскинувшийся на досках эльф стонал в голос, наслаждаясь мучительной жарой и блаженством укуса

вампириши Темного Искуса, Иринка наслаждалась банькой с парком, вкусом любимого шоколада и великолепным мужчиной. Все были счастливы до того мига, как запертая на засов дверь не была сорвана с петель.

На пороге под визг банщицы возник сероволосый громила с мечом в одной руке и клинком поменьше в другой.

– Что, время вышло? А повежливее предупредить нельзя было? Постучать там или еще что? – спросила Иринка, сытая и почти довольная. (Один круг совмещения приятного с полезным они сделать успели.)

Эльф приподнялся на скамье, заслоняя своим великолепием Ивку. Не то чтобы дивнорожденные стеснялись обнаженных тел, но возможная опасность другое дело.

– Ты жив, эльф? – недоуменно нахмурился сероволосый, мягко поведя рукой с клинком поменьше в сторону визжащей на одной ноте банщицы. Как-то он ухитрился тронуть ее локтем в районе шеи, и девица обмякла, свалившись неопрятной кучкой на пол.

– Чистильщик? – недовольно нахмурился Диаль. – Что ты забыл здесь? Тут нет тварей из чащи!

– Я в пути. Принят вызов. Почуял всплеск темной силы, – сторожко озираясь, отозвался громила, не убирая клинков.

«Вау! – запоздало дошло до Иринки. – Это не вышибала, а какая-то разновидность ведьмака по наши души заявилась! Круто! И что, меня сейчас будут пытаться-убивать?»

– Темный Искус, – проронил эльф.

Тут сероглазый с проблеском красного, как от фотовспышки, вышибала совершенно явственно смутился, склонил голову и, пробормотав краткие извинения, смылся.

– А кому платить за дверь и лечить девицу? Я уж не говорю про компенсацию за беспокойство, – выпалила Иринка, почти физически ощущая, как убывают монетки в ее кошельке. И не стоила этого встреча с легендой. Ой, не стоила!

– Чистильщики... Они платят кровью. Своей. Часто жизнью, – просто констатировал Диаль, даже не оскорбившись вторжению, скорее удивившись странной реакции своей лорры-оль.

– А? – принахмурилась попаданка, и Диаль дал чуть более развернутое объяснение, укутывая девушку большим полотенцем:

– Они никогда не платят, платят им. С них денег не требуют, потому что они сами не требуют оплаты, если у вызывающего о помощи нет ни монеты. А девица сейчас придет в себя. Ее лишь усыпили на пяток минут.

– Удобно устроились, – фыркнула Иринка себе под нос, обтираясь и одеваясь. Мысль о том, что ее кошелек в безопасности, согрела душу.

В памяти Ивэйдды о чистильщиках, впрочем, как и о массе иных вопросов, имелось большое белое пятно. Не интересовалась толстушка наружным миром совершенно, и даже если что и слышала, пропускала мимо ушей. Кажется, кухарки в замке судачили вечерком да шепотком про то, как расплодились в лесах монстры, что впору чистильщиков вызывать. Громко о таком, подвергая сомнению силу князя, сдерживающую чудовищ в границах межевых камней, бабы триндеть опасались. Сболтнешь что лишнее и окажешься за воротами без расчета. Вроде как тогда на кухне какой-то поваренок вопрос задал-пискнул про чистильщиков и ему даже ответили. Дескать, воспитываются такие охотники за тварями в далеких горных замках далеко на севере из детей-сирот разных рас. Дескать, мастера великие знаки богов прямо им на коже-мясе и кости вырезают в храмах Четверки. Выживут – обретут силу чують и разить тварей, помрут – так сирот много, никто тужить не будет. Поваренок, сам сиротка, предпочел заткнуться и больше ни о чем не расспрашивать. А ну как и его в такой замок сплавят, чтоб по кости, по живому резать?

Странным было в мире отношение к чистильщикам! С одной стороны, безусловное уважение, с другой – то ли жалость, то ли опаска: вроде как причудливые они создания, не знаешь, чего и ждать, точно от гранаты, у которой не видно чеку, выдернута или нет. Ну как рванет? Потому надо не разглядывать, а держаться подальше.

Ивка, как страшную сказочку, эту историю послушала, да и забыла. Не интересно ей ничего в жизни было, кроме вышивки-шитья да пирожков с кухни.

Больше ничего экстраординарного, касающегося легенд и ужасов, за ночь не случилось. А с баней, в силу авторитета чистильщиков, и в самом деле все уладилось само собой, без участия Иринки и привлечения дополнительных финансов.

Глава 32

О случайных и несчастных жертвах

В путь отправились после завтрака; то ли преследования более не опасались, то ли решили проверить, не будет ли хвоста. Иринка в этом не разбиралась и с легкой душой перевалила вопросы планирования дороги и обеспечения безопасности на плечи мужчин. Ее головушке для помрачения рассудка хватало и знаков, которые с удивительным терпением разъяснял Диаль. Тот вещал:

– Да, моя лорра, эта загогулина, как ты выражаешься, похожая на корявое облако, означает сотворение охранного периметра знаком Деварда. Не круга, такой знак тоже есть, а именно периметра. Ее наносят и на здания, и на владения для защиты. Применение и сила воздействия на нарушителей будет изменяться в зависимости от знаков, помещенных рядом...

Границу людских земель с малым постом смешанной стражи миновали без досмотра. Хватило особой бляхи возницы. Мало ли какой секретный пакет везет громила-волк? Начнешь приставать, сам же на штраф и наскочишь!

Дорога в Валадаре хуже не стала, а вот постоянный двор, где собирались перекусить... м-да, оставлял желать лучшего. Если он и занял бы какое-нибудь призовое место на конкурсе, то разве что среди кошмаров по части антисанитарии. Никакого мощения внутри, умеренная грязь и замызганные родственницы кур, копающиеся в траве и мусоре, соответственно и гадающие там же, где вели раскопки.

Как и кем содержится двор и чем здесь кормят, выяснять Иринке не хотелось категорически, равно как и выуживать из еды насекомых вроде мух, в изобилии кружащихся надо всем великолепием. Шокированная омерзительным контрастом, девушка крикнула кучеру:

– Едем дальше! Может, в деревне купим свежего хлеба и молока!

Недовольное сопение Иринки объяснялось элементарно. Да, дочерью князя, если рассматривать аспект души, она не являлась, но физически тело, которое «носила» попаданка, оставалось тем, что принадлежало семье правителей. Поэтому Ивка буквально клокотала от злости.

Значит, ее за порог в ритуальный самоубийственный поиск выперли, пусть, ладно. С отцом неизвестно что приключилось, но мачеха-то с братцем на хозяйстве остались. Лорра Триавда так гордилась своим происхождением и сыном! Сколько раз читала нотации Ивке, что, дескать, именно она – супруга – ровня ее папеньке, а не неизвестно где сгинувшая беспутная мамаша Ивэйды. Чего ж они так все запустили? Или это не они, а еще отец? Ивэйда даже не пыталась вникать в заботы родителя, как и в кучу иных проблем. Но в памяти ее не осталось даже остатков мыслей о том, что лорр Валадара занимался чем-то, кроме сражений с чудовищами в чащах и укрепления рунных камней-застав. Вот и вопрос: а было ли оно, все другое? Или отец не разбирался в том, что не казалось ему важным? Правителем быть то еще ярмо, любая мелочь может боком выйти.

Мрачная и проголодавшаяся ехала Ивка до ближайшей от образчика антисанитарии деревеньки. К счастью желудка, недобрые предчувствия касательно грязи в любой точке княжества, как постоянной величины, не сбылись.

Деревня оказалась самой обычной, зато от околицы из окраинного дома тянуло таким вкусным запахом свежего хлеба, что рот невольно слюной наполнился. Припасы у путешественников были, но свежее лучше стоялого и лежалого практически везде, если не брать во внимание отдельные продукты вроде сыра и вина.

У околицы Фаррашир громко свистнул, призывая стайку ребятни, и, бросив несколько монеток медной чешуи ребятне, спросил:

– У кого свежего хлеба взять можно?

– У мамки моей! Она вкусней всех печет! – ловко словив медяшку, пискнула тощая белобрысая пигалица с толстенными косищами, опережая товарищей.

– Заплатим щедро! Пусть пару-тройку хлебов принесет! – пообещал возница, и довольная ребятня с гиканьем унеслась, сверкая голыми грязными пятками. Будто и не вампиры маленькие, а самые обычные человеческие детеныши.

Ждать долго не пришлось. Деньги – они везде деньги, а уж возможность подзаработать на ровном месте и вовсе заставляет сворачивать горы.

Еще нестарая женщина, очень похожая на малявку, особенно толщиной украшавшего голову венка кос, объявилась у дорожной

кареты с похвальной быстротой. В чистой тряпице принесла три пышных темных хлеба, источающих восхитительный аромат, дочурка ее перла кувшин. Иринка и Диаль пока разминали ноги у кареты.

– Ясных дней, звездных ночей, лорры, не побрезгуйте! Хлеб утром в печь ставила, молочко с ледника! – улыбнулась без заискивания, но с явным ожиданием материального вознаграждения за свои труды селянка.

Втянув носом воздух, Фаррашир одобрительно заворчал:

– Добрая пища! Берем, лорра?

Иринка полезла за деньгами. Зная примерные цены на продукты в Меладе, отсчитала монет вампирской чеканки аналогичного достоинства и передала в качестве платы за еду.

По-видимому, переборщила. Уж больно споро исчезли в тайном месте где-то на груди денежки, а по толкущейся чуть в отдалении горстке ребятни пронесся завистливо-восхищенный вздох.

– Повезло княжедурской мамке! Какие деньжищи отвалили!

Вспыхнув, женщина резко развернулась и напустилась на ребятню:

– Богов побойтесь! Ивка моя уж по последней звездной тропе ступает, а вы все злословите!

То ли пристыженные, то ли испуганные ребятки прыснули в разные стороны, а Иринка нервно дернулась, услышав знакомое имя. Почуввав ее реакцию, Диаль мгновенно напряжился и спросил, вкладывая в руку селянки еще монету:

– Ивка? Твою дочь звали Ивэйда?

– Нет, – грустно и устало вздохнула нестарая еще женщина. Впрочем, денежку прибрала. Не себе, так ребенку пригодится, так что нечего из себя корчить перед проезжими хранительницу великих тайн. – Мою хворую головой старшую дочь муж Ивардой назвал пред ликами богов. Хотели Селадару ее посвятить. Только скорбной она умом уродилась. Иначе как Ивкой и не кликали. Тело к пятнадцати годам как квашня рыхлым стало. Лишь ложку держать хорошо умела, да ничего больше. Едва пару слов мычала, зато забрести, коль не уследишь, могла куда угодно. Хорошо еще на имя свое и прозвище глупое «дурная княжна» откликнулась. Ни к какой работе, кроме сбора ягод и перебора круп, не способна была. За то и смерть приняла. Младшая моя Суль отвела тогда Ивку на полянку ягодную, как обычно

делала, сплела ей веночек с белыми зильками, вон как у тебя украшение, лорра, и оставила ненадолго. Искали ее потом, пропавшую, всей деревней. В овраге глубоком нашли, только по венку и признали. Видать, зверь какой задрал. И жалеть бы надобно, все ж дочерью была, а так отболело и отмучило, что лишь облегчение на душе. Пусть уж меня Лайшеалла за то судит.

Пока женщина вела свой нехитрый рассказ, по спине Иринки пробежали ледяные мурашки. Уж больно неприятным совпадением, да и совпадением ли, показалась ей гибель деревенской толстой дурочки.

Если все же за княжеской глупой дочерью отрядили кого для пущей надежности, то откликнувшуюся на собственное имя светловолосую толстуху в венке могли отправить на встречу с богами легче легкого. Просто банально спутав с объектом охоты. Оттенок волос был подходящим, комплекция и даже что-то общее в чертах лица проскальзывало. Да еще зильки вместо ядоцвета на голове.

Вроде как на землях Валадара права первой ночи не было, но заночевать и попользоваться не только домом, но и пышнотелой хозяйшккой по взаимному удовольствию кто-то из предков Ивэйды мог. Отчего нет? «Вы привлекательны, я чертовски привлекателен», – и вперед, на сеновал.

Свежий хлеб и молоко после короткой беседы с крестьянкой радовали только возницу. Иринка жевала почти машинально, размышляя о делах своих скорбных. Гибель несчастной дурочки, по времени очень нехорошо совпадающая с уходом княжны Ивки из родительского дома, и повеление богов вернуться...

Задумчив был и Диаль, от которого девушка не скрыла всех обстоятельств вышибания из замка на ритуальный путь. Говоря честно, шансы выжить на нем без охраны, без возможности совершить паломничество пусть пешком, но с чьим-то обозом, у недотепы-толстухи были. Но ведь Дайжен то ли сдуру, то ли от неумения и нежелания держать язык за зубами ляпнул: «Убирайся и сдохни!» Именно так, скорее всего, и должна была закончить свои дни глупышка Ивка. А она умудрилась шуткой Канатоходца выжить. Не та и не так, как могла, но тело-то вот оно. Начинка, правда, другая, но если даже боги возражать не стали, то и другим варезки прикрыть надо. И поди докажи, что она не та, за кого себя выдает! Да, похорошела. Но веночек из распустившегося ядоцвета, что еще листиком

малым от матери к дочери передается и лишь так венком расти может, на голове имеется, медальон тоже, память присутствует, любую проверку знаками крови пройдет...

– Моя лорра, боги не дают пути не по силам идущему, – в качестве утешения промолвил эльф.

Иринка промолчала в ответ. Пока на язык просились только слова из лексикона гоблинов, чей язык, наполовину состоящий из отборной брани, вампирочка усвоила вместе с кровью-кефирчиком полиглота Селрика.

Да, у нее есть активированный симбионт – венок из ядоцвета, очень ядовитая змея в качестве шарфика и эльф, проработавший на старинный эльфийский дом кем-то вроде устраняющего проблемы вместе с их носителями много дольше, чем она живет на свете. Но будет ли этого достаточно не только по мнению богов, а на деле для того, чтобы она, Иринка Ивкина, смогла выжить в змеином гнезде среди любящих родственничков? Тот же Дайжен, хоть и дурак дураком, может, чуть поумнее сгинувшей ни за что ни про что деревенской идиотки, но когти-стилеты отращивать в момент способен. Проткни ее такими разок-другой, и неизвестно, чем дело обернется. Ткнуть-то по-разному можно. А если в висок? Никакой дар Темного Искуса не поможет. Сила ее в другом, сумасшедшей регенерации к ней не прилагается.

И вообще, что именно хотела Звездная Четверка, отсылая ее назад? Столкнуть с неприятностями? Заставить что-то совершить? Или банально подставить и позабавиться, глядя, как будет выкручиваться? Беги, Ивка, беги! Делайте ваши ставки, звездные лорры...

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Иринка снова взялась за знаки. Теперь ради разнообразия на ее коленях лежал томик с толкованием символов Лайшеаллы. И Диаль, избранник Мертвителя, помочь с освоением не мог. Оставалось полагаться лишь на подробное описание и картинки.

Плавные линии причудливо извивались и навевали зевоту своими изгибами. Чтобы взбодриться, Иринка пальцем попробовала воспроизвести самый простой из знаков, отвечающий за туман. Зачем кому-то требовалось вызывать белесую сырость, которая и сама по себе у любого водоема имеется по утрам и вечерам, девушка понятия не имела. Может, ради маскировки? Или из чисто эстетических

побуждений? Эльфы странные, порой очень странные, настолько, что хочется сказать «на всю голову ушибленные», и чем старше, тем более ушибленные. И если Лайшеалла эту расу более прочих почитает, то и о ней мнение складывается неоднозначное. М-да.

Как бы то ни было, но вполне конкретный завиток веревки в три оборота, оканчивающийся махонькой петелькой, казался таким простым и невинным. К тому же в пальцах не было ни ручки, ни карандаша.

Одним словом, Иринка повторила туманный значок-веревочку Лайшеаллы на диванчике дорожной кареты почти машинально. Вслед за этим приподняло и встряхнуло карету, а в небесах, чистых и ясных, прогремел раскат грома, за которым последовал разряд ветвистой молнии, ударившей в дерево у обочины, испепеляя его.

Тропыгаи, хвала дрессировщикам зубастых зверушек, лишь чуть сбились с ноги, а потом и вовсе прибавили ходу, чтобы оставить тревожный участок далеко позади. Иринка выдохнула «упс» и втянула голову в плечи. Выдохнул и Диаль, а затем подчеркнуто мягко спросил:

– Скажи, моя лорра, какой знак Лайшеаллы ты ненароком воспроизвела?

– Легкий туман, – моргнула Иринка.

– И сколько в нем было ошибок? – еще вежливее и мягче справился эрр-оль.

– Ни единой, правда-правда, – покаялась девушка. – Я не знаю, почему получилось то, что получилось.

– Полагаю, дело в том, моя лорра, что ты принята обоими богами в равной степени, а знак надлежит насыщать силой лишь одного бога, – поразмыслив, предположил эльф.

– И что делать? Они сами меня посвящали, каналы выжигали по живому. Я же не смогу только чем-то одним пользоваться, чтобы другое не призывать. Или на это столько тренировок понадобится, сколько даже эльфы не живут.

– Продолжай учить знаки, моя лорра, чтобы уметь их толковать. Использовать же и не думай до тех пор, пока мы либо не подберем ключ к твоему умению, либо ты сама не прочувствуешь различие сил и не научишься их использовать выборочно, – постановил Диаль. А потом прибавил с едва заметной улыбкой философа-фаталиста: –

Или пока мы не окажемся в безвыходной ситуации, когда лишь убийственные знаки станут источником спасения.

«Последний довод – ядерный чемоданчик», – покивала своим мыслям, найдя ответ на вопрос, отчего ей так не хотелось рисовать и пробовать знаки, тогда как любой другой попаданец ревностно ухватился бы за возможность помагичить. Наверное, у вампиров Темного Искусства не только злодеи обретали вкус шоколада, но и инстинкт самосохранения был развит по самое не могу, чтобы обеспечить выживаемость древнего и очень редкого вида клыкастиков.

Для остановки на ночь все-таки удалось обнаружить приличный постоялый двор. Но, как заподозрила Иринка, его вид являлся скорее исключением из правил, нежели нормой. Во всем была виновата хозяйка. Тощая брюнетка с ярко-зелеными, совершенно кошачьими глазами, она так зловеще щурила их на нерасторопных слуг, скаля клыки, что те начинали работать с утроенной скоростью. Наверное, не хотели попасть на зубок хозяйке или, как вариант, напороться на штраф.

Съедобный ужин и чистые комнаты на постоялом дворе нашлись. На окнах даже висели занавески. Отдельных камерных залов для трапез, правда, не держали, но, пожелай гости, еду подали бы наверх в номера. Пристройка-купальня тоже имелась. Вот только развлекаться у Иринки никакого настроения не было. Смыть бы пыль дороги, которая скрипела на зубах, будто она не ехала, а шла пешком по шею в сухом океане...

Чувствуя состояние своей лорры, Диаль с ней не пошел, не маячил даже на периферии, создавая иллюзию уединения. Вода в купальне правда оказалась не горячей, а лишь хорошо теплой. Но на это девушке было плевать. Не ледяная, и ладно. Зато кадушка, в которую можно залезть, как в ванну, пусть сидячую, Ирине понравилась. У японцев вроде вообще такие кадушки в ходу по сей день. Мокрое дерево пахло терпко, чем-то похоже на хвою.

Переодевшись после купания в чистое, Ивка и чувствовать себя по-другому стала. Быстро прошла через мощеную площадку к зданию постоялого двора. Отдельного входа для посещавших купальню и просто желающих подняться на второй этаж в свою комнату, минуя зал с едоками и стойкой, за которой несла вахту хозяйка, не существовало.

То ли изначально не предусматривалось, то ли вампирка-кошка их демонтировала, чтобы не выпускать ничего и никого из вида.

«Какой кабак без доброй драки?» – вспомнилась присказка, когда над головой вошедшей Иринки просвистела кружка. Жестяная, легкая, пустая, но проверять, что чувствует голова при близком знакомстве с посудой, не хотелось. Пригнуться вампирочка успела, могла бы даже поймать предмет на лету, но не стала. Зачем сразу свои возможности демонстрировать? За нее посудину поймал возникший рядом Диаль. И очень недобро сверкнул глазами в сторону, откуда прилетела посуда.

Там в зале разгорался скандал, за которым владелица постоянного двора следила прищуренными от удовольствия глазами. Пока никто не пострадал, знака вышибале в углу не отдано, а вот если подождать чуток, то и счет за ущерб можно выкатить, и посетители развлекутся.

– Я и говорю – все! Хана Валадару! Князь гикнулся, наследница сгнула на ритуальной дороге. Беспольной девкой была! Наследник только на вид силен, а границы камней не удержит. В зал посвящения и носа не кажет. За мамкиной юбкой прячется. А кто рот раскроет, того за ворота без монеты вышвыривают! – вещал пьянувший вампир, держа за грудки другого, столь же поддатого типа.

Почему-то докладчик показался Иринке смутно знакомым и очень неприятным. Через секунду пришло и узнавание. Провокационные речи, подрывающие авторитет правящей семьи, вел тот самый бывший страж, который случайно стал у недотепы-Ивки первым.

С той поры он, судя по одежонке, несколько поиздержался и жизнью был потрепан. Глянула Иринка на того, кто походя девчонке судьбу поломал, и ничего в душе не дрогнуло. Неудачник, дрянь мужичонка. Не мужчина – болтливый язык и хрен на двух ножках. Она даже крови тошнотворной его пить не стала бы, хоть умирай от жажды. И Диалью про него тоже ни полслова не скажет. Одна как бы случайная обмолвка, и ее эльф раздавит этого гнуса, чтоб не вонял. Легко, как лесного клопа! Только после клопов руки долго пахнут, никакое мыло их запах до конца сразу не отмоеет, и не хочется вампирочке, чтобы ее эрр-оль марался.

Потому Иринка поступила по-женски коварно: сменила траекторию движения и высокомерно спросила у владелицы постоянного двора:

– У вас в обычаях в постояльцев кружки кидать, лорра? Что ж не предупредили? Я бы до следующего заведения предпочла проехать! Мой эрр-оль очень нервно реагирует на любую, даже призрачную опасность. А к чему нам горы трупов и море крови? От них так скверно отмывается даже каменный пол и деревянные лавки...

– Я могу их всех убить, моя лорра-оль? – поддержал игру Диаль вместе с переставшей казаться шарфиком Марусей. Или это не было игрой? В голове у древнего защитника все было устроено весьма причудливо и в кровавых тонах.

Глубочайшее почтение в голосе возникшего за спиной Ивки эльфа мешалось со столь же глубочайшим презрением к чужой жизни, тем паче к жизни скудоумных идиотов, побеспокоивших главу Дома Шипоцвета. Маскарадница же Маруся даже не шипела, она только глянула на вампиршу, и гибкий язычок змейки ощупал воздух у клычков.

Владелица постоялого двора к категории скудоумных идиотов не относилась и жить хотела, даже жить хорошо. Перед многоуважаемой лоррой-оль рассыпались в извинениях. Парочка вышибал, повинувшись движению пальца хозяйки, двинулась к пьяным спорщикам. Не прошло и десяти минут, как буяны оказались биты для профилактики и выкинуты за пределы постоялого двора вместе с пожитками без возмещения уплаченного. Вот такая месть, пожалуй, пришлась Иринке по душе, равно как и извинительный ужин и бутылка хорошего вина от хозяйки. Не бесплатно, конечно, но с греющей карман скидкой.

Утром двинулись дальше. Следя за дорогой, Фаррашир был скорее хмур, чем невозмутимо спокоен. Время от времени тучка набегала и на чело Диалю, вновь терпеливо вбивающего в голову лорры основы знаков Деварда. После эффектного выхода с молнией изучение знаков Лайшеаллы эрр-оль просил пока оставить. И настоятельно рекомендовал, читай запретил своей лорре-оль практиковать что-либо, чтобы опытным путем проверить эффективность и действенность. Дважды принятой воистину не стоило шутить, рисуя дарованные знаки.

Если раньше он просил бы лорру не рисковать, чтобы случайно не исказить начертания, то теперь, при осознании опасности активации двойной божественной силой, угроза лишь возрастала.

Кстати, насчет неучей, искажавших знаки по злему умыслу или чисто случайно... С последними Звездная Четверка обыкновенно поступала особенно жестко: неправильный знак, трактуясь по кривизне самым опасным образом, наливался силой и активировался. Зачастую это было последним, что испытывал в своей жизни горе-чертежник. Так что аккуратность и осторожность были первыми постулатами, вбиваемыми в голову новоиспеченным посвященным. Возможно, потому так немного находилось желающих серьезно осваивать знаки богов, вроде бы доступных каждому посвященному. Чего уж тут сложного? Найдешь нужные книги, учителей – и вперед! Ан нет, желающих рисковать своей шкурой, играя со смертельно опасной силой, находилось немного. Одна ошибка, может, даже случайная описка, и привет – ты не посвященный бога, а чудовище, труп или чего похуже...

Помня свои личные впечатления от посещения храма и общения с высшими созданиями, Иринка мгновенно поверила в рассказ-предостережение. *Эти* могли так поступить и поступали. Обычный божественный отбор: дуракам нет места в деле владения силой. Так-то попаданка где-то даже была согласна, лишь в веселой песенке попытка сделать грозу оборачивается козой и вызывает улыбку слушателей. Не умеешь, не берись, чтобы плакать не пришлось всем.

Словом, теперь над попаданкой висели даже две проблемы изучения знаков. Если о первой (неправильный чертеж равно большим, порой смертельным проблемам) она уже знала относительно давно, то после вчерашнего эксперимента обрела знания и о второй напасти: правильный чертеж знака одного бога плюс сила двух богов равняется очень большим проблемам.

Учитывая все известное, Иринка решила быть предельно осторожной. Ей совершенно не хотелось попадать в число злополучных неумех-неудачников. Поэтому сейчас она только слушала своего ментора и даже кончиком пальца не рисовала знаки в воздухе. Она пыталась слушать внимательно и отвечать на вопросы учителя. Если ошибалась, Диаль поправлял снова и снова. У самой бы девушки давно уже кончилось терпение и желание возиться с тормозящей девицей, но, на ее счастье, запасы выдержки эльфа оказались поистине неистощимы.

Глава 33

Такая вот засада...

К обеденной поре подходящего местечка для трапезы под крышей не отыскалось. И Иринка предложила остановиться на путевом пятачке, оборудованном у дороги. Скамьи, родник с чистой водой, тень деревьев – вполне милое место. О том, что именно на одном таком ей и повстречалось голодное чудовище из чащоб, решившее, что путевой пятачок предназначен для его кормежки, попаданка предпочла забыть. В конце концов, это было давно, и она была беззащитной одиночкой путницей, над которой только что объявления не светились: «Жертва, кушать подано!»

Припасы из корзинки разместили на каменной скамье, между Диалем и Иринкой. Фаррашир, подвесив к мордам тропыгаев мешки с кормовой смесью, присоединился к компании.

Девушка ела и поглядывала на своих сосредоточенных компаньонов с некоторым недоумением. Те выглядели так, будто не на природе пикник устраивают, а с минуты на минуту ожидают подлянки. Слишком уж нарочито расслабленными были их лица и ленивыми движения. Глядя на них, начала психовать и Иринка. Наконец, едва не подавившись булочкой, она прошипела:

– Скажите же наконец, что у нас плохого!

– Ничего, – невозмутимо улыбнулся эльф. – Не стоит тревожиться, моя лорра. У нас, полагаю, сейчас всего лишь попытаются угнать карету.

– Или ограбить, – с некоторым удовлетворением выдвинул свою версию Фаррашир, как почти всякий оборотень он ничего не имел против доброй драки. Потянул носом воздух и сообщил: – Запах знакомый. Эти ребята вчера на постоялом дворе отирались, пока их прочь не вышвырнули.

– О как... – протянула Иринка и тоже перестала беспокоиться. Обычные бандиты, даже вампирские, могли стать для ее эрр-оля и возницы-оборотня лишь легкой приятной разминкой.

Бутерброд из ветчины, сыра и какой-то местной разновидности хрустящего листового салата создал шумовую завесу, из-за которой

вампибочка прошляпила начало разбойного нападения. Вчерашняя парочка драчунов и примкнувший к ним неизвестный златовласый тип ринулись к мирно жующим тропыгаям.

Двое из троицы бандитов наставили на трапезничающую компанию арбалеты с сакраментальными словами о ценности жизни и обещанием послать стрелу в первого, тронувшегося с места. Третий член банды – к удивлению Иринки, оказавшийся эльфом, – попытался ухватить переднего ящера за уздечку. Затея эта провалилась на начальном этапе реализации. Отбросив одним махом зубастой морды мешок с кормом, вроде как совершенно миролюбивый тропыгай встал на дыбы. Из передних лап выдвинулись лезвия когтей, и незадачливый работник ножа и топора отлетел, разбрызгивая кровь из пропоротой руки, в ближайшие придорожные кусты. И все бы ничего, да только приземлился он точнехонько на дорожный охранительный камень и на нем забился в конвульсиях, щедро орошая все вокруг живительной влагой.

Дальнейшие события слились для Иринки в череду картинок-мозаик калейдоскопа, куда по ошибке засыпали только красные стеклышки всех оттенков. И проходили они под маркировкой восемнадцать плюс вообще не из-за порнографического содержания.

Раздался торжествующий рык, и рядом с раненой жертвой возникли очертания микрика. Одного из чудовищ вампирских лесов, сливающегося цветом шкуры со средой. Видом он походил на отрастившую ноги змею, или, если вспомнить мифы Древней Греции, на одноголовую гидру. Видимым монстр становился лишь в момент трапезы.

Товарищи эльфа-тропыгаекрада, к остаткам их чести или, быть может, здравого смысла, резко сменили ориентиры для стрельбы из арбалетов. Они дуплетом выпалили в микрика. И куда-то даже попали, но попали скверно. Причем не для микрика, для себя. Монстр с чуток поцарапанной шкурой издал звук прохудившегося шланга и рванул к обидчикам.

От одного чудища среднемонстрячьих габаритов арбалетчики, оперативно сменив стрелковое оружие на холодняк, может, и отбились бы. Но шипение послужило стартовым сигналом для еще трех тварей: одного микрика размерами поменьше и пары хвостоколов.

Сверкая жадными золотыми глазами, твари с характерным пощелкиванием и шипением рванули к добыче. Удары когтей и шипов на хвостах слились в симфонию торжества смерти. Грабители с большой дороги умерли так же нелепо, как жили. Но, в отличие от бесплодной и бесцельно прожитой жизни, их смерть оказалась полезной.

Она дала возможность Диалю и Фарраширу подготовиться к сражению. Эльф вооружился, оборотень принял исходную форму, разом прибавив в габаритах. Оружием ему служили собственная пасть и невероятно острые и длинные когти, способные поспорить в своей смертоносности с чудовищами. Иринке никакого оружия не досталось. Да и что бы она могла против таких монстров рядом с... другими монстрами? Нет, она и сама в некоторой степени являлась чудовищем и острую железку из арсенала покойного лорр-оля Дома Шипоцвета таскала на поясе, но что может одна железка против кучи монстров, если ты не чистильщик? А сила и дар вампира Темного Искусца были заточены на применение к разумным созданиям. «Съесть» чудовищ из леса Иринка не смогла бы. Разве что попробовать надкусить? Или натравить на них пушистую Марусеньку. Вроде бы ее предостерегающее шипение хранило хозяйку на лесной дороге. Но неизвестно, насколько подействует этот сигнал на разгоряченных схваткой и почуявших кровь монстров. И если не подействует, то сработает ли мощный яд маскарадницы на тварей из чащи? А если подействует, то сразу же, то есть моментально, или бьющееся в агонии чудовище успеет прихватить с собой убийц?

И стоит ли в таких условиях, считая их критическими, попробовать реализовать знак тумана? Или все-таки предоставить возможность сражаться мужчинам? Тысячи мыслей проносились в голове растерявшейся девушки.

Между тем Диаль и Фаррашир не дали ей проверить эти гипотезы. Они закрыли вампирочку собой, синхронно бросаясь в кровавую карусель схватки. Очень хотелось Иринке зажмуриться и представить, что все это сон и сейчас она проснется, но зажмуренные глаза вкупе с рыком, визгом, щелканьем ядовитого хвоста, хрустом и влажным хлюпаньем заставляли бояться лишь сильнее. Поэтому Иринка держала глаза открытыми. Кровавая круговерть все равно сливалась в такой дикий вихрь, что различить, кто, где и что делает,

становилось почти невозможно. Зато она чувствовала главное: пульс сердца Фаррашира и Диалья, видела, что они двигаются, а значит, живы.

А потом вдруг резко стало очень-очень тихо. Лежали три малые окровавленные кучки вместо бандитов и четыре груды много больше размерами, оставшиеся от монстров. Красной вокруг была трава, кусты, а эльф и оборотень, окрашенные в столь же красной гамме, на ногах (Фаррашир уже успел принять прежний двуногий облик) стояли чуть поодаль. Правда, не очень твердо, чуть покачиваясь от усталости. Им пришлось изрядно выложиться. Или качались не только и не столько от усталости?

– Хорошая была драка! Дальше вы сами, без меня, – довольно оскалился Фаррашир и упал бы, не подставь ему эльф надежное, пусть и изящное с виду плечо.

– Тебя сильно задели? – обеспокоился Диаль.

Вместо ответа оборотень отвел руку, которую прижимал к груди, и продемонстрировал дыру с обожженными ядом хвостостола краями. Отрава запекала кровь, не давая ей течь, но размер раны и ее вид говорили сами за себя – после такого не выживают.

– Тропыгаи будут вас слушаться, – прохрипел оборотень и резко не то прищелкнул, не то присвистнул, явно отдавая команду дрессированному животным. – Убираться отсюда надо, пока на запах крови иные твари не набежали. Не упустят монстры такой роскошной трапезы!

– Лорра?.. – проговорил Диаль, разом спрашивая обо всем.

И самое главное, Иринка поняла, что хочет сказать ее эльф.

– Фаррашир прав. В карету его клади, попробую полечить, не знаю только, подействует ли после чудовищ, а сам садись за кучера и делаем отсюда ноги, – согласилась Иринка, радуясь уже тому, что эрроль ухитрился выйти из битвы с монстрами без единой царапины. Лечить и его, не сорвавшись в безобразную истерику от волнения, она бы, наверное, не смогла.

Изящный эльф с удивительной легкостью подхватил и понес умирающего оборотня к карете. Яд хвостостола явно обладал анестезирующим действием, потому что волк еще умудрялся ругаться, призывая носильщика бросить его и валить вместе с дамой как можно скорее. Диаль, игнорируя эти разумные призывы, пересыпанные

отборной бранью, бережно принес раненого в карету и сгрузил на пол. Сидение то ли пожалел, то ли рассудил, что Иринка не сможет удержать умирающего на диванчике.

Вслед за Фарраширом место в карете заняла Иринка, эльф тем временем освободил тропыгаев от мешков с кормом и, запрыгнув на место возницы, прищелкнул языком, подавая сигнал к движению.

Вампирочка-попаданка опустилась на колени рядом с оборотнем и обреченно вздохнула. Опять кефир! Ладно, чего выпендриваться, ей жизнь спасли, значит, надо сейчас отплатить тем же. А кефир... ну что кефир, не помой же, и шея у волка чистая, не считая кровавых брызг.

Несколько осторожных глотков горько-перченой крови едва не заставили Иринку отдать завтрак, обед и даже вчерашний ужин обратно. Настоящий вкус клубничного кефира появился спустя шесть глотков. Фаррашир, распростертый на дне покачивающейся кареты, дышал прерывисто и редко, отравы все еще гуляла в его крови, но вот на языке у Ивки остался только чистый вкус кисломолочного продукта, и оборотень издал первый довольный даже не стон, вздох. Массивное тело его расслабилось, отдаваясь во власть вампира Темного Искуса. А потом плавное покачивание на волнах удовольствия перешло в целительный сон.

Иринка как была на полу, так и осталась сидеть, привалившись к диванчику и чувствуя, как дрожь пробегает по спине и рукам. Кажется, где-то рядом ходила истерика, но почему-то на огонек не заглянула. То ли боги помогли, то ли сил истерить после всего у девушки не осталось. Борьба с ядом монстра стоила ей дорого. Все накрывал какой-то туман апатии. Ивка еще нашла в себе чуток сил заползти на диванчик, свернулась там клубком и отключилась.

Проснувшись она от ласкового поглаживания по щеке и мурлыканья Маруси под боком. Карета стояла, Фаррашира не было, но его гудящий что-то любимым тропыгаем голос слышался неподалеку.

– Тебе надо поесть, моя лорра, – с безграничной нежностью промолвил Диаль.

– Наверное, – согласилась Иринка.

Сон взбудрил ее, заодно, к сожалению, ушла и хмарь безразличия. Девушка вспомнила нападение тварей и снова начала безотчетно тревожиться.

– Чудовищ поблизости нет, – успокоил эльф свою лорру-оль.

– Что, конечно, радует, – согласилась Иринка, с хрустом потягиваясь. – Но то, что стаи монстров спокойно выходят на дорогу, чтобы закусить путешественниками, не радует совершенно.

– Бандит упал на защитный камень и повредил его, – напомнил важный факт Диаль.

– Так-то оно так, но если бы сеть охранных камней была сильна, то повреждение одного не сыграло бы значительной роли, – резонно возразила Иринка, которую пусть никогда этот аспект княжеских обязанностей и не интересовал, но поневоле отдельные моменты коснулись даже девственно-чистого разума Ивэйды, озабоченного лишь едой повкуснее. Защита Валадара от проживающих в лесных дебрях под боком у населения княжества чудовищ лежала главным образом на князе. Именно он в ритуальном зале замка принимал на себя миссию защиты. Его несокрушимой волей и могуществом она держалась, питая и дорожные охранные камни. По сути, эти камни, установленные близ городов, деревень и вдоль дорог, и составляли единую сеть барьера, отгораживающую монстров от валадарцев. И пока правитель был в силе, никто даже не задумывался о существовании этих самых барьеров, принимая их как должное. Зато теперь, после показательного выступления стаи голодных чудовищ, в голове у Иринки бродили очень недобрые мысли, а в душе поселились предчувствия. И предчувствовались попаданке вовсе не банки варенья и корзины печенья.

– Замыслы богов неведомы нам, лорра, но, мнится мне, повеление тебе прибыть в княжество имеет связь с происходящим.

– Если какая-то неприятность может случиться, она случается, – согласилась девушка, выпрыгивая из кареты.

Тропыгаи наконец-то смогли поесть хорошенько, без отвлечения на угонщиков. Фаррашир, считай, вытащенный вампирочкой с того света, взирал теперь на девушку с нескрываемым благоговейным восторгом. Ничего чувственного в его отношении не было, так скорее верующий смотрел бы на статую божества. Теперь-то оборотень до конца понял, почему ему поручили заботу об Ивке, и собирался исполнить задание вожака любой ценой.

– Не опасно лорре в замок-то княжеский ехать? – осторожно спросил оборотень у эльфа.

– Она должна. Боги направили, – просто ответил Диаль и, чуть помолчав, прибавил: – Мы будем рядом.

На это волк только мотнул в знак согласия кудлатой головой и почесал лоб тропыгая, млеющего от небрежной ласки. На ездовых ящерах встреча с чудовищами никак не сказалась. Как бежали они невозмутимо по дороге, так и продолжали. Родовой замок неумолимо приближался, а с ним и новый этап Иринкиной судьбы.

Того, что ее не признают, девушка не особенно опасалась. Медальон с родовым именем – будущий знак бога – надевают ребенку при рождении, и подделать его невозможно. А на нем не только имя божества, на обороте и имя носителя гравировано. Другое дело, что впустить-то Ивку в замок впустят, но как примут мачеха и братец? Вряд ли с распростертыми объятиями и заверениями в бесконечной родственной любви, орошая грудь слезами умиления. Впрочем, а она ей нужна, эта любовь? Нет. Для этого у нее Диаль имеется. Так что заедет, отметится – и назад в Мелад, в родное подземелье и свитый из лоз ядоцвета домик. А в храм, конечно, заглянет отчитаться: «Все, небожители, квест сдан!»

Теперь-то, кстати, Иринке стало понятно, куда и зачем направлялся ввалившийся в баню ведьмак или, как его по-местному кличут, чистильщик. Может, его и не вызвали по официальным каналам, но эти специалисты или их руководство каким-то образом сами получали вести о необходимости присутствия на месте профессионала по части истребления тварей и монстров. Пожалуй, знай Иринка, с чем им придется столкнуться на дороге, сама бы место сероволосому типу в карете предложила. Своими соображениями она поделилась с эльфом, и тот согласился со всем, кроме одного момента.

– Тропыгаи бы его не повезли, не признают ящеры чистильщиков подле себя. Звери не всякого зверя к себе подпускают, – глубокомысленно промолвил Диаль. Презрения к чистильщикам в его голосе не было, скорее признание факта принадлежности этих созданий к некоей особой разновидности, той, что трактовалась иными животными как «очень опасный зверь».

На дорогах путешественники встречались в избытке, княжество жило, вот только с самой дороги даже на обочину никто старался не сворачивать. Диаль обратил на это внимание своей лорры. А значит,

хоть чудовища все еще не переступали защитного полога, но вблизи его уже могли доставить беспокойство. Или фатально поразить.

Глава 34

Милый дом?

Думая о замке как о доме Ивэйд, Иринка не то чтобы откровенно нервничала, но неуютно себя ощущала, спору нет. Все-таки в этом холодном для души месте росла одинокой и несчастной, не ведая о том, что она на самом деле несчастна, потому что не ведала и иного состояния души, девчушка Ивка. Именно там ее травили и унижали, оттуда выгнали прочь на смерть и, пожалуй, именно этот факт повлек за собой все остальное. Бегство в чаще куда глаза глядят, алтарь Вейхо и его выходку, поменявшую души Иринки и Ивки местами. Что ж, пусть бедолага Ивэйда там, на месте Иринки, будет счастливее!

Все хорошее, что могла сказать Иринка Ивкина о родительском доме – замке князя Валадара, умещалось в одном слове: монументальный. Плохого было куда больше: серый, унылый, промозглый, темный и прочее... В общем, сооружение на холме, к которому подкатила дорожная карета наместника Келдирета, радостного подпрыгивания сердца не вызвало.

И чем ближе был замок, тем безлюднее казалась местность. Одинокие путники исчезли вовсе, а к обозу, ошестинившемуся оружием, и сам Фаррашир не стал подъезжать на всякий случай.

Стражи в полном доспехе на стенах, закрытые наглухо ворота большие и малые удивили. Обыкновенно держали открытыми хотя бы малые. А уж стражу в полной выкладке Ивэйда и вовсе привыкла видеть только по праздникам, по случаю приезда особо важных гостей и прочих исключительно торжественных случаях. Может, сегодня как раз такой? Но почему тогда ворота закрыты наглухо?

– Эгей, ясных дней, звездных ночей! – раскатился по окрестностям мощный глас Фаррашира. – Ворота открывайте, лорра Ивэйда Валадарская изволила посетить отчий дом!

– Лорра Ивэйда? – удивленно, недоверчиво, но со странной надеждой, цепляющейся над бездной отчаяния, произнесли на стенах.

– Именно, – откликнулась из кареты Ивка, отдергивая занавеску и показывая головку в характерном венке из расцветшего в полную силу

ядоцвета. – Я завершила ритуальный путь в храме Звездной Четверки, была принята богами и вернулась.

– Сию секунду, лорра! – теперь в голосах на стенах слышалось непонятное ликование.

И прежде чем ворота оказались отперты, крики о том, что лорра Ивэйда – вернулась! вернулась! вернулась! – прокатились по замку. Провожать Ивку-толстую не вышел никто, если не считать маячившего в окне братца, сияющего злобным торжеством, и безразличных стражей на воротах. Встречать собрались все, кто был способен если не бегать, то идти или хотя бы ковылять.

«Ничего не понимаю!» – пробормотала себе под нос Иринка, отчетливо ощущая под всей этой радостью грандиозную подье... то есть подвох. Оставался, правда, вариант с попаданием в альтернативную реальность, где княжна была любимым ребенком и баловнем всего Валадара, но в это верилось еще меньше, чем в благотворительные порывы Звездной Четверки небожителей.

Практически каждый из собравшихся был ей знаком. Ни от одного из них искренней любви и радости Ивэйда никак не ожидала. И вот еще странно: ни мачехи, ни сводного брата среди здешней публики не было видно. Впрочем, это-то как раз ни капельки Иринку не удивило. У них-то радость от лицезрения блудной Ивки при всем желании изобразить бы не вышло, хоть морда поперек тресни.

– Наша лорра! Как изменилась! Какая красавица стала! Наша лорра, наша защитница! Худенькая-то какая! Дубина, не худенькая, а изящная! Княгиня! – прокатилось по толпе. Кто-то всхлипывал, кто-то смеялся, кто-то откровенно ликовал.

И это, вкупе с именованьем «княгиня», не понравилось Ивке еще больше. Прямо скажем, совсем не понравилось. Конюхи суетились у дорожной кареты и готовы были чуть ли не лобызать зубастые морды тропыгаев и возницу-оборотня заодно.

Найдя взглядом лорра Шетсара, правую руку покойного папеньки, управляющего замком, Иринка в сопровождении неизменного Диаля промаршировала к нему и спросила в лоб:

– Где лорры Триавда и Дайжен, лорр Шетсар?

Кажется, этим невинным вопросом девушка попала не в бровь, а в глаз. Гладкое лицо без возраста на долю мгновения исказилось в гримасе. И ни толики уважения, какое приличествовало бы от

подчиненного, пусть даже высокопоставленного подчиненного, на этом лице не было видно. Скорее брезгливое возмущение.

– Лорра! – А вот по отношению к девушке, столь разительно изменившейся за столь краткое для прожившего века мужчины время, в голосе Шетсара проскользнула толика уважения и... опять-таки некая смутная надежда.

Вампир склонил голову, длинные черные волосы, скрепленные совершенно седыми косицами на висках, колыхнулись.

– Я отвечу, но прошу, проследуем в кабинет.

Топтаться во дворе, слушать массу глупых вопросов и бултыхаться в болоте непонятого восторга Иринке не хотелось, поэтому предложение она приняла с облегчением. Диаль снова тенью двинулся за ней. И – о чудо! – управляющий, обменявшись с эрр-олем всего одним взглядом, не стал задавать глупых вопросов вроде «что здесь делает эльф?» или тем паче предлагать эльфу остаться постоять в коридорчике за дверью, пока он беседует с лоррой.

Пришли они не в кабинет управляющего, вовсе нет. Шетсар привел Иринку в кабинет отца, отомкнув его перстнем-ключом, висящим на шейной цепочке. Одно это уже сказало Ивэйде многое. Дайжен почему-то не князь и даже не наследник, иначе ключ был бы у него, по той же причине мачеха не регент. А вот почему так? Что ж, кажется, старый вампир как раз собирается поведать ей об этом.

Шетсар с полупоклоном предложил Иринке садиться в княжеское кресло во главе стола, а сам сел в кресло посетителя по другую сторону массивной мебели с аккуратными стопами бумаг, дорогим письменным прибором и зеркалом связного – артефактом непомерной ценности.

Раз предложили и другого места для приземления не оставили, девушка села и с ожиданием уставилась на вампира. Тот, собравшись не то с мыслями, не то с духом (хотя Ивка никогда не видела старого советника оробевшим или нерешительным), промолвил:

– Лорра Ивэйда, позволь мне приветствовать в замке истинную наследницу князя Валадара!

Иринка в ответ вопросительно приподняла бровь. Дескать, что-то ты раньше не рвался меня в наследницы зачислять и вообще как к пустому месту относился.

– Я вижу пробужденную кровь Темного Искуса, наследия твоей великой матери. Ты доказала свое право и силу! К сожалению, лишь ты из двух потомков моего сгинувшего в чашах лорра. Дайжен потерпел сокрушительное поражение.

– Он не прошел ритуальный путь? – искренне удивилась Иринка. Неужто братец по дороге напился на радостях и сломал шею в ближайшей канаве?

– Он не ступал на традиционный ритуальный путь, моя лорра, – покачал головой Шетсар, и неприкрытой болью исказилось лицо старого вампира, будто треснула лаковая маска. – Дайжен по праву наследника мужского пола сразу ступил в ритуальный зал замка, чтобы доказать свою силу и право владения Валадаром, взяв под контроль сеть сдерживающих камней через алтарь. И он... проиграл. Увы, моя лорра, на кону оказалось не только право юноши на титул князя. Не справившись с силой центрального камня, Дайжен сам обернулся монстром. Ты знаешь, из ритуального зала не доносится ни звука, а двери его крепки, ибо рунные засовы стоят снаружи и изнутри. Когда истекли все возможные сроки ожидания, лорра Триавда своей властью приказала отпереть дверь. Стражи подчинились ей. То, что вырвалось из зала, уже не было твоим братом, моя лорра. Это было одно из чудовищ наших чаш.

«Упс, а о таком его точно никто не предупреждал!» – со смутным злорадством мысленно усмехнулась Иринка. Впрочем, это чувство мгновенно исчезло, потому что Шетсар продолжил:

– Все шестеро стражей почетного караула легли там, пытаюсь удержать монстра. Твоя мачеха тоже была вынуждена биться с тем, во что превратился ее сын. Она единственная выжила, смогла поднять тревогу и удерживала монстра до тех пор, пока не подоспела помощь стражи. Но раны ее были столь страшны, что, увы, лорра, оправиться ей не суждено.

«Блин... уезжала из замка, вернулась, считай, в семейный склеп», – растерянно подумала Иринка. Спустя секунду-другую до нее дошла вся глубина божественной подставы от Звездной Черверки.

Дайжен – покойник, мачеха, если верить Шетсару, считай, тоже обеими ногами там, отец мертв давно, иных наследников в княжестве нет. Значит, что? Теперь ее очередь идти в зал и превращаться в монстра? Резко захотелось сбежать из кабинета, найти Фаррашира,

просить его запрячь тропыгаев и мотать из Валадара, покуда ее силком принимать бразды правления не отправили.

Идти на смерть ради призрачного шанса порулить княжеством, когда ей этот руль нужен как корове седло, Иринка совершенно не собиралась. На фига? Нас и в Меладе неплохо кормят, поят, одевают и вообще...

Словом, больше всего на свете девушке сейчас захотелось подхватить юбку и сбежать из отцовского кабинета, замка, княжества. Увы, искренний восторг, надежда и ожидания обитателей замка получили свое неприятное трезвое объяснение. Именно неприятное, и точка! Иринка-попаданка наивной клушей Ивэйдой не была. Она совершенно ясно понимала: добром ее отсюда не выпустят. Княжеству нужен правитель княжеской крови. Никто иной в ритуальный зал войти не сможет. Легитимность правления, чтоб ее за ногу! А значит, или она, Иринка, спешно находит другого кандидата (знать бы еще, где искать), или ее не мытьем, так катаньем попытаются взгромоздить в неудобное кресло. И перстенок главы Дома Шипоцвета тут не пляшет, если даже им перед вампирами вместо флага махать. Клыкастые всегда на эльфов класть хотели.

Пока она не желала демонстрировать перстень Дома, его и не видно чужакам, но даже если узрят, то валадарцы на него с легкостью наплюют. Мало ли в каком месте их Ивка еще глава? Чихать они на это хотели, вернее, наоборот, хорошо – если там сумела, то и здесь справится, а потому вперед, будущая лорра-оль, и с песней к ритуальному залу! Спасай Валадар, наследница!

Нет уж! Ну чего стоило Дайжену выжить и править, а? Он ведь так хотел этой власти, так гордился тем, что сын князя. Был... И весь вышел. Уж лучше бы он и впрямь вышел из ритуального зала на своих двоих прежним крутым самодовольным вампиром. Пусть бы сейчас обливал Ивку презрением, намекая, что сестрице, пусть она хоть тысячу раз вампир Темного Искуса, здесь не рады. Пусть бы мачеха, нацепив на лицо лицемерную улыбочку, вторила хаму-сыночку ядовитыми намеками. Воистину все познается в сравнении. Своей неудачей с залом эти двое подставили бедную Иринку не на шутку. И выхода она пока не видела никакого.

– Ты уверен, лорр, что раны лорры Триавды неизлечимы? – тактично осведомился Диаль, стоящий все это время за левым плечом

своей лорры-оль.

– Воистину лишь сила воли удерживает ее перед звездной дорогой, – сказал Шетсар. – Она все еще ждет вестей о сыне.

«Так, стоп, а он разве не помер?» – мысленно охнула Иринка, и, отвечая на не высказанный ею вопрос, управляющий произнес:

– Стражи смогли вытеснить монстра из замка в леса. Убить его они оказались не в силах. Да что стражи, я бился с ним и сам едва уцелел. Кошмарная сила и скорость регенерации. Я отправил весть чистильщикам. Если в ближайшее время не появится их отряд, придется собирать стражей и всем выходить на охоту. Передвигаться по дорогам стало практически невозможно. Если так пойдет и дальше, княжество опустеет! Орд-страж Гайвер с отрядом патрулирует окрестности замка, но в лесах с чудовищем они не сладят!

«Ага, так вот откуда ноги у заказа растут», – щелкнула мысль у Иринки. Судя по всему, для оформления заявки лорр воспользовался вызовом через зеркальный артефакт. А пока замок пребывал, считай, на осадном положении. То-то здорового вампира Гайвера – папочкиного напарника по битвам – среди встречающих не оказалось! Бдит в окрестностях. И, кажется, чуток запоздало дошло до попаданки, обитатели замка не только радовались ее приезду, а еще и удивлялись, почему Ивку по пути братец не схарчил. То ли побрезговал по старой памяти, то ли кого другого доедал, не успел закуску догнать.

Управляющий, поведав наследнице все «радостные вести», замолчал и, сняв с шейной цепочки-хранителя перстень наследника, протянул его Ивэйде. Лишь после визита в зал и подчинения своей воле главного управляющего камня наследник получал перстень князя. Эта еще более массивная побрякушка с серым камнем тоже висела на цепочке рядом с перстнем наследника.

Знак наследника брать отчаянно не хотелось. Почерневший от времени серебряный ободок со сверкающим синим камешком, казалось, смеялся над девушкой, подмигивая ей. Иринка уставилась на титульное украшение, как на ядовитую змею. Хотя нет, на Марусю, сейчас тихонько укрывшуюся у нее за пазухой в качестве суперсекретного оружия последнего шанса, вампирочка смотрела с куда большей теплотой и нежностью. А этот перстень... Стоит его только надеть, обернется жерновом, способным утащить девушку в омут. Как в сказочке про Аленушку и козлика. Попытки надеть его она

даже не сделала. Хватит, один уже примерила. Не то чтобы вышло плохо, но контроль над ситуацией она тогда потеряла. Мысли лихорадочно заметались, подыскивая приемлемый выход, оправдание для отсрочки. – И банг! – идея нашлась.

– Я хочу повидать мачеху! – торжественно объявила Иринка, отодвигая перстень на середину княжеского стола.

– Разумно, моя лорра, – согласился с политически верным жестом Шетсар. Сначала беседа с регентшей, потом примерка аксессуаров – заявки на главенство. Он встал, чтобы проводить наследницу к больной. Диаль тенью скользнул следом. Громадный Фаррашир, стоящий вместе со стражей за дверьми в качестве эскорта второго уровня для лорры, тоже двинул с ними к апартаментам мачехи. Внутри все они не пошли, к даме в неглиже не положено. Остались у дверей почетным караулом.

Иринка зашла к больной лишь в сопровождении Шетсара. Нет, не к больной, все-таки к умирающей. Так пахнуть и выглядеть живые не могут – мгновенно поняла Иринка, едва переступила порог роскошной ало-серебристой спальни, где уложили покалеченную в сражении с сыном-монстром женщину.

От гордой красавицы, когда-то шпынявшей и обливавшей презрением толстушку-падчерицу, не осталось ничего. Сейчас Иринка видела изломанную старуху, каким-то чудом еще цепляющуюся за жизнь, удерживающуюся на самой грани. В сражении ее не только искалечили, полузажившими ранами от когтей и клыков пестрело тело. Куда хуже, что лорре перебили позвоночник и ее парализовало. Вампирская регенерация с травмами от чудовища не справилась. Женщина оказалась обречена на полную неподвижность.

– Лорра Триавда, лорра Ивэйда прошла ритуальный путь, вступила в наследие Темного Искусца и вернулась в замок! – негромко, но четко объявил с порога управляющий, давая знак сиделке уйти из комнаты. Та мгновенно повиновалась.

Поднялись тяжелые веки. И глаза, живые, сверкающие, как камень в перстне князя, а не тусклые стекляшки, уставились на Ивку. Бескровные губы каркнули:

– Оставь нас, Шетсар. А ты подойди...

«Блин, чувствую себя Джейн Эйр у постели тетушки Рид!» – мелькнула у Иринки Ивкиной нелепая мысль.

Но делать нечего, надо! Потому что идею следовало попробовать воплотить в жизнь, и желательно поскорее, пока старушка не отбросила тапки. Попахивало от нее, прямо скажем, не розами. Сосредоточившись, девушка поняла, что кроме запаха умирающего тела чувствует и запах крови лорры. Вкусным он не был, но и характерным для мерзавцев высокого калибра, вопреки всем ожиданиям, тоже. К сожалению! Бедной девушке снова попалась овсянка, причем в ее худшем исполнении – на воде, без соли. Похоже, жизнью лорры княгини была диета во всем: чувствах, желаниях, действиях. Все было подчинено поставленным целям, и только им.

Старуха оглядела Ивку, как платье на витрине, или нет, даже как скаковую лошадь, на которую собиралась сделать ставку, и, утомленно прикрыв веки, заговорила:

– Темный Искус – великая кровь, но столь же непознанная. Кому дар богов, кому проклятие. Твоя мать... Я всегда ревновала Рийадора к ней. Я была назначена ему еще девочкой, но явилась она, и он порвал все договоренности. Как я рыдала, дурочка! Недолго. Она ушла, не прощаясь, оставила лишь записку. Дескать, прости, так будет лучше, чтобы кровь Ивэиды смогла пробудиться. О муже ни слова. Этого он ни ей, ни тебе не простил. Понял, что использовали его, как семенного бычка. Я тоже не видела в тебе ни дочери, ни наследницы. Привязываться бессмысленно. Вас кровь гонит в дорогу. Пыталась пробудить ее в тебе поскорее. Что только ни делала, все тщетно. Ни одиночество, ни унижение, ни боль, ни насилие не срабатывали. Ты, дурочка, как телушка на бойне, все покорно сносила как должное. Оставался последний шанс – отдать тебя ритуальному пути. Я не ошиблась, сработало. Кровь пробудилась!

Иринка слушала вдовствующую княгиню с широко раскрытыми зенками и приоткрытым ртом. Так вот кто стоял за всеми бедами толстушки Ивки! Над ней всего-навсего ставили эксперимент. Но тогда стоп: а как же та полоумная крестьяночка?

– А в деревне девчонку, за меня принятую, зачем убили? – ляпнула Иринка.

Прежде чем делать ценное предложение княгине, она должна была выяснить все до конца, чтобы не подложить свинью самой себе.

– Не уследила, Дайжен постарался. Горячий у меня мальчик вырос, красивый, сильный, гордый...

– Только гнилой внутри. Потому и из зала чудовищем вышел, – безжалостно отрезала Иринка, слишком в этот миг обиженная за неудачную попытку устранения себя любимой, чтобы сдержаться.

– Убей его, прошу, ты же его всегда ненавидела, отыщи и убей, пусть душа найдет покой и новую звездную тропу, – прошептала старуха, ломая себя, переступая через обиды и гордость ради сына.

– У меня есть встречное предложение, – деловито провозгласила Иринка. – Лорра Триавда! Ты, конечно, на вкус для меня омерзительнее овсянки, но ради Валадара... Словом, я укушу и вылечу тебя. Согласна?

Столько Иринка уговаривала себя, собиралась с духом, и все только ради того, чтобы услышать:

– Нет, Ивэйда. Не получится. Я не хочу и не желаю жить без тех, кого любила. Княжество твое, возьми его и правь достойно, если сможешь!

– Но лорра... – мякнула попаданка жалобно, готовая уговаривать и даже, блин, просить эту отвратительную женщину.

– Достаточно! – твердо отрезала княгиня, отказываясь от шанса на жизнь, и утомленно прикрыла глаза. – Ступай, вели зайти Шетсару. И последнее... Не верь, не верь сладким речам змей! Не совершай моей ошибки!

На этой странной ноте лорра надрывно, с хлюпаньем, закашлялась и разговаривать, тем паче уговаривать ее стало совершенно невозможно. Пожалуй, следовало дать больной отдохнуть, подумать, как приятно жить, и жить здоровой, а потом насесть на нее снова.

«Облом!» – в отчаянии толкнулось в пустой Иринкиной голове одно-единственное слово. Она вышла из комнаты и сказала:

– Лорр Шетсар, она зовет.

В это время kloкочущий кашель за дверьми перешел в мерзкий хрип и стих. Управляющий скользнул в покои вдовствующей княгини и тут же приоткрыл дверь, громко провозгласив:

– Лорра Триавда ушла по звездному пути! Пусть Четверо будут к ней милостивы!

«Как? Когда успела? Кто разрешил? Старая перечница жестко меня обломала!» – заполошно заметались мысли у Иринки, пока

Шетсар звал слуг, отдавая все необходимые и соответствующие моменту распоряжения.

– Моя лорра, – вывел девушку из прострации глубокий голос Диаля и нежное касание его пальцев к ледяной ладони, – тебя зовут.

Глава 35

Не верь змеям

Иринка вздрогнула, очнувшись, и машинально последовала туда, куда ее повел эльф. Снова в кабинет отца. Опять туда, откуда она вот почти только что уходила уговаривать мачеху и надеялась, дуручка, на то, что все обойдется. Хотите насмешить богов? Расскажите им о своих планах или громко подумайте! Этим монстрам-телепатам без разницы, хотя смотреть небось нравится больше, потому ТВ и популярнее радио. Опять она, наверное, здорово позабавила Звездную Четверку.

– Лорра Ивэйда, – твердо начал Шетсар. – Мне не нравится, как умерла лорра Триавда.

– Я предложила ее вылечить, она отказалась, – жалобно мяукнула Ивкина в свое оправдание. Что она еще могла сказать? Свидетелей-то у беседы не имелось, алиби нет.

– Могу понять, – вместо упреков почтительно склонил голову управляющий и фактически повторил слова покойницы: – Лорра потеряла всех, ради кого жила, и утратила волю к жизни. Но я веду речь о другом. Кровь горлом – это не следствие ран, полученных в сражении у ритуального зала, это явственная печать проклятия от нарушенной клятвы. По-видимому, лорра сказала нечто, о чем должна была молчать, в чем давала слово под властью знаков, вероятно, Деварда. К сожалению, я посвященный Лайшеаллы и не смогу увидеть истаивающих отпечатков.

– Я посвященный Мертвителя, – вступил в беседу Диаль.

– Поторопись! – попросил Шетсар и протянул эльфу перстень-печатку почетного гостя замка, взяв ее из сосуда, до жути напоминающего хрустальную конфетницу, водруженную на краю стола князя.

Эльф, ничего не говоря своей лорре, молча перстень принял, надел и испарился из кабинета. Вернулся быстро, Иринка даже не успела намолчаться вдоволь и засыпать Шетсара вопросами. Спокойное выражение его лица, впрочем, ни о чем еще не говорило.

Стоило лишь припомнить вдохновенную легкую улыбку, играющую на устах эрр-оля, когда он убивал.

Встав за спиной своей лорры-оль, Диаль констатировал:

– Печать молчания, нарушенная. Успел рассмотреть под оком прозрения. Делал мастер, но молодой, силы на сокрытие следов пожалел или не знал, как скрывать.

«Приплыли», – мрачно вздохнула Иринка, припоминая комбинацию из вроде бы простых семи символов Мертвителя, о которой среди прочих ей толковал в дороге Диаль. Она даже не пыталась их воспроизвести, помня эксперимент с туманом. Но была почти уверена: даже при полном божественном попустительстве чертежных навыков Иринки-Ивки точно не хватило бы, чтобы воспроизвести быстро и безупречно семь знаков кряду. А уж действовать так, чтобы начертить это самое око в считанные секунды и безукоризненно, она и подавно не смогла бы. Воистину Диаль крут во всем, а ей остается голимая теория или применение рунной божественной магии как оружия массового хаотического поражения.

– Что именно сказала тебе мачеха, постарайся вспомнить, моя лорра, это важно, – попросил эрр-оль.

– Ну... что никогда меня не любила, что шпыняла ради пробуждения силы, – начала неохотно, но честно перечислять девушка.

– Ее последние слова, возможно, пара фраз, не больше, – тактично внес коррективы эрр-оль. – Проклятие начинает действовать с отсрочкой не более пяти ударов сердца.

– Чтобы я не верила сладкоголосым змеям, – процитировала Иринка в абсолютном обалдении. Важности в этом бредовом заявлении она никакой не видела, как ни старалась. – Может, это у нее уже бред начинался или имелась в виду какая-то аллегория о льстецах?

– Не думаю, моя лорра, – хмуро качнул головой управляющий и пояснил: – Не так давно в замке были гости. Торговый караван. Привозили красивые пояса из змеиных шкур, драгоценные украшения из самоцветных камней, оружие и кое-что другое. Лорра дозволила им расположиться у стен замка. Даже сама ходила к шатрам. Пыталась развеяться. Вернулась с покупками, причем траты на первый взгляд были более чем скромными, а украшения и оружие высокого качества. Лорра казалась задумчивой и в то же время очень довольной. Торговцы не успели отъехать, как начались разговоры о том, что Дайжену пора

заявить права на перстень князя и пройти ритуал принятия богами. Твой брат... У него были недостатки, но он никогда не был трусом и полностью доверял матери. Поверил ей и в том, что у него выйдет овладеть силой камня, управляющего защитной сетью, и одновременно пройти посвящение, обретя милость бога.

«Индюк тоже думал, что купается, пока вода не закипела», – растерянно подумала девушка, пытаюсь разобраться, куда клонит управляющий и при чем здесь слова мачехи о змеях.

– В торговом караване были купцы и гадатели из нагов, – проронил Шетсар. – Думаю, лорре Триавде могли обещать или напорочить нечто, заставившее ее действовать необдуманно и поспешно.

– Среди выходцев из Найгссошс встречаются мастера затуманить сознание даже самым недоверчивым и здравомыслящим, – проронил Диаль, вспоминая что-то свое и явно недоброе.

«То есть мачехе прополоскали мозги, заставив отправить Дайжена в ритуальный зал. А на фига? В чем смысл? Он мог пройти и что тогда? Или не пройти. Одно из двух. И какие купоны с этого надеялся настричь неизвестный тип? Или все дело в том, что милый мальчик умудрился оскорбить кого-то важного в торговом караване и с ним просто разделались чужими руками? Но не слишком ли мудрено для торговцев? Нет, не вяжется. И, кстати, снова наги поднаسرائи, как у Келдирета. Эти змеехвостые что, просто своих соседей шибко не любят и пакостят от мелочовки до полномасштабных диверсий везде, где только можно? Вроде как Ивэйда такого не припоминает. Отношение к чешуйчато-хвостатым в замке вполне ровное было, без расизма, въевшегося на уровне подсознания. Да и в Меладе ни с чем подобным Иринка не сталкивалась. Или смысл в другом? И это самое другое до меня никак не доходит? Я же не Арман Ришелье и не Макиавелли, в политике ноль без палочки, даже новости эти никогда не слушала и не смотрела, всегда на другой канал переключала. Может, зря?»

– Для любого действия должна быть причина, – заметил Шетсар и спросил вовсе уж странное: – Скажи, лорра, вела ли ты беседы с нагами?

«Это он что, намекает на меня как на причину всего и, судя по его виду, даже не упрекает, а одобряет? Ну, старый интриган!» – Иринка не

знала, возмутиться ли ей или восхититься полету фантазии управляющего, невесть что возомнившего о наследнице.

– За время моих странствий я беседовала с нагами лишь дважды: у лоточника покупала вафли с начинкой и у кожевника – пояс, расшитый бисером. Все! На заговорщиков не тянет, – максимально подробно отчиталась наследница, даже не думая каяться в несуществующей интриге или рассказывать вампиру о заговоре отравителей в людской провинции. Келдирет доверил ей тайну не для того, чтобы трепаться на всех углах. К тому же где Мелад людской и где вампирское княжество? Слишком всеохватный заговор выходит, если все проблемы вместе со змеехвостыми в одну веревку заплетать.

– Что ж, пока все, что мы можем, это предупредить стражей насчет любых нагов и поостеречься до выяснения причин. Как бы то ни было, лорра, но содеянного не изменишь. Наследник не вышел из зала князем, не подчинил своей воле и крови камень-алтарь, не обновил исконного запрета тварям таиться в чащах, не трогая живущих в Валадаре, не напитал силой охранные камни поселений и дорог. Теперь с каждым днем они будут слабеть, выпуская то тут, то там чудовищ из леса. Без владыки наш край обречен! – с легким вздохом закончил речь-перечисление с избытком «не» Шетсар и в надежде глянул на Иринку.

«Он что, ждет, что я сейчас проникнусь патриотическими чувствами, утру слезы умиления, нацеплю перстень на палец и пойду по-быстрому подчинять камень? Я что, самоубийца? – искренне удивилась вампирской наивности девушка. – Да с чего бы это? Я им, сволочам, без жалости травившим девчонку, ничего не должна! Пусть выискивают достойного бастарда в своих рядах и в зал толкают на убой! Может, у отца где один-другой завалился? Я бы уступила право на почетное самоубийство и все проблемы в придачу. Вот чего Шетсар на меня так смотрит? Я жить хочу, а не рисковать без толку».

– Лорре необходимо отдохнуть с дороги, – выручил ее Диаль, избавляя от необходимости обсуждать все прямо здесь и сейчас.

– Прошу меня простить, покои наследницы готовы и ждут, – склонил голову управляющий. – О спутниках лорры также позаботятся.

Вместо того чтобы сопроводить Иринку в старые Ивкины комнаты, весьма скромные по меркам наследницы, ее отвели в

совершенно другие. Нет, не те, что когда-то принадлежали матери или Дайжену. Кажется, эти когда-то являлись почетными гостевыми. Во всяком случае, в пяти помещениях, габаритами застрявших между понятиями комната и зал, можно было сыграть в гольф. Поэтому места для Иринки, Диалю и отказавшегося покинуть их Фаррашира нашлось с избытком. Наверняка оборотень решил для себя: «Оставишь их ненадолго, а потом, чего доброго, про новые трупы заместнику докладывай. Лучше уж приглядеть!»

Кстати, вещи из кареты, чтобы Иринка могла переодеться, уже были доставлены в покои. Осталось только смыть с себя дорожную пыль.

– Моя лорра, – едва за Фарраширом, уединившимся в отдельной комнате, и Шетсаром, удалившимся в коридор, закрылись двери, обратился Диаль к Иринке. Он устремил на нее сияющий любящий и абсолютно преданный взгляд.

– Умоляю тебя, будь осторожна и все обдумай перед тем, как входить в зал! Слишком странные сети плетутся вокруг!

«Так, стоп! – Ирина в полном обалдении уставилась на своего телохранителя и советчика и мысленно взвыла. – А с чего и этот взял, что я полезу туда, рискуя жизнью?»

– Боги направляют, но они никогда не толкают вперед раньше, чем ты будешь по-настоящему готов! – продолжал верный последователь Деварда.

«Кхм, да я как бы вообще не готова и готова не буду! Пусть боги думают, что хотят, у меня своя голова на плечах есть», – буркнула снова про себя Иринка, не горя желанием собачиться с Диалем.

– В твоей благородной душе, моя лорра, горит жажда защитить земли предков, укрыв своим княжеским плащом... – торжественно вещал эрр-оль, а попаданка отчаянно вопила мысленно: «Жажда защитить? Где ты ее разглядел, вкусняшка? Да я слинять отсюда хочу, и побыстрее, чтобы сами, кровососы проклятые, со всем разгребались, сами ту кашу, которую заварили, хлебали...»

Что-то возмущенно бурча про себя, Иринка ушла в ванную. Молча. Чтобы не наговорить мужчине, так странно толковавшему ее мотивы, мысли и желания, чего-то откровенно грубого. Диаль же не виноват, что у него ум за разум зашел, так сказать, на старости лет. Зато вкусный, красивый, за нее всех убьет...

А Диаль, едва за его лоррой закрылась дверь, разом прекратил играть одержимого высокими идеалами идиота. Отчаянно-грустным стало на миг прекрасное лицо древнего эльфа, чтобы миг спустя снова разгладиться.

«Прости, моя лорра-оль, – одними губами шепнул мужчина, склоняя голову и прячась за водопадом волос, не запылившихся и не растрепанных в сражениях и иных перипетиях дороги. – Прости за обман. Но с богами нельзя спорить. Они привели тебя сюда, к ритуальному залу. Ты или переступишь его порог добровольно, уверенная в себе, своих силах, с высокими чаяниями в душе, либо тебя туда втолкнут, не дожидаясь, пока ты переборешь сомнения и страхи. И тогда никто не поручится за исход битвы. Я не могу войти туда с тобой, но буду ждать и надеяться, что назад вернется моя лорра. Если же нет, упокою чудовище и лягу рядом».

Глава 36

Как здорово, что все мы здесь...

Размеры ванной, горячая вода и чистые полотенца должны были примирить Иринку с реальностью и успокоить, но почему-то никак не получалось выбросить из головы странные слова эльфийского идеалиста о ее якобы готовности к подвигу. Нет и не было ни в едином закоулке души попаданки ни единой искры, из которой способно было разгореться геройское пламя жертвенности. Войти в тот зал, откуда Дайжен – сильный и куда более выносливый – вышел монстром? Да ни за что! С какой стати? Она никому ничего не должна! Возмущение кипело, а перед глазами стояла белобрысая деревенская пигалица с доверчиво распахнутыми глазищами и ее статная, исполненная достоинства матушка с венком кос. Они ведь тоже живут в Валадаре, и рухнувшая сеть защиты ударит в первую очередь по глухим деревенькам, где нет ни магов, знатоков знаков, ни бойцов. С ними как? Заранее на прокорм чудовищам отдавать? Нет, нехорошо, нельзя. Но не самой же Иринке в зал лезть? Она ни разу не боец. Надо еще разок поговорить с Шетсаром. Пусть подскажет насчет незаконнорожденных потомков. И Диалю надо расспросить. Кажется, он что-то говорил о возможности использования знаков – божественных рун для поиска кровных родственников. Пусть применит, а уж крови она даст сколько потребуется.

Маруся, мирно продремавшая все драматические события дня, соизволила показаться и принять участие в купании. Да-да, змейка отлично плавала и просто обожала вытираться после водных процедур. Настроение немного улучшилось, пока Иринка ерошила влажную длинную шерстку довольной маскарадницы, убирая лишнюю влагу. Даже как-то сразу есть захотелось.

Ужин накрывали в одном из залов. Чтобы сопроводить лорру-наследницу и ее спутников Фаррашира и Диалю, пришла хорошенькая служанка. Ивэйда ее не помнила, наверное, из новеньких. Молоденькая и отчаянно довольная своей важной миссией девушка восторженно косилась на юную наследницу, ее прекрасного спутника, чуть опасливо стреляла глазками на оборотня. Одним словом, умирала

от любопытства. Надо же, эльф и оборотень у лорры в сопровождающих! А эльф еще и называет лорру Ивэйдю своей лоррой. Чудно! Но, конечно, ни единого вопроса девушка задать не посмела.

А за ужином Иринку ждала компания. В креслах беседовали громадный орр-страж Гайвер, вернувшийся с патрулирования окрестностей, лорр Шетсар и худая, сухая, как палка, старая лорра Симайжа, ключница замка.

Орр-страж едва не прослезился от облегчения, приветствуя наследницу. Кажется, ему до смерти опостылело гонять монстров по лесам. Ладно хоть обниматься и целоваться не полез. Но восторженно пыхтел, как еж-гигант.

Симайжа-ключница, старая вобла, всегда смотревшая на всех, кроме князя, как на кучку дерьма, изволила покинуть кресло и даже поклониться наследнице. Да уж, покривишь перед девицей морду, и с насиженного места полетишь ласточкой.

Иринка, отвечая коротким кивком на поклон коротко стриженной вампирши, между тем обратила внимание на характерный хищный нос и абрис скул. Старая Симайжа, как запоздало дошло до девушки, очень походила на покойного ее папеньку. Но как вариант со спихиванием на нее титула княгини никуда не годилась. Даже если она давний бастард Ивкиного дедушки, бездетная пожилая лорра на княжеское кресло претендовать никак не могла. Все, что ей было позволено, – хозяйствовать подле. И, несмотря на мерзкий характер, ключница свое дело знала туго. Послав неудачную мысль прочь из гудящей головы, Иринка представила своих спутников. Диалю назвала официальным титулом – эрр-оль Дома Шипоцвета, а Фаррашира – доверенным лицом наместника Келдирета. Пусть знают, что с ней не кто попало путешествует, и не вздумают ничего тишком с наследницей проворачивать. Шум есть кому поднять! О причинах такой компании Иринка, разумеется, таинственно промолчала.

Тем временем, пока все знакомились, служанка проводила в зал еще одного гостя с характерными серыми волосами.

– О, а я уже помылась, не успел! – ляпнула, как завидела чистильщика, Иринка, заставив того закашляться и явственно смутиться.

– Я извинился, лорра, – пробормотал чистильщик, досадливо зыркнув на Ивку.

– Так я и не с претензией. Просто воспоминания. Ясных дней, звездных ночей, лорр! – поздоровалась с чистильщиком и невинно улыбнулась Иринка, довольная маленькой мезтью. На собственную наготу, которую узрел посторонний мужчина, ей по большому счету было плевать, зато на вторжение в момент «купания» с Диалем – совсем нет.

– Мы имели возможность немного пообщаться в пути, – пояснила озадаченным вампирам Иринка, после того как Гайвер и Симайжа приветствовали гостя.

А управляющий напомнил лорре и компании насчет чистильщика:

– Лорр Нард прибыл по моей просьбе.

«Убивать твоего сводного брата, ставшего монстром», – продолжила за него мысленно Иринка, и настроение, чуток приподнятое смущением чистильщика, снова испортилось.

Пусть она никогда даже не симпатизировала Дайжену, но кончить вот так, вместо хозяина Валадара, восседающего в княжеском кресле, превратиться в оплаченную цель для чистильщика, – не пожелала бы и врагу. С другой стороны, позволить монстру, каких бы высоких кровей он ранее не был, безнаказанно жрать разумных – тоже не вариант. А значит, завтра поутру, когда чудовища не столь активны, как в ночную пору, Нард отправится исполнять заказ.

«А я? Как быть мне? – призадумалась Ивка. – Переговорить с Шетсаром о других возможных бастардах, подписать какой-нибудь отказ от прав или просто попросить Фаррашира заложить дорожную карету и по-тихому смыться из родового замка? Задание богов я выполнила, домой прокатилась. Была наследница и вся вышла, крутитесь сами, как хотите, клыкастые!»

Между тем Гайвер хмуро гудел:

– Видели мы, что эта тварь чудовищная творит! Одним ударом лапы дерево в ногу толщиной перешибает. Разве речь не шла об отряде чистильщиков, Шетсар?

– Лорр Шетсар описал проблему. Старейшие решили, что одного чистильщика будет достаточно для ее решения, – кратко пояснил ликвидатор тварей.

– Хм, ну если так, – недоверчиво хмыкнул орр-страж.

Не стала препираться и попаданка. О чистильщиках ходили разные слухи, если хоть тридцать процентов из них правда, то ее

собеседник должен быть круче незабвенного Геральта и ее личного эльфийского убийцы вместе взятых. А что он таким не выглядит, так, может, маскируется? Диаль в сравнении с Фарраширом статями проигрывает, однако же в сражении с монстрами на дороге смертельную рану получил именно оборотень, а изящный эльф не заработал даже царапины или синяка, не говоря уж о чем-то более серьезном.

– От нас какая помощь нужна? – продолжал выяснять детали Гайвер.

– Я уже говорил лорру Шетсару: чтобы не тратить время на розыски монстра, лучше вести поиск по крови. К сожалению, я опоздал, мать обращенного скончалась. Мертвая и покинувшая жилы кровь для «стрелы поиска» не годится.

– Нужна кровь родителя или сгодится моя, если у нас общий отец? – уточнила попаданка.

– Сгодится, влага одного истока работает. Поутру уроните несколько капель на мой клинок, и я смогу вести поиск, – признательно согласился чистильщик. Он и сам собирался предложить лорре поделиться ценным продуктом, но мешкал с подходящей формулировкой. У кого другого и в лоб прямо спросил бы, не постеснявшись, но перед девушкой было до сих пор чуть-чуть неловко за вторжение в баню. Тоже мне, профессиональный чистильщик. Всплеск силы темной твари с волной от вампира Темного Искуса спутал! А что от усталости и недосыпа, поскольку на вызов в Валадар без роздыху спешил с другого, не менее срочного задания, так об этом никто не спросит.

На кухне по случаю приезда княжны-наследницы расстарались. Стол ломился от яств, годных не для скромного ужина семи особ, а для средней руки пира. Редкое вино из подвалов замка, знаменитые пирожки старшей кухарки, дичь, нежная ветчина, сыр, колбасы, мясо в горшочках, тушенное с овощами и грибами, фрукты. Ивэйда и припомнить не могла, когда в замке ужин накрывали столь изобильно. Для нее так и вовсе никогда. Толстухе Ивке чего ни положишь – все съест, ненасытная и бесполезная утроба!

Неожиданно зашебаршилась и, прекратив маскироваться под шарфик, подняла головку Маруся, заинтересовавшись ужином. Змейке тоже следовало перекусить!

Гайвер выпустил воздух сквозь зубы, явно с трудом удерживая руки подальше от привычного оружия, вобла Симайжа и вовсе превратилась в статую. Шетсар едва заметно вздрогнул, но ничем иным потрясения от превращения элемента одежды в ядовитейшую представительницу пресмыкающихся не выказал. Мало ли управляющий в своей долгой жизни змей повидал! Те, которые на двух ногах ходили, порой куда опаснее ползающих сестер бывали.

Чистильщик же, напротив, подался к Марусе и восхищенно воскликнул:

– Спутница?

Иринка гордо кивнула. Уж чем-чем, а тем, что маскарадница выбрала в подружки именно ее, она могла гордиться с полным правом.

– Красавица, – искренне похвалил Нард, протянул руку и очень осторожно, двумя пальцами, погладил шерстку змейки под подбородком. Маруся растаяла и замурлыкала. – А уж яд какой полезный! Если вместе с кровью парой капель поделишься, охота удачнее выйдет.

Маруся согласно мурлыкнула, доказывая и свою высокую степень разумности, и готовность потрудиться на благо подружки для ликвидации ее проблемы. Ужин потек дальше, для кого-то (не будем тыкать пальцем в ключницу) обременительный, для кого-то полезный, а для иных и вовсе приятный. Нард, Фаррашир и Гайвер нашли друг друга, обсуждая все прелести и достоинства колюще-режущего ассортимента. Диаль иногда ронял пару-другую ценных слов, но больше внимания уделял своей лорре.

Шетсар никаких – пустых или важных – разговоров не вел, но посматривал на Иринку так многообещающе и с такой концентрацией надежд во взоре, что у той почти испортился аппетит.

С трудом дотерпев до конца ужина, девушка поспешила в свои покои. И едва не выскочила обратно, когда прямо с порога увидела на столике в спальне очередной (кажется, у Шетсара на эти штуки мания имелась!) хрустальный вазон с покоящимся в нем перстнем наследника. Так вот почему управляющий так на нее зыркал, провожая... Приятный, блин, сюрприз, гад клыкастый, приготовил! Снова захотелось все бросить и сбежать в Мелад к чертовой бабушке, вернее, под крылышко наместника Келдирета, оставив валадарцев решать свои проблемы с наследством и монстрами как-нибудь самим.

Увы, по крайней мере до завтра следовало оставаться в замке, чтобы обеспечить чистильщика свежей кровью для наводки и ядом для повышения смертоносности оружия.

На душе было мутно. Не хотелось разговаривать даже с Диалем, не хотелось смотреть в его прекрасные глаза и читать там ничем не подкрепленную святую веру в ее, лорры-оль, непогрешимость. Иринка снова скрылась в ванной и долго стояла там, подставив ладони под прохладные струи, стараясь ни о чем не думать, смыть с себя что-то темное, липкое и мерзкое. Не так ли ощущались обманутые вера и надежда?

Маруся теплым шарфиком грела шею, но внезапно змейка напряглась, приподняла голову и повела быстрым язычком в сторону двери. Иринка решила, что это намек. Дескать, пора выходить. Вздохнув, отключила воду и распахнула дверь.

После теплого золотого сияния панелей ванной комнаты уютный полумрак спальни казался более темным, чем был. Впрочем, вампирское зрение перестроилось почти мгновенно. Что-то было не так, совсем не так! Взгляд девушки заметался, считывая положение объектов в пространстве.

Диаль! Он неподвижно лежал на кровати. Слишком неподвижно! Поза его ничего общего с живописно раскинувшимся любовником, ожидающим продолжения рандеву, не имела. Скорее она была мертвой своей неподвижностью, и, если бы не биение сердца эльфа, которое Иринка ощущала как свое, она могла бы удариться в панику.

А еще в кресле у мерцающего угольями камина сидел посторонний, укутанный в темно-серый, как ночные тени, плащ. При появлении Иринки он неспешно повернул голову, встал по-змеиному гибким движением и заскользил к девушке с едва слышным шорохом. Капюшон упал с головы с театральным изяществом. Безупречный тонкий профиль, полные губы, тонкие дуги бровей, раскосые глаза с узкими щелками зрачков мерцали, как эбонитовые шарики из эбенового дерева. Почему так? Потому что были черны, как то самое дерево, и одновременно в них проскальзывали вспышками искры, как от электростатического эффекта.

И прическа странная, словно ее носитель что-то слышал о дредах, но, никогда не видев их вживую, попытался добросовестно воссоздать.

Тугие шнуры, свитые из волос, в живописном беспорядке обрамляли мужественное лицо.

– Ясных дней, звездных ночей, дивная лорра! – Глубокий, обволакивающий, невероятно вкусный голос обнял Ивку, погладил, убеждая в том, что явившийся незваным гость не враг, а ее лучший, самый долгожданный, желанный друг, достойный полного доверия. – Прости, я хотел побеседовать с тобой наедине, поэтому твой прекрасный эльф немного поспит. Ты не сердишься?

– Нет, – сглотнув, замороженно прошептала вампирочка, всеми фибрами своего существа вбирая прекраснейший из когда-либо обоняемых ароматов. Она почти не слышала, что ей говорят, замороженная запахом. Этот дивный шлейф заставлял наполняться рот слюной, вызывал томно-болезненную ломоту клыков во рту. В нетерпении подрагивали пальцы.

– Я хотел предложить тебе помощь, дивная лорра. – Мед сладких слов продолжал литься в уши, но попадал мимо, потому что вампирочку волновали совсем не речи. – Мне жаль, что не удалось избавить тебя от проблем целиком. Если бы твой кузен оказался чуть более стойким и смог пройти посвящение... Увы! Но тебе, дивная, нет нужды рисковать попусту. Зачем? Ты здесь всегда была чужой, никому не нужной, нежеланной, они с тобой обошлись жестоко. Валадар не стоит ни капли твоих слез и тем паче крови, боли и страданий. К чему рисковать ради них? Прими мое предложение, лорра.

– Какое? – шепнули пересохшие губы, пока к замершей столбом от одолевавшего искушения Иринке, чуть покачиваясь на хвосте с ритмичностью маятника, приближалась фигура искусителя.

– На столе перстень наследника. Свитка с его печатью будет достаточно. Подпиши, и все будет не твоей заботой. Уезжай, будь счастлива в куцах с эльфом! – В руках нага возник свиток.

– А Валадар? – будто сомневаясь, робко запнулась девушка.

– Не твоя забота, не твоя печаль, дивная лорра, – снова сладко зашептал голос, и Иринка не выдержала, метнулась вперед.

Это было сродни кулинарному оргазму! Невероятный вкус: жидкий шоколад, карамель, взрывная шипучка, орешки, нуга. Она питалась, не в силах остановиться до тех пор, пока тело под пальцами не рассыпалось пеплом. На пол с шелестом плавно опустился плащ и глухо звякнула массивная гривна – все, что осталось от пытавшегося

загипнотизировать ее существа. Вкус нага все еще таял на языке, приятная сытость и звонкая бодрость разливались по телу.

– Моя лорра, ты не оставила нам даже шанса допросить чужака, – мягко укорил девушку Диаль, приподнимаясь на кровати.

Разумеется, эрр-оль вовсе не был парализован ядом, он лишь имитировал свое состояние, чтобы завлечь врага в ловушку, заставить его раскрыть себя и свои планы.

– Зачем допрашивать, и так все теперь ясно, – пожала плечами девушка и облизнулась. – Так что вся прячущаяся армия спасения может выходить и вылезать.

Иринка с намеком покосилась на большой шкаф, и из него, смущенно кашлянув, шагнул Фаррашир. А потом, вот тут вампирочка удивилась уже по-настоящему, из-под кровати вынырнул Нард. Этого она даже не чуяла, не слышала и никак на радарах интуиции не засекала. Похоже, у чистильщиков, как и у женщин, были свои секреты и особые умения сокрытия.

– Я беседовал с лорром Гайвером, когда стражи замка доложили, что знаки слежения на большом камне охраны говорят о движении чужака по тайному ходу. Но наблюдательные глазки никого не показывают. Я же уловил контуры мерцания, потому вызвался проследить и нейтрализовать, – оправдываясь как малыш, которого застали за швырянием комков жидкой грязи в только что побеленную стену дома, моргнул Нард. Кажется, профессиональные сражения с чудовищами воину поднадоели и захотелось временно сменить сферу деятельности.

– Чувствуется, вы все настроились на развлечение, – чуть нервно хихикнула Иринка, – а получился лишь ночной перекус для меня.

– Ты познала его секреты, моя лорра? – вкрадчиво спросил Диаль, приблизившись к вампирочке, и, завладев ее рукой, принялся покрывать ее невесомыми, как касание крыльев бабочки, поцелуями. Кажется, то, как его лорра-оль разделалась с чужаком, сильно завело древнего эльфа.

– Да, вкусняшка... – отрешенно согласилась Иринка, блаженно жмурясь от ласки эльфа и одновременно знакомясь поглубже с доставшимся от змеехвостого наследством. Уложив нужную информацию, девушка серьезно обратилась к Фарраширу: – Можешь

передать лорру наместнику: возмездие настигло того, кто стоял за ядовитыми неприятностями и помышлял устроить из Мелада могилу.

Совесть после хорошей еды вампирочку не мучила совершенно. Во-первых, она уже успела понять, что дар Темного Искусца срабатывает до превращения жертвы в прах лишь с теми, кто сполна заслужил такую участь собственными помыслами и злодеяниями. Во-вторых, уже не теоретически, а практически познакомившись с данными из памяти Шазгха (так звали нага), Иринка признавала: мгновенная смерть в блаженстве для такой твари отнюдь не самое тяжкое наказание. Оставалось только надеяться, что Звездная Четверка, ведающая здесь еще и посмертным воздаянием, приберегла для нага-интригана нечто особенное, достойное его выдающейся в ряде аспектов персоны.

Вскинувшись, Иринка вспомнила и о другом вкусном мужчине, которому была кое-чем обязана.

– Фаррашир, еще передайте наместнику: ему надо побеседовать с Даприном Крупнозадом о месторождениях в Дилмарских горах. Из-за них и заварилась вся каша.

– Непременно передам, – уважительно склонил косматую голову оборотень. – Лорра не планирует возвращаться в Мелад?

– Обязательно планирую, – горячо сказала Иринка. – У меня же там дом и винотека! Но чуть позже.

Добившись обещания о возвращении, волк уважительно поклонился и исчез из покоев. Поручение он исполнил и поутру был обязан снова отправиться в путь, чтобы принести своему вожаку важные вести. В том, что Ивка не беспомощный цветочек, Фаррашир убедился. Он ведь сам почти подпал под завораживающую пляску нага, пытавшегося затуманить разум лорры Ивэйд, а она – нет, не поддалась! И сама тварь хвостатую упокоила, вдобавок вызнав все тайны. Что вообще запредельно. Наги к пыткам и чарам считались стойкими чрезвычайно. Допрашивать их признавалось почти бесполезным делом всеми расами. Если только сделку с ними заключать в обмен на информацию, а иначе хоть на куски режь, только шипеть насмешливо будут.

Получив наказ лорры, оборотень испарился из спальни. Если поутру пускаться в путь, нечего время ночное, для сна богами даденное, на пустую болтовню спускать.

– Лорр Нард, возьми у меня сейчас кровь и яд у Маруси, – когда за волком закрылась дверь, попросила Ивка, обращаясь к чистильщику. – Уже достаточно поздно, чтобы они сохранили свежесть до часа охоты?

– Истинно, – согласился мужчина. – Не стоит лорре чуть свет подниматься после такого вечера.

Сняв с пояса широкий нож, охотник подошел к девушке и дал инструкцию:

– Уколи кончиком клинка палец, лорра, урони семь капель на лезвие.

Иринка в точности исполнила просьбу. С любопытством следила она за причудливыми наслоениями знаков, словно перетекающих один в другой в глубине металла клинка и вызванных к жизни контактом крови и оружия. Красиво и непонятно. Нет, кое-какие символы она, выдрессированная Диалем за время поездки, уже различала. Поиск, кровь, защита. Кажется, еще цель, но полный смысл комбинации ускользал. Более того, хоть это и считалось невозможным, Иринке показалось, что оружие чистильщика содержит знаки не только Деварда, но и Лайшеаллы. Насчет Селадара и Вейхо, разумеется, попаданка ручаться не могла. Но если каким-то образом секретный орден борцов с монстрами ухитрился освоить синтез божественных знаков, то становились понятны слухи о чудодейственных клинках, обретающих истинное могущество лишь в руках настоящего чистильщика.

Кстати, ранка на пальце, после того как Иринка выделила положенное число капель, затянулась сама собой со скоростью, превышающей даже сумасшедшую вампирскую регенерацию. Настал черед Маруси. Умная змейка, не дожидаясь устной просьбы, свесилась к лезвию и, раскрыв пошире пасть, аккуратно уронила на клинок несколько переливающихся перламутром капелек. Лезвие поступило совсем не по-металлически и с ядом. Впитало его точно так же, как кровь.

Чистильщик благодарно кивнул:

– Ясных дней, звездных ночей, лорры, поутру выйду на охоту. А пока скажу стражам, что ваша охота, моя лорра, успешно завершилась.

Глава 37

О коварных планах и испытании

И вот в спальне остались лишь тишина, Иринка, Диаль, кучка пепла, плащ и гривна нага, а еще хищно сверкающий голубым камнем перстень наследницы Валадара на столешнице.

Тяжко вздохнув, попаданка прошла и решительно нацепила перстень на безымянный палец. А потом тихо попросила:

– Пойдем, пора. И Диаль... если я выйду монстром, ты меня убей, пожалуйста, поскорее. Ты точно сможешь!

– Сделаю, моя лорра-оль, – низко поклонился эльф, не задавая вопросов о том, почему Ивка решила именно здесь и сейчас. Она ответила сама.

– Я эгоистка, конечно. Люблю красивые, удобные вещи, вкусную еду, денежки, на которые это все можно купить, красивых парней и совсем не люблю проблем, не хочу по-глупому рисковать, бросаясь очертя голову в неприятности ради чьего-то там светлого будущего. Но добровольно взвалить на себя вину за столько чужих смертей не смогу. Как он, – девушка кивнула в сторону кучки, оставшейся от нага, – не буду... Не хочу быть, как эта тварь хвостатая Шазгх! – Иринка куснула губу и мотнула головой. – Он по трупам, как по бульвару, шел и лишь о власти и наживе думал. Третий сын третьего сына кссашша Найгссошс давно обезумел. Напролом к власти шел, в их семействе почти все на этом зациклены. Так что одной жажды власти и хитроумия даже такому изобретательному выродку не хватило, чтоб цели достичь. Нужны были деньги, очень много денег. Жаден Шазгх до них был, как гном и гоблин вместе взятые. Родовая травма, видать. Ты знаешь, оказывается, наги чуют заточенные в камень металлы лишь чуть хуже гномов. Даприн насчет месторождений был прав: в Дилмарских горах сокрыты невероятные богатства. Ирония судьбы: никто там не лазил, потому что на стыке трех государств сокровища лежат. У Валадара, Лильдэнола и Дилмара, людской провинции Мелад, там границы сходятся.

Выродок пронюхал о тайнах недр, прикопал рудознатца, принесшего весть, и затеял интригу. Задался целью получить полные

права на владения, а через это и своего добиться. Взятки работают везде.

В Мелаве наместника и сына его убрать запланировал, чтобы через дочь согласие на разработку получить. Да только Келдирет далеко не дурак, как понял, что вокруг его старшей какие-то темные личности крутятся, враз ее права наследования лишил. Тогда наг озлился и решил отомстить. Хаос и массовые смерти в главном городе провинции неизбежно привели бы к смещению наместника. С новым бы Шазгх снова попробовал.

Мачеху мою он одурманил, явившись с караваном торговцев. Но снова просчитался. У регентши не было права отписать ему даже кусок скалы. Только наследник или князь такое право имеет. А Дайжен не соглашался, когда мать намекала и, зараза такая, к нагову гипнозу устойчив оказался. Мозгов, наверное, не хватало, чтобы поддаться. Тогда его в ритуальный зал и толкнули. Шазгх считал, что мачеха станет княгиней, если сын умрет. Просчитался и тут. Кровь ее рода, Ночных Певуний, правом подобным не владеет. Лишь Властители Тварей и Темный Искус в Валадаре признавались достойными кресла князя.

Иринка торопливо вывалила на своего эрр-оля всю важную информацию, которую выловила из канализационных стоков сознания безумного претендента на власть в государстве нагов. И продолжала уже спокойнее:

– Он, тварь такая, почти патриотом был. В старых свитках многое откопал. Если не будет полноправного властителя в Валадаре и на той границе Лильдэнола, что наш Дом Шипоцвета держит, твари могут везде разом – эффект лавины – из-под контроля выйти и устроить такую бойню, что земли людские, вампирские и эльфийские опустеют. На месте прежних поселений будет лишь кровь и рев монстров, бродящих по земле истинными хозяевами, и тогда расцветет Найгссошс.

– Все так, моя лорра, – тихо и печально согласился Диаль.

– Ты... ты знал? – резко дернувшись, распахнула глаза Иринка.

– Я тоже умею читать старые свитки и достаточно стар, чтобы помнить те времена, когда они не были седой древностью, – опустил длинные ресницы эльф, нежно поглаживая ладонь девушки. – Чудовищам из куш нельзя давать волю, моя лорра. Никогда и нигде. Ни

вовне, ни в собственной душе. Потом невозможно будет загнать их обратно.

– Обожаю твоих монстров, – мурлыкнула девушка, на миг прижавшись к Диалю всем телом, и тут же отпрянула. – Пойдем, проводи меня, пожалуйста.

– Да, моя лорра, возвращайся ко мне, прошу, – опустил голову эльф.

То, чего хотел он для себя и своей лорры-оль, не совпадало с тем, что судили им боги. Но со Звездной Четверкой всегда так. Он сделал все, что мог, остается лишь верить. Нет, не богам, своей лорре. Это надежнее.

Впереди их ждал ритуальный зал. Для Иринки с той стороны массивных дверей, запираемых на гигантские засовы, для Диалю снаружи. Но даже девушка, искоса поглядывая на застывшее, какое-то помертвевшее лицо эльфа, не могла сказать, кому из них двоих будет хуже.

Да, еще утром Ирина Ивкина вовсе не собиралась переступить чертов порог чертова зала. Но этой ночью, взглядевшись, как в кривое зеркало, в амбиции и грязь души змеехвостого властолюбца, прочтя в его сознании, какая участь ждет Валадар, Мелад, значительную часть Лильдэнола – мест, каждое из которых так или иначе коснулось хоть краешком ее души, Ивка изменила точку зрения. Если монстры из чаш не будут более сдерживаться охранной сетью камней, грядет катастрофа. Иринка явственно поняла: все ерунда. Все ее страхи и сомнения – жалкий лепет в сравнении с этим грядущим. Идти придется. Если не пойдет, жить, скорее всего, сможет и дальше, но смотреть в глаза Диалю и собственному отражению в зеркале – нет. Что ей будет тогда суждено? Прятаться и убегать, бросив все, что дорого, в том числе, кстати, все, что «нажито непосильным трудом» в Меладе? Разве это будет жизнь?

Ради власти над Домом Шипоцвета или княжеством Валадар Иринка никогда бы не полезла на рожон, не шевельнула бы и мизинцем, но сейчас... Она начинала понимать предков, которые поднимались из окопов и шли в самоубийственную атаку. Да, она эгоистка и любительница удовольствий, но если нигде и не с кем будет получать удовольствия, у нее вообще жизнь-то будет? И люди, то есть вампиры... А на фиг, все равно люди, пусть и с клыками! С ними-то

как? На миг представив ту деревенскую пигалицу и ее матушку, пекущую изумительно вкусный хлеб, неподвижными, окровавленными кусками у дороги, такими, как лежали те бандиты, ставшие добычей монстров, Иринка замотала головой, отрицая видения, и передала Марусю эрр-олю. Змейка безропотно переползла к эльфу. Туда, внутрь, ей, как и Диалю, ходу не было.

Ивка стиснула зубы и, стараясь не смотреть на чудовищные царапины на каменном полу, стенах и, кажется, даже потолке, намекающие на разыгравшуюся недавно бойню с чудовищем, схватилась за ручку двери.

Массивная, тяжелая, она подалась неожиданно легко. Будто кто толкнул створку изнутри, навстречу претендентке. Было страшно? Конечно. Только наедине с собой ей сейчас было страшнее стократ. А внутри... По ушам ударила звенящая тишина. Никакие монстры внутри Иринку не караулили и с ходу перегрызть горло не попытались.

В зале было пусто и светло, как в безлюдном метро. Девушка оглядела помещение. Никого, ничего. Все гладко и ровно, в отличие от явно изборожденных когтями стен и пола коридора снаружи. Лишь стены, чуть подсвеченные равнодушно-голубоватым свечением, без рисунков, надписей, барельефов и горельефов. Пол – одна поразительно большая овальная плита серого цвета и угловатый обломок черной скалы в две трети Иринкиного роста по центру помещения со странной, будто срезанной макушкой.

«И что дальше?» – пожала плечами девушка и тут же почувствовала ответ. Ее потянуло к черной скале так, будто Иринка была железной стружкой, а скала магнитом. Сильнее всего тянул перстень наследницы на руке.

Приблизившись, вампирочка разглядела сверху два отпечатка ладоней, будто вплавленных в поверхность камня.

«А вот и пульт управления, – мрачно констатировала Иринка. – Для процедуры идентификации претендента и активации защитной сети камней следует положить руки в ямки. Ну, вроде как все понятно. И что? Хватит откладывать, пора высиживать».

Выпустив из груди весь воздух, Иринка подняла руки вверх и решительно шлепнула их на неожиданно теплый, живой и дышащий камень. Руки прилипли к отпечаткам, не оторвать, даже если

передумаешь и пожелаешь зайти в другой раз, годка через три. Камень отозвался в сознании и теле девушки нарастающим гулом и вибрацией.

В голове сначала загудело с утроенной силой, а буквально следом что-то взорвалось и толкнулось, отпирая не закрытые на засов, а лишь прикрытые неплотно двери. Замелькали под опущенными веками вспышками-видениями. Сначала претендентке показали каждый из сети охранных камней Валадара, потом красочными и куда более живописными картинками каждого из чудовищных монстров – обитателей леса. Иринка ощутила себя пианистом за роялем, готовым сыграть свой лучший концерт, и пауком в центре громадной паутины, где знакома, понятна и нужна каждая из тончайших нитей. Она видела все и всем могла управлять.

Одновременно пришло и глубинное понимание: да, монстры – это просто чудовища из лесов, но воля владыки Валадара железно ограничивает их силой рунных камней. И снова нет... Не так. Не совсем верно. Камни – лишь внешние знаки, подпорки, сила в другом. В ее воле и власти натравить тварей на выбранные объекты: жителей княжества или на врагов земель, или можно оставить тварей стражами границ – живым предупреждением каждому чужаку. Как было раньше в Валадаре и есть в Лильдэноле. Да, так лучше и правильнее. Монстры, в чашу! Там ваш дом и пища тоже там! Разумные неприкосновенны, вплоть до особого распоряжения на случай жестокой войны!

Разум Иринки отыскал среди множества зверей того, кто когда-то был ее братом. Ничего от прежней личности там не осталось. Обычное чудовище, подвластное приказу-императиву князя. Помешкав лишь долю секунды, Иринка одним импульсом направила монстра подальше от окрестностей замка, в чашу из чаш, туда, где теряют власть клинки и знаки на клинках чистильщиков. Пусть живет братишка и приносит пользу родине.

Сколько она стояла у плиты, сколько ладони плавил камень, а камень, вернее, его содержимое плавало ее разум, который пытался объять необъятное, Иринка не смогла бы сказать. Очнулась она резко, когда ноги перестали держать утомленное тело, а голову сжал до боли, загоня иглы под кожу, венки ядоцвета. Растительный симбионт отследил ту грань между утомлением и перегоранием разума и вывел девушку из транса. Ноги не держали; покачнувшись, свежее испеченная

княгиня упала там, где стояла, рядом со скалой – пультом управления. Она даже не ощутила боли от удара, слышала только тишину, нарушаемую бешеным биением сердца в груди и пульсом в висках.

Вот так, лежа на прохладном, восхитительно прохладном полу, она услышала сдержанные аплодисменты – хлоп, хлоп, хлоп! – и снисходительные слова:

– Браво, девочка, у тебя получилось!

Кажется, это сказала Лайшеалла.

– А ты не верил, умник, гони бабло! – хохотнул Вейхо, поддев собрата Селадара. Тот в ответ фыркнул что-то нецензурное, и раздался звон монет.

«Они еще и ставки на меня делали», – вяло возмутилась Иришка.

Сил на громкое возмущение в позе «морская звезда на камне» не было совершенно. Девушка подняла взгляд к потолку и почти не удивилась, узрев там знакомую, набившую оскомину символику – звезда о четырех лучах и пляшущие, бьющие по утомленному мозгу наотмашь всевозможные рунные знаки. По контуру каждого луча свои. От их смещения и произвольной попытки толкования мозги сворачивались в трубочку.

Да, теперь стало очевидным: зал в Валадарском замке совмещал в себе функции ритуального пульта управления чудовищами и храма четырех богов. Так сказать, эксклюзивного, рассчитанного лишь на верхушку местной вертикали власти. Для всех остальных, невзирая на лесные зубастые чуда-дива, было куда безопаснее и спокойнее прогуляться к традиционному храму в ближайшем городе. Даже если бы пришлось переть сквозь чащу, а не по торной дороге. Шансов выжить было бы больше.

Хорошо еще пока шло испытание, остряки-небожители молчали, не подавая даже намека на присутствие. А то бы попаданка точно провалила экзамен!

Осознала Иринка и следующее: только с разрешения всех четверых богов очередной претендент мог получить ключи от власти над монстрами. Получить через боль, напряжение всех сил вкупе с детальной проверкой помыслов и целей этого напряжения.

Силы у громилы Дайжена имелись, не отнять, а вот насчет чистоты помыслов и мотивов у Иринки, знавшей брата Ивэйдды как облупленного, имелись серьезные сомнения. Если уж даже отцу, всего

лишь чересчур жадному до рискованных сражений с опасным противником, не выдали всех ключей, не признали достойным, то брату и подавно ничего не светило. Она-то, скорее всего, прошла только потому, что ни малейшей потребности в этой власти не испытывала. Но почему тогда братца просто не вышибли за дверь как недостойного княжеского титула, зачем было обращаться в чудовище? Непредусмотренный эффект неудачной активации или закономерность?

Глава 38

Божественные откровения

– Зачем вы так с Дайженом? – не утерпев, все-таки спросила Иринка.

– Истинная власть никогда не дается легко и как подарок, – ответ и тон Деварда был суров. В унисон ему тихо и печально вздохнула Лайшеалла. Остальные промолчали, но промолчали согласно.

Иринка вспомнила всю боль своего испытания во время посвящения в храме, затем нынешнего, и ее осенила странная догадка:

– У вас тоже так же?

– Чем выше, тем тяжелее, – просто ответила покровительница жизни, оставляя за кадром подробности того, что пришлось пережить им, звездным, чтобы стать такими, какие они есть, и, возможно, через что приходится проходить неустанно.

Теперь Иринка не то чтобы посочувствовала богине, но хотя бы частично ее поняла и совсем капельку простила. Процент на пять-семь, не больше. Голова была странной, будто пьяной без вина, поэтому девушка и несла то, что в нормальном состоянии предпочла бы оставить при себе, держа крепко-накрепко язык за зубами. Да даже мозгами, в которых боги шарили, как у себя в гардеробе, постаралась бы не думать.

– И вы теперь лозунг для всех в мире установили: мы не ищем легких путей! Ну а что, логично... – ляпнула свой вердикт по части божественной логики попаданка.

– Ну-ка, ну-ка, подробнее, девочка, – заинтересовался, а не разозлился, как ни странно, ученый, исследователь и коммерсант Селадар. Выгоду, что ли, почуял?

– Понакрутили-понавертели всякого с разделением рас. Вообще кошмар! Нет, то, что я залететь не могу, конечно, удобно, но в целом-то! Небось сами замаялись инстинкт размножения глушить, – задумчиво продолжала Иринка, припоминая разное. Кошку соседей, которую каждый сезон пичкали таблетками, чтоб котов не звала, – раз. И то, как на ее прекрасного эльфа, способного вызвать приступ, э-э-э, неконтролируемого слюноотделения у любой землянки, почти никак

не реагировали девицы иных рас в Меладе, – два. Это ведь покруче и сложнее будет, чем барьеры между странами из камней и чудовищ строить!

– Мы слишком много крови видели, девочка, и хотели этого избежать, – проронил Девард, каждое его слово, словно болт с нарезкой из лезвий, ввинчивалось прямо в мозг. Однако Иринку понесло. Через собственную боль она ответила:

– Так-то оно так, но у вас все равно насилие над личностью и отсутствие самой возможности выбора получилось. Мы ведь живые, а не картонки пазла, которые по выемкам нарезали и разложили, в чужой уголок не впихнешь, как ни старайся.

– Не нравится такое насилие? А каковы варианты? Что, лучше вместо этого хаос и неустанные войны за территории? – вскинулась Лайшеалла, которую слова попаданки явно задели за живое. Или ей чуть менее других богов было плевать на мнение смертных? Ее голос, в отличие от болтов с нарезкой от Деварда, был просто тонкими и узкими лезвиями.

Иринка сникла. Да, бросаться упреками легко, а что взамен? Какие варианты может предложить землянка, если вся история ее родного мира, по сути, и есть история бесконечных войн. Сражения за ресурсы, территории, идеологию и так далее и тому подобное...

Здесь боги постарались, как могли, устроить границы территории и рас. Лишили смысла воевать за добро соседей: чужие женщины не нужны, на чужой земле чувствуешь себя чужим и в неустанной опасности, ибо местные лесные монстры всегда рады закусить чужаками-завоевателями.

Да, возможности свободно выбрать пару среди любого создания иной расы они смертных лишили. Но так ли уж плохо это ограничение, если все остальное, по сути, сплошное преимущество? Да, и в главном: критикуя, предлагай. И если уж боги до сих пор не подобрали более привлекательной альтернативы, то куда уж ей? Скорее всего, варианта менее затратного и выгодного просто не существует. Но боги ждут ответа, а потому Иринка ляпнула:

– Ну... проще, наверное, взаимной тяге полов разных рас не препятствовать, а ограничить все контролем наследования у смешанной пары по одной линии. Пусть дети рождаются той расы, на чьей территории, отца или матери, они живут.

– А неплохо, – задумчиво протянул Вейхо после тягучей паузы. – Надо обсчитать, но блокировать флер влечения и ограничивать тягу полов на порядок сложнее, чем открыть наследование четко одной линией по территориальному признаку. Экономия энергии, пожалуй, выйдет. Только как с людскими городами быть? – В голосе Вейхо послышалась насмешка. – Пусть люди у любой пары рождаются и идут разборки об изменах?

На периферии конференц-связи хохотнул Селадар и заливисто рассмеялась Лайшеалла, по-видимому, рассуждения собрата Канатоходца продолжали какой-то их давний спор.

– Зачем? – вяло удивилась Иринка. – Людей и так везде больше чем достаточно. Пусть наследование идет случайным образом, пятьдесят на пятьдесят – в отца или в мать.

– Ха, неплохо, орел или решка! – рассмеялся снова насмешник Вейхо. – Если решим, звездные, мне это поручите!

– А как быть с тобой, наследница двух родов? – подкинула коварный вопросик Лайшеалла. – Твой избранник – эльф.

– Э-э-э... мне детьми еще обзаводиться рановато, – замотала головой Иринка, но все-таки нахально ответила богине: – Но я согласна на близняшек разных рас. Чтоб один для княжества, второй для Дома Шипоцвета. Если, конечно, у вас не получится более достойные кандидатуры подыскать. Я вообще бы предпочла от всех этих кресел и стульев разом отречься и в Мелад вернуться. Там ассортимент вкусняшек шире.

– Не получится! – категорично отрезала богиня, четко давая понять, что с этого места всякий плюрализм мнений кончается и наступает банальная божественная диктатура.

– Я же ни разу не профессиональный управленец, всего-навсего менеджер средней руки, – попробовала все-таки жалобно вякнуть Ивка. – Может, квест какой-нибудь выдадите на поиск достойных правителей земель?

– У советника Шетсара и у эльфа своего помощи попросишь, они опытные. Справитесь, – отрезала тиранша Лайшеалла.

– А может... – попыталась еще предложить варианты попаданка.

– Это – твое бремя, – придавил Иринку тяжелый голос Деварда, не давая даже высказать варианты.

– Чего ты кудахчешь? – неподдельно возмутился Вейхо. – Всего-то под присмотр подпадает пара крохотных захолустных владений с общими границами. В Доме Шипоцвета ты власть уже приняла, только подтвердить осталось. С Меладом и наместником на сопредельной территории у тебя вообще идиллия.

– И почему мне в этом предложении не нравится сразу два слова: «только» и «подтвердить»? – обреченно вздохнула Иринка, пытаясь отскрести себя с пола.

– Интуиция? – с веселостью садиста-изобретателя, выбирающего очередную пытку, предположил Канатоходец.

– Не иначе, – согласилась Иринка и все-таки встала на ноги. Медленно-медленно, стараясь не задеть снова черную скалу-пульта или стены, чтобы, не дай четверо звездных фантазеров, не активировать еще какой-нибудь дополнительный бонусный ритуал, бедная попаданка поползла к спасительным дверям. Туда, где снаружи ее ждали Диаль и Маруся.

Тяжелая дверь отворилась совершенно беззвучно, попирая законы жанра. Ни грохота, ни лязга, ни ржавого скрипа. Иринка застыла на пороге, встретившись глазами с глазами Диалья, безумными, отчаянными, полными надежды и боли. Взгляд эльфа в сотую долю секунды изменился, преисполнившись такого запредельного ликования, что Иринке даже стало жутко. Нельзя за нее было так переживать, не стоит она этого. Впрочем, стоит или не стоит, решать было лишь Диалю, а он для себя все решил раз и навсегда.

«А вы ворчали, что я чужаков в мир таскаю! А есть эффект, есть! Один-другой-третий-четвертый не сдюжит, а из пятого возьмет и толк выйдет! Свежий обывательский взгляд изнутри того, кто раньше был снаружи социума, – самое то, что нужно!» – гордо ляпнул Вейхо где-то на периферии сознания Иринки. На этом контакт-диалог с богами окончательно прервался. Наверное, к счастью, пока Ивка не услышала о себе еще чего-нибудь жизнеутверждающего и мотивирующего. И не ляпнула в ответ нечто, способное ввергнуть ее в жуткую божественную немилость на веки вечные.

Ну их к чертям, этих звездных садистов-естествоиспытателей! У нее самыми мотивирующими сейчас были нежное мурлыканье Маруси и объятия вместе с поцелуем эрр-оля, сладким, долгим, со вкусом шоколада...

– Диаль, мне с тобой безумно хорошо, но мы тут с богами чуток пообщались и...

Иринка замешкалась, не зная, что сказать, и почувствовала, как разом закаменело, мертвенно застыло тело эльфа.

Набрав воздуха, девушка торопливо, пока ее личный владелец гигантских тараканов не придумал нечто невообразимое и не ринулся претворять это в жизнь, произнесла:

– В общем, я теперь случайно забеременеть могу, поэтому...

– Ты сделаешь мне предложение стать эрр-корсом или предпочтешь прогнать прочь, моя лорра? – любезным тоном, так осторожно, будто не говорил, а пережимал проводок на тикающем взрывном устройстве, наметил Диаль свои перспективы: быть консортом-соправителем или получить полную отставку.

– Глупости-то не болтай, лучше еще раз поцелуй меня, – почти обиделась Иринка.

– Только поцелую, моя лорра, все прочее после ритуала в храме Звездной Четверки. Если они на что-то намекнули, то... – Эльф на миг замолчал, подбирая слова.

– В их случае лучше перестраховаться. Непредсказуемые божественные форс-мажоры нам ни к чему, – кисло согласилась девушка. – Но пока Дом Шипоцвета в Лильдэноле не посетила, еще и там права наследования подтверждая, нам не должны сюрпризов подкидывать.

– Не сказал бы, моя лорра. Они могут счесть это полезным преимуществом либо... – Диаль вздохнул, демонстрируя отличное знание богов. – Либо просто забавным.

– Поняла, первым делом – храм! Утром отыщем в сокровищнице брачные родовые браслеты и зайдем, нацепим, – деловито согласилась Иринка, а потом снова приникла к эльфу и шепнула ему в губы: – Но до утра еще долго, и я проголодалась.

В волосах вампирочки зашелестел веночек ядоцвета, чуть расправляясь, покалывая стоящего рядом Диалю, обещая те самые удовольствия, тяге к которым эльф не мог сопротивляться.

– Мм, какой же ты вкусный, – тихонько простонала в шею Диалю девушка и поймала губами его исполненный истомы и предвкушения довольный вздох.

И больше они ни о чем не разговаривали, во всяком случае, словами. Только на рассвете Диаль ненадолго покинул ее, чтобы переговорить с Фарраширом. Он попросил оборотня задержаться для присутствия на церемонии обмена брачными браслетами в ритуальном зале и, главным образом, для того, чтобы подбросить своих пассажиров до границ с Лильдэнолом. Обстоятельства требовали, чтобы Дом Шипоцвета увидел свою лорру-оль как можно скорее. Укрощенные монстры с одной стороны и дикие чудовища с другой – совсем не тот баланс сил, который мог благоприятно сказаться на вампиро-эльфийском раскладе. Прилететь за это могло отовсюду: и от сопредельных эльфийских владений, страдающих от чужих тварей, и от богов, в частности Лайшеаллы, у которой остроухие числились любимчиками.

Но это все потом, а сейчас ее ждал раскинувшийся на ложе Диаль, надежно и, безусловно, добровольно пришпиленный к изголовью плетями шипоцвета.

Венок перешел на качественно иной уровень владения своими силами и взаимодействия со средой. Теперь для отращивания плетей любой толщины и длины, а также для исчезновения оных (в пространственный карман он их, что ли, прятал?) волшебному симбионту не требовалась питательная среда вроде гумуса или обычной почвы. Наверное, венок от перехода Ивэйдды на уровень выше тоже получил свой бонус. И нельзя сказать, чтобы незаслуженный. Кто, если не он, вывел Иринку из транса у ритуального камня?

Глава 39

Ритуальные «танцы»

Утром, достаточно ранним, чтобы ей еще не принесли завтрак и не озаботились осторожным ожиданием у дверей, снизойдет ли наследница сегодня до визита в ритуальный зал, Иринка вышла из комнат. Диаль неотлучно следовал за своей лоррой-оль в тишине подсвеченных первыми лучами солнца коридоров. Фаррашир, призванный как свидетель церемонии, бесшумно скользил рядом.

Иринка не слышала голосов, но зато увидела, как с видом встревоженно-бдительным стоит у дверей ритуального зала и пытается прислушиваться лорр Шетсар с компанией вооруженных до зубов и зубами, то есть клыками в придачу, сотрудников из стражи.

«Ой, забыла засов вчера задвинуть!» – мелькнула чуть виноватая мысль, объясняющая волнение советника и его категорическое нежелание стоять рядом с опасной дверью в одиночку.

Не претенденту ходу за порог зала не было, а претендент в замке имелся единственный – сама Ивка. И что мог подумать советник? Что Ивка под покровом ночи, никого не оповещая о своих намерениях, отправилась проходить испытание. Вот и стоял теперь лорр вместе с воинами, прислушивался. Он не знал, ждать ли беды или все-таки радости. Внутрь-то ему ходу нет. Только и остается переживать, гадая, кто там за дверью – лорра Ивка или очередной монстр, с которым ему придется сойтись в битве?

Какого лешего Иринка тоже у дверей зала оказалась? Нет, она не заблудилась. Истина крылась рядом в прямом смысле этого слова. Хранилище всякого рода семейно-родовых ценностей и прочий неприкосновенный запас золота-серебра-бриллиантов располагался, для пущего удобства княжеской фамилии, не в глубинах замка вроде подземелий с опаснейшими ловушками за семью печатями, а буквально дверь в дверь с ритуальным залом. К чему мудрить, если дверь, снабженная красивой вязью божественных знаков, отпиралась не ключом, а касанием перстня князя или прошедшего посвящение наследника, по сути того же князя, только до получения регалий полноправного правителя? В точности, кстати, как та дверка в подвалы

Дома Шипоцвета в Меладе. Кое-какие обычаи расовых и государственных границ не имели. Так что за бюджет княжества Ивка была спокойна.

Никто иной, кроме законного носителя перстня, даже заплучи он в загребушие лапки важный аксессуар, не смог бы безнаказанно переступить порог. Насчет просто переступить Иринка сомневалась. Все зависело от фантазии творца охранных знаков, завязанных на власти крови. Или творцов. Кажется, тут работала бригада. Знаки Деварда и Лайшеаллы Ивка узнала, но очень может быть, посвященные Селадара и Вейхо тоже приложили к этому монстру искусства защиты свои руки.

Прямо скажем, на двери в ритуальный зал защита была куда поуже, и главным образом потому, что должна была не защищать, а скорее сигнализировать обитателям замка о проблемах, идущих изнутри. Охотников огрести их находилось маловато. Власть – она только гипотетически привлекательная штука, а как до дела дойдет – только бремя обязанностей и никаких удовольствий. Умные люди это превосходно понимают, а дураки на своих двоих из-за дверей не выходят. Естественный отбор со всех сторон: властолюбивый придурок, к контролю и самоконтролю не способный, на престол не сядет – раз, и дураков, его в зал допустивших, тоже поубавится – два.

Вот и стоял сейчас советник у дверей, волновался, с ноги на ногу переминался. И Нарда задержал перед походом в леса на охоту за переродившимся претендентом номер раз, на случай срочной потребности в устранении провалившейся претендентки номер два.

Так что комплект стражей был усилен за счет чистильщика. Ну и сам Шетсар вооружился и, чувствуется, каждую секунду был готов выпустить когти. Иринка как-то раз видела их у вампира, когда он ими вместо секатора веточку дерева с Ивкину руку толщиной в замковом саду обкорнал. Чик – готово!

А кроме шуток, Шетсар настолько долго жил в Валадаре и ради Валадара, что не разделял благополучие княжества и свое собственное. Все-таки в долгом сроке, отпущенном богами вампирам, были свои преимущества. Лорр советник не воровал, его состояние, вполне сопоставимое с княжеским, и так позволяло ему удовлетворять все прихоти тела и души, которые только можно вообразить и приобрести за деньги. Так что сейчас, как и пару веков назад (боги пустого не

болтали), Шетсар почитал своей прихотью заботу о Валадаре, и это не могло не радовать Иринку. Реши, к примеру, вампир, что его радует роспись по живому телу и крики жертв, всем пришлось бы солоно.

Тихонько, практически на цыпочках, девушка приблизилась к Шетсару вкупе с чистильщиком и отважными стражами, невыразимо потешно прядущими ушами для лучшей подслушки. Постояв несколько секунд рядом, Иринка лукаво прошептала:

– Тихо?

– Да, – одними губами ответил лорр, сурово нахмурившись, недовольный нарушением тишины, и только спустя пару секунд сообразил, кто именно стоит рядом и как это объясняется.

– Лорра княгиня! – Темные очи вампира радостно засияли, он склонился перед Ивкой в глубоком поклоне.

Синхронно бухнулись на одно колено стражники, прижимая к груди правую руку с распростертыми четырьмя пальцами и поджатым пятым.

Еще бы им не испытывать радости и облегчения! Претендентка испытания выдержала, смерть в попытке остановить очередное чудище никому не грозит, и в Валадаре снова есть законный правитель. А что она хорошенькая, как эльфийка, и совсем девчонка с виду, так богам виднее. Испытание прошла, перстень на пальце, значит, достойна. Со всем прочим пусть советник разбирается. Это его забота и работа!

Чистильщик уважительно и с едва заметным облегчением кивнул. Ему не хотелось бы убивать девушку, обернувшуюся монстром.

Оборотень, проинформированный Диалем (пусть без подробностей) о том, что Иринка вступила в свои права, но посчитавший, что бдение у дверей зала – какая-то особая вампирская шиза, просто приветственно кивнул всем присутствующим.

– Лорр Нард, в твоей охоте больше нет нужды. Монстры из чаш снова подвластны силе правителя, – обратилась Иринка к бойцу с чудовищами.

Тень легчайшей укоризны мелькнула на челе советника, и Ивка сообщила уже для него:

– Я чувствовала каждую тварь в наших чашах. В том числе и ту, в которую трансформировался Дайжен. От него самого в ней ничего не осталось. Ни отголоска памяти, ни следа разума вампира. Ни-че-го!

Возможно, его душа ступила на звездную дорогу для нового путешествия, оставляя плоть во искупление необдуманных действий для служения Валадару. Моего сводного брата больше нет. Это просто еще один страж, повинующийся княжеской воле.

Припомнив же просьбу умирающей мачехи о смерти для сына, Иринка мысленно ей отказала. Дайжен всю жизнь привык получать все, что ему заблагорассудится, плюя на чужие желания и кичась собственной силой и происхождением. Так пусть хоть сейчас столько, сколько даром жизнь прожигал, поработает на благо Валадара неразумной тварью! Принесет пользу отечеству, а погибнуть ради его славы всегда успеет. Может, оно и неправильно с точки зрения милосердия, зато полезно, практично и выгодно княжеству. Она теперь княгиня, должна в первую очередь о пользе государства печься, и вообще! Нечего было маленькую сестру шпынять по любому поводу и без того, нечего! Из таких безответных Ивок могут самые злобные твари вырасти! Иринке было обидно за прежнюю владелицу тела, и свой поступок она посчитала справедливым.

Между тем советник внял рассказу наследницы о пришедших к покорности монстрах и выдохнул:

– Тебе удалось, лорра-оль!

Градус благоговения в голосе старого вампира-советника существенно повысился. О том, как оно чувствовать и управлять монстрами, о том, каково оно для его покойного друга-князя, и как может и должно быть в идеале, Шетсар знал. Удивительно, конечно, что такую власть получила его дочь, но вампиры Темного Искуса всегда отличались силой. Странной, манящей, опасной и очень разумной силой. Советник снова поклонился. Лорра-княгиня, пусть еще не надевшая княжеского перстня, уже была таковой по сути.

Поэтому советник торопливо выпростал из-под рубашки цепочку с последним, не врученным перстнем князя – очередным широким ободком, на сей раз с туманно-серым неграненым камнем – и преподнес его Иринке. Та мысленно вздохнула и приняла украшение. Против богов, особенно если имеются в виду мозгокопатели из местных, не погрешь. «Господин назначил меня любимой женой!» То есть четверо определили ее правителем двух сопредельных кусочков эльфо-вампирской земли и теперь с интересом будут следить, что из этого получится и получится ли вообще что-то. Когда-

то, еще на Земле, от кого-то из приятелей-ролевиков, будучи Иринкой Ивкиной, Ивка слышала фразу: «Люди – любимые игрушки богов». Тогда не поняла, теперь имела возможность проверить истинность постулата на практике с поправкой на собственную новую расу – вампира. Впрочем, богам небось без разницы, какими фигурками на доске ходить.

В Валадаре торжественных церемоний с оркестром и толпой восхищенных соседей, собравшихся пожрать на халяву, у Иринки не предвиделось. Вообще каждое вампирское княжество было своим укромным мирком, с соседями все предпочитали поддерживать нейтралитет. Разница в тонкостях вариативных отличий внутри рас тесный контакт местами и вовсе исключала. Например, голос Ночных Певуний, к которым относилась мачеха Ивки, завораживал жертву, он же вольно или невольно воздействовал и на иных разумных. Метаморфы, Властители Тварей, были к нему большей частью устойчивы, а вот кое-кто считал, что хорошая Ночная Певунья – только мертвая. Впрочем, взаимовыгодному сотрудничеству «мы вам, вы – нам» все эти тонкости восприятия ничуть не мешали. Защитные амулеты с божественными знаками на что?

Словом, перстень князя Иринка приняла и даже не удивилась, когда меченный знаками аксессуар, быстренько сев все на тот же многострадальный палец с уже двумя имеющимися, спаянными в одно колечками, слился с ними. Ничего так, узорчик по ободку, еще камешек для украшения, только что ободок чуть шире, чем привыкла, но ничего, приспособиться можно.

Закончив игры с побрякушками, Иринка покосилась на Диалю и сообщила:

– Лорр Шетсар, до нашей с вами встречи я направлялась в сокровищницу. Мне нужны брачные браслеты. Боги благословили наш союз с эрр-олем Дома Шипоцвета Диалем ради благополучия соседствующих стран.

«Смотри-ка, до нее дошло, а ты сомневалась!» – Задорный и уже, честно сказать, надоевший до чертиков голос Вейхо Канатоходца в черепной коробке заставил Иринку вздрогнуть.

Терпение у попаданки лопнуло. Да что ж это такое, никакой конфиденциальности даже в мыслях! Озверев, Иринка очень четко подумала, посылая мысль в пространство: «Иди в дупу, Вейхо!»

И вместо гневной молнии услышала залиvistый довольный смех. Этот невозможный бог обрадовался ее гневу, как ребенок. Всякая злость на него тут же исчезла, как не бывало. Сдулась проколотым воздушным шариком со свистом. Иринка почему-то вспомнила старый анекдот, заканчивающийся словами: «Мужчина, вы что, сумасшедший? – Ага, у меня и справка имеется».

У Вейхо точно справка была, да еще и с большими печатями. Между тем довольный прохиндей, используя голову Иринки как трибуну, еще и принялся втирать коллегам, как им повезло, что он эту забавную девочку сюда выдернул вместо скучной, как простокваша, местной недотепы.

«Да уж, чужая недотепа – это гораздо забавнее», – буркнула Иринка и получила в ответ очередной взрыв смеха с радостным согласием. После чего предпочла максимально устраниться от сюрреалистического диалога, мысленно щелкнув тумблером в голове. Как ни странно, сработало.

Там стало тихо в достаточной мере, чтобы Ивка смогла расслышать поздравления лорра Шетсара, принявшего решение богов, а следовательно, и решение своей княгини как должное. Если лорре так посоветовали, то кто он такой, чтобы возражать? Темные Искусители идут своими путями, и если их княжество прирастет кусочком эльфийских владений – так тому и быть. Шелк у остроухих хороший, фрукты, да и ювелирное дело тоже на уровне. Монстры, правда, там не на шутку пошаливают, но коль лорра Ивэйда призовет к порядку и их – так все замечательно обернется!

Советник лично проводил – три шага сделал – Ивку и Диалю в сокровищницу. Перстенок князя едва коснулся двери, как та отозвалась легким щелчком и открылась, не дожидаясь физического действия.

Ну что сказать, покачала головой Ивка, когда вошла, великих сокровищ она и не ожидала. Маленькое княжество, никаких гор ништяков. Парочка сундучков с валютой. Именно сундучков, а не сундуков или тем паче сундучищ. По миру не идем – и ладно! Семейные украшения не заложены. Вон ларец на поставце стоит. В нем и браслеты найдутся. Но ничего, дайте только дела в порядок привести, в Мелад прокатиться, а там они с Келдиретом замутят совместное горнодобывающее предприятие. Даже директор на примете есть с вонючей трубкой. И жизнь наладится, и денежки будут!

Редкие руды и камни поспособствуют. Из-за них уже столько крови пролилось, что забросить идею выработки совесть не позволит, даже если охота наживы заснет беспробудным сном.

Мысли пронеслись, пока Иринка обзревала небольшой зальчик. Диаль тоже осматривался, но что девушку порадовало, ни следа алчности или жажды владения в глазах эльфа не полыхнуло. Он видел столько всего за долгую жизнь, что́ ему горстка украшений и пригоршня монет маленького княжества? Куда важнее та, которая стоит рядом, и ее желание связать свою жизнь с его собственной, которую он еще совсем недавно считал клонящейся к закату. А оказалось, что он зрел лишь предрассветные сумерки.

Подходящие брачные браслеты быстро нашлись. Ивка не помнила этих черненых нешироких ободков явно эльфийской работы с гравировкой – растительным узором, чрезвычайно похожим на листья ивы. А значит, ни мачеха, ни отец украшений этих не носили, можно брать.

Советник выбор тоже одобрил, пояснив, что этой парой никто в роду не пользовался. Они были даром от соседей-эльфов по случаю заключения длительного торгового договора.

– Делали в Доме Ивы, – дал справку Диаль, лишь бросив взгляд на браслеты, и тень печали мелькнула на его челе.

– Кто-то из известных тебе мастеров?

– Когда-то мастер Эльлогас был моим добрым другом. Увы, новый лорр-оль Дома Ивы не в полной мере владел даром укрощения тварей. А Эль обожал бродить в самых укромных уголках чащи в поисках вдохновения.

– Я так понимаю, после этого у Дома Ивы лорр-оль и вовсе пропал в тех же чащах. Лучше никакого, чем скверный владыка, – предположила Иринка историю перехода Дома Ивы под руку Дома Шипоцвета.

Диаль лишь молча опустил ресницы.

– Тогда точно берем их, – сделала окончательный выбор Иринка, вспоминая неизвестного ей юношу, сложившего голову в чащах, откликнувшегося на призыв умирающего лорра Дома Шипоцвета, но не дошедшего до цели. Маруся вытянула головку, ощупала браслеты быстрыми касаниями язычка и, кажется, тоже одобрила. Венок

одобрительно пошелестел листочками. Ну, раз все «за», то нечего рассусоливать – идем совершать обряд!

Иринка, правда, помешкала на пороге сокровищницы и, спохватившись, на всякий случай уточнила:

– Диаль, а ты точно хочешь быть моим мужем? Это не очередной твой пунктик – защищать лорру-оль в любом качестве? А так оно надежнее выйдет, а?

Эльф вскинул на девушку свои невозможные травянистые очи, взял ее за руку и, нежно переплетя свои пальцы с тонкими пальчиками, промолвил:

– Ты – моя лорра-оль, иной мне не надо! Никакая иная меня не поймет так, как ты, не будет со мной столь свободна и не сможет воплотить мои мечты. Почему я должен отказываться от своей радости только из-за того, что она счастливо совпала с долгом?

– Ни в коем случае не отказывайся! Я решительно против! – объявила Иринка и поцеловала своего эльфа в шею, так маняще пахнущую шоколадом, чуть прикусив кожу клычками. Довольный вздох и легкая дрожь предвкушения стали ей ответом.

На сей раз поход в ритуальный зал обошелся без потрясений и очередного короткого замыкания в голове от контакта со Звездной Четверкой. То ли они были заняты, то ли разнообразия ради решили помолчать, храня жалкие ошметки Иринкиной психики. Короче, все обошлось стандартными спецэффектами.

У черного куска скалы с вплавленными в него отпечатками ладоней Ивка и Диаль встали рядом, положили браслеты на камень вплотную один к другому, туда же положили свои ладони каждый по одному в отпечаток.

Сверкнула вспышка зеленого и серебристого оттенка. Иринка ощутила тяжесть на запястье. Ее браслет занял свое место, так же как и браслет Диалю удобно устроился на запястье эльфа. И все! Никаких тебе белых платьев, машин с дурацкими пупсами, швыряния цветов и многочасового застолья. Хлоп – и готово! Может, обидно, что никаких особых радостных и шумно-бестолковых торжеств-праздников не получилось, зато расходов по минимуму.

Вот тут скопидомка Иринка только порадовалась: денег в княжестве и так негусто, так что экономия, экономия и еще раз экономия. А праздник она себе и так устроит. Для этого никакие пупсы

с букетами не нужны, а требуется лишь Диаль, и ничего больше. Ну, может быть, корзинка вкусняшек с кухни и пара-тройка бутылок вина из подвалов замка.

Да, свою свадьбу она если и представляла, то совсем не так и не там, а в последнее время, узнав о сложностях при совместимости рас, не представляла вовсе. Но настоящее совершившееся ее целиком и полностью устроило. Да, охов-вздохов, букетов-конфет и долгих томных прогулок под луной она не получила, зато получила Диалю. А к нему прилагаются такие вздохи и ночные стоны, что все прочее с лихвой перекроется.

Глава 40

Эльфийские ритуалы

А сейчас завтрак – и пора в путь-дорогу! Боги, как успела убедиться Иринка, большие выдумщики, и особенно они любят устраивать своим живым игрушкам форс-мажоры. Наверное, за суетящимися и спешно что-то изобретающими обитателями здешнего мира им наблюдать интереснее, чем за мирно и счастливо живущими. Экшн и триллер – любимые жанры.

По счастью, советник Шетсар квохчущую мамашу, ни в какую не желающую разлучаться с дитятками, строить из себя не стал. Ему хватило рассказа о ночном визите нага, отмщении за загубленную княгиню и слитой Иринкой информации о месторождении в горах. Особенно старого вампира заинтересовало месторождение.

Ну что ж, о том, что вдовствующая княгиня и ее драгоценное избалованное чадо не пользуются безграничным доверием и обожанием подданных, Ивэйда и так знала еще в бытность свою обитательницей замка. Другое дело, что недотепа Ивка котировалась в рейтинге симпатий еще ниже – это был непреложный факт. Да и кого там было любить? Несуразную, мучимую комплексами толстушку? Такого даже в сказках не бывает. Вон и принц на Золушку польстился только после того, как замарашка получила эксклюзивное фейское платье, туфельки, прическу и роскошный выезд от волшебной крестной.

Подбором команды рудознатцев и переговорами с наместником Мелада советник обещал заняться немедленно и лично. Благо артефакты для связи имелись и ждать вестей от гонца, рискуя попаданием эксклюзивной информации в чужие руки, не требовалось.

О неприятностях с ядами и покушениями в Меладе Иринка рассказывать советнику не стала, но намекнула, что по слухам наг-интриган отметился и у людей. А значит, точки соприкосновения двое умных мужчин, пекущихся о выгоде, найдут еще быстрее. Дружить против кого-то и за денежку всегда считалось интереснее, чем просто дружить.

Насчет того, рассказывать или нет Келдирету о том, кто именно теперь правит в Валадаре, Иринка питала некоторые сомнения. Но вера во властных людей категории «правитель», в частности в то, что они никогда не упустят своей выгоды, заменяя ее мелочной ревностью, победила.

Пусть наместник знает, что Ивка прибрала к рукам свое княжество и отправилась устанавливать власть во владениях Дома Шипоцвета. Такое он точно поймет! А если прекрасная носительница дара Темного Искуса не будет маячить перед глазами, беря память о наслаждениях, то поймет быстрее.

Поэтому поздним утром Иринка с Диалем все-таки уезжали из княжеского замка. (Ранним никак не получалось. Советник Шетсар жаждал подробных инструкций или, старый садист, тишком проверял новую княгиню на способность эти самые инструкции раздавать?)

Фаррашир снова правил тропыгаями. Поначалу мужчина был настороже, все ждал подвоха, опасался атаки монстров из чащи, но твари не то что не показывались на глаза, они даже не слышались чутким слухом оборотня. Ушли в чащу, чтобы блюсти покой княжества. Послушав местность с часок, возница окончательно успокоился и уверился в правоте свежее испеченной княгини. Стал мурлыкать себе что-то под нос вполне мелодичным, пусть и хрипловатым баском.

Новобрачная же снова страдала. Нет, вовсе не от разлуки с мужем. Он-то как раз ехал с ней. Увы, кроме прекрасного, как эротический сон, эльфа с ними ехали и все книги знаков, и воцеленная доска для их написания, и острое стило для тренировки, что уже тянуло на рейтинг 21+ в категории садомазо. Предусмотрительный Диаль никогда бы не позволил рискованных опытов, так что выписывать знаки до конца девушку не заставляли, но подробно описывать и сдавать что-то вроде зачета по основным знакам Деварда – на это извращенной фантазии эрр-оля хватало!

Никакая приобретенная власть не избавила Иринку от необходимости учиться, учиться и еще раз учиться. Более того, счастливый Диаль стал еще более требователен к повысившей статус ученице.

Как и договаривались, Фаррашир высадил пассажиров прямо на обочине тракта, с которой до границы с эльфийскими кущами, в

данный момент с полным правом носившими название чащи или даже чащобы, полной монстров, было рукой подать. Патрулей, дозоров, пограничников в наличии не имелось. За них работали чудовища и зарплату получали мясом нарушителей, в чьи ряды попадали как вторженцы, так и местные жители, в недобрый час забредшие в чащу. Такой доход фауну устраивал, и службу свою она несла исправно.

Иринка не без некоторого содрогания уставилась на темный полог леса. Слишком неприятные воспоминания будил в ней практически невинный вид. Нет, мирная зелень попаданку не пугала, а вот то, что таилось за ней...

Если своих валадарских чудищ она теперь чуяла и могла скомандовать «фу» или «фас», то чужие были прямой угрозой. Чтобы отвлечься от нарастающего ужаса, Иринка поделилась с Диалем причудливым восприятием валадарских монстров. На что эльф невозмутимо ответил:

– Да, моя лорра, я тоже их чувствую через брачный браслет. И, пожалуй, смогу управлять ими в случае нужды.

Он шел рядом, как танцевал. Спокойный, с легкой полуулыбкой на губах, поставляя лицо ветерку, играющему перламутровыми волосами. Иринка посмотрела на своего эрр-оля, подумала о том, как он сражается, будто танцует, и успокоилась. Пусть монстры идут чащей и не рискуют показывать оттуда даже носа. Диаль справится с любым!

Как-то в этот миг девушка не подумала, что точно с такой же спокойной улыбкой ее эльф пошел бы и на смерть ради нее. И хорошо, что не подумала, а то разом начала бы нервничать стократ сильнее. А это состояние не лучшее для всяких ритуальных действий.

Эльфийский луг, по которому они шли к лесу, дурманил голову буйным ароматом трав и цветов. Это воистину было настоящее разнотравье, а не жалкая подделка на него из человеческих миров. Множество гармонично сочетающихся трав и цветов позванивало, шелестело, окутывало флером тонких и удивительно нежных ароматов. От этого букета запахов чуть кружилась и одновременно прояснялась голова. По такому дивному изумрудно-разноцветному ковру хотелось идти вечно. И лишь спустя несколько минут движения по восхитительному разнотравью Иринка спохватилась и спросила:

– Диаль, а нам еще долго идти и куда, собственно, мы идем, а? Ты не в курсе?

– К средоточию нашей земли, моя лорра, – прозвучал глубокий голос Диалья. – Нам уже открылась тропа и ведет за собой. Разве ты не ощущаешь?

– То, что я не иду, а почти лечу? – чуть подумав, оформила ощущения в слова Ивка.

– Воистину так, – согласился эльф.

– Кажется, чувствую, – невольно улыбнулась Иринка и изумленно охнула, когда луг обернулся поляной в кругу древних деревьев с низкой, будто созданной для того чтобы прилечь на нее, травой.

– Диаль, я хочу тут поваляться, – замороженно произнесла девушка и, тряхнув головой, исправилась: – Нет, я чувствую, что мне надо тут поваляться, и желательно с тобой.

– Быть по сему, моя лорра, – улыбнулся эльф, подхватил Иринку на руки и опустил на ковер из трав.

Венок ядоцвета кольнул голову, расплетаясь плетями, которые органично скользнули в живой ковер трав, прищипливая эльфа к земле. Одежда каким-то чудом оказалась на краю поляны у ближайших кустов, а обнаженная парочка – в самом центре ковра живых трав.

И лишь много позже, отдыхая на груди Диалья, вампирочка сообразила, как ее накололи, когда эрр-оль довольно вздохнул:

– Моя лорра подтвердила свое право и силу в сердце леса!

«Право? Какое право?» – непонимающе моргнула Иринка, а потом на ее головушку обрушилось знание. Очередной информпакет, равный объемом врученному в ритуальном зале Валадара, гласил:

У эльфов все по-другому! Ритуальный зал – не камень, скала и знаки, а укромная поляна в чаще. Доступ туда открывается претенденту беспрекословно, стоит лишь предъявить перстень Дома Шипоцвета, а уж потом – как повезет. Прошел испытание – все чащи с подвластными чудищами, в них обитающими, станут твоими, нет – монстрам тоже надо кушать. А уж еда с доставкой на дом – и вовсе отличный вид сервиса.

Снова Иринке повезло с ее неведением. Хорошо, что Диаль не расщедрился на подробности. То ли думал, что его лорра и так в курсе, то ли промолчал нарочно. Как бы то ни было, поступил верно. Не ведая, что творит, она счастливо избежала всех возможных ловушек-

проверок. Занималась со своим эрр-олем любовью, совершенно не думая о бремени и жажде власти, монстрах и прочих неприятностях. Поэтому отныне владения Дома Шипоцвета из чащи снова превращались в эльфийские кущи. Все жители, покинувшие опасные места, могли снова вернуться под кров и покровительство Дома. Если, конечно, пожелают. Никого принуждать Иринка не собиралась, для этого у нее Диаль есть. Вот он пусть и думает, на кого и как воздействовать. И надо ли. В общем-то ни вампирами, ни эльфами Иринке править совершенно не хотелось.

Обламывая ее мечты о тихой жизни хотя бы в эльфийских кущах, Диаль светло улыбнулся и умиротворенно промолвил:

– Дом Шипоцвета снова цветет, моя лорра, и его шипы обращены лишь в сторону недругов. Народ с радостью вернется в обновленный и благодатный край, принявший полноправную владычицу.

«Не прокатило!» – тихо вздохнула Иринка, потершись щекой о гладкую грудь супруга.

Хочешь не хочешь, работы предстояло изрядно. Чему можно было радоваться, так только одному: рядом с ней ее вкусный и невероятно прекрасный эльф.

Эпилог

Эльфы, вопреки то ли смутным опасениям попаданки, то ли ее же надеждам, новую главу Дома Шипоцвета приняли разом, несмотря на некоторые щекотливые моменты. Остроухие даже радовались, что их повелительницей оказалась вампирочка древнего редкого рода, пусть почти неотличимая внешне от эльфийки, и никакой ксенофобии не проявляли. Чего вставать на дыбы, если чащи снова обрели вид кущ, медальон Дома и кольцо лорры-оль в качестве доказательства права лорры имеется, а за плечом ее привычно стоит древний Диаль. Так что ура и правь во славу Дома Шипоцвета, а то надоело жить как на передовой в войне с монстрами.

Нет, конечно, в любом стаде сыщется пара-тройка паршивых овец и пяток-другой недовольных возвеличиванием сопредельной державы личностей. Первое время находились такие недовольные возникшей из ниоткуда и захавшей себе столько вкусного особой и приходили по душу Ивки. А что Иринка? Она была только рада разнообразию своего вампирского питания. Потом недовольные как-то быстро кончились. Ивка серьезно подозревала в этом своего время от времени отлучающегося по делам консорта, но на все вопросы тот только светло улыбался.

Он-то улыбался, а подданные княжны и лорры-оль, курсировавшей меж двумя сопредельными землями, беспокоились о главном: а ну как все-таки найдется особо удачливый убийца – и прощай, стабильность, здравствуй, хаос. Возвратившиеся под крыло лорры-оль, истосковавшиеся по настоящему хозяину земель эльфы готовы были костями лечь, но не выпустить ее из-под сени древ. А то одного лорра-оль уже отпустили, а он вовсе сгинул и всех подставил. Вампиры в своих чаяниях с эльфами совпадали по вектору.

Параноя бедных остроухих обеих рас немного улеглась лишь благодаря Марусе и Диалю, неотлучно находившимся при лорре Ивэйде. Потому в Мелад Иринка смогла вырваться далеко не сразу.

С людской провинцией, благодаря дипломатическим талантам Шетсара и оставленному Иринкой в качестве доказательства кольцу

покровителя, дарованному Келдиретом своей спасительнице, удалось договориться-стороваться быстро.

Совместное освоение природных богатств под начальством дорвавшегося до любимой работы Даприна Крупнозада, чья кандидатура устроила все стороны, принесло в казну провинции, княжества и эльфийского Дома Шипоцвета немало богатств.

В Меладе Иринка передала свой особняк под присмотр Бейлис, перешедшей под покровительство Дома Шипоцвета. Она же занималась поставками в аптеку Грапоса ценного сырья, а в свободное время не только осваивала лекарское дело, но и баловалась сотворением парфюмерной продукции. Так что духи с любимым ароматом, и не только их, Ивка получила. И винотеку перетаскивать из города в Валадар или лесной Дом Шипоцвета не пришлось. Везде обнаружили такие подвалы с древними запасами, что в сравнении с ними городская подземная коллекция покойного Шеймалла была жалкими опивками.

Келдирет, кстати, выбор и новый статус Ивэйдды принял безоговорочно. О чем думал и переживал наместник, осталось лишь его личной тайной. Умение ставить общее выше частного – это то, что отличает настоящего правителя от обычного человека. Для княжества и Дома Келдирет стал выгодным соседом.

А боги порой такие хм... боги! Все эти усмешечки и хихиканье Лайшеаллы при многозначительном молчании остальных (чем уж они Вейхо заткнули, чтоб в недобрый час чего не ляпнул, Иринка не представляла) получили свое объяснение. Не сразу! Точно к тому времени, как новая княгиня и лорра-оль двух сопредельных владений успела разгрести основную кучу скопившихся дел и отереть с лица трудовой, хорошо еще некровавый, пот.

Поначалу Иринка думала, что перетрудилась, потом оказалось, что дело в другом. В грядущем пополнении семейства, обещанном божественной четверкой. Боги оказались щедры так, что словами без мата не пересказать. Просьбу выполнили с процентами.

У вампирши рода Темного Искуса и эльфа родилась тройня. Два мальчика и девочка, чистокровный эльф и пара вампиров, унаследовавших дар матери: Эльглиар, Аштэрд и Иваэль.

В педагогике Иринка мало что смыслила, но порой достаточно детей просто любить и подавать достойный пример. Если на свой счет

по части достойного примера Ивкина сильно сомневалась, то в Диале никогда. И, разумеется, суть дара Темного Искусства детям объяснила, едва те вошли в возраст разумения, вместо того чтобы все бросить и исчезнуть в никуда. Хотя иногда, чего уж там, хотелось невероятно. Нет, сбежать не от детей, а от бремени обязанностей. Но не судьба.

Судьба глядела на Иринку полными любви травянисто-зелеными глазами корр-оля, и поникшие плечи расправлялись сами собой. Судьба смеялась в эльфийских кущах тремя звонкими голосами и в шесть рук тормозила задумавшуюся маму. Та самая, чужая, но ставшая ее собственной судьба княжны Ивэйды, правительницы Валадара и лорры-оль Дома Шипоцвета. И за эту судьбу Ирина Ивкина была благодарна сумасброду Вейхо.